

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров. Никаких демонов

© А. Дорн, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Все хорошо

– Заключи со мной договор.

Подобная фраза не может означать ничего хорошего. Даже если предложение исходит от вашего парня. Особенно – если встречаетесь вы с демоном. Всем известно, чем заканчиваются сделки с ними.

«Картина на начальной стадии действия смертельного проклятия характеризуется появлением признаков гипохромной микроцитарной анемии. Концентрация гемоглобина в крови проклятого понижается, также снижается количество эритроцитов и уменьшаются их размер и насыщенность гемоглобином...» Я моргнула, отвлекаясь от текста и пытаясь осознать услышанное.

– Прости, что?

До начала учебного года – второго для меня в ГООУПиОАатСДиРН, сумасшедшем месте, по какой-то странной причине считавшем себя высшим учебным заведением, – оставался еще целый день. Я сидела в общей зоне на шестом этаже общежития и пыталась подготовиться к экзамену. Все в кои-то веки было хорошо: никто никого не убивал, не покушался на мою жизнь, библиотекарь наконец вспомнили, что их бедному ассистенту в моем лице необходим отдых. Ничто не предвещало, как вдруг...

– Заключи со мной сделку. Просто согласишься. И пообещай не использовать магию в ближайший час.

Совсем не подозрительно.

– Зачем? – задала я закономерный вопрос.

– Сюрприз.

– Ненавижу сюрпризы. И секреты.

– Знаю.

Но ничего не скажет.

– У тебя есть пять минут, чтобы решиться, – поторопил меня Диз.

Я посмотрела в подозрительно честные глаза. Что он задумал?

– Ты мне доверяешь?

Если бы я судила по реакции, предположила бы, что невысказанный вопрос кое-кого оскорбил. Но с демонами никогда нельзя полагаться на внешние проявления – а в глубине зеленых глаз плясали смешинки. Я могла бы назвать тысячу причин для «нет», но...

– Что взамен?

– Что хочешь.

Оглянувшись вокруг, я притянула его за футболку к себе и прошептала желание на ухо. Для некоторых просьб свидетели не нужны. На лице Диза отразилась глубокая задумчивость.

– Не заставляй меня краснеть, – предупредила я.

Он громко хмыкнул.

– Кто кого заставляет... Договорились.

Узы клятвы ощущались так же привычно, как выверенные веками слова. Это поначалу думаешь, что неожиданно колкий и густой воздух убьет тебя. После семестра на факультете демонологии перестаешь обращать на него внимание. А ощущение чужой силы, настолько превышающей твою собственную, что это кажется невозможным, с лихвой компенсирует неудобство.

– Никакой магии, – напомнил Диз.

– Скажешь наконец, в чем сюрприз?

– Нет. Но покажу.

Мимо кабинета ректора на первом этаже я прошла с опаской. Вполне обоснованной, если учесть, что управлял ГООУ ктулхуподобный монстр, добытый в неизвестно какой хтонической бездне. Что его вообще заставило принять эту должность? Якобы сгустку из шупалец и первородной тьмы нравилась молодежь. Угу. Очень нравилась. На обед. Вспомнив голос, которым он разговаривал, – голоса на самом деле, голоса тысяч отчисленных и потому убитых студентов, – я помрачнела. В конце коридора нас ждала Нора, подрабатывавшая во время учебы кем-то вроде сестры-хозяйки на нашем этаже общежития. Поглядывая каждые десять секунд на часы, она мерила коридор шагами. Но мне обрадовалась. Вроде бы...

– Попадешься – убью, – заявила она демону смерти.

В ее исполнении угроза не звучала пустой. Приложив ключ-карту к замку, она набрала код и распахнула дверь.

– Про время помнишь?

Диз кивнул, пропуская меня вперед.

– Обратно придете сами, я задержусь. Точка стабильна.

Точка? Как точка выхода из портала? Но спросить я не успела: стоило занести ногу над порогом, как коридор с зеленой ковровой дорожкой исчез. Все исчезло. Остались только Граница и ощущение падения, будто землю из-под ног выдернули вместе с ковром.

Когда я пришла в себя – в последний момент успев выставить вперед руки, чтобы не расшибить нос о потрескавшийся асфальт, – ГООУ уже не было. Диз осторожно прикрыл неприметную белую дверь и протянул мне руку, помогая подняться. Отряхнув оцарапанные ладони, я поморщилась. Да, мне завидно. Демонам их близость к Воздуху позволяла перемещаться куда угодно и когда угодно. Меня моя горячая человеческая кровь пропускать куда-либо отказывалась, и каждое использование портала превращалось в изысканное удовольствие. После первого перехода в ГООУ я – чуть ли не впервые в жизни – упала в обморок. Сейчас? Все еще предпочла бы провести три часа в зоне турбулентности.

– Где мы?

В такой ранний час улицы были совершенно пусты. На доме напротив установленная поверх закрытых железных ставен вывеска гласила «*Supermercado*». Судя по размеру витрины – едва ли «супер».

– Где-то на юге. Не знаю, роуминг еще не включился.

На юге? Я жадно втянула воздух. Земля. Только дома так ярко чувствовалась магия. В каждом дуновении ветра, в камнях под ногами, разлитая повсюду...

А потом спохватилась. Мы что, самовольно покинули ГООУ?

– Что ты задумал?!

Я почти на сто пятьдесят процентов была уверена, что – кроме как на каникулы или при согласовании с ректором – это было запрещено. И каралось соответствующе: чем-нибудь досадным и неприятным. Смертью, например.

Зато становилось понятно, зачем Дизу понадобилась сделка. Его появление незамеченным не осталось бы, да и долго он бы сам по себе тут не продержался: для того, кто родился в Аду, наш мир ядовит. А так, смешав две разные магии...

– Пошли, – потянул меня Диз за собой. – Если успеем вернуться через сорок восемь минут, никто не узнает.

Как же. Час отсутствия в университете, где за каждым твоим движением следят, – конечно, никто даже не догадается.

– ГООУ ставит два маячка, когда ты вскрываешь их приглашение. Первый измеряет твои жизненные показатели. Он работает постоянно, если умрешь – в медсервисах сразу почувствуют. – Я промолчала. О действии этого

маячка я знала не понаслышке. – Второй отслеживает твоё местоположение. Завязывать его на первый было бы слишком затратно, да и не нужно, поэтому он включается каждые шестьдесят минут. Если вернёмся в университет до следующего контроля, всё будет в порядке.

– Откуда ты это знаешь?

– В прошлом семестре ты спрашивала, как сбежать из университета.

Я не спрашивала. Не об этом – как бы мне ни хотелось тогда всё бросить.

– Значит, собиралась, – не стал спорить Диз.

В самом деле, собиралась или спросила: такая мелочь для того, кто слышал вопросы раньше, чем их зададут.

– И ты нашёл выход. Почему не сказал?

– Не успел. – Мы оба понимали, что это значило: чуть не умер и попал обратно в Ад к отцу, которого всеми силами старался избегать. И едва там не остался... Я сжала его ладонь. – И это не совсем выход.

– Что ты имеешь в виду?

– Даже если не брать в расчёт второй маячок, нас выпустила Нора. Как думаешь, что с ней случится, если мы не вернёмся?

В горле сразу пересохло. Ректор, Охотники, допрос и... Её убьют. Ладно, только меня, но выпустить в мир обычных людей демона, которого даже в Аду боятся, и не без причины? Который может убить, лишь подумав об этом? Непростительно.

Полгода назад, если бы Диз рассказал мне об этом выходе, сумела бы я пожертвовать ею? Как далеко я бы зашла в стремлении сбежать? Я не знала.

А Диз этим шансом не воспользовался. Пока...

– Странно, что она согласилась.

– Чего только по дружбе не сделаешь. Подожди, – Диз остановился и потянул меня в переулок. – Нам сюда.

Завернув за угол, я ахнула от изумления. По ту сторону улицы начинался пляж. Холодный после ночи песок, водоросли, темными грудками лежавшие вдоль кромки воды. И океан, в сиреневой ряби которого отражалось рассветное солнце. Ветер принес запах йода. Сбросив балетки, я, всё ещё не веря, пошла к воде. Прохлада. И очень реальная.

– Это и есть твой сюрприз? – голос всё-таки дрогнул.

Невероятно. Словно соглашаясь со мной, волна лизнула кончики пальцев. Диз опустился на песок у меня за спиной.

– Подумалось, что перед началом семестра тебе это не помешает.

Один из его вечных ответов, что и ответами не были. И о значении которых я могла только догадываться – но не формулировать вслух. Я обернулась, чтобы поблагодарить...

– В чём теперь дело? – отозвался на мою растерянность Диз.

Я недоуменно нахмурилась. Я привыкла к нему в ГООУ, где работал автопереводчик, позволявший всем студентам понимать друг друга, даже в Аду, где говорили на рума, но...

– Впервые слышу, как ты говоришь на английском. Ты... *You sound so posh*, – сдалась я, не найдя подходящего слова в родном языке. – И когда ты успел так загореть?

Чем светлее становилось небо, тем более странно выглядела оливковая кожа, сменившая нездоровую бледность.

– Мимикрия, – бросил Диз, будто это было чем-то само собой разумеющимся. – Неужели не слышала?

Читала. В учебнике по демонологии. Но ни разу не видела своими глазами.

– Значит, окажись мы где-нибудь в Корее...

Диз оттянул уголки глаз к вискам. Я фыркнула.

– Хотела бы я на это посмотреть.

– Значит, увидишь. Считается, что люди больше доверяют тем, кто походит на них. Не знаю, – пожал он плечами, – не проверял. Я это не контролирую.

Ну да, два метра роста и неестественно зеленые глаза – это ведь так похоже на среднестатистического человека. А ему шло. Присмотревшись, я могла разглядеть под кажущейся незнакомой иллюзией его настоящего: нечеловечески острые черты и до серого белую кожу. А могла просто принять его. И таким тоже.

Сколько еще у нас оставалось времени, сорок минут? Я стянула через голову блузку. Замок на юбке отказывался поддаваться, так что от нее я избавилась тем же путем.

– Что ты делаешь?

– Для того, кто читает чужие намерения, ты слишком медлителен, – сообщила я.

– Времени мало.

– Шутишь? – Лифтик тоже полетел на упавшую неаккуратной кучей одежду. – Я на море год не была. Даже будь у нас пятнадцать минут, ты бы меня отсюда просто так не вытащил.

И плывать, что вода не прогрелась. Что возвращаться придется в одежде на мокрое тело. Разве это имеет хоть какое-то значение, когда рядом море?

Берег оказался неожиданно крутым – три шага, и я оступилась, уходя под воду с головой. Вынырнула и радостно рассмеялась. Плеснула в него водой. Щедро окатила футболку, практически не оставляя ему выбора, кроме как присоединиться. Давно я ничего из этого не ощущала. Липнувшие к шее волосы, тяжелые от воды. Соль на губах. Счастье...

Хорошо, что по крайней мере один из нас обладал чувством времени – иначе мы бы точно опоздали. Тем более что я еще задержалась по пути. Лист платана попался мне на пешеходном переходе – и никак сначала не давался в руки.

– Зачем он тебе?

– Он желтый, – озвучила я очевидное, подцепляя наконец его с асфальта.

Диз с сомнением посмотрел на меня.

– Ты ведь осознаешь, что, скорее всего, он выгорел на солнце, и осень тут ни при чем?

Я упрямо сжала губы. Это понятно. Но...

В ГООУ никогда не желтели листья. Температура могла там за неделю смениться с плюс тридцати до минус сорока, но кусты сирени оставались перманентно зелеными, а деревья никогда не сбрасывали прошлогоднюю листву. Еще один довод в пользу того, что все в ГООУ было ненастоящим.

В реальном мире сезоны сменялись строго поочередно. В реальном мире листья желтели. ГООУ был миражом. Красивой и сводящей с ума иллюзией. Призраком, невозможным и никогда не существовавшим в реальности.

Оставался только один вопрос, вставший особенно остро после нашей вылазки в нормальный мир. То, что нас связывало с Дизом: полтора месяца в ГООУ, удивительно малолюдном по причине каникул. Сказка в сказочной же вселенной. Насколько она была настоящей? И насколько – невозможной?

Два существа из разных миров. Выросшая человеком девчонка и демон, утверждавший, что не умеет любить. Я даже не представляла, как так все повернулось, что я настолько сильно в него влюбилась. Особенно после нашего знакомства, далеко не самого удачного. И как получилось, что он понимал меня лучше кого-либо в обоих мирах. И что из этого всего выйдет...

Хотя нет. Об этом я как раз догадывалась.

– В чем дело? – От Диза не укрылось, как изменилось мое настроение.

Чертюва эмоциональная телепатия. Или он так хорошо изучил меня? Я попыталась замаскировать тревогу улыбкой.

– Просто поняла, что так и не сказала тебе «спасибо».

Некоторые звуки так въедаются под кожу, что перестаешь их замечать. Сердцебиение, чужое дыхание рядом, мерный гул автомобилей на улице... Спорый перестук клавиш, под который я просыпалась каждое утро.

Мне ни разу не удалось поутру застать его спящим. Заснуть рядом с ним, уткнувшись носом в его бок, с рукой на нарисованном звездном небе, запутавшись пальцами в связке серебряных подвесок-амулетов, – да, много раз. Но утром в постели я всегда оказывалась в одиночестве. Перевернувшись на бок, я посмотрела на сутулую спину. Мне лично было трудно представить, когда он всё успевал. Учеба на двух специальностях, их с Каталиной проекты, подработка в IT – а еще существовали целых три принадлежащие ему провинции в Аду, за которыми тоже надо было приглядывать. Но когда я спросила об этом Диза, он ответил непонимающим взглядом и пожал плечами. Его, мол, так воспитывали.

Я тихонько вздохнула. Проблема с принцами на белых конях заключается в том, что либо у них никогда нет на тебя времени («Прости, дорогая, в десять встреча с послом, в двенадцать – разговор с министром, а после обеда меня ждет совет гильдий... Да, и на ужин я пригласил делегацию пустынных, ты всегда чудесно выглядишь, но надень чадру. И постарайся воздержаться от высказывания своих социалистических мнений, шах придерживается более традиционных взглядов, а мне нужен патент на разработку южного месторождения»), либо они стоят не больше купленного для них папашей жеребца.

Потому я никогда и не мечтала о принце. Даже о...

– Слушай, а у тебя есть титул? – задумчиво поинтересовалась я у Диза; тот в мою сторону даже не посмотрел, монитор представлял для него больший интерес.

– Нет. Зачем он мне?

– Тебя хотела спросить зачем.

Пусть так, но, будучи сыном герцога не только по кругу, но и по крови, он все равно занимал положение намного выше, чем у обыкновенного человека... или нечеловека. А с большой силой, как говорится, приходит большая головная боль. И куча работы. Если в каникулы он бывал еще относительно свободен, то как мы будем с этим справляться теперь? Впрочем, мое расписание тоже оставляло желать лучшего. А если учесть подработку в библиотеке, на которую я самонадеянно подписалась...

– Вставай. Бенедикт скоро приедет. А тебе еще вещи собирать.

Я обвела комнату взглядом и снова вздохнула. Не хочу. Мне лень. И вообще, откуда у меня здесь так много вещей взялось?

Мы определенно не жили вместе. Просто у меня в комнате была София, а его сосед уехал на лето к родственникам – а составленные рядом кровати удобнее узкой одной. И, раз я все равно вечно ночевала у Диза, бегать каждое утро через весь этаж, чтобы умыться, было немного непрактично. Так моя зубная щетка переключалась в его ванную. Потом одежда – зачем возвращаться по утрам к себе, когда можно временно занять полку в шкафу? И всякая мелочевка, скапливающаяся в любом месте более-менее постоянного обитания: недочитанная книжка на подоконнике, чашка со смешными совами, сережки, забытые на комод...

Нет, мы совершенно, абсолютно точно не жили вместе. Жить вместе – это серьезно, пугающе и даже немного повзрослому.

Но как назвать это иначе, я затруднялась сказать.

– А мы не можем переселить его к Софии? – представив себе сборы, я зарылась обратно в одеяло и глухо предложила оттуда. – Правила ГООУ разрешают проживание в комнате соседей разного пола.

Звук прервался. Скрипнул старый стул, а затем матрас просел с той стороны, где Диз присоединился ко мне на кровати. И не один – до меня донесся восхитительный аромат кофе. Чуть приправленный сладкой горечью

нарциссов: сварил давно и согрел его магией. Поведясь на приманку, я высунула руку наружу и потянулась к чашке.

Сначала меня это безумно смущало. Кофе в постель – было в нем что-то романтично-пошлое. Но Диз в ответ на мои сомнения равнодушно заявил, что он и так варит себе, какая ему разница, сколько кружек нести обратно в комнату? А я до первой чашки кофе представляю из себя зрелище смешное и жалкое, но утомительное (кто бы говорил). И кофе у него лучше, чем у меня, получается (с этим я не спорила, меня кофемашина на нашем этаже, похоже, ненавидела всеми фибрами своей механической души). В отличие от завтрака...

Вот и думай, романтика это или смитовское разделение труда.

– Это было бы негуманно.

– По отношению к кому из них? – хмыкнула я, делая большой поток.

Занудный демонолог, ненавидящий всех, кто способен причинить вред гени или человечеству, и вампир, недолюбливающая мужчин в целом, а Диза – в частности. Не лучшее сочетание. Хотя, если поинтересоваться, с кем делит комнату Сага... И у Райли в прошлом семестре не было соседки, может, сейчас тоже не будет... Но так половину ГООУ переселять придется.

– Во сколько приезжает Бенедикт? – смирилась я.

– В полдень.

Я посмотрела на экран смартфона и поставила чашку на комод. Десять тридцать. Отлично. Время еще было...

– Вещи, – напомнил Диз, когда я притянула его к себе.

– Успеем.

После Диз как джентльмен проводил меня до двери и даже донес сумку. А я... вошла в комнату и растерянно замерла. Я не жила здесь всего месяц, но постоянно сюда навещалась. Так отчего она показалась мне чужой? И почему не отпускало чувство, что что-то важное кончилось, оборвалось на полуфразе? И больше никогда уже не вернется...

Хотя кое-что действительно закончилось. Лето. Сегодня вечером – финальный аккорд. А впереди – кто знает что? Жизнь в ГООУ была какой угодно, но не предсказуемой. Как там обычно советуют во всяких мотивационных книжках? Верьте, что новый начавшийся этап вашей жизни будет лучше предыдущего? Попробую. Я рассеянно почесала пушистую макушку кактуса и ужаснулась:

– Тебя, что, София совсем не поливала? Бедняга.

Малыш встрепенулся и радостно распустил цветки.

– И я тебя. Прости, в следующий раз оставлю тебя кому-нибудь более ответственному.

В голову сразу же пришла идея кому. А что, если он за цветами в ИТ следить умудряется, почему бы и нет? Одновременно я поняла, что следующего раза может и не быть. Никто, собственно, не предлагал. Нет, сейчас понятно почему: в ГООУ был вечный дефицит комнат, и просить об услуге мессира Джонатана, учитывая, как мы с ним расстались при прошлой встрече... Да и не дело это – заикливаться друг на друге. Так можно было существовать в каникулы, пока жизнь в ГООУ встала на паузу. Стоит начаться будням, и уже не получится.

Но потом... Вздохнув, я пришла к выводу, что будущее, как всегда, туманно и зыбко. Долой будущее! В плане, мысли о нем. Пока у нас есть настоящее. И у меня есть, в котором меня, между прочим, кое-где ждут. Полив разомлевший от внимания и почесывания кактус, я взяла с подоконника стопку учебников. Пришла пора наведаться в медсервисы.

Полгода назад каждое его посещение было для меня что восхождение на Голгофу. Теперь придется пересмотреть свое отношение.

Тогда из-за попавшей в мой организм драконьей крови я готовилась к смерти. Универсальный магический усилитель, она действовала как наркотик и обычно сводила с ума еще в малых дозах. В больших, как выяснилось,

действовала не лучше. Она позволяла большее, открывала невозможное, но для этого... меняла. Подстраивала под себя. А человеческое (ладно, частично человеческое) тело для таких изменений не приспособлено.

Сейчас я была в безопасности: разработанное Серешем лекарство действовало. Я все еще была собой. Один укол в две недели забирал у меня способность проходить через Границу на ту, нижнюю ее сторону, отнимал большую часть магии, заставляя чувствовать себя в ГООУ детсадовцем среди Моцартов и Микеланджело, но я была жива. И дамоклов меч не висел больше над моей головой. Оно того стоило. Наверное...

– Я все прочитала.

Профессор Баласубраманиан, в чей кабинет я так бесцеремонно заявила, оторвался от микроскопа. Снял со лба очки, покрутил их в руках, словно недоумевая, откуда они взялись, и надел обратно.

– Молодец, – все-таки решил он. – Тогда сможешь сказать мне, что это.

– Я и отсюда могу. Смертельное проклятие.

Я поежилась. Кровь в колбе у него на столе пахла серым и затхлостью, горькой земляной пылью.

Один талант, отсутствовавший у моих однокурсников, у меня все-таки был. Ну, как талант? Из разряда тех, что заставляет горько усмехнуться. Гиперчувствительность к магии. Я ощущала ее запах, ее вкус, ее цвет. Всегда. Везде. Во всем. На самом деле это была случайность. Возьмите девушку с ментальным блоком, который не дает ей ничего чувствовать, накачайте драконьей кровью, после которой магия видится гораздо ярче... Долгая история, в общем.

– Но сколько ему?

Секунда колебаний, и я подошла к микроскопу. Заняла место Сереша. Проклятие, не черное, как я ожидала, почти прозрачное, не успело распространиться. Тогда бы смрад я почувствовала, не уткнувшись носом в каплю, а еще из коридора. Это же...

– Полчаса? Оно уже начало проявляться, но в твоем учебнике написано, что после часа, после первичной манифестации проклятия, наблюдается лейкоцитоз.

Кивнув, индеец подложил мне следующий образец.

– Что насчет этого?

Странная, сложная структура. Вплетенная так филигранно, что кажется: дотронься – и все рассыплется прахом.

– Что-то старое.

Сереш удовлетворенно кивнул.

– После первого поколения проклятия намертво, прости за каламбур, вгрызаются в ДНК. Ничем не убрать. Красиво, правда?

Да. Будто синее пульсирующее кружево.

– Оно не на смерть. Вернее, не на смерть носителя. Тут сложнее.

Стоило присмотреться, как из ниоткуда почувствовался запах влажного мха. А еще золото, осенний костер и пурпур. Не показалось...

– Зачем ты дал мне мою кровь?

Сереш задумчиво почесал бороду.

– Она интересная, – заявил он. – Я эту форму еще не видел. Если хочешь, могу попробовать узнать, что за проклятие, прогоню через пару тестов...

Я резко отодвинула стул.

– Не надо.

Я и без того догадывалась, в чем оно заключалось. Не зря в моей семье много поколений рождался только один

ребенок. Девочка. Остальные... Перед глазами встал гроб. Маленький и оттого кажущийся еще более неправильным. У дядь с тетками было по двое, трое, четверо детей – моя родня была более чем многочисленной. Но только не по прямой линии. Лешка умер, не прожив и полугод. Бабушка едва не погибла, когда маме было два года, при родах, ребенка спасти не удалось. У прабабушки тоже была лишь одна дочь...

Немало совпадений. А увидев с мое, согласишься даже в проклятия.

– Неужели тебе не любопытно?

– Нет, – отрезала я; Сереш пожал плечами.

– Как хочешь. В таком случае держи.

На плянцевой белой бумаге блестели золотом тисненные буквы. «Сереш Баласубраманиан и Анн-Мари Форсберг приглашают вас на церемонию бракосочетания...»

– Что это? – глупо спросила я.

– Не заставляй меня жалеть о том, что я взял тебя к себе в группу. Прояви хоть каплю логики и интеллекта.

– Я просто ожидала увидеть новые учебники, а не...

Приглашение на свадьбу.

– Вы все-таки решили пожениться? Так быстро?

На Фейсбуке их совместная фотография – с кольцом из белого золота и слишком большого количества бриллиантов у Анн-Мари на руке – до сих пор висела вверх его страницы. Да и статус он обновил только в прошлом году.

– Мы познакомились в Первую мировую, вряд ли это быстро.

Я покосилась на медика, который даже в худшие дни не выглядел старше тридцати пяти. Сложно было привыкнуть к мысли, что существа, прожившие не одно столетие, могли выглядеть на тридцать. И неловко. Он старше моего прадедушки, а я ему «тычу». Пусть он из-за автопереводчика об этом и не подозревает...

– Но почему все-таки я? Я даже еще не твоя студентка.

– Верно, у тебя есть еще часа четыре, чтобы отказаться, – рассеянно согласился Сереш, читая пришедшее на пейджер сообщение. – Нам с тобой предстоит провести еще много времени вместе; чем скорее привыкнем друг к другу – тем лучше.

Я оставила свои комментарии про привыкание при себе.

– Ты имеешь в виду учебу?

В прошлом семестре я выбрала в качестве своей специализации демонологию – вовсе не собираясь на ней доучиваться до конца. План был простым: почерпнуть за первый семестр в оккультном институте максимум полезной информации, а потом перевестись на нормальную специальность. Он провалился. Нет, полезную информацию я почерпнула, даже на демонах в Аду проверила, за что получила автомат сразу по нескольким предметам, но вот перевестись не успела. Да и с человеческими специальностями не сложилось...

В качестве второй я выбрала магогематологию. Магию крови, проще говоря, хотя этот термин сами сотрудники кафедры презрительно называли устаревшим – дескать, они тут не только вуду занимаются, но и науку двигают.

– Что стало с планом вернуться после ГООУ к нормальной жизни? – только поинтересовался Диз, когда узнал о моем выборе. – Дай свою кисть для подводки.

В то утро он сидел на полу и сосредоточенно покрывал медную пластину лаком для ногтей. Травление, как он объяснил... Посчитал, что объяснил, потому что в артефакторике я ничего не смыслила. А я смотрела на флакончик и думала, где Диз его взял. Точно не у меня: розовый не мой цвет. Но в итоге решила, что ревновать кого-либо к пятнадцати миллилитрам лака глупо, и, покопавшись в косметичке, протянула ему кисточку. А потом озвучила свое решение.

Только ему. Макс, услышав об этом заранее, долго бы хмурился – ему и демонология очень не нравилась; будь его воля, я бы училась чему-нибудь исключительно декоративному и безопасному. Я понимала причины такого

желания: сам он не выбирал, какие знания получать, и меньше всего на свете хотел заниматься работой для «Хантерс инкорпорейтед». Но терпеть его молчаливое осуждение даже в прошлом семестре было выше моих сил. Райли задала бы кучу вопросов: что, как, почему, уверена ли я... И только Диз не сомневался в моих решениях. И его уверенность волшебным образом передавалась мне.

Проигнорировав вопрос, я свесилась с кровати, рассматривая узор на пластине.

– Я знаю этот контур, – заявила я, проводя пальцем над заготовкой. – Он завязывает заклинание на владельце. Этот питает заклинание, – ноготь прошел слишком низко, смазывая рисунок; – Прости...

Демон только вздохнул. Поправил нарушенную симметрию, протер кисточку ацетоном и вернул мне.

– А для чего третий контур?

– Узнаешь на стадии испытаний.

– Серьезно? Собираешься экспериментировать на собственной девушке? Тебе не говорили, что они для другого нужны?

Диз усмехнулся:

– Для чего же? Ты так и не ответила, – напомнил он.

Нет. И не хотела. Я перевернулась на спину и закрыла глаза.

– Мне некуда возвращаться, – буркнула я. – Домой я не могу. А переезжать в другой город... Для этого нужна магия, а я ничего больше не умею, кроме как чувствовать чужую.

Голос дрогнул, и я порадовалась, что в этот момент Диз не видит моего лица. Но ему и не надо было: все мои эмоции он чувствовал как свои.

– Ты так и не рассказала, что случилось, когда ты была дома, – заметил он.

– Ничего.

Две недели (на большее время я не могла приехать из-за лекарства, поэтому отговорила тем, что после болезни мне много материала надо к первому сентября наверстать – что, в принципе, соответствовало действительности) радости от того, что семья рядом, счастья и заботы. Оторвавшись от проекта по артефакторике, Диз обернулся ко мне:

– Врешь.

Недоговариваю. Большая разница.

– Я видела его, – нехотя призналась я. – Блок. Такой же, как был на мне.

На моей матери. Что ж, по крайней мере, теперь мы знали, от кого у меня магия.

– И?

– Я не знаю, что делать. Если оставить все как есть, она умрет. Блок тянет из нее силы. Тридцать лет, максимум сорок... А если снять его...

Чаще всего те, кто открывал в себе магические способности во взрослом состоянии, умирали. А перед этим сходили с ума. Великолепная перспектива, чудом не коснувшаяся меня.

– Я должна сделать выбор, но я не знаю...

– Почему ты считаешь, что это твой выбор?

– А чей еще? Она ведь не подозревает ни о чем! Она считает себя человеком! Да если я расскажу ей про ГООУ, она даже не рассмеется, а первым делом позвонит психологу!

Скрипнула старая рама, и Диз присоединился ко мне на кровати.

– Посмотри на меня, – потребовал он. Зеленые глаза глядели на удивление серьезно. А еще, если бы передо мной сидел не демон, я бы сказала, что сочувствующе. – Это не твой выбор. Исходя из того, что я услышал, это вообще не выбор.

– Она умрет.

– Родители умирают. – Точно демон. Какое там сочувствие! – Это естественный, хотя и печальный, ход вещей у людей.

– Но я могу ее спасти от этого!

– Ты можешь уничтожить ее. Лишить привычного мира – ты как никто должна это понимать. Отнять у нее всех близких. Ради чего? Из-за страха остаться одной?

Он был прав. Как всегда. И в причинах, по-детски эгоистичных. И в том, чем закончится подобная авантюра. Я сама боялась грозящего мне бессмертия из-за одиночества, которое было его верным спутником. Но...

Какой ребенок откажется, чтобы его мама жила вечно? И какой согласится отправить ее на смерть? Я снова закрыла глаза, стараясь не заплакать. Было бы просто, если бы я ничего не заметила. Ничего не могла изменить. А так это все равно было решение. И я должна была его принять.

Черт возьми, ни один человек в девятнадцать лет не должен делать подобный выбор...

Сереш пощелкал пальцами возле моего лица, возвращая меня к реальности.

– Должен бежать, – торопливо сообщил он. – Кто-то из вас опять решил умереть на каникулах. Ты в порядке?

Я вымученно улыбнулась. Почему-то, когда Диз меня об этом спрашивал, мне удавалось отвечать правду.

– В полном, – соврала я.

– Лекарство как? Никаких побочных эффектов? Я продолжаю работать над формулой, чтобы пролонгировать эффект, но...

Но кто же откажется взять таким образом в заложники ценного человека. А вопреки логике и здравому смыслу для кого-то в ГООУ я представляла ценность.

– Все хорошо, – откликнулась я.

«Все хорошо», – эхом раздалось у меня в голове. Все хорошо...

Правда ведь?

Никому неизвестно, как появились гени – все те, кто в нашем мире занимал положение между богами и людьми. Слишком давно это было, задолго до человеческих цивилизаций. Но родились они – мы – от Огня. Он бежал по нашим венам, согревал наше дыхание. Каждый из нас был его частицей, и потому в праздники, будь то Самайн или весеннее равноденствие, гени зажигали костры. Чествуя магию и богов, вспоминали Огонь.

Огромный газон перед главным общежитием в такие ночи преображался. Копченый запах дров и терпкий аромат зачарованного вина, бочки которого выкатывали по такому случаю, висели в воздухе. Отовсюду доносились музыка и смех, кожу покалывало жаром и магией. Мы познакомились в одну из праздничных ночей. Ровно год назад, первого сентября. Случайно столкнулись у одного из костров. Совпадение, приведшее к...

– Осторожно!

Почувствовав рядом аромат нарциссов, я резко обернулась – и чуть не врезалась носом в обтянутую футболкой грудь. На этот раз обошлось без пролитого вина и красных пятен на белой майке. Судя по широкой улыбке, Диз вспомнил о том же.

– Я думала, ты с Каталиной.

Зеленоволосую оракула (а также Лексу, Ника и еще с полдюжины сотрудников ИТ) я видела, возвращаясь из медкорпуса. Раздобыв вино задолго до начала праздника, они устроились на скамейке вдалеке ото всех и

увлеченно спорили, вычерчивая схемы заклинаний на земле.

– Мы же договорились.

Диз притянул меня к себе и обнял сзади. Положил подбородок мне на макушку. Я поежилась от ощущения чужого дыхания.

– Нас пригласили на свадьбу, – сообщила я, глядя на пламя.

– Нас?

– Меня, – исправилась я. – Пойдешь со мной? Терпеть не могу свадьбы. Не верю в них.

Неприменно белое платье, фальшивые улыбки на усталых лицах и лживые слова... Кому вообще нужен этот спектакль? Диз еле слышно рассмеялся.

– Большой опыт?

Всего одна. Моего кузена.

– И я застала Влада зажимающим Танину свидетельницу в коридоре.

Спустя несколько часов после регистрации. Вечная любовь никогда не была такой короткой.

– И даже после этого ты не веришь в свадьбы как в лучший из придуманных людьми способов подцепить на одну ночь пьяную подружку невесты? – картинно ужаснулся Диз. – Друга жениха в твоём случае.

– Ты сейчас издеваешься, да?

– Только на пятьдесят процентов. На оставшуюся половину я совершенно серьезен.

С него стало бы – он, если и посещал свадьбы, наверняка ходил на них только с одной целью. Им же и озвученной. С кем я вообще это обсуждаю? В Аду не существовало такого понятия, как брак. Это была прерогатива нашего мира. Слова «семья» и «верность» использовались там вообще с большой оговоркой.

– Так ты пойдешь?

– Возьми лучше своего Охотника, – посоветовал он.

Не такого ответа я ожидала. Кто рекомендует своей девушке пригласить в спутники бывшего?

– Сомневаюсь, что Макс захочет со мной куда-либо пойти.

После того как я его бросила, у нас был ровно один разговор. Закончился он плохо. Скорее всего, я потеряла одного из своих немногочисленных друзей – но это было ожидаемо.

– Своди тогда Софию, – предложил Диз. – Ей будет полезно проветриться, она на Земле лет десять не была.

А вот это будет выглядеть уже совсем странно. Я вывернулась из его рук.

– Если не хочешь, так и скажи. Я не обижусь.

Почти. Совсем чуть-чуть не считается.

– Сомневаюсь, что на свадьбе начальника медицинской службы ГООУ и главы стокгольмского офиса «Хантерс» будут рады видеть демона, – мягко отказался он. – И тебя в моей компании.

Я задрала голову, пытаясь заглянуть ему в глаза. Этого я ему не говорила... А кое-чьи способности видеть будущее не простирались настолько далеко, чтобы угадать.

– Откуда ты знаешь, о чьей свадьбе речь?

Диз кивнул кому-то знакомому в толпе и подмигнул мне, ничуть не впечатленный моими подозрениями – впрочем, к ним он, наверное, уже успел привыкнуть.

– Информация – самый ценный товар в нашем веке. Добавь немного логики, и видеть будущее не будет нужды.

– Она действительно управляет шведским офисом?

– Последние лет пятьдесят, если не больше.

Надо же. А на фотографиях выглядит такой милой улыбчивой блондиночкой...

– Ты преувеличиваешь. Сереш вполне нормально к тебе относится.

Если не считать пары брошенных им фраз о препарации демонов... Но он бы и меня с большим интересом вскрыл, если бы я не была нужнее живой. Ничего личного, только наука.

– Кроме него там будет много гостей. И Сереш пригласил тебя не за тем, чтобы ты испортила с ними отношения в первую встречу.

Он снова был прав. Как только ему не надоедало?

– Мне все равно кажется, что ты сгущаешь краски.

– Хочешь пари? Завтра проверим.

Я не хотела: завтрашняя встреча и так немного пугала. Это сегодня, в неровном свете костров, другие студенты проходили мимо, не замечая нас. Солнечный свет это изменит. Тихонько вздохнув, я вернулась в его объятия. А потом и вовсе ветер принес мелодию скрипки, и я позволила ему увлечь меня за собой и закружить в танце. Все считали демонов неподходящей компанией, и, будучи знакома с некоторыми из них, я могла понять почему. С демонами можно было бороться, можно было торговать – но не следовало дружить, если только не хочешь в самый неожиданный момент получить нож в спину. И уж точно не следовало в них влюбляться. Истина, известная каждому гени с детства.

Какая жалость, что я выросла не гени.

Музыка закончилась, и я так и остановилась, переплетая с ним пальцы и прижимаясь щекой к клетчатой рубашке. Только теперь я улыбалась.

– Пенни за твои мысли, – предложил Диз.

– Вспоминала, как мы познакомились. И подумала, что было бы, будь я нормальной...

– Ведьмой?

В этом словосочетании столько всего было неправильно, что и не перечислить. Но... да. Именно это я и имела в виду.

– И?

Снова пляшущие тени и треск костров, манящая за собой музыка и слишком серьезный взгляд зеленых глаз у моего собеседника. Будто и не было этого года.

– Мы бы переспали, – сейчас отрицать то, что он понравился мне с первого взгляда, было бессмысленно. Как и то, что я понравилась ему – Может, встретились бы потом еще пару раз. Но ничего не вышло бы. Потому что ты не заводишь отношения, а я знала бы, что с демонами связываться нельзя.

– Хочешь сказать, что все к лучшему?

Амнезия, промывка мозгов, почти смерть, экскурсия в Ад, отчаяние и безнадежность – каким образом все, что мы пережили за последний год, могло считаться «к лучшему»?

Однако сейчас, рядом с ним, мне было хорошо. И как-то... правильно.

– Нет. Но, возможно, все так, как должно быть.

Диз рассмеялся и покачал головой.

– Судьбы не существует, – шепнул он мне. – Нет никакого «должно быть».

В самом деле? А как же прорицатели, видящие будущее? Баньши, предсказывающие смерть? И вообще...

– Твоя мать – одна из мойр, – напомнила я ему.

– Именно.

– Напомни, что я здесь делаю?

– Ты – не знаю, а я пришла пообедать. Составишь мне компанию?

– Почему я не могу составить ее тебе за тем столом?

Я смахнула с глаз челку и упрямо посмотрела на Диза. Мы это уже обсуждали.

– Потому что с тобой я обедала каждый день на каникулах. А своих друзей я два месяца не видела.

Полгода вообще-то, если считать время, проведенное то ли в коме, то ли в Аду (хотя кто сказал, что это взаимоисключающие параграфы?). Но поскольку из тех месяцев я все равно помнила лишь несколько дней, они не считались.

– Если не хочешь, Каталина наверняка тебя заждалась. Но я пообещала сегодня встретиться с Райли. И с Максом.

Не уходи. Пожалуйста.

Я не могла объяснить, почему для меня это так важно. Может, потому что все лето я знакомилась с его друзьями и терпела их удивленные взгляды. Никто из его знакомых не относился ко мне плохо, но... Диз не приводил девушек в их компанию, объяснила мне сочувствующе настроенная Каталина. По идее, это должно было меня утешить. Я, наоборот, почувствовала себя еще более чужой. Мы в буквальном смысле были из разных миров, говорили на разных языках, у нас не было ровным счетом ничего общего. У Диза была Лина, любившая его как надоедливое младшего брата, их внутренняя тусовка, вечно занятая какими-то проектами, несколько сотен приятелей на всевозможных факультетах ГООУ и даже среди преподавателей... А у меня? У нас?

Айтишник равнодушно пожал плечами:

– Если ты все еще считаешь, что мое нахождение за одним столом с твоим бывшим – хорошая идея...

С этой точки зрения я еще не смотрела. Действительно, неудобно. Сначала мы встречались с Максом, потом мы расстались из-за Диза, теперь он был с Райли... Все это напоминало подростковую мелодраму, вынуждена я была признать. Из тех, где к пятому сезону все главные герои либо спят, либо успели переспать друг с другом и начинают напоминать большую, любящую и полную инцестов семью.

– Я ждал, когда до тебя дойдет, насколько это неловкая ситуация, – прокомментировал Диз выражение моего лица.

Не угадал. Хмыкнув, я озвучила свои мысли.

– Три из шести возможных комбинаций уже были. Боюсь представить, что получится к следующему семестру.

– Не смотри на меня, – Диз взял с раздаточной линии свой бокс с ланчем. И мой кофе, внаглую отхлебывая из стакана. – Демон и Охотник? Не рассчитывай. Отвратительное клише.

– Я скорее предположила бы Райли, – привстав на цыпочки, я попыталась дотянуться до стаканчика, но Диз поднял его выше. – Отдай мой эспрессо.

– Не берусь угадать, кто снимет с меня шкуру первым, если я только подумаю о рыжей, – Абигор или Джордж. Или твой Охотник, отнюдь не по личным причинам. Кстати, ты уверена, что они все еще встречаются?

Проследив за его взглядом, я поняла причину вопроса. Бывшие одногруппники обнаружили на другом конце университетской столовой, но крики доносились даже до нас. Вскочив со своего места, рыжая нависла над Максом и что-то ему втолковывала. Очень эмоционально. И очень, очень громко. Макс со своего места отвечал ей тем же.

– Выглядят они скорее так, словно мечтают друг друга убить, – пользуясь случаем, Диз вернул на мой поднос ополовиненный стакан кофе.

Они таким образом выглядели в течение всего времени нашего знакомства. Две противоположности, которые при

столкновении искрились так, что находиться рядом было опасно. Чересчур умная, хотя и слегка сумасшедшая артефактор, которую почему-то вечно заносило не в ту сторону (наследственность – тяжелая штука. Особенно если твой отец – мастер смерти), и Охотник, считавший, что все зло в этом мире – от не умеющих держать свои руки и мысли при себе артефакторов, из-за чьих идей страдают люди, а ему приходится работать на «Хантерс инкорпорейтед».

Я понятия не имела, как они сошлись. В одной из бесед по «скайпу» в каникулы Райли попыталась объяснить, что это все из-за меня (Я здесь ни при чем! Меня тогда вообще в ГООУ не было!), но быстро отвлеклась на рассказ о своем очередном смертоносном эксперименте. В любом случае, она мечтала найти кого-то, кто сведет ее с ума. Уверена, она это получила.

– По крайней мере, они за одним столиком. И оба все еще живы. Я бы сказала, шансы высоки.

На самом деле я бы в такой момент и сама предпочла отсидеться в сторонке, чтобы не попасть под горячую руку. Но под насмешливым взглядом Диза не могла.

– Ты едва не устроила гребаный зомби-апокалипсис!

– Я?!

В самом деле, в кружевном платье и с заколкой-цветком рыжая меньше всего походила на всадника Судного дня.

– Из-за кого у санитаров в больничном морге чуть инфаркт не случился?

– Из-за его лечащего врача! Надо было лучше следить за его сердцем!

Я была готова поспорить, что они не могли не увидеть, как мы подсели. Да и вся эта экспрессивность казалась напускной. Игрой на публику. Однако...

Нет. Они нас не заметили. Иначе Макс бы появление Диза не пропустил.

– Второй зомби тоже из-за его врача восстал бы?!

– Все было под контролем! – стусевавшись, рыжая плюхнулась обратно на стул. – Окей, второго в плане не было. Он был, но позже... Ты этого не слышал.

Судя по выражению лица, Макс не только слышал, но и запомнил. И обязательно этой оговоркой воспользуется, если потребуется кое-кого остановить.

– Холодильник должен был увеличить восстановительный период, я все рассчитала...

– В чем вообще дело? – осмелилась я подать голос.

Оторвавшись от салфетки, на которой она начала вычерчивать очередную мудреную схему, Райли недоуменно на меня посмотрела. Осознав, кто перед ней, радостно взвизгнула и бросилась обниматься. Макс только мазнул по мне взглядом и отвернулся. Нахмурился, увидев рядом с собой ковыряющегося в салате Диза. Повернулся в другую сторону.

Никто не ожидал, что будет легко.

– Мне было скучно, – начала свой рассказ рыжая. – А в гости приехала тетя...

– По материнской линии, – с кислым видом уточнил Макс.

Это имело значение?

– Мамуля – из некромантов, – пояснила Райли.

В самом деле, кто еще мог выйти замуж за мастера смерти и родить ему четверых детей? Союз, созданный на небесах, как сказала бы сама Райли.

– И я решила у нее поучиться немного. Было бы ведь интересно соединить амулет и витальные плетения, и так много людей умирает, а ведь их можно было бы использовать на благо общества, вместо того чтобы закапывать...

Человечество уже пыталось. Электростанцию при крематории построить, например. Удивительно, но не

получилось. Мало людей разделяло точку зрения Райли и ее отсутствие пиетета к мертвым.

– Я подумала, было бы здорово сделать саморазмножающийся код, чтобы не заниматься каждым по отдельности...

Диз слушал с большим интересом. Я же сидела, медленно допивая остатки своего кофе, и пыталась понять хотя бы каждое третье слово в заметно ускорившейся речи рыжей.

– Вирус, – перебил ее Макс. – Она умудрилась создать магический вирус. Никаких симптомов, зато после смерти – бодрый труп без пентаграмм и песнопений. И все это зашила в один-единственный кулон. Который надела и отправилась в торговый центр. О чем ты думала?!

С каждым отчеканенным словом Райли все больше съеживалась на стуле. Ни о чем она не думала. Ее посетила идея, она претворила ее в жизнь. Макс мог бы это уже выучить.

Грустно посмотрев на дно стаканчика, я поставила свой кофе на поднос. Быстро он закончился. Благодаря некоторым нахальным личностям, выпившим половину... Словно почувствовав, о ком были мои мысли, Диз протянул мне свой стакан. Надо же, у кого-то совесть проснулась. Точнее, чувство справедливости – но в его случае оно вполне заменяло моральные устои.

– Надо было добавить в формулу переменную Люцера, – внезапно прокомментировал он.

– Ограничить действие определенными чертами?

Отпив из второго стакана, я передвинула его обратно по столу. Кому-то в этом мире нравятся ванильные латте, в которые высыпали половину содержимого сахарницы. Но не мне.

– Ну да, – получив свою собственность обратно, Диз машинально отхлебнул кофе и отставил в сторону, пододвигая к себе схему. – Так было бы безопаснее. А если бы ты настроила заклинание на гени, то не только бы не получила предупреждения, но и его ведомство заплатило бы тебе за него сумму с семью нулями.

Макс громко вздохнул.

– Не смотри на меня так, Охотник, – отозвался Диз, доставший из-за уха ручку и дорисовывавший что-то на салфетке. – Я только что дал ей чеку от гранаты.

– Сотрудничество между вашими семьями запрещено антимонопольным соглашением тысяча девятьсот шестого года.

– Мы не сотрудничаем, – Диз передал задумавшейся Райли листок. – Правда, рыжая? Исключительно в рамках учебного процесса, что разрешено подпунктом семнадцатым пункта четырнадцатого. – Убедившись, что его заверения никого не обманут, он закатил глаза: – Поверь, Охотник, мне вполне хватает рынка дизайнерских вирусов, чтобы добавлять к ним магические.

Макса такой ответ не удовлетворил. Но он бросил быстрый взгляд на меня и промолчал.

Что ж, это начало.

Глава 2

Сравнительная антропология

«Ушла на обед». Три слова; ни «Привет», ни подписи. В эсэмэсах Лина была удивительно красноречива. Зато тактична. Еще раз взглянув на экран телефона, я положила его обратно в карман. Взяла с тележки стопку книг и поставила их на полку. А затем резво подхватила с места. Если перепрыгивать через ступеньку, лестница становится в два раза короче. А если воспользоваться перилами, то преодолеть ее можно еще быстрее.

– Куда? – нагнал меня вопрос библиотекаря, чаевничавших на крыльце в компании одного из воронов.

– На обед!

И не только.

Десять минут до компютера; восемь, если поспешить. Подняться на второй этаж, распахнуть дверь с нарисованным на ней пингвином. Диз был в офисе один. Нахмурившись, просматривал документы у картотечного шкафа – и позволил впечатать себя в него спиной, когда я налетела. Позади нас громко хлопнула дверь, пожелтевшие листы разметались по полу.

– Дверь, – напомнил Диз, разрывая поцелуй.

– Что с ней?

– Не запирается.

– Заблокируй ее заклинанием, – посоветовала я, торопливо расстегивая пряжку ремня.

– Будто это кого-то останавливает.

– Плевать, – я выгнула спину, когда его пальцы нашли застежку сзади на платье: дюжина мелких дурацких пуговичек, но никто же не ожидал. – Как зайдут, так и выйдут. В ГООУ принимают только совершеннолетних, статья за растление нам не грозит.

– Только еще одно нарушение правил.

На секунду прекратив стягивать с Диза джинсы, я внимательно на него посмотрела. Он ведь не серьезно?

– У меня есть двадцать минут, – предупредила я. – Нет, восемнадцать: в библиотеке душевая опять спряталась, а у вас вода греется дольше. Да, и в пятницу я не смогу. Бертрам попросили задержаться. Но я свободна в четверг после трех, – в качестве компенсации предложила я.

– Не могу. Семинар до полуночи. Завтра?

– Никак. И София ночует в комнате до выходных. Можно в субботу...

– Экзамен в воскресенье утром.

Суровая проза жизни.

– Значит, восемнадцать минут.

Признав свое поражение в борьбе с застежкой, Диз отступил, а я поспешила стянуть платье через голову.

– Не боишься шокировать бедных студентов?

– Семнадцать. Уверен, что хочешь потратить их на разговоры?

Ответ не заставил себя ждать. Диз подхватил меня, и я обвила ногами его талию. А вскоре сама уже оказалась прижатой спиной к стене...

Вначале все было хорошо. Я даже решила, что зря беспокоилась. Все осталось как прежде, летом. С поправкой на безумное расписание, но из-за него оторванные с трудом у дел минуты становились только слаще. Мы все равно

были вместе, пусть в иные дни наше общение и ограничивалось эсэмэсками. Сказка продолжалась. Даже ГООУ казался теперь не мрачной темницей, а страной чудес, где между кошмарами прячется самое настоящее волшебство. И Диз знал все такие места. Нередко очередное приключение начиналось с него и моего вопроса:

– Ты где?

– В филармонии.

– У ГООУ есть своя филармония? – удивилась я, выходя из медкорпуса.

Никогда о ней не слышала.

– Почему я не удивлен? – хмыкнул в трубке Диз. – Скину тебе координаты.

Добавленная в студенческое приложение карта (кое-чья дипломная работа на тему «Маршрутизация в условиях темпорально-позиционных искажений подпространства», получившая сразу горячий отклик от топографических идиотов вроде меня и тех, кому надоело приходить на лекции лишь для того, чтобы убедиться, что нужный корпус переехал, не оставив после себя и котлована, – видите ли, на старом месте ему не хватало солнечного света) привела меня к газону перед чем-то зеркальным и футуристичным. А еще – к теплой компании, прямо на этом газоне и разлегшейся. Посреди образовавшегося круга коротко стриженная девушка играла на флейте что-то из Адели, а Диза я нашла крутящим в руках гобой и беседующим с парнем с ярко-зелеными дредами до пояса. Я подошла к ним.

– Только не говори, что умеешь на нем играть.

– Йоханн умеет, – Диз вернул инструмент хозяину. – Увы, меня учили лишь игре на фортепиано.

Вот так и знала, что без музыки в его домашнем образовании молодого сагиба не обошлось.

– Зато я знаю три способа, как им убить.

Я задумалась. Первый – это понятно, второй...

– Четыре, – заявила я после некоторых размышлений.

Парень с дредами опасливо на меня покусился, Диз же посмотрел задумчиво. Я ответила ему совершенно невинным взглядом. Нет, если подумать, можно и пятый сообразить, и шестой...

– С кем я связался? – в шутку восхитился аййтишник и протянул мне пол-литровый стакан с вином. – Садись ближе.

– Что мы здесь делаем? – шепотом спросила я, когда Диз, не удовлетворившись тем, насколько близко от него я опустилась на траву, притянул меня к себе.

– Отдыхаем. Слушаем музыку. Они примерно раз в месяц так собираются, всё пытаются выяснить, кто круче.

Отдыхаем? Я с тоской посмотрела на импровизированную сцену. Способов приятно провести свободное время я тоже могла немало придумать, но ни один из них не включал в себя посещение филармонии, пусть и на свежем воздухе.

– Терпеть не могу классику.

Диз только улыбнулся.

– Поверь, тебе понравится.

Девушка вернулась в крут, ее место занял зеленоволосый Йоханн. Несмотря на мало вяжущийся с моим представлением о музыканте симфонического оркестра образ, он свое дело знал. И любил, это читалось в выражении его лица с той самой секунды, как пальцы запорхали по клапанам. Моцарт – может, я не была фанатом классической музыки, но достаточно близко познакомилась с ней в детстве, чтобы распознать. На секунду я позабыла о Йоханне и замерла. Чьи-то пальцы увлеченно повторяли его движения на моем бедре, с каждым пассажем забираясь все выше. Выдержав паузу, я сделала поток и заглянула в хитрые зеленые глаза. Да. Пожалуй, понравится.

– Ты в порядке? – озабоченно поинтересовалась Райли, когда я забежала на артефакторный факультет и заодно решила подойти к ней.

Я в это время пыталась рассмотреть себя в полированной серебряной пластине и хоть как-то пригладить волосы. Хорошо еще, помады на мне не было – но припухшие губы все равно выдавали с головой.

– Эй! – рыжая пощелкала пальцами у меня перед носом. – Земля вызывает Наташу.

– Что?

Американка повторила вопрос, но понятнее от этого он не стал.

– В каком смысле? – рискнула уточнить я.

Что в моем виде вообще натолкнуло ее на подобную мысль? Выглядела я вроде не так плохо... Я покосилась на лежащий у края рабочей поверхности металл.

– Ты какая-то странная.

Сказала девушка, визжавшая от восторга, когда у нее получился первый зомби.

– Ты кажешься... счастливой.

– Потому что я счастлива, – терпеливо объяснила я само собой разумеющееся.

В это что, так сложно поверить?

– С ним?!

А почему бы и нет, в самом деле?

– Потому что он демон!

– Да, а у тебя очень странные представления о них, я помню.

Ну демон, бывает. Не худший вариант еще. Помолчав, что для нее вообще было несвойственно, рыжая экспрессивно всплеснула руками.

– Ты сама на себя не похожа! Куда делась обычная Наташа? Разумная и здравомыслящая?

Я снова покосилась на свое отражение. С большим таким сомнением. Отражение покосилось в ответ. Это точно про меня? Я-то считала себя беспросветной – и импульсивной – дурой. И пессимисткой. А это, оказывается, здравомыслие было...

– Тут она, – буркнула я. – Но можно я некоторое время без нее обойдусь и просто порадуюсь? Чем это вам всем мешает? Все равно все скоро кончится, получите вы ее обратно.

Макс не пытался говорить со мной на эту тему (Макс вообще избегал общения со мной, но я не могла его за это винить), но вот София уже не раз намекала, что слишком многое в моей жизни стало крутиться вокруг одного симпатичного зеленоглазого старшекурсника. Я в ответ оскорбилась: мне казалось, что у меня и кроме Диза дел было достаточно. Бертрам с библиотекой, попытки разобраться в структуре «Хантерс инкорпорейтед», учеба... Сереш меня даже специально позвал на какой-то суперэлитный семинар с приглашенным им для студентов четвертого курса преподавателем – стал бы он это делать, если бы у меня на уме был только Диз?

Рыжая обличительно ткнула в мою сторону медным прутом.

– Хотя это ты понимаешь?

Что наши с Дизом отношения не навсегда?

– Конечно, – я равнодушно пожала плечами. – И не я одна. В коммуникационном центре считают, что нам вместе осталось не больше двух месяцев.

Да, как и на любую предыдущую девушку Диза, на меня делали ставки.

– А ты?

А что я? Я попросила все еще работавшую в редакции Элли поставить за меня. На месяц. Сбудется – хоть выигрышем утешусь, нет – будет не так обидно.

– У меня ни одни отношения больше полугода не выдерживали, – поведала я.

С чего бы этим оказаться исключением?

– Вот! – взмахнула все тем же прутом Райли.

Кажется, этот жест должен был выглядеть наставительно. В реальности он вынудил меня уклониться в сторону и чуть не упасть со стула.

– И что? Все кончается рано или поздно. Но, пока у меня есть время, можно я не буду переживать и сфокусируюсь на том, что здесь и сейчас мне хорошо?

Не слишком часто такая возможность выпадает.

– А тебе хорошо?

– Да, – широко улыбнулась я. – Он... меня понимает.

Рыжая посмотрела на меня с искренним сочувствием.

– Ты же знаешь, это...

– Эмоциональная телепатия. Да.

Самая легкая – и самая трудная – из ловушек. Кто же удержится от такого соблазна: быть рядом с тем, кто действительно с тобой на одной волне? Кому не нужно ничего объяснять, кто догадывается обо всем с полуслова...

И не важно, что дело не в любви. Что он просто не может не копировать твои чувства, по капле отбирая у тебя силы. Какая разница, как и почему, если рядом есть он? Ровным счетом никакой.

Так, а вот с этими виноватыми взглядами надо что-то делать.

– И что? – повторила я. – У каждого свои тараканы. В конце концов, я же не спрашиваю, что вас с Максом связывает. Кстати, что у вас?

Рыжая задумалась.

– Сначала мы ругаемся, а затем у нас просто отпадный секс. Не знаю, дело в...

Я поспешила заткнуть уши.

– Забудь, что я спросила. Нет! – повысила я голос, заметив озорную улыбку. – Я твоя подруга, но я не буду с тобой это обсуждать!

В конце концов, может мне быть неловко?

– Потому что сама с ним спала?

Возможно. Посмотрев на часы, я встала.

– Мне пора. Сереш убьет, если опять опоздаю.

Очередной укол раз в две недели, будто цепь приковывающий меня к ГООУ. Райли настигла меня уже в дверях:

– Тебе будет очень больно, когда он тебя бросит.

Иногда рыжая бывала очень проникательна. Хотя и не особо тактична.

Я это знала. Не могла не думать об этом каждый раз, когда чувствовала его пальцы, запутавшиеся у меня в волосах, когда ощущала рядом запах нарциссов и перца, каждый раз, когда он заставлял меня врасплох, удивляя ничего не

значащим для него и таким важным для меня жестом...

– Будешь утешать меня и откармливать мороженым, когда это случится, – попыталась я перевести все в шутку. – Или что там положено делать подругам...

Когда все впервые пошло не так? Когда он появился в библиотеке? Нет. Позже. А тот его визит был даже милым.

Согласившись на сделку с Бертрамом, я не знала, на что подписывалась. Подумаешь, ассистент библиотекаря. Да студенты все равно обходили книгохранилище за километр! Что тут может быть сложного?

Ничего. Поначалу, когда работаешь только в общей секции – пустой, заброшенной, покрытой пятисантиметровым слоем пыли. Отделы, вход в которые был только по пропускам, как выяснилось, наоборот, пользовались большой популярностью. А студенты – это студенты. Схватить нужную книгу, разбросать по пути десяток случайно попавших в руки, забыть зачекинить учебник на выходе (и разбирайся потом с охранным заклинанием, от которого ломило виски и закладывало уши, – а еще отпавивай полудохлого нарушителя чаем с пятью ложками сахара), взяться голой рукой за помеченный красным корешок и чуть не лишиться конечности, вернуть справочник не на ту полку (и плевать, что некоторые тома враждовали так, что Монтекки и Капулетти по сравнению с ними казались обидчивыми детсадовцами)...

В общем, идиотов хватало. Работы – тоже. А если выдавалась свободная минутка, Бертрам с извращенной фантазией маньяка-садиста придумывали новые дела.

– Ты не должен здесь находиться.

Побочный эффект, когда чувствуешь магию: всегда знаешь, что рядом с тобой объявился кто-то еще. Никаких шансов укрыться за иллюзией-хамелеоном и остаться незамеченным. Запах вянувших нарциссов возник буквально из ниоткуда, как и холодный весенний ветер. Портал, значит. Несмотря на то что подвальные уровни библиотеки находились в отдельном подпространстве внутри подпространства. Сильно. И все равно – позер.

– Ты ведь осознаешь, что большая часть этих книг написана со слов моих соплеменников? Сомневаюсь, что почерпну из них что-то новое.

Среди стеллажей с литературой по демонологии демон смотрелся как минимум забавно. Подойдя ближе, он поймал сползший с переполненной тележки том и рассеянно пролистнул его.

– Отдай, – я выдернула учебник из его рук.

Привстала на цыпочки, пытаюсь поставить его на место, но роста не хватало. Диз за моей спиной хмыкнул и отнял у меня книгу.

– Еще с верхних полок есть?

Подумав, я отобрала из тележки пять других и показала, куда ставить. Раз он все равно здесь, пусть хоть нарушает правила с пользой. Для меня. А я пока прокручу в телефоне список из полутора сотен дел на сегодня и попытаюсь вспомнить, что еще забыла в него включить.

– Если ты пришел за сексом, то я занята, – предупредила я, вспомнив, что в библиотеке не одна. – У меня через полчаса латынь, а мне нужно закончить здесь и забежать к себе за конспектами для генетики, а еще вечером цитология, а я не открывала учебник, и вообще, давай не сегодня, ладно?

– У тебя все еще очень интересное мнение обо мне, – философски заметил Диз, прислоняясь спиной к шкафу. – Не находишь? Если бы я пришел за сексом, как ты выразилась, мы были бы уже в сравнительной антропологии.

Я почувствовала, что краснею. «Сравнительная антропология» стала за это лето еще одним словосочетанием, произнести которое с серьезным лицом я не могла. А все из-за того, что в том углу второго этажа стоял удивительно комфортный диван. И случайные свидетели туда не забредали. Кроме разве что одного...

– Ты не единственная, кого он туда водил, – между делом сообщили мне Бертрам, в очередной раз подтверждая мои подозрения: ничто не происходит в доме Малфаса без ведома Малфаса. – Рассказать об остальных?

На секунду я задумалась: чем, собственно, вызван вопрос? Бертрам были интересным собеседником, неплохим начальником и по сравнению с некоторыми знакомыми мне демонами не высказывали желания меня прикончить,

но... Они были из другого мира. И логика их сильно от моей отличалась, нередко ставя в тупик. Даже вопрос «Какая погода снаружи?» мог быть задан ими с подвохом, что уж говорить о таком!

– А сейчас он кого-то кроме меня сюда приводит? – ровным тоном поинтересовалась я, скрывая царапающую сердце ревность.

Бертрам молчали. Окунули вороний бисквит в (я надеялась, не человеческую) кровь и скормили скачущему по столу Стокеру.

– Нет, – наконец признали они.

Этого было достаточно. Прошное есть у каждого из нас. У меня тоже – и некоторые его кадры я бы предпочла стереть, не то что рассказывать кому-то, пусть и близкому...

– Я пришел узнать, как у тебя дела, – вернул меня в настоящее Диз.

Я моргнула. Серьезно? А позвонить и спросить нельзя было? Ответ остался бы тем же.

– Ты не объявлялась четыре дня. Обычно ты хотя бы пишешь. Все в порядке?

Сколько? Я вытащила телефон и посмотрела на сегодняшнюю дату. Похоже на то. Запоздало мне вспомнилось, что Диз звонил – но каждый раз в неподходящий момент. А в сообщения я не заглядывала: во входящих скопилось столько непрочитанных, что открывать было страшно. Я устыдилась.

– Все нормально. Просто... немного занята.

Брать вторую специальность было плохой идеей. Это стало понятно еще к концу первого месяца обучения. Мне и так учеба давалась тяжелее, чем остальным в ГООУ: все, с чем они жили, чему учились на протяжении восемнадцати лет, мне пришлось усвоить за два семестра. А еще Сереш, который невесть почему решил, что сделать из меня квалифицированного специалиста ему надо не за положенные три года, а прямо сейчас. Я ничего не успевала. Дни проносились один за другим, а я даже не могла вспомнить, что было на прошлой неделе. Или куда в последний раз видела Диза. Райли. Софию, с которой мы вечно не совпадали в графике...

О чем я только думала, составляя расписание?

Хотя понятно о чем. Я покосилась на Диза. О том, что некоторые справляются. С двумя специализациями – и не плетутся в хвосте, а каждую сессию занимают топовые позиции в рейтингах факультетов. И это работая большую часть дня. Управляя тремя чертовыми провинциями, в конце концов! Чем я хуже?

Ничем. Я не хуже. Не слабее. Я отказываюсь это признавать.

Со злостью я задвинула книгу на место. Диз промолчал, игнорируя мою вспышку.

– Ты все еще здесь, – констатировала я.

– Я тебе не мешаю.

Мешал. Он нервировал. Взяв с тележки следующую стопку учебников, я принялась их расставлять. Диз не уходил. Почему? Как у меня дела, я уже рассказала. И, честное слово, мне не до того.

– Почему ты так странно на меня смотришь? – не выдержала я, в очередной раз проходя мимо него; Диз подвинулся, освобождая мне место.

– Твои руки. – Я удивленно посмотрела на них. Что с ними не так? Ну, в пыли немного измазалась, с кем не бывает... Особенно локоть: пятно с кожи всухую никак не стиралось. – Ты перестала прятать шрамы. Мне нравится.

А, это. Я пожала плечами.

– Мне из-за тебя столько взглядов достается, одним больше, одним меньше... Без разницы.

Это не в упрек. Мы действительно были странной парой. Даже внешне, а уж с точки зрения тех, кто знал о природе Диза, – с точки зрения всего ГООУ... Часть студентов, видя меня рядом с демоном, смотрели с жалостью: еще одна дурочка, поверившая прирожденному лжецу. Часть – со злорадством, предвкушая неизбежный финал. Третьи следили за нами с переходящим в хамство удивлением – тоже мне, нашли реалити-шоу. Четвертые

тактично пытались объяснить мне мои ошибки. По сравнению с ними брезгливость, читавшаяся во взглядах тех, кто узнавал оставившую следы у меня на руках драконью кровь, не трогала. Да и вообще... Я замечала эти взгляды, но они меня не напрягали. От Диза заразилась, что ли? Впервые я поняла, что он имел в виду, когда говорил, что не хочет всю жизнь притворяться. Я тоже не хотела.

Здравствуй, мир. Меня зовут Наташа. У меня серьезные проблемы с психикой, и я попадаю в опасные для жизни ситуации, потому что лезу куда не надо. Шрамы от них останутся мне уроком на всю жизнь. А еще я влюблена в того, в кого, по мнению всех – и, возможно, даже по моему собственному – мне влюбиться не стоило. Не нравится? Отвернись. Потому что я больше не стану стыдливо прятаться за стенами комнаты и длинными рукавами.

Может, потому что впервые кто-то принимал меня такой, какая я есть, и я теперь знала, как это прекрасно. Может, потому что те, кто смотрел, ничего не знали обо мне. И понятия не имели, что у нас с Дизом происходит. Судили по себе, по своей картинке мира – а мне она была чужда. Я никогда не была наркоманкой и не гналась за силой. А что у нас было с Дизом... Никто бы никогда не поверил, но я знала: это все правда. Диз мне не солжет. И когда-нибудь все кончится, но это не отменит того, что все было по обоюдному желанию. Никаких подводных камней. Никаких скрытых мотивов. Никто никого не использовал. Просто два существа, которым почему-то захотелось быть вместе.

Касание пальцев, повторившее очертания шрамов, заставило вспомнить о филармонии и концерте под звездным небом – а еще растерять всю свою злость. Четыре дня, значит. Много же я пропустила. И даже не заметила... Как практически весь прошедший месяц. Ни одна учеба такого не стоит.

Я вздохнула и улыбнулась – неуверенно, вспоминая, как это делается. Сделала шаг к нему. Позволила обнять, потерлась щекой о рубашку: теплая фланель успокаивающе пахла перцем.

– Привет.

– Привет.

– Так что ты говорил про сравнительную антропологию?

– Ты же занята? – ответил мне с широкой улыбкой Диз, увлекая за собой на диван.

Я упала сверху и рассмеялась: как всегда, споткнулась в момент перехода. Ничего. Когда-нибудь научусь.

– Думаю, одну лекцию я переживу без конспекта. И тащиться обратно в общежитие... Не хочу тратить зря время. Я его и так в прошлом году много потеряла.

Я даже сумела не испортить все своей неумной ревностью.

Не то чтобы Диз давал повод. По его мнению, повода вообще никакого быть не могло: он ведь свою позицию объяснил. По крайней мере, он считал, что объяснил... Это случайно вышло, в один из вечеров, когда я только перебралась к нему.

– Да пошло оно все... в Ад, – буркнула я, не выдержав дум о его прошлых, будущих и, возможно, нынешних подругах. Отложила учебник по культуре Ада, собственно, эти думы и вызвавший, перекадилась на кровати поближе к Дизу и попыталась собраться с мыслями. – Слушай, я знаю, что у вас другие порядки и моногамия в их число не входит, но я вообще-то из далекой патриархальной России и не то чтобы верила в единственную на всю жизнь любовь – и уж точно не с тобой, – но, если что, лучше сразу скажи мне, чтобы я не выдумывала себе ничего и потом не расстраивалась... Да хватит уже надо мной ржать!

– Как скажешь, – согласился он и состроил непроницаемую рожу. Не помогло: смеющиеся глаза все равно его выдавали.

Пока я пыталась справиться с возмущением и вспомнить, на чем остановилась, Диз преспокойно вернулся к компьютеру, в чьей компании предпочел провести вечер. И это при том, что в постели его девушка ждала! Хам.

– Согласен, – отозвался он, хмурясь и запуская пятерню в волосы.

С чем? Не с моей ведь последней мыслью? На всякий случай я решила уточнить.

– Я не делюсь своими девушками. Считай это брезгливостью, но после того, как тебе предлагают присоединиться к собственному отцу, как-то не заводит, – заявил он. Еще бы... – А если я выдвигаю подобные требования, будет справедливо, если я тоже буду следовать своим правилам.

Кажется, мне только что пообещали не изменять... Точно расшифровать, что должна была значить предыдущая тирада, я не могла. Так что же получается, у нас, как сказала бы Райли, все эксклюзивно?

– Не припомню, чтобы ты от меня что-то требовал... – неуверенно протянула я.

– Учитывая твой характер, в этом нет нужды, – наконец Диз соизволил обернуться и с любопытством посмотрел на меня. – Я не прав?

Я пожала плечами. Прав, наверное.

К сожалению, разговор тот не сильно помог. Потому что Диз – это Диз. И, не понимая ревность как концепцию, он также не понимал, что эту самую ревность и вызывает. Улыбками, которыми одаривал заходивших в IT первокурсниц. Шутками и ласковым обращением «крошка». Полным игнорированием еще одной концепции – личного пространства. Тем, что и у других считал такое поведение нормальным.

Ладно, может, в такой манере общения не было ничего криминального. У меня были проблемы, я знала. Неуверенность в себе и паранойя – убийственное сочетание. Для окружающих – тоже, но в первую очередь – для того, кто с этим живет.

Они сидели за одним из столов на улице. Ничего удивительного: уже неделю в ГООУ царила весна, и все студенты старались не задерживаться в аудиториях. Рука Диза расслабленно лежала на спинке скамьи, с того же бока к нему привалилась она. Иссиня-черные волосы. Синие глаза, яркие, как бутылка из-под «Бомбей Сапфир». Пухлые алые губы. Черты лица настолько точеные, что Меган Фокс по сравнению с ней показалась бы простушкой.

– Привет.

Конечно, они меня не заметили. Уставившись в монитор, обсуждали что-то, понятное только им и выглядевшее для меня как беспорядочный набор иероглифов из рума. И лицо незнакомки, когда она оборачивалась посмотреть на Диза, оказывалось слишком близко от его, чтобы я чувствовала себя спокойно.

– Шивон – Наташа, Нат – Шивон, – рассеянно представил нас Диз, обнаружив мое присутствие. – Садись.

Даже на секунду от экрана не оторвался. Ни поцелуя, ни единого взгляда. Ни «кстати, это моя девушка», ни пояснений, что его связывало с брюнеткой... в порыве эмоций слишком ярко вцепившейся в его руку.

Вообще, этого следовало ожидать. Диз был красив, без всяких оговорок. Раскован. Обаятелен. Относился – по крайней мере внешне – к жизни с той легкостью, какая не могла не привлекать. А я, особенно если учесть, что половина студенток в ГООУ даже отдаленно не были людьми, а для некоторых красота была способом обеспечить себе пропитание (Да не в смысле проституции! Скорее я имела в виду Карис и подобных ей)... Я была обычной.

Что не мешало мне ревновать. Очень, очень сильно ревновать. И время от времени жалеть, что на Диза нельзя надеть паранджу, как на арабскую женщину. Может, тогда бы количество нечеловечески прекрасных девушек в его окружении хоть немного уменьшилось бы.

Представив себе выражение лица Диза, когда я предложу ему такой вариант, я уткнулась носом в его плечо и всхлипнула.

– В чем дело? – недоуменно спросил он.

Я только помотала головой, пытаясь не расхохотаться.

Нет, все-таки некоторым идеям лучше оставаться идеями. В голове. Никогда и ни за что не высказанными вслух.

Справедливости ради, Дизу хватило такта дожидаться, пока они закончат обсуждать свое программирование и Шивон уйдет (собственным жестом потрепав его по волосам), прежде чем поинтересоваться:

– Может, объяснишь, почему мой научный руководитель вызывает у тебя такую странную реакцию?

– Это была твой научный руководитель?

Теперь настала моя очередь удивляться. Та самая профессор, которая по его рассказам представлялась скорее пожилой дамой с научными степенями вместо детей и внуков? Одна из первых специалистов в своей области, посвятившая последние сорок лет работе в ГООУ?

– Да она больше на студентку похожа!

Диз что-то невнятно пробормотал, привычным жестом вынимая у меня из пальцев стакан с кофе и делая плоток.

– День, когда ланон ши решит выглядеть на свой возраст, станет началом конца для обоих миров.

Ланон... Секунду, это те, что в ирландской мифологии приносят вдохновение, а потом выпивают жизнь из влюбленных в них творцов?

– Не боишься?

Пусть она и была преподавателем, это не значило, что она не опасна. Ректор, вон, студентами питается; вдруг Шивон ими тоже не брезгует?

– Нечего. Я же не гений.

– Уверен?

Диз широко улыбнулся:

– Мне стоит считать это комплиментом?

За что получил тычок в бок. А еще за кофе – который в этот раз, под его жалостливым взглядом, я даже не нашла в себе сил отнять.

– Уверен, – ответил он. – Я не гений, просто очень упорный ремесленник. Такие Шивон не интересуют. Не в этом плане.

Это определенно успокаивало. Ревность ревностью, а чтобы его съели, не хотелось. Даже если подобное развитие событий было маловероятно.

– Все равно, почему ты не рассказал, что она выглядит как модель «Виктория Сикрет»?

– Это важно?

Для меня – важно.

– Ты же не забыл упомянуть, что она была знакома с Адой Лавлейс.

– Это Ада Лавлейс.

Аргумент. Я хихикнула над почти фанатским трепетом, прозвучавшим в его голосе.

– Никогда бы не подумала, что ты можешь быть таким ботаником.

Диз ухмыльнулся:

– Прости, что разочаровал.

– Да нет... – я прижалась щекой к его плечу. – Поверишь, если я скажу, что это даже немного мило?

– Не особо.

– Я тоже, – с легкой душой солгала я.

Его расписание тоже не стало камнем преткновения. Я отдавала себе отчет в том, что никогда не буду для него на первом месте: в самом деле, что такое девушка в сравнении с тремя провинциями? Да и мое собственное было не менее загруженным. В итоге нас обоих устраивало, что ни один не ждет и не отвлекает постоянно другого. Ну, как не ждет... Даже несмотря на всю нагрузку, я была посвободнее Диза. Поэтому к нему заходила чаще и оставалась, пока он не освободится.

Пока Диз работал, я болтала ногами, сидя на его столе, и читала очередной притащенный Бертрамом любовный роман. Зная мои вкусы, библиотекарь умудрилась находить для меня самые отменные экземпляры. Этот опус о любви бедной, но гордой аристократки к брутальному (не знаю, мне он показался просто невоспитанным) и очень таинственному главному герою, чье обаяние, конечно же, заставило тело героини предать ее уже на двадцатой странице, тоже был на уровне. Только я успела пережить пятистраничные описания ее белоснежных кудрей и его каменного торса, как «она простонала...».

– «...Когда он проник своим языком в ее ротик и начал его изучать». Знаешь, по-моему, подсознательная тяга твоих авторов к научным исследованиям весьма похвальна, – прокомментировал Диз, читая вверх ногами. – Осталось только ее осознать и сменить род деятельности.

Значит, кое-кто закончил дела и может уделить мне часть своего драгоценного времени? Я выдержала хитрый взгляд зеленых глаз.

– Хватит критиковать мой выбор литературы.

– Признай, это ужасно.

В глубине души я была с ним совершенно согласна. Но из чувства противоречия пролистнула на пару страниц вперед и приготовилась с чувством декламировать текст.

– Ты преувеличиваешь. Все вовсе не так страшно! Вот, послушай. «Не выдержав обжигающей страсти, она протянула к нему руку, дотронулась до его могучей груди...»

Окей, тут реальность уступала роману. Выпирающие ребра под рукой ощущались не очень впечатляюще. С другой стороны, могучая грудь? На ум сразу приходил силикон пятого размера. Нет уж, лучше так.

– «И скользнула ниже. На мгновение она смутилась, но жажда была слишком сильна. Закусив губу от страха, она взялась за пряжку на его ремне и растянула ее, после чего...»

Действовать одной рукой было очень неудобно. Пришлось книжку отложить.

– После чего...

Я скосила глаза на потрепанный томик. Черт, какой абзац я читала? Сильные руки подхватили меня за талию, и со стола Диз пересадил меня к себе на колени. Я вцепилась в его плечи, чтобы сохранить равновесие.

– Эй!

На губах у него появилась довольная улыбка. Моя любимая. Улыбнувшись в ответ, я в очередной раз почувствовала, что за нее готова простить ему все. Даже полчаса ожидания. Даже до ужаса снобский вкус. Даже такой способ перемещения. Тем более что в этом положении я в кои веки могла смотреть на него сверху вниз. Я наклонилась, чтобы поцеловать его, но...

– После чего что? – терпеливо напомнил мне этот демон, уворачиваясь.

– Какая разница? Ты же сказал, что это ужасно.

– Но ты решила меня переубедить. – В данный момент мне было совершенно не до переубеждений, но его это, кажется, не волновало. – Посмотрим...

Придерживая меня одной рукой за спину (как я подозревала, чтобы не сумела выхватить у него роман), Диз потянулся второй за-pocketбуком. Только не это...

– «Руки Эдварда скользнули по ее спине и принялись за платье. Его пальцы медленно расстегивали одну перламутровую пуговичку за другой, вызывая в ней болезненное желание каждый раз, когда касались кожи...»

Пуговиц на моем платье не было. Но имелась молния, спускавшаяся до самой поясицы. И, хотя не было никакого болезненного желания (честно? Я бы в таком случае поспешила обратиться к врачу), от ощущения холодного металлического замочка я вздрогнула. Как и от прохладных пальцев, повторивших по спине его путь.

– «Когда он растягнул его, Эмма повела плечами и позволила шелку упасть на пол возле ее ног...»

Вот еще. Дождавшись, когда Диз доведет молнию до конца, я стянула платье через голову и отбросила в сторону,

после чего взялась за его рубашку. Вот уж у кого были пуговички! Надломив об одну из них ноготь, я невольно отвлеклась и прислушалась. А затем всхлипнула, только, в отличие от героини, не от наслаждения, а от смеха.

– «Вершинки ее сосков призывно поглядывали сквозь нижнюю рубашку. Эдвард облизнул губы, смотря на острые пирамидки ее груди, обтянутые полупрозрачной материей...» Как считаешь, это альтернативная физиология, или на уроках геометрии автор тоже строчил романы?

– Второе.

– Уверена? Я склонен поставить на первый вариант. Дальше здесь...

– Замолчи, – простила я, уткнувшись лбом в ту самую немускулистую грудь и содрогаясь от беззвучного хохота. – Всё что угодно, только заткнись.

Я ничего не имела против здорового смеха в постели, но обсуждение мутантов убивало все желание напрочь. А, судя по описанию, никем иным главные герои быть не могли.

Как ни странно, подействовало. Прекратив меня мучить этим способом, Диз вернул роман на стол. Снял очки. Заглянул мне в глаза. Пальцы у меня на спине медленно повторили очертания лопаток, спустились по позвонкам до последнего – и остановились чуть ниже.

– Все? – со значением повторил он.

Только тогда я вспомнила, как дышать.

Никогда не бросайтесь громкими фразами рядом с демонами! Там, где вы и не заметите небольшого преувеличения, они поймают вас на слове. И не преминут об этом сообщить.

Ладно, Диз. Я принимаю вызов. Ерзнув у него на коленях, я потянулась, чтобы поцеловать его – а он наконец позволил.

– Я же сказала.

Так когда все это изменилось? Пошло наперекосяк, будто и не было последних месяцев. Что стало первым знаком? Что послужило причиной? Появление приглашенного Серешем преподавателя?

Да, пожалуй, можно было назвать это точкой отсчета...

Глава 3

В любви и на войне

Кровь – это жизнь. Нет, также эту функцию выполняют мозг и ЦНС, сердце, почки, печень, селезенка и прочий ливер, скелет и все остальное, но в соотношении «цена – качество»... Тьфу, в смысле «затраты – результат»... Короче, мало у кого найдется время, чтобы выломать грудную клетку и вытащить сердце – или выгрызть костный мозг. А по сравнению с волосами, ногтями, соплями и прочими жидкостями в организме в крови магии было гораздо больше. Поэтому самым частым внутренним источником магии становилась она. Она же использовалась и для идентификации: думаете, откуда взялась сказка про контракты, подписанные кровью?

Никогда не верила в эзотерические бредни, что кровь – носитель информации. До поступления в ГООУ. Теперь все было иначе. Хотите, определю, когда вы бросили курить или сколько на вас заклятий? Я могу, честно. Просто уколите палец.

Из-за этого свойства чаще всего именно на кровь накладывались направленные заклинания. Причем не обязательно разжигаться кровью бедной жертвы, достаточно оставить на ней пару капель своей. Дистанционное управление, магический вариант. Мне довелось на себе попробовать – неприятная штука.

В магии крови вообще мало приятного. Металлический привкус во рту, плохо отстирывающиеся пятна на одежде и порезы, щиплющиеся в душе, – самые безобидные из ее составляющих. И все же я ее выбрала. Не буду говорить, что выбора у меня не было: я могла дальше игнорировать очевидное и упираться лбом в стенку. Но не стала.

Возле кабинета я оступилась, почувствовав его: запах гари и чужие крики, необъяснимая тревога за мгновение до крушения. Он был силен и забивал всех остальных присутствующих, казавшихся рядом с ним еле слышным эхо. И я его знала.

Еще до того, как я его увидела – полыхающие пожаром рыжие волосы и красные брызги веснушек, алый же редингот и заправленные в сапоги джинсы, – я поняла, кто предстанет передо мной. И уже порывалась развернуться (плевать, что скажет о прогуле Сереш!), когда он меня заметил:

– Опаздываешь. Будь ты у меня дома, заслужила бы за это плетей.

Или чего похуже.

«Если бы ты согласилась на сделку со мной, я бы поставил свою метку здесь...»

Я вздрогнула от взгляда вишневых глаз и воспоминания: пальцы, скользящие по внутренней стороне бедра, и страх. Паника, затмевающая собой и злость, и отвращение, комком стоящая в горле и не позволяющая избежать прикосновения.

О чем думал Сереш, приглашая в ГООУ его?!

Уйти мне не дали.

– Садись, – бросил мне Соррел, и ноги сами понесли меня к ближайшей парте. – Молчи и не двигайся.

Помните, я говорила про каплю крови и дистанционное управление? Вот это оно и есть. Мне оставалось только выполнить приказ. Четверо старшекурсников – магогематология как специальность никогда не пользовалась популярностью – проследили за мной немного удивленно, даже не догадываясь, что лучшая демонстрация ее возможностей разворачивается у них на глазах. А потому быстро потеряли ко мне интерес – особенно сидевшая в первом ряду студентка с темными волосами, стянутыми в высокий хвост. Повернувшись к Соррелу, она не удержалась от еле слышного вздоха, до страшного мечтательно прозвучавшего в повисшей тишине. Судя по тональности, с демонами она раньше знакома не была.

– *Erstens*, я не преподаватель, – начал брат Диза, меряя шагами аудиторию. – Но друг попросил рассказать вам, детишкам, о настоящем искусстве и показал, чему вас тут учат...

«Магические анемии: принципы диагностики и лечения» он с брезгливым видом кинул в мусорную корзину. Все-таки я была права: снобизм у них в семье передавался генетически.

– Для начала: кто из вас слышал о законе Лукреция Теренция?

Никто. Увидев полное непонимание в глазах студентов, демон скривился и развернулся к доске. С его легкой руки вайтборд через пять минут был полностью покрыт формулами и схемами. Выйди они из-под другой руки, я бы даже пожалела, что не могла ничего записать: такого приказа мне никто не давал. Нет, Соррел не был учителем. Но мог бы им стать. Он многое знал о магии крови – и был способен прятать свои психопатические наклонности достаточно долго, чтобы эти знания донести до других. Вполне возможно, я бы даже оценила лекцию, на которую меня записал Сереш, если бы не злилась так, пытаясь сбросить чужой контроль.

– При дезактивации проклятия на крови вы бьете по организму в целом, что увеличивает нагрузку и повышает вероятность летального исхода. В то время как точечная работа с моментом первоначальной манифестации проклятия является более эффективным методом, как показывают проведенные нами в две тысячи тринадцатом году исследования, в тридцати девяти процентах случаев...

Даже не хочу знать, на ком Абигор эти исследования проводил. И с какой целью. Ладони снова разъедало от чужой магии. Я вспомнила Ад. Оторванную конечность у меня в руках, чужую кровь, впитывающуюся в кожу. Маячок, сканер, ментал, сказал мне тогда Диз. Последним Соррел сейчас успешно пользовался.

Уничтожить бы его. Стереть даже воспоминание. Выжечь. Как тогда в Аду, когда магия взбрыкнула, и Огонь вырвался из-под контроля.

Но ты в ГООУ, Наташа. Здесь у тебя такой силы нет.

– Достаточно.

Не сразу я поняла, что имел в виду Соррел. А когда осознала, что лекция закончилась и я могу встать, дала деру. К сожалению, безуспешно.

– Далеко собралась, крошка?

– А ты? – телефон, который я только что достала, пришлось спрятать за спину.

Предупредить Диза, что его брат в ГООУ, было не просто нужно – жизненно необходимо.

– За тобой. Как повезло, что нам нужно в одно место. Заодно проводишь.

– Ты понятия не имеешь, куда я иду.

– Туда же, куда нужно мне.

– Уверен? Я в туалет направлялась.

– Отлично.

Только демоны умели улыбаться так пугающе, уверена.

– В женский, – уточнила я.

– Даже гени не такие идиоты, чтобы не построить рядом мужской. Знаешь, крошка, – на глазах у других студентов рука по-хозяйски легла мне на плечи, притягивая к нему, – я надеялся тебя здесь увидеть.

И снова голос опустился почти до интимного шепота, как в тот раз, в галерее.

«Не показывай ему свой страх, это его только раззадорит».

Легко сказать, Диз. Не у тебя на лопатке сейчас длинным ногтем рисуют сигиллу Абигора. Меня передернуло от отвращения.

– Зачем же?

– Было бы так неудобно искать братишку по всему университету. Я рассчитывал, что ты приведешь меня к нему. Но, – быстрый выпад, и руку мне заломили за спину; содовый выскользнул из сведенных судорогой пальцев, – это даже лучше.

Подобрать мобильный он тоже успел раньше меня.

– Отдай!

– Так мило, – прокомментировал Соррел. Мурлыкающие нотки исчезли из его голоса, словно их и не было. А я почувствовала, как снова теряю контроль над своим телом. – Я был уверен, что ты давно успела ему наскучить, но, судя по реакции, я не прав. Странно.

– Разве?

Двигаться я опять не могла. Спасибо, хоть голос оставили. Брюнетка с переднего ряда прошмыгнула мимо нас последней, недовольно посмотрев на меня.

– Длительные привязанности не в его натуре. Но ты – исключение...

Не хочу быть исключением. Редкости представляют для других ценность, а это опасно.

– С Асрой он не пару месяцев был, – инстинкт самосохранения заставил меня возразить.

– Асра – это другое.

Безусловно. Первая любовь и все такое. Не успела я позлорадствовать, что демон наткнется на пароль, как он его угадал. И теперь листал список контактов.

– Откуда ты вообще знаешь, как им пользоваться?

Во времена Гейне и сюртуков айфоны еще не производили, я проверяла.

– О братце можно сказать многое, но дуры его обычно не привлекают. Отлично притворяешься, крошка, – деловым тоном оценили меня. – Не переборщи.

Точно. Глупый вопрос. Наверняка Диз научил. И мобильным пользоваться, и свои шедевры в интернете выкладывать, и порнушку с торрентов качать... Соррел приложил трубку к уху и жестом велел мне молчать.

– Угадай кто? – предложил он, когда на том конце ответили. – Отец хочет передать тебе сообщение.

А если Абигор чего-то желает, он это получит. Заклятие спало, оставив вместо себя опустошающую усталость. Глупо было надеяться, что Абигор просто так забудет о ДIZE, после того как тот осмелился сбежать из Ада. Любой другой глава круга своего сына за подобное неповиновение убил бы. К счастью (или к несчастью?), Абигор был умнее среднестатистического демона.

Что ему теперь понадобилось? Ничего хорошего ждать не приходится.

Нажав отбой, Соррел сунул телефон в карман:

– Потом заберешь у братишки.

По крайней мере, это значило, что к концу их встречи Диз должен остаться в живых. Обнадеживает. Заметив спешившего к нам по коридору мужчину в белом халате, Соррел скривился и снял контроль.

– Я тебя еще застал здесь, отлично, – Сереш оттянул мешающий воротник и кивнул мне. – Переночуешь сегодня у меня. У меня через полчаса пациент, подойдешь к восьми, провожу тебя до квартиры.

Кажется, нет нужды гадать, какой друг попросил Соррела нанести визит бедным глупым студентам. Интересно, Анн-Мари в курсе, какие у ее жениха приятели?

Демон воспользоваться предложением не спешил.

– Я уже нашел комнату, – лениво сообщил он вместо этого.

Индиец огладил бороду. Впервые в его взгляде промелькнула настороженность.

– Студентка?

– Аспирантка.

– Тогда ладно.

Серьезно?

– И ты просто так егопустишь? – не поверила я.

Гулять по ГООУ? Одного? Демона? Причем не из тех, кто учился в университете, – из тех, кто провел последние несколько веков в Аду и до сих пор считал, что из черепа врага можно сделать отличный кубок. Или пепельницу.

– Он мой друг, – коротко ответил медик, шурясь на запищавший пейджер. – И у него трекер под кожей. В таком случае жду тебя в лаборатории завтра к семи, – это уже относилось к Соррелу. – Не опоздай.

А ведь и в самом деле егопустит...

– Подожди! – вцепилась я в белый рукав. – Ты хоть представляешь, кто он?!

Индиец замер, так и не опустив вторую ногу. Лишь через пару секунд вспомнил и обернулся к нам.

– Он не представился? Наташа – Росс. Из круга Абигора, так что один из братьев твоего Амавета. Мы иногда привлекаем его как эксперта...

Не моего.

– Соррел, – мрачно поправила я. – В этом веке он предпочитает зваться Соррелом. Мы знакомы.

– Она питает ко мне очень теплые чувства, – откликнулся рыжий, намекая на вспомнившуюся мне сцену. – Я бы даже сказал, горячие. Не переживай, крошка: люди говорят, от ненависти до любви один шаг.

А путь до убийства и того короче.

– Это не ненависть, – я все-таки скинула руку. – Это омерзение.

– Два шага? – Соррел подмигнул мне на прощание. – Увидимся, крошка.

Надеюсь, что нет.

И ведь действительно ушел. А Сереш, листая что-то на телефоне, поспешил в другую сторону. Я последовала за ним.

– Он здесь надолго? – поинтересовалась я у Сереша.

– Пока рассчитываю на трое суток. Еще шестьдесят четыре часа, – уточнил медик, проверив время. – Посмотрим, как блокатор работает. На этой стадии мы тестируем минимальную дозу...

– Блокатор?

– Аналогичный твоему. Но препятствует любым перемещениям через Границу, даже в родной мир. Нам он давно нужен, но было сложно вычлениить именно психопомпную составляющую, пока мы не получили твои анализы.

Спасибо. Всегда мечтала послужить на благо человечества в роли лабораторной мыши. То есть посылать Соррела в Ад – во всех смыслах – сейчас было бесполезно? Блеск.

– Почему ты тестируешь его не на студентах?

И почему именно на Сорреле, через которого Абигор решил передать весточку Дизу? Никогда не верила в совпадения.

– Слишком затратно платить им за подработку, а по договору об обучении мы обязаны это делать. Нужен кто-то, кто согласится на это бесплатно, кого устроит кратковременное пребывание здесь и кто не захочет попасть отсюда на Землю. А Росс – один из самых адекватных, к тому же я давно хотел его повидать...

Адекватный, как же. Я не удержалась от смешка. Нервного. Сереш недоуменно на меня посмотрел.

– Он распиливает своих бывших жен и хранит их в шкафках!

– И что?

Действительно. Что в этом такого, Наташа? Подумаешь, мелочи.

Диз действительно оказался жив после их встречи. И даже относительно цел, если не считать ссадины на скуле. Впустивший меня Бенедикт молча исчез, оставив нас наедине – вскоре я поняла почему. В синем полумраке комнаты Диз сидел, откинувшись на стуле, и смотрел куда-то за окно. Даже с порога было слышно, как в наушниках грохотал рок, а сам он... Рядом с демонами вообще было не слишком приятно находиться. Из-за их магии: чувствовалась не только их чуждость Огню, но и сила, превосходящая всю, что я сумею скопить за свою жизнь. Они могли ее спрятать – мастера иллюзий все-таки. А могли и не скрывать. Как сейчас. Я осторожно приблизилась и села на краешек стола. Выключив музыку, Диз медленно перевел взгляд на меня.

– Прости, – повинулась я.

– За что?

– Не успела тебя предупредить.

Диз равнодушно пожал плечами.

– Соррел все равно бы пришел. Это ничего не изменило бы.

По факту – да. Но для меня это было важно. Я зябко поежилась. Дело было не в физическом холоде: когда перестаешь думать о себе как о человеке, он мало беспокоит. Это ощущение было... как у огонька, понимающего, что налетающий порывами ветер его потушит.

Глупо.

Опасно.

Диз не зря спросил однажды, почему я его не боюсь. Я прекрасно осознавала, как легко ему далось бы мое убийство – более того, он сам мне продемонстрировал. Но тысячи людей прекрасно справлялись с убиением себе подобных безо всякой магии и наследственности, отяжеленной наличием богов в анамнезе. Значение имеет не возможность, а желание. Диз моей смерти не хотел.

– Что это? – заметила я на столе бархатный футляр.

Потертый, с золотым тиснением. Я склонила голову, пытаюсь разобрать надпись. Лалик? Не та вещь, которую можно было найти у Диза. Он подвинул коробочку ближе.

– Отец решил передать тебе подарок.

Абигор? Сплотнув комок в горле, я попыталась взять себя в руки. В отличие от Диза, герцога я боялась. Только дурак не боялся бы. А попасть в его поле зрения...

– С чего это вдруг?

– Полагаю, к твоему дню рождения. Несколько запоздало, но...

– Я имела в виду, почему Абигору вообще пришло в голову мне что-то дарить?

И зачем герцог помнит такие даты? Даже Диз не помнил. Вернее, наверняка знал, но охотно подыграл мне, сделав вид, что не заметил мой день рождения. А может, не придавал значения: в Аду никто не праздновал очередной прожитый год.

– Захотелось.

Из-за уха Диз достал сигарету: еще один жест, скопированный им у Соррела. Я поморщилась.

– И часто он дарит подарки девушкам, которых видел раз в жизни? Как он еще не разорился: таких знакомых у него должно было скопиться несколько миллионов?

– Возможно, ты произвела на него неизгладимое впечатление.

Я покрутила пальцем у виска. Диз наконец улыбнулся, выпуская в полоток дым.

– Я серьезно, Нат. Почему тебя удивляет тот факт, что ты нравишься моему отцу? Ты на него похожа.

Я не ослышалась?

– Искренне рекомендую подумать над последней фразой еще раз, – посоветовала я ровным тоном.

Слишком ровным для меня – и Диз это знал. Но не понимал другого:

– Что с ней не так?

– Во-первых, потому что у тебя очень дикие комплексы, если ты выбрал себе девушку, напоминающую об отце. Во-вторых, чем я, по-твоему, похожа на Абигору?!

Мы, на секундочку, говорим о демоне войны! Герцоге Ада, командующем шестью десятками легионов. Завоевателе всего и вся, оружейном бароне, сколотившем не один миллиард на оборонной промышленности, убийце немыслимого количества людей и нелюдей. Да в отличие я от него маленькая и добрая! И очень по-доброму убью кое-кого, если он осмелится ответить на этот вопрос в своей обычной манере.

Диз не разочаровал:

– Разве ты не видишь? Ты оченьходишь на его детей. – Я закатила глаза. Блеск, теперь меня сравнили еще и с Соррелом. – И на него самого в юности. В тебе есть... огонь. Я сейчас не о магии. Желание.

Кажется, я потеряла нить рассуждения. Только этим можно было объяснить то, что я не знала, что возразить.

– У тебя есть внутренний тормоз, – продолжил Диз; на секунду его пальцы замерли напротив моего сердца. – Мораль. Сострадание. Но без них окружающим стоило бы тебя опасаться. Когда ты вспыхиваешь, тебя ничему не остановить. В этом вы похожи.

Мне лично при знакомстве Абигор показался хладнокровной расчетливой скотиной. Не обращающей внимания ни на что и сметающей все на своем пути к цели, но если Диз это подразумевал... Пожалуй, я только что получила самый странный комплимент в моей жизни. И я это говорила не в хорошем смысле.

– Если бы у тебя была возможность, если бы тебе ничего не грозило, разве ты не убила бы Соррела?

Это шутка? Избавить мир от маньяка-психопата? Я придержала едва не сорвавшийся с языка ответ.

– Напомни, насколько ты дорожишь своими родственниками?

Диз рассмеялся.

– Ты бросаешь вызов ГООУ, объявляешь войну Охотникам, переходишь дорогу Абигору, не склоняешься перед Соррелом, и все потому, что считаешь себя правой. Даже страх тебя не останавливает. Понимаешь, о чем я говорю?

– Твою альтернативную демоническую логику понять невозможно, – проворчала я. – И в случае Соррела я права, признай! Твой брат хранит трупы жен у себя в спальне!

Длинный, не по-человечески изучающий взгляд был мне ответом.

– А если я скажу, что в смерти своей первой жены он не виновен? Ее убил отец. Решил, что Соррел слишком заигрался в человека.

– Это все еще не объясняет расчлененку.

– Ему нужен был якорь. Что-то, что удержало бы его и напоминало бы о том, кем он был. Это меняет дело?

Судя по всему, якорь не помог, попытка провалилась. Но на секунду в душу закралось сомнение. Соррел не всегда был таким психом? Сложно представить, однако...

– Возможно.

– А если я скажу, что всех остальных убил он? В основном от скуки. Что тогда?

Равнодушие на его лице сменилось любопытством, и это взбесило.

– Хватит! Довольно твоих психологических экспериментов! Я не похожа на Абигору, – отрезала я, – и тема

закрыта. И я понятия не имею, почему твой отец решил подарить мне... Не знаю, что там внутри...

– Открой.

– Я еще не настолько сошла с ума, чтобы принимать подарки от демонов. Ты – исключение.

– Но даже от меня ты потребуешь дюжину клятв, прежде чем убедишься, что у меня нет скрытых мотивов, – без слов понял Диз. – На нем ничего нет. Ни единой крупы магии, все безопасно. Открой.

– Ни за что!

Поняв, что меня не переубедить, Диз сам откинул крышку. На выцветшем от времени бархате лежал кулон. Ласточка. Золотая. Старая. С тельцем из переливающегося радугой в свете настольной лампы огненного опала и крыльями, распростертыми над витражно-прозрачным эмалевым небом. Почти живая. Несмотря на возраст и тяжесть, она словно дышала, будто билось под странным полированным камнем маленькое сердце. Я машинально протянула руку и, опомнившись, отдернула.

– И почему твой отец считает приличным дарить мне украшения?

– Почему это должно быть неприлично? Брось, Нат, только не делай вид, что ты удивлена. Что ты ожидала увидеть внутри?

Учитывая наклонности его другого сыночка – как минимум отрезанную часть тела. Ухо, к примеру Или палец. Диз фыркнул в ответ на мое выражение лица.

– Я это не приму.

– Ты опять это делаешь, – закатил он глаза.

Пытаюсь переспорить герцога? Да сколько угодно! Но даже в руки не возьму.

– Не знаю, как в твоём мире, но в моём украшения покупают супругам, любовницам или дочерям. Я Абигору не жена и уж точно не...

– Возможно, он относится к тебе как к дочери? – немного неуверенно предположил Диз.

И отчего я сомневалась?

– С чего бы? К тому же с вашими милыми привычками лучше от этого не становится. Как поживает твой братоплемянник?

– Зейн? Что с ним будет? – свободной рукой Диз подцепил цепочку и посмотрел кулон на свет. – Если тебя именно это смущает, то тебе он его не покупал.

– А кому? – вырвалось у меня.

Из любопытства, честное слово. Только по этой причине.

– Флоренс.

– Твоей няне? – покопавшись в памяти, вспомнила я. – Они с Абигором...

– У них были сложные отношения.

– Будто с вами бывают другие, – буркнула я.

Золотистые блики и голубизна неба, проглядывающего сквозь тучи...

– Она забавляла его. Была одной из немногих, кто не боялся дать ему отпор. Я помню, что он по-своему о ней заботился...

Дарил книжные новинки и баснословно дорогие подвески. А потом избавился от нее, когда потребность в гувернантке для сына отпала. Потрясающая забота.

– И тебе до сих пор не кажется странным, что Абигор решил подарить мне украшение, оставшееся от его бывшей

любовницы?! Я даже боюсь представить, на что он может намекать.

– Ты плохо знаешь отца, если так считаешь. – В его глазах появились смешинки. Или отблески камня так попали, растворившись в зелени. – Абигор не намекает. Он говорит открытым текстом. Или отрывает конечности.

Одна фраза, и весь мой запал как ветром сдуло. Холодным, жестким, отсутствовавшим на том балконе посреди темных очертаний башен и пепельно-серого неба.

– Не шути так, – попросила я. – Пожалуйста.

Потому что невозможно было не вспомнить скованные движения и искореженную руку.

– Ты ведь осознаешь, что мне не больно?

Все равно. Если кто-то научился не чувствовать боль, это не значит, что ее не было. Я пересела на подлокотник стула. В последний раз полюбовавшись подвеской, Диз кинул ее на бархат.

– Значит, не возьмешь?

– Ни за что! Отдай ее Соррелу, отправь вашим адским экспрессом или как вы всё туда доставляете, но я к ней даже не притронусь.

– Упрямая.

В его голосе не было осуждения. Восхищения тоже – просто констатация факта. Я пожала плечами. Какая есть. Но лучше упрямая и живая, чем покладистая и мертвая.

– Твой отец ведь не за этим послал сюда Соррела?

Рука легла мне на колено, пальцы медленно выводили на коже одному ему известные письмена.

– Не за этим, – признал Диз после паузы.

– Все еще грозит карами египетскими и мечтает тебя убить?

– Как ни странно, нет, – задумчиво произнес он, не отрываясь от своего занятия. Я нетерпеливо дернула ногой. – Наоборот.

Кто сдох в Аду?

– Что изменилось? Южный король решил окончательно лишить Мора титула?

– Наоборот, – повторил Диз. – Гаап горд своим сыном. На каникулах Мор показал себя достойным наследником, проявив себя во время подавления мятежа в Мегадоне.

Чем только люди (и нелюди) в каникулы не занимались... Я вот на реку ходила. По утрам бегала. Мороженое ела. А кто-то восстания усмирал. Даже неловко.

– Разве это не хорошие новости? – на всякий случай уточнила я.

Тогда Абигор должен отстать от Диза, разве нет? С детства Диза воспитывали так, чтобы он закончил ГООУ, договорился с «Хантерс», жил на Земле и управлял местной частью семейного бизнеса. Проблемы начались весной, когда юг Ада лишился Судии, а Южный король был готов признать своего сына недостойным позиции наследника. Тогда Абигор увидел больше пользы от пребывания сыночка дома. Но если Мор снова в фаворе, разве Абигор не должен вернуть в силу старый план?

– Возможно, – уклончиво ответили мне. – Зависит от того, какой ответ передаст сегодня от отца Соррел.

А вот, кажется, и подлянка. Я посмотрела на демона с подозрением:

– Если все отлично, почему ты сам не говоришь с отцом? Опасаешься чего-то?

На этот раз дело было не в освещении: улыбка была настоящей. Широкой, беззаботной и легкомысленной.

– Нет, но Соррела очень раздражает роль гонца.

– И ты специально его провоцируешь?

Конечно. Уж в чем, а в доведении других до белого каления Дизу не было равных.

– Если они тебе так не нравятся, тебе необязательно их покупать.

Туфли, призывно смотревшие на меня с экрана ноутбука, мне нравились. Я их хотела. Сильно. Настолько, что была готова отдать за них половину выплачиваемой мне Бертрамом зарплаты. Так что мрачное выражение лица предназначалось вовсе не им, как показалось Софии. Просто я поймала себя на мысли, что снова думаю о Сорреле – и остальных членах их семейки.

– Обязательно, – возразила я. – У каждой девушки должны быть красные замшевые туфли.

Соседка, вышедшая из ванной, промокнула волосы полотенцем и подошла ближе. Мы все еще категорически не совпадали с ней по времени: даже сейчас, в шесть утра, когда я уже встала и собиралась в библиотеку, она только вернулась в комнату. И в отличие от меня планировала лечь спать. Везет же некоторым! Я украдкой подавила зевотку.

– Тебя Райли укусила? Не припоминаю у тебя таких настроев.

Представив себе озвученную картину, я рассмеялась.

– Но согласись, они красивые.

София придирчиво посмотрела на изображение.

– На кровь по цвету похожи.

Я мечтательно вздохнула.

– И ты с них упадешь.

– Я умею ходить на каблуках! – Соседка с сомнением покосилась на неприличное количество балеток, сваленных на полу в углу. – Просто не люблю.

Но иногда можно. Особенно когда хочется ненадолго стать повыше – и ближе к кое-кому, такому недостижимо высокому.

– Если туфли ни при чем, то почему ты сидишь такая надутая?

– Я не... – взглянув на свое отражение в пудренице, я махнула рукой и призналась. – Брат Диза здесь.

– Ректор решил, что по ГООУ рассказывает недостаточное количество исчадий Ада?

– Нет, он не учится. Его Сереш на пару дней вытащил.

– И в чем проблема?

Сложно было объяснить. Но Диз вчера... О чем он думал, когда я зашла? И что мне не рассказал? Отчего-то не верилось, что появление Соррела может означать только хорошие новости. И ответ от Абигора, который тот должен передать...

– Если тебе не нравится их общение, ты можешь сказать об этом Дизу. Скорее всего, он поймет. Тем более на несколько дней...

Я же говорю: сложно объяснить. Я так и не смогла. Хотя от предложенного Софией варианта тоже не отказалась бы.

– Тогда я буду похожа на бешеную подружку, которая пытается контролировать каждое движение и запрещает общаться с родственниками.

– А ты не она? – беззлобно ухмыльнулась София и повесила халат на пустующий пока мольберт. – Извини.

Не за что. Зерно правды в этом было: я пыталась всё контролировать. Плохое, вредное занятие.

– Не переживай, – попробовала меня подбодрить София. – Ты сама сказала: пара дней. Может, вы с ним даже не столкнетесь, а потом всё вернется на круги своя.

Возможно. Но отчего-то в это слабо верилось.

София ошиблась: с Соррелом мы все-таки встретились. Один раз: я возвращалась после осмотра от Сереша, а он сидел в приемной медсервисов. Впрочем, «сидел» – это сильно сказано. Упал в кресло, вытянув ноги и устроив голову на одном из подлокотников. Ко лбу была прижата бутылка с минералкой – запотевшая, только что из автомата в холле, – а лицо выражало неземное страдание.

– Чего тебе? – недовольно буркнул рыжий, отвлекаясь на мгновение.

– Просто интересно, когда ты свой второй облик покажешь.

Демоны были странными существами во всех отношениях. Изначально, в стародавние времена, когда Граница была незаметна, а воздух в нашем мире не казался им ядовитым, они не отличались внешне ни от людей, ни от гени. Но, когда Земля перестала быть пригодной для их обитания, детям Воздуха пришлось окончательно поселиться на Хтоне. Малопривлекательное место. Мертвое, жестокое к своим обитателям. И, чтобы выжить в нем, им приходилось приспосабливаться. Теперь большинство обитателей Ада мало походило на людей, и дело было не только в когтях и крыльях – различий было куда больше. Только сильнейшие из сильнейших эволюционировали иначе. Как-то... Параллельно. Одно тело – человеческое, для Земли. Второе – неправильное и пугающее, но гораздо более выносливое. Как говорил Диз, человеческое тело – человеческие слабости. Физические ограничения, мелкие дефекты вроде дальновзоркости, с которыми легче было смириться, чем исправлять их магией... Второй облик потомков семидесяти двух кругов был всего этого лишен. В Аду все просто: ты убьешь, или тебя убьют. Слабым быть нельзя. Потому второе их обличье куда больше походило на генетически выведенное орудие для убийства.

– Желаете убедиться, что в нем я такой же симпатичный? – пробормотал Соррел, прикрывая глаза. Над губой, на испачканной кровью коже проступили бисеринки пота, да и выглядел он откровенно хреново.

И явно не стал бы терпеть неудобство, если бы у него был выбор. С Дизом я видела этот фокус много раз: ожоги, порезы, банальное похмелье... Неохота лечить их магией или дожидаться, пока регенерация сама все сделает? Сменить тело, хотя бы частично, вернуться в человеческое – и проблемы как не бывало.

– Ты не можешь! – догадалась я. – Еще одно действие блокатора? Круто.

Не открывая глаз, рыжий одной рукой закатал манжет, показывая вырезанные на запястье символы. Ограничители. Все-таки его не пустили разгуливать по ГООУ просто так. Я чуть не ляпнула, что Диз уже давно научился их обходить, но промолчала. Преимущество является таковым только до тех пор, пока о нем никто не знает. Вместо этого я покопалась в сумке и кинула ему упаковку обезболивающего.

Соррел поймал. Наконец соизволил на меня посмотреть. Покрутил пачку в руках и недоверчиво хмыкнул.

– То, что ты игнорируешь боль, не значит, что твое тело не замечает ее.

– А это, значит, поможет?

Если я правильно угадала причину его состояния.

– На полчаса. Потом станет хуже. Кости начнет дико крутить, голова совсем разболится, будешь кашлять кровью, она еще из глаз пойдет. Рвота, обмороки...

– У тебя отвратительное чувство юмора, крошка.

– Куда мне до тебя, – проворчала я. – Только я не шучу. Но ты, может, сумеешь еще принять, вдруг у вас, демонов, передозировки не бывает.

Трясущимися руками рыжий вскрыл блистер и, не читая инструкцию, заглотил сразу четыре таблетки. Смело.

– С чего это ты такая добренькая?

Просто я знала, каково это. К концу срока действия блокатора всегда становилось плохо, но... Скажем так, заказывая билеты на Москву, я не думала, что, говоря: «Вернешься восемнадцатого», Сереш имел в виду раннее утро, а еще лучше – сразу после полуночи.

– Опыт, – я продемонстрировала пластырь на предплечье. Один укол раз в две недели. Гарантированная спокойная жизнь на гарантированном поводке. – Можешь передать Абигору: ему не удастся понять, как Сереш создал искусственного психопомпа. Не на моем примере.

Та версия лекарства, что колот мне Сереш, вернуться в Ад не давала, а без лекарства я умру – и опять-таки этой способности лишусь.

– По-твоему, ты ему только за этим нужна?

– Нет, – признала я его правоту. – Но он не ты, у него мозги есть. Из этой фразы он поймет, что это у Охотников есть рычаги давления на меня, а не наоборот. Я ему бесполезна.

В вишневого цвета глазах блеснуло веселье:

– Тебе не кажется, что это уже ему решать?

– Нет.

Демон рассмеялся хриплым каркающим смехом.

– Чего ты хочешь взамен? За это, – помахал он таблетками.

Мне еще и плюшки положены? А я думала, просто так сестру милосердия изображаю.

– Ты ведь не из любви ко мне решила помочь?

– Не обольщайся, – посоветовала я. – Ты мне все еще отвратителен.

Даже после того, что о Сорреле поведал Диз. Но пройти мимо я все же не смогла. И дело не в том, что я добренькая – от этого я далека... Просто сама это переживала.

– Если ты тут сдохнешь, у Диза будут проблемы. Будь добр, постарайся не умереть, пока не дотянешь до дома.

И какое счастье, что этот момент наступит в ближайшее время. Соррел насмешливо фыркнул.

– Ври лучше. Так чего хочешь? Поделиться, что я сказал братишке?

Заманчивое предложение. Чертовски заманчивое: интересно, Соррел не считывал желания? К какому кругу принадлежала его мать?

– Нет, – нашла я в себе силы отказаться. – Если Диз посчитает нужным, сам мне расскажет.

И хотела бы я, чтобы эта фраза прозвучала без такого явного сомнения в голосе, но... Не расскажет ведь.

– Дура, – Соррел был со мной согласен. – Тогда чего?

Я широко улыбнулась:

– Будешь должен.

Кто сказал, что раздражать Соррела может только Диз? И снова демон подумал о том же.

– Не боишься мне такое заявлять?

– Нет, – честно ответила я. – Что ты мне в таком состоянии сделаешь?

Даже для проявления врожденных способностей нужна концентрация. А очень сложно сосредоточиться на чем-то, когда голову разрывает на части. Рыжий снова приложил холодную бутылку ко лбу.

– Малявки, – с выражением протянул он. – Посмотреть бы, кто вас так воспитывает...

Никто. Наверное, в этом все и дело.

Но если я думала, что с исчезновением Соррела из ГООУ и нашей жизни все неприятности кончатся, я ошибалась. Они только начинались. Это было нелегко объяснить, и София, расскажи я ей об этом, отмахнулась бы и посоветовала бы не выдумывать, но...

На самом деле Диз не был весельчаком и балагуром. Не был душой компании. Меня все еще поражало, как я могла настолько ошибиться в начале нашего знакомства; с другой стороны, многих он до сих пор успешно обманывал. Это меня подпустил ближе, за выстроенную для остального мира стену. И раньше, что уж скрывать, мне это льстило: какой девушке не будет приятно почувствовать себя избранной, пусть лишь в этом плане?

Сейчас это злило. Все чаще я находила его в том же задумчивом состоянии, что и вечером, когда он виделся с братом. Все чаще, когда мы все-таки встречались, он был не рядом, а где-то там, далеко в своих мыслях. Нет, он бы заметил любую мелочь, связанную со мной, но... Я была не в приоритете, и это чувствовалось. А что вылезло на первый план, я не знала.

И зачем он это показывал мне, тоже не понимала. Не просто так – он не был способен на необдуманные поступки. Но с какой целью... Может, показывал мне подобным образом свое доверие (вряд ли). Может, ставил на мне опять свои чертovsky психологические опыты. Может, ему просто все наскучило. Мои проблемы, мой характер, я – в конце концов, его послужной список говорил сам за себя. Он ни с кем не сближался. Встретились, приятно провели время по взаимному согласию, разбежались, чтобы при желании созвониться вновь. Никаких обязательств, а любые попытки превратить секс во что-то большее он пресекал – сколько раз я была тому свидетелем? Мог вполне решить, что эксперимент не удался и пора заканчивать.

Но истинных мотивов я не знала. И неизвестность эта бесила, мешала спать по ночам, заставляла ворочаться в попытках отвлечься от беспокойных мыслей и в итоге плестись на кухню. Вымещать злость на не желающем таять масле и столовых приборах, искать спокойствие в привычных, въевшихся под кожу действиях. И не находить его.

Дверь на кухню хлопнула, когда я уже минут пять перемешивала ложкой тесто, раз за разом прокручивая в голове неприятные подозрения. Виножник подобных идей вопросительно изогнул бровь, обнаружив меня тут, и направился к кофемашине. Точно, сегодня (или считать это уже вчера?) Диз был в IT в ночную смену. А возвращаясь после них, обычно считал бесполезным ложиться спать на пару часов и встречал рассвет на кухне за очередным учебником.

Все так же молча Диз отхлебнул из кружки и занял место за стойкой. Распечатка «Уменьшения углеродного следа приложений» легла рядом с чашкой. Я тоже молчала, не желая заговаривать первой.

– В чем дело? – устало поинтересовался он, снимая очки. – Ты не сидишь на кухне по ночам, когда все в порядке. Родители звонили?

И это тоже. Я раздраженно плюхнула миску на столешницу. Иногда его способность понимать меня лучше меня самой не казалась столь приятной.

– Во всем. Сразу. – Набравшись храбрости, я все же призналась: – Мне кажется, у нас что-то не так.

– Гениальное утверждение, – Диз зачерпнул ложкой сырое тесто, оставляя на нем кофейные разводы. – Сообщи, когда решишь, что именно. Вкусно, кстати. Лимонная цедра?

– Лаймовая, – терпкий запах которой не оттирался с моих рук никаким мылом, я успела проверить. – Я серьезно! Скажи честно, дело в том, что я гени?

– Какая разница, кто ты? В любом случае, я определенно рад, что ты антропоморфна.

– Это еще что должно значить?... Не говори! – предупредила я. – Ни слова больше, если хочешь, чтобы я хоть раз еще посмотрела в твою сторону! Тогда дело в моей специальности?

– Почему она должна меня беспокоить? Бенедикт – тоже демонолог.

– С Бенедиктом ты не спишь, – парировала я. – Значит, дело в сексе?

Судя по выражению лица Диза, где-то моя логическая цепочка потеряла пару звеньев.

– В принципе, я был бы не против, если бы ты не бросалась претворять все свои фантазии в жизнь: некоторые из законов физики даже магия не отменяет... Меня всё устраивает, – поспешил он заверить, морщась от полученного

тычка в бок.

Сомневаюсь. Но ведь не признаётся, из-за меня это или...

– В тебе меня всё устраивает, – повторил Диз. – Иначе меня здесь не было бы.

– Уверен?

Вместо ответа Диз посадил меня на стойку и поцеловал. Знал, как отвлечь девушку, зараза. Отвечая, я запустила руку ему в отросшие волосы, обвила ногами талию, чтобы прижаться еще сильнее. Вырез кофты сполз вбок, его пальцы подцепили бретельку лифчика, медленно стянули ее с плеча. На секунду я представила на месте подстриженных ногтей шершавую серую кожу и длинные когти. И хриплый шепот: «Не двигайся». Весьма справедливое предостережение: стоит дернуться, и царапиной не обойдешься. Но ощущения от этого только острее...

Наверное, я какая-то неправильная. Большинство людей и гени сбежало бы, увидев второй облик Диза, металлически блестящие когти, которыми он по настроению вскрывал конверты и закручивал винты. Я... привыкла? Нет, не тот глагол: Диз ничего не делал для того, чтобы эту привычку во мне развить. Находила его в определенном роде привлекательным? Вот уж вряд ли. Или это была настоящая любовь с полным принятием другого – та самая, в которую я даже не верила?

Громко хлопнувшая дверь заставила меня отпрянуть – будто в такой позе это было возможно. Рука, которую я выставила назад в попытке удержать равновесие, зацепилась за миску, пальцы мазнули по тесту. Не зная, что с ним делать, я машинально облизала пальцы, обращая внимание на растерянный взгляд, которым меня одарил Диз. Неужели его все-таки можно пронять? Захотелось ради эксперимента повторить, но...

– Ребят, у вас своей комнаты нет, что ли? – раздался разочарованный голос.

И что могло кому-то понадобиться на кухне посреди ночи?

– Завидуй молча, Вэнь, – отозвался Диз, переводя сбившееся дыхание.

Зеленые глаза искрились весельем, и я рассмеялась. Сложно стесняться рядом с тем, кто не знает, что такое смущение. Сосед по этажу пробормотал что-то раздраженно-нелестное и, взяв из холодильника бутылку воды, вышел. Мы снова остались одни.

– На чем нас прервали? Но если что-то не устраивает тебя...

Меня? Ни в коем случае. Особенно сейчас.

– Все хорошо, – я опустила руку между нами. – Просто отлично. Забудь, что я спрашивала, только не останавливайся...

Пока сюда еще кто-нибудь не зашел.

И все же он лгал. Что-то происходило – а у меня не было ни одного шанса выяснить, что именно. С ним, с нами...

Он все больше отдалялся. Даже тогда, на кухне... Я запомнила растерянность на его лице. Словно он этого не планировал. Забылся. Или моими эмоциями зацепило – ему ведь по большому счету было все равно, что я испытываю, лишь бы они были сильными. А я так и не научилась закрываться. Не от него.

Выключив компьютер, я потянулась и с наслаждением встала из-за стола. Собрала вещи, накинула джинсовку, заперла за собой комнату. Низкие кирпичные своды подвала давили, как и нервировавший перестук капель. Странно, что сочившаяся из стен на нижних уровнях влага не портила книги, но... ГООУ. Логика тут бессильна. Бертрама поблизости видно не было, и, подумав, я закрыла вход на этаж тоже. Библиотекарю замки не помеха, зато не будут придирааться, что я забываю о технике безопасности.

Скрипучая лифтовая клетка, сконструированная больше века назад, довезла меня до самого верха закрытой секции – балкона с одиноко стоящим посередине компьютером-тумбой. Сама бы я никогда не догадалась найти за зеркальными панелями лифт. Спасибо, Бертраму надоело смотреть, как я ношусь туда-сюда с учебниками. Начальник тоже оказались здесь: сидели на перилах, словно на насесте, и глядели вниз. Огромные белые крылья вздрагивали, удерживая их в равновесии. Наверное, так художник мог бы изобразить ангела: прекрасное бесполое

(в самом деле, каким глупым казался сейчас вопрос: «Вы он или она?») существо, восхищающее и ужасающее своей красотой одновременно – больно правильными были черты, чересчур сильными были крылья. Слишком пустыми были глаза. Одно из перьев упало и спланировало мне под ноги; я едва удержалась, чтобы не подобрать его, замороженная перламутровым блеском. Пробовала уже, чуть пальцев не лишилась. Если выбирать между когтями Диза и крыльями Бертрама, больше шансов выжить у меня было бы после первого варианта. Потому, преодолевая искушение, я спрятала руки в карманы.

– Я закончила на сегодня.

Процесс перевода библиотечного фонда в электронный вид шел крайне неспешно. Возможно, по той банальной причине, что библиотека ГООУ насчитывала миллионы изданий начиная еще со времен до нашей эры, а сканированием занималась одна лишь бедная я. У которой кроме того дел хватало.

– Иди, – пропорокотало существо, переступая птичьими лапами по перилам.

Еще взмах, и крылья стали черными. Будто кончики обмакнули в чернила, которые растеклись до самой спины. Впрочем, полюбоваться я не осталась: другой демон интересовал меня сейчас гораздо больше. На всякий случай проверила телефон – всё те же три неотвеченных сообщения.

Вскоре после той ночи Диз изменился. Будто принял какое-то решение – только мне его озвучивать не собирался. Больше не было молчаливой задумчивости. На смену ей пришла холодная отстраненность, знакомая мне по Аду. А я опять надеялась ее пробить.

Посмотрев на часы, я ужаснулась. Опять засиделась в библиотеке гораздо дольше запланированного. И не было больше человека – или нечеловека, – который обратил бы на это внимание. Зашел бы проведать. Когда я в последний раз видела Диза? Вспомнить точно не удавалось. В выходные, кажется, – а сегодня уже был четверг. Никаких «когда ты будешь свободна?», ни одного звонка, даже эсэмэски...

Кажется, настала пора мне сделать шаг навстречу.

Сегодня он не работал, но я все равно знала, где его найти. На кафедре магического программирования. Возле кофейного автомата – если он в здании, рано или поздно к нему подойдет. А он был в здании. Устроившись на подоконнике с учебником по демонологии и яблоком, я начала свою засаду. Ждать пришлось недолго – всего-то около часа.

– Да ладно, если ты сумеешь докрутить скрипт, чтобы он работал с...

Их было четверо, вышедших на перемену студентов-старшекурсников. Ник, коллега и парень Каталины; Галлахер, которого я знала по вечеринкам у айтишников; незнакомая рыжая девушка – и Диз, пытавшийся ее в чем-то переубедить. Увидев меня, он осекся и замолчал на полужеле. Вдохнул, достал из-за уха сигарету, но решил все-таки не нарушать правила ГООУ. Подошел к автомату и, только нажав на кнопку, обратился ко мне:

– Что ты здесь делаешь?

Ни удивления, ни усталости. Никакого раздражения или скуки. Осуждения. Радости.

Ничего.

– Тебя жду.

– Я занят.

– Да, настолько, что не отвечаешь на *WhatsApp*. Нам нужно поговорить.

– Я занят, – холодно повторил он.

Я тоже. Наткнувшись на полный сочувствия взгляд Ника – и немного злорадный от рыжей, – я представила, как это выглядело со стороны, и проглотила следующую фразу. Сколько раз сама была свидетельницей подобных разговоров.

«Сначала он забывает про встречи, – объяснила мне как-то знакомая из центра, с которой мы наблюдали, как очередная рассерженная пассия Диза хлопает дверью. – Потом начинает игнорировать звонки и сообщения. Если припнешь его к стенке, молчит и делает вид, что не слышит...»

Оглушительно громкий звонок возвестил о начале следующей пары. Взяв с поддона стакан, Диз поспешил вернуться к остальным своим сокурсникам.

– Мне пора, – бросил он через плечо. – Тебе тоже.

Вот, значит, чего ты добиваешься, Диз?

– Сейчас ты тоже занят?

Если он думал, что я отступлюсь, то ошибался. Не отступлюсь. Но и бегать никогда и ни за кем больше не буду. Даже за ним.

Последний шанс, Диз. Не упусти его.

– Чего ты хочешь?

Коридор общежития был узок, и их с Бенедиктом комната располагалась в тупике, но даже в нем Диз сумел найти самую далекую от меня точку. Прислонился к стене и скучающе на меня посмотрел. Плевать. Как и на то, что мне пришлось прождать его возвращения полночи. Мне были нужны ответы. И я их получу или...

О том, что будет после «или», думать не хотелось.

– Чтобы ты перестал мне лгать.

– Я не лгу.

Ага, только недоговариваю.

– А еще игнорировать и молчать. Ты не отвечаешь на мои звонки и сообщения. Ты не пришел, как мы договаривались, в понедельник, – ровным тоном перечисляла я. Ладно, про ту встречу я и сама забыла, заработавшись. Но тем не менее! – Когда я рядом, ты ведешь себя со мной как с пустым местом. Я знаю, что ты делаешь. Если не помнишь я их всех видела. И Эрику, и... как звали ту, что была перед ней?

– Мел.

– Ты намеренно меня отталкиваешь. Что-то изменилось после того, как ты встретился с Соррелом. Я хочу понять, что. Что он тебе сказал?

– Тебе никто не говорил, что такой микроконтроль выглядит непривлекательно?

Еще свое вечное «крошка» сюда добавь. Те летние месяцы почти отучили меня от громкого выяснения отношений: для скандала нужны двое, иначе ты стоишь посреди комнаты и чувствуешь себя душой. А Диза в большинстве случаев хватало только на хладнокровное «Ты закончила?». Но это не значило, что иногда его не хотелось ударить ноутбук по голове. Как сейчас, например.

– Дело не в контроле. А в доверии. Ты сам говорил, Диз: для любых отношений оно необходимо. – И я тебе поверила. Несмотря на то что это совершенно противоречило всем моим принципам. Несмотря на то что никому и никогда больше так не доверяла, даже подумать об этом не могла. – Ты был прав. С Максом у меня ничего без доверия не получилось. И с тобой...

– Твои отношения с Максом закончились, потому что ты его использовала, а потом, когда он перестал быть тебе нужен, бросила. Доверие тут ни при чем.

Какой идиот сказал, что на правду не обижаются? Видимо, тот, кому ее никогда не сообщали. Я вздрогнула как от удара. Болезненное обвинение. Но справедливое. Поэтому я промолчала. Фыркнув, Диз скрестил руки на груди.

– И ты полагаешь, что я от тебя что-то скрываю, потому что не доверяю? Ты не думала, что все гораздо проще? Возможно, мне просто надоело притворяться.

Думала, конечно. И была готова обвинить себя во всех возможных и невозможных грехах. В том, что где-то оступилась, не оправдала ожиданий и все разрушила.

Только что-то мешало мне считать это правдой.

– Диз... Пожалуйста. Что бы там у вас там в Аду ни происходило, ты можешь мне рассказать.

– Могу – согласился он.

«Но не буду», – отчетливо звучало в короткой фразе.

Зря. Последний шанс, Диз. Потому что иначе я уйду.

– Уходи, – прочитал он мои намерения. – Мне нечего тебе сказать.

Последний шанс. Я все медлила.

– Уходи, – повторил он. – Ты ведь собиралась.

Он не дал мне выбора. Остаться сейчас значило бы принять его правила, сесть в уголочке и терпеливо ждать, пока он сменит гнев на милость и соизволит снова позвать к себе. Если вообще позовет. Значило бы смириться и смолчать, не задавать вопросов и не лезть в ту половину его жизни, которая была связана с Адом и Абигором, не быть ее частью. И никогда уже больше не знать того, что я знала раньше: что вопреки всему мы равны и, что бы ни случилось, о чем бы он ни умалчивал, я могу ему доверять.

Даже понимая, что действую сейчас по его плану, подыгрываю ему, я не могла поступить иначе.

И я ушла.

Глава 4

Без тебя

На самом деле я не верила, что Диз позволит мне уйти. Не в пугающе-собственническом смысле: он никогда ничего не стал бы мне запрещать. Даже не попытался бы, зная, что затея обречена на провал. Но... Я думала, он вернется за мной.

Все наши ссоры протекали одинаково: я хлопала дверью и уходила, и мы не разговаривали. Иногда несколько часов, иногда – дней. Но рано или поздно он всегда попадался мне на пути, всем своим видом спрашивая: «Достаточно?» И я соглашалась: да, спасибо, мне хватит. Можно мириться. Это никогда не решало наших противоречий, но... Пропахшая перцем рубашка под щекой – здесь и сейчас – казалась достаточной компенсацией за то, что в будущем они возникнут вновь.

Так и в этот раз я ждала, что он придет. Сначала не принимала нашу размолвку всерьез, верила, что он одумается. Потом сердилась за то, что заставляет ждать и нервничать. А затем и вовсе начала корить себя за упрямство, не позволяющее сделать первый шаг навстречу.

Не пришел.

Ни через час, ни наутро. Ни через двое суток, ни через неделю. А на вторую неделю я увидела его сама...

– С каких пор библиотекарь ходят за книгами? – удивилась Лизетт, встретившая меня в коммуникационном центре.

Библиотекарь не ходили. Вместо этого они посылали меня.

– Вы же сами книги вовремя не возвращаете. Письма тоже игнорируете.

А за просрочку, между прочим, правилами пользования библиотекой полагалась смерть. Бесстрашные люди эти некроманты. Храбрецы... Или пофигисты.

В конце концов, из всех студентов ГООУ им меньше всего стоило бояться смерти. Они ее несколько лет изучали под микроскопом.

– Где «Некрономикон»?

Лизетт нетерпеливо сдула лезущую в глаза челку.

– У Славы?

Вопросительные интонации было сложно не заметить.

– Слышала о такой штуке, как тест ДНК?

Кому нужны карточки и чипы? Вот и ГООУПиОАатСДиРН так считал, выдавая студентам книги только в обмен на кровь из пальца. Зато ни одного шанса должнику остаться безнаказанным... Да и количество взятых книг стремилось к нулю, потому что кровью делиться студенты отчего-то не желали.

– Ладно, – глухо согласилась некромантка. – Она где-то здесь...

«Где-то здесь» представляло собой помещение в пятьдесят квадратов, забитое всевозможным хламом: от коллекции птичьих черепов до старого рентгеновского аппарата. Даже спертый с кафедры патанатомии стол был завален старой одеждой и цветочными горшками. Только обитый зеленым сукном столик, за которым будущие некроманты устраивались для карточных игр, был чист.

– Тебе она точно нужна?

Обозрев фронт работ, я вздохнула и закатала рукава. К сожалению, без вариантов.

Зато наконец узнала, куда делась потерявшаяся еще полгода назад сережка. Я тогда всю редакцию вверх дном перевернула, но так и не нашла ее. И «Некрономикон» все-таки отырла, пусть и с подозрительными красными пятнами на обложке...

– Это кетчуп, – поспешила заверить меня Лизетт. Ага, он самый. Он ведь так всегда и пахнет: страхом и болью. Невинно убиенных помидоров, видимо. – И... Мне жаль, что...

– Что? – переспросила я, не дождавшись продолжения.

Хотя и так было понятно. Новости всегда распространялись в комцентре быстро. Особенно если касались главного местного развлечения.

Когда библиотекарь дали мне задание, первым порывом было отказаться. Я не слишком любила сюда возвращаться: сразу вспоминались анонимки и цена существования ГООУ. Компания людей в IT-сервисах мирила меня с необходимостью вновь думать о том, что я так и не смогла тогда ничего сделать, но теперь вход туда мне был заказан, а Лина с ее сочувствием стала последним человеком, которого я хотела бы видеть.

И все же какая-то – влюбленная и глупая – часть меня обрадовалась поводу заглянуть в склеп. Вдруг он там? Вдруг мы случайно пересечемся?

Бойтесь своих желаний, они имеют свойство исполняться.

На выходе я замешкалась. Не от разочарования, что мы с Дизом так и не встретились. Просто в ноябре силы природы (в лице факультета атмосферных наук ГООУПиОАатСДиРН) вспомнили, что на дворе осень. Поежившись от холода, я подняла воротник плаща и открыла зонтик. Чуть не позволила налетевшему ветру выломать спицы, развернулась...

И увидела его.

Диз стоял, прислонившись спиной к стене склепа. Казалось, ливень его ничуть не волновал: мокрые волосы были убраны назад, вода стекала по запрокинутому к небу лицу. Я замерла на пороге. Если бы он открыл глаза, обязательно бы меня заметил – нас разделяло шагов двадцать, не больше. А я... не знала, хотелось мне, чтобы он меня увидел, или нет. Было что-то такое в позе, в негаснувшей, несмотря на погоду, сигарете, в усталом виде, от чего желание подойти к нему становилось невыносимым. Просто подойти. Ничего кроме – разве что одолжить зонтик на время. Я сделала шаг...

– Поберегись!

Серый цинковый гроб преградил мне дорогу. Вместе с некромантами, вытащившими его наружу. Вчетвером они стащили его с крыльца, и я наконец смогла спуститься. Диз уже был не один. Девушка вышла из-за угла. Что-то сказала ему; огромный желтый зонт колыхнулся, на секунду давая разглядеть платиновые кудри. Привстав на цыпочки, она собственническим жестом вытащила у него изо рта сигарету и закурила. Рот наполнился никотиновой горечью. Поздно, Наташа. К нему есть кому подойти.

До того момента я не верила, что произошедшее между нами – по-настоящему. Что я ушла, а он не стал меня удерживать. И мы больше не вместе – бесповоротно и навсегда. Осознание ударило неожиданно и больно.

– Ты в порядке? – насторожилась София, увидев меня в общежитии посреди дня.

Я помотала головой. Шмыгнула носом и поняла, что плачу. Давно, еще с улицы. Преодолев разделявшее нас расстояние, соседка порывисто обняла меня.

– Нет, – призналась я, утыкаясь носом в пахнущую миндалем кофту. – Я не в порядке.

– И если эта скотина считает, что я ему не нужна, – медная пластина жалобно звякнула, когда я ударила по ней молотком. – Если думает, что без меня ему будет лучше...

Будущее кольцо согнулось под очередным ударом. Практичная Райли быстро сменила заготовку.

– Знаешь, в этом действительно что-то есть, – я мстительно погладила молоток.

Особенно если вместо металла представлять себе чью-то голову.

– Я же говорила! – оживилась рыжая. – Помогает спустить пар, правда? А тебе это сейчас необходимо.

Я виновато вздохнула:

– Я повторяюсь, верно?

– Только каждую нашу встречу.

Ничего не могла с этим поделать. Пока, по крайней мере. Он меня задел. Сильно. Особенно когда я увидела его... Я стиснула деревянную ручку. Не думать об этом. Он того не стоит. Если кто-то может спокойно сказать «Уходи» после того, как девушка ради него через Ад прошла – во всех возможных смыслах...

С другой стороны, он меня об этом не просил. Даже наоборот, говорил, чтобы я убиралась к чертовой матери. Надо было послушаться.

– Извини. Просто я...

Безумно зла. «Меня все в тебе устраивает», как же. А я еще, дура, подумала тогда, что из его уст это почти признание в любви.

Скотина. Сволочь. Ненавижу.

Вырезанная из меди полоска покрылась фигурными вмятинами. Во всяком случае, Райли утверждала, что фигурными. Она артефактор, ей виднее.

– Ничего. Я такая же была, когда все время о Тоби вспоминала?

Впервые за сегодня мне удалось улыбнуться.

– Хуже.

Или нет. Сложно оценить себя объективно. Но я искренне надеялась, что не настолько достала окружающих.

– Дай мне время, – попросила я. – Я исправлюсь.

Только свыкнусь с мыслью, что все кончено.

Это было сложно. Все предупреждали меня, что так оно и закончится (и были правы, как мне ни хотелось это признавать), но... Все эти месяцы я чувствовала себя такой счастливой. Я. Не он, раз оборвал все так резко.

Ничего, авось найдет свое счастье с той блондинкой. Или со следующей.

– Может, оно к лучшему, – попыталась утешить меня Райли. – Лучше сейчас, чем когда тебя затащило бы еще сильнее.

У меня вырвался смех. Как будто погрязнуть в нем еще глубже было возможно! Он все время присутствовал в моих мыслях. И не только в них. Я, оказывается, привыкла к запаху его одеколона. К еле заметному аромату нарциссов. К давящей, тяжелой силе, ощущавшейся рядом с ним. Без всего этого я чувствовала себя... потерянной. Будто чего-то не хватало, словно отпилили какую-то неведомую мне конечность, и теперь меня мучают фантомные боли.

Когда он успел занять такое огромное место в моей жизни? Правы были те, кто говорил, что я слишком сфокусировалась на нем.

Но я ничего не могла с этим поделать. Так я влюблялась – в омут и с головой. Даже зная, что ни в коем случае этого делать нельзя. Прабабушка сказала бы на это, что сердцу не прикажешь. Мама – что думать надо было лучше. И оказалась бы права.

Моя первая влюбленность кончилась плохо. Вторая оказалась не способным на нормальные человеческие чувства демоном. С таким послужным списком самое дело отправиться в монастырь и принять целибат, пока в третий раз не влюбилась. Нельзя мне. Ни в коем случае.

– Не оборачивайся, – внезапно предупредила Райли.

– Что?

Нарциссы, вот что. И пробирающий до костей холод. Повернувшись к выходу из мастерской, я встретила взглядом с Дизом.

Точно. Факультет артефакторики. Еще одно место, которого мне следовало теперь избегать. Как-то много их набралось. Хорошо еще, я оказалась не настолько влюблена, чтобы выбрать какой-нибудь общий с ним предмет. И то не потому что не хотела: просто у него к последнему курсу остались только занятия по специальности, а я при всем желании не осилила бы и основы программирования.

– Я, пожалуй, пойду, – голос позорно дрогнул.

Даже разгневанный тон, которым Райли встретила Диза, не смог меня утешить. Прислонившись лбом к закрывшейся за ним двери, я секунду постояла, собираясь с мыслями.

Ненавижу.

Как повела бы себя нормальная девушка в такой ситуации? Наверное, рыдала бы ночами в подушку. Пересматривала бы фотографии в «Инстаграме», поменяла бы статус в «Фейсбуке», вызвав волну любопытных вопросов... Статус я и до того не меняла; фотографий с ним в ленте у меня не было – не хватало еще, чтобы родители во время очередного звонка спросили, что это за мальчик, кто его родители и насколько хорошо я его знаю («Да так, старшекурсник. Мама – Смерть, папа – герцог в Аду, не волнуйтесь, семья приличная. Мальчик тоже хороший, подумаешь, демон и немножко психопат...»). Слезы? Признаюсь, пару раз я позорно ревела, пользуясь отсутствием Софии. Но после того как наткнулась на него с блондинкой – как отрезало.

Вместо этого я погрузилась с головой в учебу с работой. К декабрю даже библиотекарь, искренне считавшие эксплуатацию лучшей формой управления персоналом, забеспокоились:

– Не хочешь отдохнуть?

На стол передо мной они поставили кружку. От горячего травяного отвара поднимался пар, напиток пах брусничкой и розмарином. Я подняла на них глаза. Сегодня было пятнадцатое, и Бертрам подготовились к ежемесячной встрече с секретарем ректора: наплухо застегнутая белая блузка, узкая юбка-карандаш, длинные черные волосы стянуты в тугий хвост на затылке. Даже очки в строгой оправе где-то отрыли, заставляя меня вспомнить о ДIZE: сколько раз он на меня ворчал, когда я, стаскивая очки с него, отбрасывала их в сторону, да так удачно, что их потом никто не мог найти?

Воспоминания заставили меня помрачнеть. И в тысячный раз уже пожелать ему катиться обратно в Ад вместе со всей его семейкой.

– Лучше еще поработаю.

Так хотя бы на посторонние мысли времени не останется.

– Ты уже давно не работаешь, – поймали меня на лжи библиотекарь.

Ладно, чтение обвинений в колдовстве за семнадцатый век не входило в мои обязанности. И, более того, я была уверена, что ректорский секретарь не погладит меня по голове, если узнает, что я нашла упоминания о нем самом в деле о ядах – и еще раньше, в бумагах тысяча пятьсот восемьдесят четвертого года, где некий Джонатан Граймс обвинялся в проведении черных месс. Список обесчещенных и убитых девушек прилагался внушительный, хотя при всей своей фантазии я не могла представить мессира Джонатана – с его-то рыбьим взлядом и старомодными костюмами-тройками! – участвующим в оргии.

Найти информацию о современной «Хантерс инкорпорейтед» оказалось проще простого. Достаточно было взглянуть на сайт с презабавным, учитывая обстоятельства, слоганом «Создавая доверие».

«С офисами в ста пятидесяти пяти странах и более чем со ста тысячами сотрудников мы предлагаем наши услуги по всему миру», – сообщал раздел «О нас». Там же перечислялись и виды этих самых услуг: консалтинг, аудит, юридические консультации, рыночные исследования... Если копнуть чуть глубже, можно было узнать, что ими спектр деятельности не ограничивался: у «Хантерс» были дочерние компании практически в каждой существующей отрасли. Медицина: одна из их «дочек» недавно объявила о создании лекарства от Эболы; руководитель проекта, индиец, неуловимо похожий на Сереша, не забыл упомянуть о щедрой помощи «Хантерс», предоставившей для этого прорыва условия. Оружие: не только у Абигора имелись фирмы, сдававшие в аренду контрактников «для охраны и урегулирования конфликтов». Технологии: начиная с новых методов шифрования и заканчивая аморфными металлическими сплавами. А еще ведь существовали другие подразделения, кроме лежавших на поверхности: те, что выполняли функцию полиции для магов, что умирляли чудовищ и отправляли

обратно демонов...

Статья в «Википедии» тоже поведала интересную информацию, включая прошлогодний оборот в двести с лишним миллиардов долларов, – да у всей большой четверки он был меньше! Как это еще никто не заметил? Я лично подозревала заклинание для рассеивания внимания, зашитое в коде сайта. Как то, что не позволило мне удивиться, когда я узнала о существовании ГООУПиОАатСДиРН (тоже упоминавшегося в связи с «Хантерс»: корпорация открыто признавала себя главным спонсором одного из лучших университетов планеты). Под его действием ты видел информацию, слишком неправильную, чтобы быть настоящей, но сразу забывал о несоответствиях. Суперуниверситет, о котором ты никогда не слышал? Ничего странного, не можешь же ты обо всех вузах мира знать. Огромная транснациональная корпорация, залезшая везде и чуть ли не управляющая миром? Совсем не подозрительно. Консалтинговая фирма круче большой четверки, но никто не думает, как попасть в нее на работу? Хотя насчет последнего я преувеличила. В интернете можно было найти на форумах темы с вопросами, как пройти отбор туда – по всему виду, от людей, о существовании магов не знавших. И старшеклассники иногда обсуждали, как попасть в ГООУ. Все сходились на мнении, что обе эти организации настолько элитарны, что простым смертным туда не попасть. (Как они были правы!) Что ж, поздравляю, Наташа. Похоже, проблем с поиском работы, если получишь диплом, у тебя не будет.

Вообще масштабы «Хантерс» впечатляли. И все это за пару веков... Впрочем, наверное, если ты сумел подмять под себя тринадцать родов, владевших до того миром, какая-то ТНК – это еще скромно.

Один только вопрос: зачем такой машине никому не известная девочка из России? Понятно, что ни один гени не должен остаться неучтенным. Но зачем следить? Я помнила фотографию из личного дела, которое мне показывал Диз: кто-то поймал меня в кадр, когда я курила в скверике, пытаюсь успокоиться перед ЕГЭ по русскому. Не случайно же они там на меня наткнулись. Если они знали о моем существовании, почему позволили жить обычной жизнью? По словам Макса, Охотники так не поступали. Откуда такой пристальный интерес со стороны Сереша? Мор, драконы – почему они позволили всему случиться именно так? Они знали о происходящем в ГООУ и могли остановить. Ничего бы в первом семестре не произошло, вмешайся Охотники.

В исторической перспективе узнать что-то об Охотниках было сложнее. Нет, все на том же сайте присутствовала информация, что «Хантерс инкорпорейтед» была основана в девятнадцатом веке, но толку от нее... До «Хантерс» существовал Орден Медведицы. По версии все того же интернета, его члены молились Артемиде, а она взамен дарила им свое расположение. Диана-Охотница, покровительница рабов. Мраморная фигура, в отблесках костра кажущаяся живой, запах полыни и пролитое, красное как кровь вино... Но и об Ордене никаких упоминаний до тысяча восемьсот шестнадцатого года не существовало. Оставалось только искать знакомых мне нелюдей и пытаться разглядеть между ними связи. Тот же мессир Джонатан: я могла понять, как его заставили принять должность в ГООУПиОАатСДиРН. Но Сереш? Чем угрожали ему? И, главное, кто? При всем массиве данных я не могла назвать никого, кто мог бы управлять «Хантерс». Но ведь кто-то ее возглавлял, кто-то разрушил два века назад сложившийся в мире порядок! Кто? В богов верилось с трудом.

Бертрам шелкнули меня по носу, и я вздрогнула.

– Отдохни лучше. Ты по цвету кожи скоро со мной сравнишься.

Я задумчиво посмотрела на их бледное лицо. А что, неплохо. Глаза будут ярче казаться.

Месяц назад я бы обрадовалась такому предложению. Сразу бы сбежала в ИТ, сидеть на краешке стола, если он сильно занят, а то и смотреть куда-нибудь еще, если посетителей нет, а Лина согласится прикрыть. Но...

– Не хочу, – отказалась я, притягивая к себе очередной талмуд.

Теперь отдыхать мне было не с кем. А Софи с Райли не заслужили очередной порции нытья.

– Вы ведь должны знать: кто управляет «Хантерс»?

Мои поиски не были для всезнающих библиотекаря секретом. Как и мои мысли.

– Знаю, – невозмутимо кивнули они. И осадили, прежде чем я успела обрадоваться: – Но не скажу. Так неинтересно. Не хочешь отдыхать – поучись лучше, ребенок. У кого по телепортации экзамен через неделю?

Я вздохнула. Телепортацию я взяла, потому что мне казалось безумно важным сравняться с Дизом, доказать ему (скорее себе – Диз от меня ничего не требовал), что я ничем не хуже. Он способен проходить сквозь пространство, выйти из ИТ и попасть в библиотеку? Подумаешь, я тоже научусь!

Плохая идея. Слишком много во мне было от человека, и мир отказывался признавать мое тело за стихию. Это кто-то другой мог рассыпаться ветром и вернуться, припавшая восторженные волосы. В моем случае телепортация выглядела иначе. Я будто пыталась пройти сквозь каменную стену, мучительно разбивая себя на мелкие частицы и с трудом собирая обратно – только чтобы, очнувшись, утереть слезы и текущую из носа кровь и обнаружить себя в метре от места, где потеряла сознание.

С моей родословной это было понятно. Как минимум семь восьмых человеческой крови: странно, что я вообще была на что-то способна. Гени не зря редко скрещивались с людьми. Кто захочет смотреть, как умирают его дети и внуки? А придется. Человеческая кровь была сильна. Даже полукровки лишались шанса на вечность. Получали способности своего родителя, но никто из них не жил больше трех-четырех столетий. Люди с дедушками-бабушками из гени жили ненамного дольше обычных, и магия их ограничивалась простейшими трюками. Такие, как я, вообще не должны были получить ничего, кроме развитой интуиции – отголосков силы, шепчущих на каком-то подсознательном уровне об опасности...

Я нахмурилась. Не сходила теория с реальностью. Я была слабой по сравнению с моими однокурсниками и если что-то могла, то большей частью благодаря тому, что чувствовала магию тоньше. Но я знала своего отца, знала его родителей – в них не имелось и крупицы магии. Как и в дедушке со стороны мамы. По всему выходило, что было бы удивительно, если бы я хотя бы спичку сумела зажечь без жерока. А я могла больше. И Диз, еще когда мы только познакомились, был стопроцентно уверен, что у меня впереди потенциально вечная жизнь. Вряд ли ошибался. Не с его знаниями.

– Вы ведь опять не подскажете мне, в чем дело? – спросила я у читающих мысли Малфаса.

– Так будет неинтересно, – повторили они.

А больше спросить было не у кого. Диз мог помочь, если бы я попросила. Раздобыл бы мое личное дело. Но... Пальцы машинально сжались в кулак, когда я вспомнила его с блондинкой.

Да пошел он в Ад, этот Диз.

Забавно: гени не были христианами, они поклонялись иным богам. Но, видимо, так привыкли жить – скрываться – среди людей, что Рождество праздновали. Без посещения службы в церкви, но с общим сбором за накрытым столом и подарками.

На каникулы Райли пригласила меня к себе. Я как раз думала, о чем бы соврать родителям, чтобы не ехать к ним на Новый год, поэтому обрадовалась. Даже лгать не пришлось. Родители посетовали, что редко меня видят, но позволить мне упустить шанс побывать в Калифорнии не могли и возражать не стали... Разговаривая с ними по «скайпу», я чувствовала себя худшей дочерью в мире. Но приехать к ним не могла. Не могла чувствовать себя чужой в родных стенах. Не могла каждую секунду думать о том, чтобы не проболтаться и не выдать себя. Не могла объяснить свое настроение, не рассказав о Дике.

Поэтому в первый день каникул я обнаружила себя в пригороде Сан-Франциско. Помнится, именно здесь Диз с Каталиной планировали снять офис после окончания учебы... Так, стоп, я же обещала себе не думать о нем!

Увы, никакие клятвы не помогали.

Мать Райли, приветливая темноволосая женщина, единственная в их семье не рыжая, встретила нас у точки перехода и усадила в загруженный покупками внедорожник. То, что дочка притащила домой странную студентку откуда-то из России, эту замечательную женщину ничуть не смутило.

– Первый раз в Америке?

Действие переводчика кончилось, и в ее речи слышался тяжелый южный акцент.

– Да.

– Жаль, что в такой месяц. Но ничего, в следующий раз приедешь к нам, надеюсь, на подольше...

Слушала я ее вполуха: теперь становилось ясно, у кого Райли научилась болтать со скоростью сто тысяч слов в минуту. Вместо этого в мыслях я снова и снова возвращалась к Дике – привычка, от которой так и не сумела пока избавиться. Какая мне теперь разница, что он рассказывал о Сан-Фран, о Голден-Гейт-парке и котиках на тридцать девятом пирсе? Зачем вспоминать то утро, смятые простыни и запах кофе?

Только зря сыпать себе соль на раны.

Отвернувшись, я равнодушно следила за пейзажем за окном, почти константным: зеленые газоны, белая штукатурка домов, стандартный пригород почти любого европейского – в плане культуры, не географии – города на Земле. Только когда автомобиль свернул под знак «Частные владения» и преодолел минимум километр подъездной дорожки, я прервала сеанс душевного мазохизма.

– Твою мать, – ошеломленно выдохнула я и повернулась к подруге. – Почему ты не предупредила, что вы чертовы миллионеры?

– Наконец-то! – обрадовалась рыжая. – Наконец ты заговорила о чем-то кроме Диза!

Из-за деревьев показался светлый двухэтажный особняк. Остроконечные башенки были украшены фахверковыми балками, а выложенная плиткой дорожка вела к ажурной беседке и дальше, скрываясь за склоном холма. За домом блестела ярко-бирюзовая гладь бассейна.

– Язык! – весело прикрикнула на меня миссис Харпер, паркуясь на круглой мощеной площадке с фонтаном. – Не учи малыша плохому.

С виноватым видом покосившись на сидевшего в детском креслице младшего из Харперов и вспомнив, что «мамуля из некромантов», я поспешила извиниться. Ну, Райли!.. А еще на вопрос, далеко ли от их дома до океана, скромно ответила, что своего пляжа у них нет. Тогда я восприняла это как шутку...

С другой стороны, артефакты для убийств – единственные в своем роде, никто не сумеет повторить произведения мастера смерти, – явно не тот товар, что мог бы продаваться в магазине «Все по пятьдесят рублей». Должна была догадаться. Среди гени (магов, поправила я себя, «гени» их называют только демоны) бедняков было мало, а уж с такой специальностью...

Заметив припаркованный рядом голубой пикап, Райли вздрогнула:

– Тоби здесь?

– Приехал на праздники. Помог твоему отцу привезти древесину, они в мастерской. Спрашивал о тебе. Может, подойдешь к ним?

Судя по выражению лица рыжей, не я одна сейчас мечтала оказаться за пару тысяч километров от родного дома...

А когда мы вернулись в ГООУ после каникул, в университете произошло немыслимое. Я долго не могла понять, в чем дело, что случилось такого, что даже беспечные алхимики держатся настороже, почему в воздухе постоянно пахнет страхом, пока до меня не долетело произнесенное опасливым шепотом слово.

Убийство.

Давайте проясним пару понятий. В ГООУПиОАатСДиРН вас могли покалечить – издержки выбранной специальности, сами виноваты, осторожнее надо быть. Околдовать – когда живете в одном корпусе с магами и демонами, всякое случается, да и алхимики не против найти подопытного кролика. Смотрите пункт первый: осторожнее надо быть. Принести в жертву. Сбросить монстру, живущему в бездне под столовой. Отчислить и сжечь ректору.

Но убийство... Да еще наглое, беспардонное и, главное, не санкционированное ректоратом! Нет, такого просто не могло произойти.

Тем не менее оно случилось.

Еще удивительнее было то, кого именно убили.

Мора. Младшего – любимого – сына Гаапа, Южного короля Ада, и его наследника. Того, кто до сих пор снился мне: глаза, вобравшие в себя всю глубину ночного неба, и вкрадчивый шепот, заставляющий терять себя снова и снова. Единственного, кто стоял между Дизом и креслом по правую руку от короля Юга. Демона.

– Как вообще можно убить демона? – неверяще переспросила я, впервые услышав новость от Софии.

Не просто демона – сына сильнейшего. Гаап был одним из четверых королей. Мора могли считать слабым крути, но среди студентов ГООУ ему не было равных. Разве что Диз, признала я, вспомнив первый курс, но Диз и его матушка – это отдельный разговор.

– Откуда мне знать? Ты демонолог, сама и ответь.

Если бы могла, не задавала бы вопросов. Но у меня не было никаких идей, как его убили – и, что важнее, кто мог это сделать. Макс наверняка должен был что-то слышать, но не могла же я просто так подойти и спросить.

Зато кое-кто другой мог. В смысле, не у Макса, у меня. Я даже не особо удивилась, когда меня вежливо, но настойчиво пригласили зайти к ректору.

– Это не он, – заявила я, занимая место напротив двух незнакомых мужчин. Не тех, с кем я беседовала после нападения на Диза в прошлом семестре, но таких же неприметных. Впрочем, может, это они разговаривали тогда со мной. Я была в таком состоянии, что даже имен не запомнила, не то что лица.

Что вызывает меня не ректор, а его секретарь, стало сразу понятно (как-то вообще мелко для древнего чернокнижника прикрываться тентаклевым монстром, не находите?). Как и то, что ожидать меня в «ректорской» (словно она ему нужна!) переговорной будут представители совсем другой организации. Один из них растерянно поднял руку, словно собирался поправить очки.

– Простите?

– Это не Диз.

Оставив в покое идеально сидящую на переносице оправу, мужчина открыл лежащую на столе папку.

– Вы имеете в виду Амавета из круга Абигора, с которым до недавнего времени состояли в романтической связи?

Вот уж какой-какой, а романтической я бы ее не назвала. Это слово было не из моего лексикона и уж точно не из Дизова. Я нервно постучала костяшками пальцев по столу, прежде чем кивнуть: подавить раздражение от того, что кто-то копался в моей личной жизни, удавалось плохо. Хотя это было очевидно: ГООУ. Все мы здесь под наблюдением.

– Вы ведь поэтому меня хотели видеть? Чтобы я сказала, что Диз убил Мора или как его на самом деле звали?

Ведь известно: нет фурии в Аду страшнее, чем женщина, которую отвергли. Только я не собиралась им потакать. Как бы я ни злилась на Диза, каждый человек – и нечеловек – заслужил справедливости. Оговаривать невинного я не буду.

Он ведь был невиновен? Прогнав отозвавшуюся холодом в затылке мысль, я продолжила:

– Я не стану лжесвидетельствовать. Даже против демона.

Перелистнув страницу, Охотник посмотрел на меня.

– Не планировал вам предлагать. Но раз зашла речь: почему вы считаете, что он не имеет отношения к произошедшему несчастью?

Это было несчастьем? Для кого? Явно не для «Хантерс инкорпорейтед».

– У него нет мотива.

– Гаап весьма заинтересован в вашем бывшем знакомом. После смерти его сына этот интерес, вероятнее всего, усилится. Вы слышали, что вашего бывшего знакомого рассматривали на место Судии?

В переводе на человеческий – того, кто будет стоять над губернаторами и наместниками. Их дело – исполнять приказы и следить за порядком на своих территориях. Судия вмешивался, когда этот порядок нарушался. Карал и миловал, казнил не только поднявших бунт, но и тех, кто его допустил, держал королевство в своем кулаке, пока король...

«Древние часто теряют интерес к повседневным делам, – вспомнились мне слова Диза. – К жизни в целом. Уходят – никто не знает куда...»

А кто проверит, от кого на самом деле пришел приказ?

Лакомая должность, что тут скажешь. Даже несмотря на все эти «с большой силой приходят большая ответственность и большая головная боль».

– Ему это не нужно.

Второй Охотник, до того державшийся в стороне, издал тихий смешок.

– Демон, которому не нужна власть? Что-то новое.

Судя по его тону, я была непроходимой душой. Я бросила на него быстрый взгляд. Лет сорока, поджарый, как все Охотники, которых я видела. Прямой взгляд – и тем не менее ничего не выражающий. В светло-русых волосах проблескивала седина. Человек. Ни капли магии, если не считать амулетов на запястьях и странной татуировки на шее.

– Я не говорила о власти в целом. Но должность Судии его не привлекает.

«И застрять на всю вечность в Аду? Спасибо, у меня другие планы», – донесся до меня насмешливый голос из воспоминаний.

– Какие же?

Я что, проговорила? Больше это не повторится.

– Полагаю, если спросите, он сам их сообщит вам... Если сочтет нужным.

На всякий случай я улыбнулась. Все-таки разговаривать с личностями, стоящими выше по иерархии, сложно. Хочется сказать честную гадость, но инстинкт самосохранения не позволяет. Вот она, шизофрения на практике.

– Вы сказали, что вызвали меня не из-за Диза. Тогда зачем? – поспешила я сменить тему.

С Мором я не общалась и предоставить информацию о нем не могла. Единственный наш контакт кончился – для меня – плохо, после я старалась держаться от него подальше... Не подозревали же они меня? Бред! Где Мор, а где я? Это даже не весовые категории слона и мыши.

Достав визитницу, очкарик протянул одну из карточек мне. Простая мелованная бумага, эмблема в виде перекрещенных стрел в центре. Дерек Джонс. Когда я прочитала его должность, мне одновременно захотелось выругаться, рассмеяться и закурить.

«Менеджер по талантам».

Серьезно? Я не могла сказать, будто не ожидала этого. Слишком много совпадений и внимания к моей скромной персоне. И Диз с самого начала нашего знакомства говорил об этом открытым текстом. Но поверить... Это было труднее. Зачем я им? Полукровка, слабая не только с точки зрения магии, но и физически – посмотрите на меня! Я похожа на кого-то из людей в черном? На Ван Хелсинга, может быть? Вот и мне так кажется. Бездарная. Бесплезная. Судя по тому, как шла наша беседа, – не скрывающая своего отношения к «Хантерс инкорпорейтед». Путающаяся с демонами – не будем забывать об этом.

Тем не менее вопрос «Вы в своем уме?» показался мне несколько неуместным.

– А ваш коллега, видимо, из рекрутинга?

Сидевший в углу мужчина сподобился на что-то вроде улыбки.

– Мартин Хадек. Руководитель отдела CSE5.1.

Название еще загадочнее нельзя было придумать? Вдруг кто-нибудь случайно поймет, чем они там занимаются.

– Никаких вопросов?

– ГООУ научил меня, что спрашивать бесполезно. Если захотите – сами мне расскажете.

Мужчина в очках рассмеялся. По сравнению со вторым он вообще был очень приветлив – даже слишком, чтобы я поверила в его искренность.

– Полагаю, мне нет необходимости объяснять вам, что мы вполне современная организация и детские сказки имеют мало общего с действительностью?

– Никогда не слышала этих сказок. Но вы это знаете.

Охотник ободряюще улыбнулся: мол, не нужно относиться к ним так настороженно. Представил бы себя на моем месте – тут не то что настороженность, от таких заявлений паранойя проснется. Этот раунд игры в молчанку я проиграла.

– Что, хотите предложить мне работу по пожизненному контракту? – спросила я, признавая поражение.

Зачем еще встречаться со мной кадровику и руководителю одного из департаментов? Запланированный сарказм передать не удалось: голос дрогнул, и пальцы нервно переплелись в замок.

– Нисколько не сомневаюсь в ваших компетенциях и потенциале развития, но для работы вам пока недостает квалификации. Мы бы хотели предложить вам стажировку. Четыре месяца, с мая по август. Вам придется закончить летний семестр по ускоренной программе и взять несколько дополнительных предметов, поэтому мы хотели встретиться с вами до того, как вы начнете составлять расписание. Но если вы заинтересованы в работе, в случае успешного прохождения стажировки мы найдем для вас место.

«Опять не попаду на университетский бал», – промелькнула глупая мысль.

– Это предложение, от которого я не смогу отказаться?

– Почему вы так считаете?

Потому что все слышали о «Хантерс». И потому что я видела клеймо на плече у Макса. Помнила про ритуал, благодаря которому существовал ГООУ. «Хантерс» не спрашивали. Если они что-то хотели, они это брали.

– Я прохожу лечение в университетском медицинском центре, – при воспоминании об уколах захотелось потереть плечо. – Если я решу не принимать ваше предложение, могу я рассчитывать на его продолжение?

Без уколов я умру. Я всего раз задержалась с ним на несколько часов, и повторять опыт не хотелось. Если прекратить их... Вряд ли я надолго переживу отмеренные мне Серешем две недели.

– Всем студентам ГООУПиОАатСДиРН полагается медицинская помощь в необходимом объеме.

– Это не ответ.

– После окончания учебы, если вы примете решение не работать на «Хантерс инкорпорейтед» или аффилированные с ней компании, у вас будет возможность продолжить лечение на платной основе.

Все-таки поводок. И пожизненный контракт, что бы он ни утверждал. Интересно, им никто не говорил, что шантаж плохо сказывается на лояльности к работодателю? Я хмыкнула. На платной основе, как же... Мне было известно, сколько стоит унция драконьей крови на рынке: два и шесть миллиона долларов. Неплохо, правда? Сереш использовал на лекарство по грамму в две недели. А еще его работа – высококвалифицированного специалиста, уникального в своем роде; представляю, сколько «Хантерс» за нее заломит...

– Это стандартные условия для любого из выпускников, нуждающихся в нашей помощи. Не нужно смотреть на нас как на злодеев. Если вы не захотите работать на «Хантерс инкорпорейтед», уверен, в вашем окружении найдется тот, кто сумеет оплатить необходимую сумму за вас.

Это кто, интересно? Вроде с миллионерами я особо не дружила – если не считать Райли, как выяснилось на каникулах, но речь явно не о ней. Диз? У него бы денег хватило.

– Ошибаетесь. Он не заплатит за меня ни копейки.

С чего бы? Одна бывшая девушка в очереди многих, что теперь, за каждую платить? Никаких капиталов не хватит. Но даже если бы он изъявил такое странное желание, я бы не приняла его деньги. Слишком большой долг, чтобы я могла его себе позволить. Тем более на этой, последней стадии отношений. Как ни горько признавать, но Диз обо мне быстро забудет. Если уже не забыл. Все-таки правильно я избегала его в прошлом году. Надо было продолжать в том же духе.

Сказок не бывает. Не стоит думать, что двое совершенно разных существ смогут быть вместе: никакие чувства не

сделают пропасть меньше. Задумавшись, я едва не прослушала:

– Если вам нравится так считать... У вас есть еще вопросы?

Ни одного. Тысяча.

– Я могу подумать?

Хотя бы пять минут. Мне нужно было собраться, пока я снова не расклеилась. Да и чувствовала я себя глупо. Несмотря на все факты, я все равно не ожидала этого предложения. И это неприятное чувство, будто за меня уже давно всё решили и не оставляют выбора...

Впрочем, почему «будто»? Решили. Объяснили уже: выбирай, Наташа. Выберешь неправильный вариант – получишь смерть в самом расцвете сил.

– Разумеется. Более того, мы предпочтем такой вариант. Не стоит тратить ни ваше время, ни наши ресурсы, если вы не уверены. Но, если решите принять наше предложение, – забрав у меня свою визитку, мистер Джонс написал на обратной стороне телефон, – позвоните по этому номеру.

Когда они выходили, я все-таки не удержалась от вопроса. самого важного. На который они наверняка не ответят.

Но я должна была знать.

– Подождите! Почему я?

Хадек только хмыкнул, выходя за дверь. А вот «менеджер по талантам» обернулся:

– А почему это не должны быть вы?

Я могла назвать тысячу причин. В хронологическом порядке или алфавитном, как пожелаете. Но зачем? И снова я промолчала.

Я так и не сумела заснуть. Визитка жгла руки, а стоило положить ее, как ноги сами несли к письменному столу, где я ее оставила. За последние часы я выучила ее наизусть, каждую линию на логотипе, каждую черточку. Строгая эмблема, черные буквы на до синевы белой бумаге. Дерек Джонс, менеджер по талантам. *DJones4@huntersinc.com* – должно быть, тесок в организации у него хватало. Больше ничего, только написанный от руки номер на обратной стороне.

Номер, который я очень хорошо знала.

Что дальше? Позвонить? Признать, что меня лишили выбора, согласиться на чужие условия? Или отказаться? Что я тогда буду делать? Целую вечность менять специальности, как раньше делала София, лишь бы не получать диплом? От жизни в ГООУ я взвою уже через пару лет. Да и не выдержу столько, не нарвавшись на очередные неприятности...

Перестань, Наташа. Не нужно лгать себе. На самом деле ты ведь этого хотела. Напомнить тебе, куда идут работать выпускники кафедры демонологии? И к Серешу ты пошла учиться, отдавая себе отчет в том, для кого он будет тебя готовить. Ты искала все, что можно было найти о «Хантерс», целенаправленно и добровольно. Да, ты не верила до последнего, что тебе сделают такое предложение. Но ты предприняла все, чтобы его добиться.

Потому что хотела разобраться. Найти смысл в происходящем вокруг тебя.

Устало потерев глаза, я положила голову на руки. Ни к какому решению я так и не пришла, разве что к одному: разговоры с собой пора заканчивать. Как-то это нездорово.

– Кровать надоела? – послышался сверху язвительный голос.

Несмотря на тон, беспокойство Софии скрыть не удалось. Надо же, пропустила, как она вошла. Я потянулась. Только удалось задремать... Может, попробовать лечь обратно? Горящая полоска рассвета на горизонте намекала, что все равно бесполезно: еще чуть-чуть, и зазвонит будильник. Поэтому вместо постели я, уступив ванную Софии, отправилась за кофе. Который тоже не особо помог – вместо того чтобы краситься, я откровенно клевала носом. Стук в дверь раздался как раз, когда я вновь начала дремать.

– Скажи ему, что я ни при чем!

Карис, мой бывший подопытный кролик с прошлого семестра, влетела в комнату маленьким розововолосым ураганчиком.

– Чувствуй себя как дома, – проворчала я, закрывая за ней дверь.

На миг в воздухе почувствовался запах вина и цветущей вишни – фантом, всего лишь отголосок ее магии. С тех пор как мы в последний раз виделись, она стала осторожнее: быстро он исчез. Или не считала нужным тратить на меня свою силу, все равно не подействует. Будь ты сколь угодно демоном обольщения, сексуальную ориентацию никто не отменял. Представляя, как Карис будет метаться из угла в угол, я присела на кровать. Все-таки добралась до нее сегодня.

– А теперь с самого начала. Кому и что я должна сказать?

– Амавету. Передай ему...

Всё. Я замахала руками, привлекая ее внимание:

– Сама пойди и скажи.

Меня он слушать не будет. Карис сникла:

– Боюсь.

Диза? Я выразительно покрутила пальцем у виска.

– Ты не понимаешь! Он убьет меня!

– Это запрещено правилами университета.

– Его это не остановит! Это Амавет, он...

Психованный маньяк-убийца? Больше похоже на его брата. Выбирая между вздохом (кажется, это надолго) и зевком, я решила зевнуть. Кровать была такой мягкой, удобной... Так манила вытянуть ноги и уснуть. Я моргнула и попыталась сосредоточиться.

– Он пугает, – призналась Карис. – Тебя он не тронет, тебе нечего бояться. Скажи ему, ну что тебе стоит!

– Кофе. – Карис недоуменно захлопала глазами, услышав такой ответ. Пришлось пояснить: – На столе чашка, дай ее, пожалуйста. И давай сначала: что значит «Я ни при чем» и почему он должен тебя убить?

Большой поток помог прийти в себя, но заставил поморщиться. Какая все-таки бурда у меня получалась... Определенно, жизнь с Дизом меня разбаловала.

– Передай ему, что я не имею отношения к убийству сына Гаапа. Заставь его в это поверить.

Отлично. Давай, Наташа, заставь Диза. Как, интересно, она себе это представляла?

– Почему он должен не поверить?

Помявшись, младшая из круга Ситри выдала секрет:

– Мы с ним спим.

– С Дизом? – уточнила я.

Сердце привычно царапнула ревность. А что, это объясняло бы, почему они так странно вели себя в тот единственный раз, когда я их видела вместе. И вообще... Они подходили друг другу. Мы с Дизом были странной парой, в духе всех этих романтических историй про парня, слишком красивого, чтобы быть настоящим, и девчонку, слишком обычную, чтобы его заинтересовать. Карис – другое дело. Даже я могла признать, что Карис выглядела как секс в чистом виде, начиная от идеальной, точно высеченной из мрамора фигуры и заканчивая голодным взглядом янтарных глаз. К тому же потомки Ситри вызывали влечение, как тут устоять?

Интересно, а когда мы были вместе, они тоже?..

– Нет, конечно! – оскорбилась Карис. – С Абигором.

Секунда мне понадобилась, чтобы переварить информацию. Кажется, зря я только что кого-то проклинала.

– Ему же несколько тысяч лет!

А я еще считала нашу с Дизом разницу в возрасте большой. Что? Два с лишним года. Когда я закончу второй курс, он уже диплом получит. К тому времени, как я осилю программу, он закончит магистратуру. Никогда не догнать.

– Какая разница? Он такой... – Карис мечтательно прикрыла глаза. – Сильный. Ты ведь понимаешь?

Как ни странно. Это всё магия и шедший в комплекте с ней дополнительный набор инстинктов, нередко противоречащих человеческим. Чужая сила ее пугала. Возможность в любой момент оказаться раздавленной вызывала страх и желание убраться от опасности подальше. Но в то же время возбуждала. Заставляла искать сближения, чтобы почувствовать ее, выпить эту силу по капле. Диз вызывал те же ощущения. И его отец... Я помнила по нашему знакомству, какое впечатление он производил. Если Карис была сексом, то он – силой. Той, которую, как бесконечность, даже невозможно представить. И в какой-то степени я понимала Карис, это не могло не привлекать, но...

– Он бьет детей, – возразила я.

Это обстоятельство убивало любые желания, даже магии нечего было противопоставить такому аргументу. Но не всех это смущало: Карис равнодушно пожала плечами. Демон. У них это в норме вещей.

– Подожди, я вижу несоответствие. Значит, с Абигором спать ты не боишься, а как подойди к Дизу, так вперед, Наташа?

Наконец усевшаяся на стул Карис брезгливо передернула плечом в полупрозрачной блузке.

– Амавет – другой. – С этим было сложно не согласиться. Другой. Адекватнее большинства демонов, например. – Он... Мертвый.

Я поперхнулась. Либо я что-то пропустила, пока была на каникулах... Да нет, мне бы обязательно сообщили.

– Уверяю тебя, эта скотина вполне жива.

– Не в том смысле. Он даже мне отказал!

Определенно повод усомниться в его здоровье.

– И как это аргументировал?

– Сказал, что не привык делиться с кем-либо, – обиженно надулась Карис. – Но не в этом дело. Это ненормально! Мне никто не отказывает!

– Помнится, я...

– И это тоже ненормально!

Демон. Только они могли посчитать нормальную сексуальную ориентацию чем-то странным. Посмотрев в слишком быстро опустевшую чашку, я вздохнула.

– Ладно, предположим, он тебе не нравится, но это не повод его бояться. С чего вдруг он должен тебя убить?

– Амавет считает, что его отец имеет отношение к смерти наследника.

– А он имеет?

– Нет! – поспешила отказаться Карис. – Не знаю... Если и имеет, мне это неизвестно. Мне он ничего не говорил.

Последний вариант больше походил на правду. Мора вряд ли убили непреднамеренно. А значит, герцог наверняка слышал о планировавшемся убийстве. Не эту ли новость передать он послал сюда Соррела?

– Тогда тебе тем более нечего бояться.

Карис снова вскочила со стула и принялась мерить комнату шагами, накручивая на палец розовый локон.

– Он не поверит.

– Он не идиот. Он способен прислушаться к аргументам.

– Не сейчас, – еще один шаг. Короткая юбка взметнулась на повороте. – Ты давно его не видела. Он никого не слышит...

Это еще что значило? На секунду я почувствовала укол беспокойства. Что стряслось с Дизом?

– Тебя он не тронет, ты в его круге, скажи ему...

Кругом жители Нижнего мира называли род – или что-то вроде семьи, если речь шла о малом. Не связанных кровью, но самых близких существ. Тех, ради кого можно забыть о выгоде и пойти на все. Только, если я когда-то и была в Дизовом круге, он меня оттуда вышвырнул. Карис ошибалась. За стенкой вода перестала литься, и вскоре София вышла из ванной. Промокнула волосы полотенцем, повернулась к нам. Я успела заметить хищный интерес в янтарно-золотых глазах Карис – и недоумение на лице Софии, быстро сменившееся любопытством. И снова шелк и вишня, лопающиеся пузырьки шампанского на языке. Даже я невольно задержала взгляд на молочно-белой коже в вырезе блузки...

– Не смей! – осадила я Карис, когда наваждение спало. К сожалению, только с меня. Прежде чем София успела открыть рот, я поспешила предупредить соседку: – Она уже уходит.

– Так ты скажешь Амавету?

Ощущение чужой магии не исчезало. Я сердито посмотрела на младшую Ситри. Это угроза? Противопоставить ей мне было нечего. Кроме разве что травмы тупым предметом по голове – это бы заставило Карис потерять концентрацию и отпустить Софию. Увы, правила ГООУ подобные методы не одобряли. К тому же...

Что с тобой случилось, Диз?

– Ладно, – пришлось согласиться. – Я схожу к нему.

По правде, я хотела увидеть Диза с того самого момента, как услышала о смерти Мора. Мной двигала безумная, совершенно иррациональная надежда. Что, если он знал об убийстве еще до того, как оно произошло? И избавился от меня, чтобы защитить. Что, если его равнодушие было лишь игрой? Глупо, да. Но влюбленные девушки часто теряют остатки мозгов.

Самое плохое, что, оказавшись это правдой, я его простила бы. Простила бы то, что он решил за меня, простила бы бессонные ночи, блондинку под зонтом... Не пришлось. Поднимаясь по лестнице на второй этаж комцентра, я начала понимать, чего – кого – боялась Карис. С каждым шагом дышать становилось все труднее. Чужая сила давила могильной плитой, заставляя задуматься: а точно ли мне туда надо?

Точно. Вцепившись в перила, я заставила себя сделать следующий шаг. Мне-то еще ничего, мне ощущение злого холодного ветра было знакомо, как и запах подгнивших нарциссов. Но каково было другим посетителям? Что чувствовали они, когда приходили в комцентр? Ладно пиарщики, учившиеся по соседству – эту братию ничем не проймешь, – но те, кто был вынужден обратиться за помощью в ИТ? Ощущали они беспокойство, тревогу? Чужую руку на левом плече? Скорбь по тому, кто еще не умер?

Страх. Они чувствовали страх. Ужас, от которого тело переставало слушаться и колотило, панику, набатом звучащую в ушах: «Беги! И не оборачивайся». Вспомни, Наташа. Не так давно, до драконьей крови, ты сама испытывала ее.

Последние шаги по коридору дались тяжелее всего. Но уже не только из-за взбесившейся магии, требовавшей повернуть обратно. Из-за того, что я знала, кого увижу за дверью.

Существо, сидевшее в приемной, лишь внешне походило на человека. Люди не замирают как статуя в музее. Люди моргают. У людей не бывает подобного лица – пустого и равнодушного, ничего не выражающего.

Здравствуй, Амавет из круга Абигора. Давно не виделись. С тех пор как я нашла тебя в Аду курящим на неосвященном балконе...

– Где Каталина?

Она бы такого не допустила. Обозвала бы Диза вздорным пятилеткой, встряхнула бы – хорошо, если выражаясь только фигурально, с нее бысталось применить к идиоту-напарнику физические меры воздействия, – заставила бы вновь нацепить маску. Но ее не было рядом.

– Она работает теперь с Никласом, – Диз даже не обернулся.

Добровольно Лина бы не перешла. У них с Дизом были не самые обычные отношения: ни я, ни Диз не догадывались, что оракул увидела в нем, почему решила взять под свое крыло. Отчего ей так важно было, чтобы он научился казаться человеком. Любопытство, желание провести эксперимент, не удававшийся никому раньше? Возможно. Но за три с лишним года вместе, я знала, она начала относиться к демону как к младшему брату. А он давно признал ее частью своего малого круга. У Каталины было множество шансов перевестись в смену к своему парню, но она всегда отказывалась. Шутила, что так Ник быстро перестанет быть ее парнем, и вообще они друг друга поубивают. Но на самом деле не хотела оставлять Диза одного. Она не бросила бы его. Если только он не заставил.

Как заставил меня.

Что, черт возьми, ты творишь, Диз?

Молчание затягивалось. Ни «Зачем пришла?», ни «Что тебе нужно?», ни малейшего проявления интереса. Мы не виделись больше месяца, он знал, что по своему желанию я ни за что не подошла бы, но, казалось, его это не волновало.

– Я здесь из-за Карис. Она просила передать, что не имеет отношения к смерти Мора.

Снова никакой реакции.

– Диз...

– Я услышал тебя.

Но не поверил.

– Ты правда подозреваешь своего отца?

Скажи хоть что-нибудь, все равно что. Пожалуйста. Скажи, что это не мое дело. Только ответь.

– Ты понимаешь, что долго это не протянется? Ты всех так встречаешь? Рано или поздно кто-нибудь пожалуется ректору.

Он не отделается предупреждением. Учитывая обстоятельства, его уволят. И не будет магистратуры в следующем году. Не будет места ассистента профессора. Не будет идеального досье у Охотников, не будет их с Каталиной фирмы. Он вернется в Ад, послушный сын своего отца. У тебя же был план, Диз! Ладно я – должно быть, ты нашел, как получить желаемое без моего участия, – но остальное...

– Что происходит, Диз? Ты мог бы рассказать мне. Как бывшему другу. Пожалуйста. Прошу...

Мне ты можешь довериться. Я тебя не предаю. Пожалуйста. Скажи, что не ты убил Мора. Скажи, что знаешь, что делаешь.

Наконец он обернулся. Плавное, медленно, будто сдерживая себя. Словно пытаясь не напугать. Не получилось. Я с трудом удержалась от того, чтобы не отвести взгляд от мертвых серых глаз – только на миг в них блеснуло что-то отдаленно живое.

– По моему опыту, из бывших друзей получаются лучшие враги. А мы с тобой, Нат, и друзьями никогда не были.

Не были. Он мне об этом уже говорил: в другом году, в другой жизни. Я тогда сидела на скамейке в фехтовальном клубе и считала, что все-таки в нем больше человеческого, чем я думала. Чем все думают, чем думает он сам. Ошибалась. В первую очередь он был ребенком своей матери. Во вторую – сыном Абигора. Я сплотнула подступившую горечь, ногти царапнули старое дерево стойки. Хочешь сделать мне больно? Тебе удалось.

– Тогда расскажи Каталине. Она тебе нужна.

Не я. Обидно признавать, однако меня можно было заменить. Но не Лину. Если кто-то был способен вытащить Диза из этого состояния, то она.

– Верни ее. Сейчас ты играешь на руку Абигору. Не позволяй ему победить.

Потому что если кто-то из живущих в Аду и заслуживает другой участи, то это ты.

И снова впечатление, что я беседую со статуей.

– Диз...

Мне опять не оставалось ничего другого, кроме как уйти. Ступив из мрачных внутренностей коммуникационного центра на яркое солнце, я сморгнула непонятно почему набежавшие на глаза слезы.

Зачем ты это делаешь, Диз?

И все же от нашей встречи была польза. Я наконец поняла, что останавливало меня, что не давало принять предложение «Хантерс инкорпорейтед».

Абсурдная надежда, что я приду – и выяснится, что наш разрыв был неправдой. Что Диз все подстроил, зная, что случится с Мором, и стремясь меня защитить. В глубине души какая-то маленькая часть меня верила, что все решится и мы вернемся к тому, на чем остановились.

Глупость. Идиотизм. Бред.

Покопавшись в контактах, я выбрала знакомый номер. Тот самый, что мистер Джонс написал на обороте своей карточки. Ответили не сразу – должно быть, Макс не мог поверить, что после полугода молчания я ему позвонила.

– Прежде чем ты скажешь, что я сдурела, выслушай. Я в своем уме и трезвой памяти – или как там должна звучать эта формулировка. Я отдаю себе отчет, на что иду. Я понимаю последствия. У меня здесь свой интерес. Веришь или нет, но... – в трубке все еще молчали. Видимо, не верили. – Я этого хочу.

Глава 5

Я так хочу

– Это будет неловко, я права?

Макс широко ухмыльнулся.

– Только если ты хочешь, чтобы это было неловко.

А я чего? Я ничего не хочу. Только ситуация, когда бывшего назначают твоим личным надзирателем и тренером по совместительству, казалась мне немного странной.

– Я даже не говорю, что будет, когда Райли узнает... Ладно. Напомни, почему организация, которая сама хотела заполучить меня к себе, назначает мне вступительные испытания?

– Потому что они практичны. Зачем тратить деньги на твой переезд и проживание, если тебя прикончат на первом же деле?

Логично. Я повела плечами: даже как-то не по себе от такого прагматизма.

– Я бы пожаловалась, что меня берут на должность полицейской собаки, но мы оба знаем, что это не единственная причина. Верно?

– Заказать усиливающий восприимчивость к магии амулет было бы дешевле, – согласился Охотник.

– Тогда зачем?

Макс молчал, внимательно разглядывая покрывавший землю ковер из сосновых иголок. Мы встретились у озера, где он учил меня магии, и неловкость от этих воспоминаний становилась только сильнее. Почувствовав, как загорелись щеки, я тоже принялась рассматривать сухую хвою.

– Она верит в кровь, – наконец произнес он. – В то, что каждый из нас – потомок своего рода и отражение живших ранее.

– Если ты имеешь в виду какие-то особые способности...

«То у меня они отсутствуют», – хотела сказать я.

– Нет.

Я резко вскинула голову. Не ожидала, что он ответит. Но вот сам ответ... Все-таки я оказалась права. «Хантерс» искал всех потерявшихся в турбулентном двадцатом столетии потомков гени. Но не каждый из них удостоивался такого пристального внимания, как я. Диана, костер, не обжегший в ночь первого сентября... Боги выбирали себе игрушки не на одно поколение. Благословение – или проклятие, как посмотреть, – доставалось часто и потомкам.

Мой отец был чистокровным человеком, все мои двоюродные родственники – тоже; Огонь перешел мне по наследству от матери и ее матери. От прабабушки, видимо – но в детстве я не чувствовала магию, а сейчас зарытая в землю урна не могла дать мне ответы. Прапрадедушка... Возможно, что от него, но в таком случае мои поиски обречены на провал: он умер молодым, кровных родственников кроме меня и моих близких не осталось. И следовало признать, что иногда самый очевидный вариант является самым вероятным. Люди не срываются просто так с младенцем на руках с места. Что-то заставило Рудольфа Валленштайнера – или как его на самом деле звали – спешно уехать в русскую глубинку, сменить жизнь и фамилию. И это что-то, возможно, было связано с «Хантерс». До сегодняшнего дня, правда, я полагала, что он преступник, сбежавший от наказания...

– Спасибо.

– За что?

– За искренность. Когда мы встречались, ты так открыт не был.

Последнее вырвалось у меня нечаянно, с горечью по тому, что могло бы быть. Если бы не существовало Диза. И Охотников. Макс пожал плечами:

– Ничего личного...

Просто работа. И клеймо на плече. Я понимала и не винила его за это. Если бы и захотел, не смог бы рассказать.

– Только вот шутка вышла за их счет. Потому что я в кровь не верю. И не знаю, кто там из моих предков согрешил с «Хантерс» и как, но это не значит, что в итоге я поступлю так же.

Они сами сказали: у меня есть выбор. И то, что мне озвучили два варианта, не значит, что не существует третьего. Я найду его. И в конечном итоге решу так, как мне будет нужно.

– Ты ведь здесь, – спокойно возразил Макс.

Только для того, чтобы найти в офисе Охотников ответы на интересующие меня вопросы. Хотя я уже сомневалась, не совершила ли ошибку, позвонив. Потому что я прочла список вещей, которые, по мнению «Хантерс инкорпорейтед», мне следовало изучить. Нет, ребята, так дело не пойдет!

– Seriously, ты можешь представить меня в тире?

– Ты даже в корзину для мусора с пяти метров попасть не можешь, – на усталом лице промелькнула тень улыбки.

– Именно! И вообще я пацифистка. Оружие меня пугает. Я знаю, с какой стороны оно стреляет, этого мне достаточно, зачем мне больше?

– Затем, что пули быстрее заклинаний.

Голос его прозвучал равнодушно, но я все равно вздрогнула. Макс знал об этом не понаслышке: его отец так погиб.

– Может, я без этого обойдусь? И без навыков самообороны.

– И что сделаешь, если окажешься в опасности? Расцарапаешь противнику спину?

Нашел, о чем упомянуть! Я снова потеряла покрасневшее лицо.

– Это было всего однажды! И случайно! Я не заметила, что ноготь сломала. И неделю потом извинялась, между прочим, попробуй сказать, что забыл! Черт, говорила же, что будет неловко...

– Зато ты уже способна вспоминать об этом без такого виноватого выражения на лице, – улыбнулся он уже отчетливо. – Хорошо. Оно тебе не идет.

Ох, Макс...

– Прости.

За то, что лгала. За то, что использовала. За то, что совершенно о тебе не думала. Только о своих чувствах.

– Забей. Думаю, мы квиты. Но с ним ты все-таки зря связалась.

– Знаю.

Мне кто только об этом ни говорил. Но любовь зла, а сердцу – моему глупому наивному сердцу – не прикажешь.

– Но я уже встала на путь исправления, видишь? Доволен?

– Если ты считаешь, что «Хантерс» лучше, то ты...

– Конченная идиотка, которой боги дали выбор, но она его про... В общем, я помню.

Выслушав меня в тот день по телефону, Макс долго молчал. Зато потом разразился весьма экспрессивной тирадой. Это было ожидаемо. Какой-то части меня было стыдно: у него выбора никогда не было, он родился несвободным. Я же в эту... крайне сомнительную организацию лезла по доброй воле. Но другая половина меня понимала: мне необходимы ответы. Я должна выяснить, кто я на самом деле и что им от меня нужно.

– Я хотел сказать, что ты их недооцениваешь, – поправил меня Макс. – Может, все-таки передумаешь? Должен быть другой выход. У тебя есть время, чтобы его найти. Сереш...

– Сереш работает на них, – перебила я Макса. – Думаешь, он печется о моем благополучии больше, чем о пользе,

которую я могу им принести?

– Попросись хотя бы в другой отдел. Есть другие. Бухгалтерия, *PR*...

Нет уж, лучше борьба с нарушениями Договора, чем подведение баланса! А если серьезно, я сомневалась, что работа с бумажками даст мне доступ к необходимым архивам. Я помотала головой. Старый добрый Макс, всегда меня отговаривавший от опасных авантюр.

– Ноль шансов.

– Зря, – вздохнул он. – Тогда что там насчет самообороны?

Ничего?

– Макс, – проникновенно начала я, – ты знаешь, сколько во мне роста? Сто пятьдесят три сантиметра. А знаешь, сколько килограммов? Единственное существо, которому я способна причинить физический вред, – это комар. И то если его не на криптозоологическом факультете вывели.

– От тебя не требуется никого заваливать. – «Потому что это невозможно» повисло в воздухе произнесенным. – Но хороший удар даст тебе пару секунд форы.

– У меня есть магия. Разве ее недостаточно? – жалобно спросила я.

Потому что крав-мага, тай чи и прочие страшные слова правда не по мне. Я не терминатор и даже не Лена Хиди в роли Сары Коннор. Макс, донельзя измученный моими упрямством и нытьем, закатил глаза:

– Давай. Попробуй ударить меня магией.

– Уверен?

– Что ты мне сделаешь? Ставлю десятку на то, что даже не дотянешься.

Я все равно колебалась. Да, всему, что я знала, меня научил Макс, но... Я даже демона однажды оглушила! Пусть это было в Аду, но тем не менее.

Ладно. Раз речь зашла о скорости, незаметность и тонкая работа мне не помогут. Собрав силы в кулак, я приготовилась ударить, как...

Выпад я пропустила. Отвлеклась на покалывающий кончики пальцев Огонь и не заметила быстрое движение. Красные с золотом капли упали на ковер из хвои, а я схватилась за нос.

– Твою мать, Макс!

Поблудневший блондин, перепугавшийся куда больше меня, потянулся ко мне, но я увернулась. Было не столько больно или обидно, сколько... удивительно. Он что, ударил меня? Seriously? Моментально распухший нос это подтверждал.

– Прости, – виновато пробормотал он, делая шаг в мою сторону. Я отступила. – Не рассчитал силы. Дай залечу.

Стряхнув кровь с ладони, я ощупала липкими пальцами переносицу.

– Если ты его сломал, я очень на тебя обижусь, – сердито прогундосила я.

Получилось не очень угрожающе.

– Я же сказал, дай залечу!

– Не дам! – я запрокинула голову. Рот сразу заполнился медным привкусом. – Будет мне уроком. Черт, я же так всю одежду перемажу. Платок есть?

Первый быстро пришлось выкинуть – пропитался буквально на глазах. Второй менял цвет чуть медленнее. Еще и джинсы стирать придется – нечего было лезть в карман грязными руками.

– Прости...

Воздушная петля не дала ему договорить, опрокидывая на спину. Может, магия и медленнее кулака, но не стоит меня недооценивать. Отняв на секунду перепачканный платок от лица, я с чувством глубокого удовлетворения посмотрела на поверженного противника.

– Думаю, мы квиты, – сообщила я со всем возможным в такой момент достоинством. – Не забудь про десятку.

– Убейте меня, – простонала я жалобно.

– Твоя глупость тебя убьет. О чем ты думала?

О том, чтобы заявиться на стажировку в «Хантерс» и лично высказать тому, кто решил, что ему зачем-то понадобилась девочка Ната, все, что о нем думаю. Искренне, нецензурно, демонстрируя все величие и могущество русского языка и пары других. Теперь идея не казалась такой хорошей. Может, отправить им письмо на ресепшн, а там сами разберутся, кому его отдать?

– Послать их хотела, – буркнула я.

– И потому сначала приняла их приглашение? Ты не ищешь легких путей.

Как обычно, София скрывала беспокойство за сарказмом. Очень тщательно маскировала, надо сказать. Я прикрыла глаза. Мазь, которую соседка размазывала по моей спине, приятно холодила плечи... и жутко щипала все, что ниже.

– Кажется, он воспринял наше расставание не настолько спокойно, как я думала. На мне ни одного живого места нет! – пожаловалась я и дернулась от болезненного тычка под ребра. – Эй! Ты чего?

– Это живое, – невозмутимо заявила София.

Спасибо за диагноз, доктор. Вдохнув, я уткнулась носом в подушку. По крайней мере, Серещ, осмотрев мою многострадальную переносицу, заблаговременно выдал бадью с заживляющей мазью. Те самые магически активные биодобавки, которые я пыталась изучать на прошлом курсе, позволяли не ходить разукрашенной во все оттенки синего – представляю, как бы это смотрелось, особенно в сочетании со шрамами.

– Но правда, о чем ты думала?

Я сжулила взгляд на Сагу, занявшую место за столом. Щеголявшая очередным опасно острым маникюром мара перебирала разбросанную на нем косметику. Выдвинув стик помады, недовольно на него посмотрела (ну уж извините! Бордовых с черными не держим), но все-таки решила, что цвет огнетушителя ей не пойдет.

– Напомни, что ты здесь делаешь?

– У нас лекция, – ответила за нее София. – Готово.

На комод опустилась закрытая банка. Вскоре после этого раздались шаги – соседка пошла смывать мазь с рук.

– А ты ее задерживаешь, – полюбовавшись на подводку, она ее кинула к отсмотренному. – Seriously, обязательно было так выбирать?

Подобрав концы цветастой шали, она подошла ко мне. Опустилась рядом – я вздрогнула и попыталась отодвинуться, наткнувшись на пробирающий до костей взгляд черных глаз.

– У него появился новый сон, знаешь? О твоей смерти.

У Макса, имела она в виду. И не сон, а кошмар: мара обычно смотрели их. Все-таки их связывали очень странные отношения: мара, ребенком случайно убившая человека, и сын Охотника, забравшего ее отца вместо нее...

– Я не пойду на попятную, лишь бы ему было спокойнее.

Называйте это эгоизмом, но я слишком долго за свою девятнадцатилетнюю жизнь думала о других. Пора выбрать то, что мне нужно.

А нуждалась я в ответах. Я так долго винила во всем себя: в том, что поступила в ГООУ, что перешла дорогу Мору, что мою кровь разбавило золото драконьей... Было приятно понять, что это были не совпадения и не последствия

моего – глупого – выбора. Не только они. Кто-то планомерно вел меня по такому пути. Что мне сказал мессир Джонатан, когда я пришла к нему по локоть в пластырях? «Некоторые персоны крайне вами довольны». Кто-то хотел посмотреть, как я поведу себя, и потому не остановил Мора. Тогда я не поняла, о ком говорил секретарь, решила, что речь о ректоре. Но нет, это были «Хантерс». Они же воспользовались возможностью и, вместо того чтобы меня вылечить, предпочли провести эксперимент, посмотреть, а не получится ли психопомп. Посмотрели. Проверили. Молодцы. Но они хотели чего-то большего, раз после всего не отстали, и я хотела знать чего. Зачем было нужно, чтобы все это случилось со мной?

И, как бы глупо и смешно это ни звучало, мне нужно было найти себя. Пока мы с Дизом были вместе, я старалась не задумываться о будущем, но одно понимала: мой приезд домой поставил точку в моей прошлой жизни. Я не смогу вернуться и делать вид, будто четырех лет в ГООУ не было. Все изменилось слишком сильно. Я изменилась. Значит, остается искать место в новом, слегка сумасшедшем, иногда пугающем мире. Интересно, кому может пригодиться девица с сомнительными знаниями, но весьма специфическими особенностями вроде нюха на магию и отливающей золотом крови?

Между лопатками снова защипало, и я едва удержалась, чтобы не попросить Сагу их почесать. Учитывая пятисантиметровые когти, даже под мороком выглядевшие угрожающе, – не лучшая идея.

– Почему ты все еще заглядываешь в его сны? – спросила я, чтобы отвлечься. – Я думала, между вами все кончено.

По моей вине. Ну, или... Ладно, частично из-за меня, но ответственность лежала на Максе. Он попросил ее о том, о чем не должен был просить.

– По старой памяти, – один из когтей все же прошелся по моей спине. Достаточно ощутимо, чтобы я замерла, ожидая боли. – По дружбе.

– Знаешь, встречать тебя в снах мне все-таки больше нравится, – честно сообщила я, когда мара передумала и вытерла пальцы о простыню. – Ты же сказала, что не хочешь больше его видеть? Какая дружба?

Гени и их сложные взаимоотношения. Я закатила глаза. Ничего у них не бывает как у людей.

Единственный минус Серешевой мази заключался в том, что она чертовски долго впитывалась. Я даже успела, оставшись одна, задремать от скуки. Проснулась только от телефонного звонка. Помяни дьявола... или Сереша.

– Ты забыла, что должна сейчас быть у меня?

Забудешь такое, как же. Голова уже налилась свинцом в преддверии приступа.

– Сейчас приду.

Времени оставалось только протереть спину махровым полотенцем – и выкинуть его, вконец испачканное, в корзину для белья. Натянув на липкую кожу самую ненужную из футболок, я поспешила в медкорпус.

Сереш выглядел довольным как ребенок, замучивший до смерти уже трех котов и получивший на день рождения очередную зверюшку. Я беспокойно ерзнула на табуретке.

– Можешь не закатывать рукав, – сразу предупредил он. – Сегодня попробуем кое-что новенькое.

Почему-то это совсем не успокаивало.

– Ненавижу, когда ты экспериментируешь.

– Ты обожаешь, когда я экспериментирую, – возразил индеец, щелчком пальцев встряхивая содержимое флакона. – Только благодаря этому ты еще жива.

Что-то я не была в этом так уверена. Но независимая врачебная экспертиза мне не светила, а когда не можешь доказать, остается лишь верить на слово.

– Открой глазки пошире, солнышко.

– На твоём месте я была бы осторожнее с такими обращениями. Вряд ли Анн-Мари оценит.

Едкие капли заставили заморгать в попытках избавиться от неприятных ощущений. Словно песка в глаза насыпали. Черт, да больно же! В очередной раз крепко зажмурившись и распахнув глаза, я схватилась за край

стола. По крайней мере, попыталась, но деревяшка исчезла в темноте.

– Сереш?

– Что?

– Я ничего не вижу.

В голосе моем явственно звучали панические нотки. Шуршание стилуса по тачскрину прекратилось, и медик отодвинул стул. Щелчок раздался совсем близко, прямо перед моим лицом. Я вскинула руку: фонарик, крепко зажатый в его пальцах.

– Совсем ничего?

– Вообще.

Вокруг меня была темнота. Никакой размытой картинки, никаких очертаний. Пусто и черно, как на «Квадрате» Малевича.

– Интересный побочный эффект.

«Интересный»?! Я выругалась и дернулась – только чтобы сильные руки опустили меня обратно на табуретку.

– Сиди спокойно. Если само в ближайшие полчаса не пройдет, помогу тебе умыться.

– Это весь твой план?

– На данный момент, – я машинально обернулась на звуки. Кажется, Сереш вернулся на свое место. – Вряд ли это останется.

– «Вряд ли»?! – я ощупывала свое лицо. Глаза на месте, не вытекли, уже хорошо. – Чем вообще были плохи уколы?!

Невозмутимый тон медика раздражал: ну да, не ему же бороться с накатившим страхом. Не его сейчас мучили воспоминания о собственной беспомощности. Вцепившись в край сиденья, я сделала глубокий вдох и закашлялась. Дыхательная гимнастика справиться с паникой не помогла.

– Пока Росс был тут, он затронул тему, которая меня давно волновала: на практике внутривенные инъекции удобны далеко не во всех ситуациях. В случае сопротивления необходимо обездвижить противника...

– По-твоему, они будут сидеть и ждать, пока ты им глаза прокапаешь?

Вот, значит, кого мне нужно винить за временную (надеюсь) слепоту. Чтоб тебе в Аду икалось, Соррел! Мысленно приписав новый пункт в список, почему мне не нравился брат Диза, я заодно добавила новую строчку к своим претензиям к «Хантерс инкорпорейтед».

– Как видишь, проект еще в работе, – оскорбился Сереш. – Сарказм не слишком уместен.

В самый раз. Ориентируясь на звук, я попробовала дотянуться и пнуть его. Похоже, промахнулась.

– Ты поэтому пошел работать на Охотников? Чтобы удовлетворить свою жажду в жестоких и негуманных экспериментах?

Медик тяжело вздохнул:

– Почему все мои пациенты такие нервные? Ладно, пошли, провожу тебя до умывальника.

Крепко обхватив его ладонь, я встала. Врезалась в стол, оказавшийся вовсе не там, где он мне запомнился, зашипела от боли – только вылечила синяк на бедре! Сделала пару осторожных, неуверенных шагов. Спокойно, Наташа. Сереш знает, куда вести. На нем-то точно никто ничего не тестировал. Сполоснув лицо, я едва удержалась от того, чтобы не расцарапать глаза до крови, но вместо этого терла и терла их, чтобы смыть все, что осталось от тех капель. Звук бегущей воды заглушил голос, я поспешила закрыть кран.

– Если говорить о причинах, по которым я работаю с «Хантерс»... Человек, пригласивший меня, сказал однажды, что с ними я смогу сотворить больше добра. Он был прав.

Вместо полотенца Сереш протянул мне один из висевших рядом медицинских халатов. Пришлось впихнуть его мне в руки, чтобы я заметила.

– У нас с тобой очень разное понимание добра.

– Возможно. Как зрение?

Я попыталась присмотреться и почувствовала облегчение. Все-таки не ослепла.

– Плывет. И ты почему-то двоишься.

На этот раз фонарик я смогла разглядеть. Поморщилась, когда направили его мне в лицо.

– Я позову кого-нибудь, чтобы проводили тебя до общежития.

Какой идиот придумал, что спарринг может быть сексуальным? Явно тот, из кого ни разу не вышибали дух. Драка – это больно. От содранных в кровь костяшек (ну и твердый же кое у кого череп!) и растянутых до предела мышц. Грязно. От размазанной по лицу крови и земли, на которую тебя опрокидывают. И уж точно не возбуждающе. Какой секс, когда тебя вот-вот прихлопнут как таракана?

– Может, все-таки сдашься?

Это наверняка принесло бы ему облегчение. Не чувствовать себя виноватым за синяки и рассеченную бровь, за мою возможную смерть, снящуюся ему по ночам.

– Помнишь прошлый год? Это я попросила научить меня магии. Чтобы я могла защититься. Чтобы больше не чувствовать себя слабой. Это... – удар задел плечо по касательной, но все равно перебил дыхание. Заставил замолчать. Ненадолго. – Это то же самое. И я не сдамся.

Надоело все время нуждаться в чьей-то помощи. Надоело бояться и чувствовать собственное бессилие. И тем более надоело позволять другим решать за меня: поступать в ГООУ или другой вуз, жить спокойной человеческой жизнью или узнавать, что мир совсем не такой, каким кажется, попасть в «Хантерс», наконец, или нет...

Хватит. Это моя жизнь. И решать в ней буду я. Синяки и ссадины – недостаточно высокая плата, чтобы я отступила. В конце концов, я почти сдала телепортацию – а там каждое домашнее задание было гораздо больнее.

К тому же выяснилось, что кулаки очень помогают спустить пар.

За ощущение, что меня загнали в угол. За скопившиеся страх и раздражение. За то, что вокруг, кажется, одни враги.

Подсечка, и меня бросили на землю. Я увернулась от кроссовки, зачерпнула смешавшейся с иголками пыли, швырнула ему в лицо. Слабаки вроде меня по-честному не играют: что вокруг есть, надо использовать. Макс сам меня научил.

За Сереша с его экспериментами. Каких-то десять минут в темноте, но мне хватило. До сих пор в голову закрадывалась мысль: а вдруг чудесное исцеление – не навсегда? Вдруг моргну, и мир опять исчезнет? Проснусь после очередного сна про слепоту, а он окажется не просто кошмаром? Лабораторные мыши редко доживают до счастливой старости.

От кулака в лицо я ушла в бок – но оказалось, что Макс оттолкнул меня к самому краю крутого берега. Шаг – и слетишь на десять метров вниз, пересчитывая по пути выпирающие корешки. В отчаянии я замахнулась...

За случайно увиденного в студгородке Диза, улыбавшегося кому-то другому. Другой. Похоже, он последовал моему совету. Только мне от этого легче не стало.

Пропущенный удар в живот заставил меня сложиться пополам и упасть на колени, жадно хватая ртом воздух. Передышки мне не дали: пока я пыталась избавиться от мелькавших перед глазами мушек, Макс схватил меня за стянутые на затылке волосы и рывком поднял. Носки кроссовок беспомощно заскребли по густой хвое: вот она, разница в росте. И не дотянуться до него в таком положении – даже для банальной подножки не хватало опоры.

Зато была магия. Вполне себе великий уравниватель на самом деле, что бы ни говорил Диз. Где нет возможности ударить ногой, хватит порыва силы.

В озеро мы рухнули вдвоем. Подняли тучу брызг на мелководе и остались лежать: сил двигаться не было. Рядом показался обтянутый кожей череп – русалка вынырнула и с интересом посмотрела на нас. Нет уж, мы не твоя добыча. Спугнув ее загоревшимися на кончиках пальцев огоньками, я села: обкатанные водой камушки под спиной отзывались ноющей болью в побитом теле.

– Ты в порядке?

Неизменный вопрос после каждой тренировки. Но сейчас в нем было еще больше тревоги: заметил мое настроение.

– Нет. Но буду, если пообещаешь одну вещь.

Макс уселся рядом. Мокрая одежда, волосы, вода с которых стекала за шиворот... Веселый у нас видок. Я криво улынулась.

– Мы оба прекрасно знаем, что Рэмбо из меня никогда не получится. Черт, да из меня даже Эллисон Арджент не выйдет, хотя параллели напрашиваются! Да я не найду ни одного противника моей комплекции! И мы оба знаем, что ты просто ждешь, пока я вывешу белый флаг, и никогда, даже если я соглашусь на тир, не напишешь Охотникам, что я готова и меня можно брать к себе. Потому что считаешь, что обо мне забота. Не делай этого.

Упрямое выражение на его лице наверняка было отражением моего собственного.

– Ты спрашивала о шраме у меня под ребрами, помнишь? – О нем и о многих других. Для гени (мага, в который раз поправила я себя) у Макса их было поразительное количество. Тем более для живущего всего девятнадцать лет и в двадцатом веке с его чудесами медицины, магической и обычной. – Мне было восемь. Меня взяли в первый раз на дело. Посмотреть на место ритуала, ничего опасного... До тех пор, пока меня не проткнули мечом.

Меня передернуло.

– Окей. Ты понимаешь, что только что убил любое мало-мальски логическое обоснование для этих твоих «курсов самообороны»? От меча они не спасут.

– Ты не представляешь, во что ввязываешься.

Я подтянула ноги и обхватила колени.

– Я знаю, что со мной поступили несправедливо, используя вслепую. С тобой поступили еще хуже, и мне жаль. Я не представляю, как тебе помочь и возможно ли это, но дай мне шанс исправить то, что сделали со мной.

«А ты сумеешь?» – читалось в его взгляде.

По крайней мере попробую.

– Я не смогу тебя всегда защищать.

– Это последнее, о чем я бы тебя попросила.

Мне это не нужно. Охотник кивнул, сдаваясь.

– Слово, – напомнила я.

– Клянусь своим именем и жизнью.

Вот и отлично. Осталась одна маленькая деталь.

– И расскажи мне об убийстве Мора.

Со стоном Макс откинулся обратно на камни. Вода всколыхнулась, радостно заливая кроссовки. Я переставила ноги туда, где было суше. Пора выбираться из озера, так и замерзнуть недолго.

– Все из-за него, верно? Ты пошла на все это ради него!

Не нужно быть гением, чтобы понять, о ком речь.

– Диз тут совершенно ни при чем, – сухо проинформировала я.

– Как же! Зачем тебе «Хантерс»? Хочешь доказать им, что Диз невиновен? Смирись, Наташа, здесь нет сомнений. Если бы имелись улики, Абигору уже сообщили бы о его казни.

– Он не мог его убить.

– Наташа...

– Нет, послушай! Он не мог его убить. Почему все считают, что это Диз?

– А кто еще?

– Кто угодно! У Мора наверняка были сотни врагов! Даже я была рада услышать о его смерти!

Я нервно ходила из угла в угол. Стол – шкаф – кровать – стол. Стол – шкаф – кровать – стол. Стол – шкаф...

– Диз не мог его убить. Это невозможно!

– Еще скажи, что он вообще не убийца.

Убийца. Этого я отрицать не могла. Пальцы машинально потянулись к горлу – не распоротому, еще целому. Тогда, в Аду...

«Ты его убил?»

«Ты не оставила мне выбора».

Я отдернула руку от шеи.

– Можно подумать, ты никого не убивал!

Макс дернулся как от пощечины.

– Никогда.

Черт. Значит, все это время я думала о нем... Я ошибалась.

– Макс...

– Не надо, – он хмуро посмотрел на меня. – Давай лучше ты попробуешь на секунду отвлечься от своей любви и рассуждать логически.

Сложно рассуждать логически, когда не знаешь ровным счетом ничего. Но я промолчала. Присела вместо этого на краешек стола и приготовилась слушать.

– Тот, кто убил Мора, имел связь с ГООУ.

Разумно. Убить кого-то можно, только находясь в одном с ним мире. Или в нашем случае – в одном кармане на Границе. Чтобы убить кого-то в ГООУ, нужно было находиться в ГООУ. Либо пронести сюда артефакт, который сработает позже.

Соррел? Не зря же он приходил. Но и кроме него...

– Здесь учится восемьдесят тысяч студентов. И под сотню демонов.

– Восемьдесят три, если точнее. Из них двадцать... теперь девятнадцать являются вассалами Южного короля.

– Все еще полно подозреваемых. Почему виновен именно Диз?

– А почему ты так уверена, что это не он?

– Ему это невыгодно.

Макс с сомнением на меня посмотрел. Черт, ну и как объяснить то, что даже демонам было не понять? Что его не интересует Ад, ему нужна Земля?

Конкретно вот так, пожалуй, не стоит, а то звучит почти как план по захвату мира.

– Первым, кого обрадовала смерть Мора, наверняка был Абигор. Вот кому она выгодна. Не Дизу. Они не ладят с отцом. – Это еще мягко сказано. – Меньше всего Диз хотел бы сыграть ему на руку.

– Он тебе это сказал?

– Если ты намекаешь, что он врал...

Макс пожал плечами.

– Всем известно, как Абигор его ценит. Особенно в последнее время.

Интересно, последнее – это с какого периода? С прошлой зимы, когда он угрожал Дизу казнями египетскими? Или с весны, когда считал, что это нормально – при малейшем споре ломать сыну руку? Может быть, с лета, когда был готов его убить?

– Макс, я была там. Я видела.

– То, что он хотел, чтобы ты увидела.

В какой-то степени верно, но... Мне все равно не поверят. Что бы я ни сказала. Я стукнула ладонью по столу.

– Ладно. Ты все еще умалчиваешь о главном. Как умер Мор? Я отучилась два семестра на демонологии; возьми любую книгу, тебе скажут, что убить прямых потомков семидесяти двух родов практически невозможно! Отправить обратно в Ад – да, но убить?

– Я не знаю.

– Конечно!

– Я правда не знаю, – повторил Макс. – Способ пока не установлен.

То есть «Хантерс» не всесильны? Приятно осознавать... Но не в такой ситуации.

– Тут наверняка есть смысл, но он от меня ускользает, – признала я, потирая виски. – То есть вы не знаете, от чего умер Мор, но уверены, что виноват Диз? Макс, вашу организацию все боятся, разве вы не должны быть по крайней мере умными?

– Очень смешно.

По сравнению с абсурдностью происходящего – вполне.

– Мне не говорят всего, не тот допуск, – Макс поморщился, будто не уверенный, испытывать по этому поводу досаду или облегчение. – Может, кто-то другой и знает, но... Ладно, смотри.

Он повернул ко мне ноутбук. На черно-белом видео виднелась пустая комната – ненадолго пустая. Существо, вошедшее на первой же минуте, не было человеком. Казалось им: те же две руки, те же две ноги, копна вьющихся светлых волос, – но никакой камзол (они с Соррелом могли бы на пару устраивать показы мод под девизом «Тысяча семисотые возвращаются»!) не мог скрыть нечеловечески тягучих движений. Да и за солнечными очками, небрежно брошенными на кровать, пряталась знакомая мне чернота. Не глядя, Мор кивнул стоявшему в дверях студенту. Тот на секунду зашел, чтобы оставить сумку, и так же быстро исчез из кадра. А Мор направился к письменному столу. Включил компьютер, провел пальцем по тачскрину... Дальнейшее произошло слишком быстро. Холеное лицо исказила судорога. Хватая ртом воздух, Мор навалился на спинку стула, на который так и не удосужился присесть. А потом... рассыпался пылью. Был демон – и не стало демона. Я нахмурилась.

– Первый вопрос: у вас во всех комнатах камеры? Потому что если во всех, то это дикое нарушение приватности и...

Макс скосил на меня глаза и улыбнулся:

– Брось, думаешь, те, кто смотрит записи, могут увидеть на них что-то, им неизвестное?

Зависит от опыта. И возраста. И степени открытости к новому... Кровь снова прилила к щекам. Откуда велось наблюдение? Я выгнула шею. Судя по углу, похоже на карниз.

– Второй: почему у него не было соседа? *VIP*-номер?

Необычная для общежития ГООУ планировка сразу бросалась в глаза. И вовсе не потому, что я завидовала! С Софией жить было хорошо. Если привыкнуть к открывающейся посреди ночи двери и шуму в ванной в пять утра.

– Типа того. Демоны живут по одному, слишком опасно селить кого-то с ними.

– Диз делит комнату с Бенедиктом, – напомнила я.

– Это был... эксперимент. Диз старается понравиться «Хантерс», и всем было интересно, как далеко он пойдет.

И пусть селить вместе с демоном кого угодно слишком опасно, сироту Бенедикта в случае чего не жалко. Интересно, Бен подозревает, как высоко его ценит организация, на которую он собирается работать?

– Хорошо, но анализ этого... – я попыталась подобрать подходящее слово, – праха должен был что-то показать?

– Как ты сказала, это прах, Наташа. С него даже следов чужой магии не считать: направленного непосредственно на Мора воздействия не было.

Значит, артефакт. Просто так люди не распадаются на частицы.

– Окей, но если у вас нет ничего, кроме притянутого за уши мотива, то как к убийству причастен Диз?

Давай, Макс, сказал «а» – продолжи ряд алфавита. Охотник скрестил руки на груди.

– Накануне смерти Мора Гиль, один из его пажей, принес его ноутбук в *IT*-сервисы. Согласно журналу, проблемы с клавиатурой. В тот же день забрал обратно. На видео ты видишь, как Мор впервые после ремонта его включил.

Накануне смерти... Это был вторник, насколько я помнила. Если не поменялось расписание, Диз должен был работать в ту смену.

– После убийства на ноутбуке была обнаружена программа, установленная в то время, что компьютер находился на ремонте.

– Хочешь сказать, Мора убил компьютерный вирус?

– Напомнить, какая у твоего бывшего парня специальность?

Магическое программирование. В принципе, в такой гипотезе не было ничего совсем невероятного – это всё же ГООУ. Диз сам мне рассказывал: при определенных навыках в код можно было вписать что угодно. Научить камеру на мобильном распознавать иллюзии или закатать приложение, которое само будет поддерживать вместо тебя морок, сколько хватит батареек. Превратить схему амулета из аналоговой в цифровую. Сделать из компьютера артефакт замедленного действия, бомбу, активирующуюся нажатием клавиш...

Сложно? Да.

Практично? Не факт. По старинке, мечом или когтями, было бы проще.

Невозможно? Едва ли. Не для Дизи...

– Что это была за программа?

Макс пожал плечами.

– Не знаю.

– Макс!

– Код идет на румя. Думаешь, у нас много специалистов, одновременно знающих язык демонов и программирования? Диз до сих пор разгуживает по кампусу только потому, что в Цюрихе еще не смогли ее расшифровать. Как формула будет готова, Абигора известят, что его сыну предъявлено обвинение. По договору в ГООУ на демонов распространяются наши законы.

Переводя на русский: Диза казнят. Убьют без суда и следствия.

– А если Диз не имеет никакого отношения к убийству?

– И все это – большое совпадение? Что еще ему понадобилось бы установить на ноут Мора именно в тот вечер? Такого, что даже центральный ИТ-департамент понять не может?

Что угодно! *Spyware*, например. Хотя тот бы и человеческий сгодился...

– Подумай, Наташа, как это выглядит?

Будто кто-то пытается его подставить.

Или я не права? Что я знаю о его мыслях? Ничего. Вдруг Абигор предложил Дизу то, что заинтересовало его больше Земли? Кто сказал, что это невозможно? Да, выглядит слишком нарочито, но с другой стороны... Все знают, что Мора убил Диз – и бояться его. В Аду такая известность дорого стоит. А Диз все еще на свободе, распивает кофе в компании симпатичной девушки. Может, план не так плох, как кажется.

Заметив, как я сверлю взглядом спину Диза, Шивон помахала мне рукой. Я вздрогнула и спряталась за стаканом. Не хватало еще, чтобы он обернулся... Вот, я же говорила. Мазнул по мне равнодушным взглядом и снова обратился к своей собеседнице. Я закусила губу. Знаю я, что она его научная руководительница! Но она красивая и улыбается ему не просто как студенту – да и кого такие мелочи останавливали?

– Ну все, довольно! – Райли пощелкала пальцами перед моим носом. – Земля вызывает Наташу!

– Я здесь.

– Перестань смотреть на него побитой собакой.

Я перевела злой взгляд на рыжую. Вовсе не похоже! И вообще не об этом я думала. Просто размышляла, убил он Мора или нет. И только.

– Когда вы расстались?

– Сама знаешь, – буркнула я. – В ноябре.

– А сейчас – конец января. Это ненормально! Все повторяется: сначала ты страдаешь, потом ввязываешься в какую-нибудь авантюру, и я не хочу, чтобы ты влезла в очередные неприятности!

– В какие я, по-твоему, уже влезла?

Артефактор презрительно фыркнула.

– Вы двое, – обвиняюще указала она на нас с Максом, – уже месяц где-то пропадаете и всегда заняты в одно и то же время. Думали, я не замечу? Либо у вас снова роман, либо ты связалась с его отребьем. Ради вашего блага надеюсь, что второе.

Интересно, это выражение заботы или угроза? Мне стало стыдно: действительно, скрывать что-то от Рай казалось глупой затеей. Она не дура – в отличие от меня, так и не избавившейся от привычки хранить всё в тайне.

– Спасибо, – ядовито прокомментировал Макс «отребье». Райли его проигнорировала.

– В любом случае тебя надо остановить! Дай сюда телефон.

– Зачем?

Спротивление, впрочем, было бессмысленно: рыжая схватила сотовый еще до того, как потребовала его.

– Тут в студенческом приложении появилась вкладка для знакомств в ГООУ, девчонки показывали. Ты, конечно, не знаешь, но там такие симпатяшки попадают, просто умереть...

Мы с Максом переглянулись.

– Она тебе не изменяет, – успокоила я его. – Иначе бы мне уже рассказала.

Как о Тоби. В отличие от меня рыжая хранить свои сердечные дела в тайне не умела. В первый день у нее в гостях я уже засыпала в непривычно большой кровати, когда дверь тихо открылась. На цыпочках Райли прокралась в гостевую спальню и легла рядом.

– Не хочу, чтобы ты что-то подумала, – заявила она.

О том, что после рождественского ужина, оставив меня в компании своих многочисленных родственников, она сбежала? Или о том, кто ждал ее в саду? Или о том, что она до сих пор была в платье, а полночь уже пару часов как пробила?

– Это не мое дело.

– Ничего не было, – продолжила она, не слушая меня. – Мы просто говорили.

– И... Как?

Райли всхлипнула, и я с удивлением поняла, что она плачет. Да я ни разу рыжую в слезах не видела! Поколебавшись, я ее обняла.

– Почему любовь такая сука? – прошептала она.

Хотела бы я знать.

– Стоп, зачем тебе смотреть эту вкладку на моем телефоне? Ты не...

– Лучший способ забыть кого-то – найти кого-то нового, – наставительно произнесла Райли.

Кто бы говорил.

– Не в Сети же! Только лузеры знакомятся онлайн!

– Двадцать первый век, отбрось свои стереотипы, – посоветовали мне.

– Верни мне мой телефон.

– Не надейся. Я заполню профиль с твоей помощью или без.

А вот это явно угроза. На ум пришел один из приемов, которые Макс показывал мне на прошлой неделе, но к физическим методам воздействия я решила не прибегать. Из соображений самосохранения в том числе. Из кучи артефактов, что носила рыжая, наверняка хоть один да защищал от внезапного нападения.

С другой стороны – может, Райли права? Я покосилась на столик, за которым Диз с Шивон что-то оживленно обсуждали. Не хочу постоянно вспоминать о нем – он-то обо мне давно не думает. Не хочу скучать по нему. Не хочу просыпаться без него рядом и понимать, что больше никогда ничего не будет.

– Ладно.

Бедный Макс поперхнулся своим кофе. Я постучала его по спине.

– Отлично! – обрадовалась рыжая. – Давай для начала решим, кто тебе нужен.

Я задумалась. Тот, кому я смогу довериться. Кто примет меня такой, какая я есть, кто поверит мне – и поверит в меня. Кто не усомнится в моих решениях, даже когда я сама не уверена в них до конца. Кто промолчит, когда я не хочу разговаривать, но с кем всегда можно поболтать о глупостях – и о самых серьезных вещах, обратив все в шутку. Кого не будет раздражать мое расписание, но кто с радостью поддержит мои «Ты. Я. Секс. Сейчас, мне через десять минут на лекцию». Кто не будет приставать, когда я занята, но позволит сесть рядом, когда мне нельзя оставаться одной.

Дойдя до конца списка, я устыдилась. Все-таки я плохой человек. Эгоистичный. И нужны мне, видимо, не любовь и парень, а кошка и вибратор. Или один определенный демон...

Хватит о нем.

– Ясно, вопрос слишком сложный. Пойдем по пунктам. Сексуальная ориентация... С этим все понятно. Романтическая... Гетероромантик или все-таки демиромантик?

– Что? – не поняла я.

– Не смотри на меня, – отказался Макс, встретившись со мной взглядом. – Сами разбирайтесь.

Спасибо за поддержку.

– Вообще мимо? Ладно, здесь сорок девять вариантов, давай пойдем по списку...

Какой... обладающий нечеловеческим мышлением индивид этот список составлял, интересно?

– Так что?

– Ничего. Я против ярлыков.

– По шкале от секса на одну ночь до серьезных отношений – что ты ищешь?

Я с трудом подавила желание побиться головой о стол. Неужели я действительно завожу анкету на сайте знакомств?

– Вот только серьезных отношений мне не хватало.

Особенно после некоторых.

– Видовые предпочтения?

– В смысле?

– Не все любят вампиров. Или...

Я проследила, как Шивон наклонилась вперед и накрыла его ладонь своей. Диз руку отдергивать не спешил.

Ненавижу тебя, Диз. Все еще ненавижу...

– Демонов. Никаких демонов! – мстительно повторила я.

Чтобы я еще раз связалась с чертовым психопатом, которому на меня наплевать? Ни за что!

– Отлично! – повторила рыжая. – Готово, остальное, если что, сама потом исправишь. Теперь твое фото будет появляться у тех, у кого ты проходишь по параметрам профиля, а фото тех, кто попадает под твои критерии, будет в твоей ленте. Остается только лайкнуть... Ну, это явный дизлайк. И этот. Боги, кто его фотографировал? А вот он уже лайк. Вот это пресс! Лайк. Лайк...

– Тебе не кажется, что на этой стадии было бы логично отдать сотовый мне?

– Угу, – рассеянно ответила Райли, продолжая отмечать «симпатяшек». – О, а этот в Сети и уже тебя отметил!

– Откуда ты знаешь?

– Если вы взаимно друг друга лайкнете, сможете связаться. Смотри, какой милый!

У парня на фото была шевелюра цвета прелой листвы и обаятельная улыбка, которую только усугубляли ямочки на щеках. Симпатичный, даже я была вынуждена признать.

Терри Бернс, ирландец, если верить профилю. Пятый семестр, специальность «Продюсерство». Единственное, что смушало, – строка «Принадлежность». Фейри...

Уже не демон, во всяком случае.

– Предлагает встретиться. Ты говорила, у тебя сегодня выходной?

Я запаниковала. Одно дело – зарегистрироваться, другое – в тот же день назначить свидание! Мне нужно время. Свыкнуться с мыслью, как низко пала, морально подготовиться, с опаской впервые открыть приложение...

– Подожди!

Но коварная Райли меня не слушала:

– Чего ты боишься? Это просто кофе. Не понравится – встанешь и уйдешь. Что ты теряешь?

Примерно миллион нервных клеток, я уверена. А то и больше.

В жизни парень оказался еще симпатичнее. Есть такие люди – и нелюди, – чье обаяние не раскрывается в полной мере на снимке, и, только оказавшись рядом с ними, ты понимаешь, насколько заразительны их улыбки. А еще завораживающе низкий голос и рассыпавшийся жемчугом смех... Все это заставляло беспокойно теребить рукав платья и опускать взгляд в смущении.

А еще... Я нервно хихикнула.

– Это первое в моей жизни первое свидание, – пояснила ему. – Даже не знаю, о чем на них принято разговаривать.

Судя по вздернутым бровям, по крайней мере, начало разговора получилось оригинальным.

– Так ты...

– Нет, – успокоила я его. – Просто... так сложилось.

С Алеком мы полгода учились в одном классе, прежде чем он обратил на меня внимание, с Максом к нашей первой чашке кофе тет-а-тет мы успели подружиться, с Дизом... все было сложно. Но факт: я впервые оказалась за столом с совершенным незнакомцем.

– Тогда все просто: болтаешь, о чем хочется. Например, почему демонология? Готов поспорить, все об этом спрашивают.

Почти все. Но это явно не тема, в которую стоило углубляться при знакомстве. «Просто, когда я только поступила в ГООУ, мне в голову забрался один из них, и с тех пор я боюсь демонов. А когда я чего-то боюсь, я перехожу в нападение». Не лучший ответ. Я вцепилась в стакан с кофе. В полупустой столовой царил полумрак. Авось жест останется незамеченным.

– Так получилось, – грубо получилось. Я попыталась смягчить формулировку: – Долгая история. И не особо интересная. А почему продюсирование?

– Семейное дело. У матери франшиза на несколько реалити-шоу. Смотришь что-нибудь?

Я покачала головой:

– Извини.

Терри откинулся на спинку стула и наставительно поднял указательный палец.

– Все смотрят реалити-шоу. Просто не все признаются. Да ладно, должно быть хоть что-то, что ты смотрела! Пара серий *Survivor*? «Проект Подиум»? Сознавайся!

– Одна серия «Холостяка». – Случайно наткнулась, пока гостила у Райли. – И две «Дома-2», но это было давно и неправда.

– «Дом-2»?

– Это русское. Много странных людей ведут очень странные разговоры и постоянно скандалят. Так и не поняла смысла.

Такой огонек я видела в глазах рыжей, когда ей приходила в голову очередная гениальная идея. Поколебавшись мгновение, феиры запустил пятерню в и без того растрепанную шевелюру.

– В следующий раз расскажешь, – решил он. – Но видишь, ты в теме!

– Я абсолютно не в теме, – поспешила я откреститься от таких предположений. – Я даже не знаю, почему их называют реалисти-шоу, там же нет ничего реального!

– Ты самую чуточку преувеличиваешь.

– Скажи еще, что в них есть что-то непостановочное! Тонна макияжа в три утра, купальники при съемках зимой, наигранные эмоции...

– Они как раз настоящие.

– На камеру. Конечно.

Терри постучал себя пальцем по груди:

– Фуат. Можешь мне верить.

Вот, значит, откуда перепонки между пальцами, едва заметные под мороком. Водяной феири. Злой водяной феири, если точнее. Из тех, кто раньше заманивал путников в воду, а после выбрасывал их обглоданные останки на берег. А теперь приспособился и вместо мяса с потрохами согласно своему имени питался ненавистью и раздором. Интересное они нашли себе место в двадцать первом веке.

– Страшно? – истолковал он мое молчание иначе.

Я долгое время провела среди демонов, не слишком-то от таких, как Терри, отличавшихся. Едва ли. Вместо ответа я закатала рукав:

– Противно?

Терри скользнул взглядом по золотым шрамам и равнодушно пожал плечами. Значит, мы квиты. На душе стало неожиданно тепло от того, что в кои-то веки мои отметины не вызвали брезливого недоумения. Может, еще не все потеряно? Может, принимать других со всеми их странностями умеет не только Диз?

– Тоже «так получилось»?

– Типа того.

Рыжий улыбнулся:

– Спишу на то, что в девушке должна быть загадка. Пока. Но насчет того, что все постановка, ты не права, – сменил он неприятную для меня тему. – Люди очень забавные. И постоянно удивляют. Ты читаешь их анкету, проверяешь факты, разговариваешь с друзьями и родственниками, а посреди сезона выясняется, что все это время она была на психотропных, теперь они кончились, и она совершенно слетает с катушек. Или что ее разыскивают за убийство. Или у нас был случай прошлым летом...

– Шутишь!

Потому что, если хотя бы половина историй, что он успел рассказать, была правдой, человечество куда более безумным, чем я себе представляла.

– Клянусь! Или еще... – Терри бросил взгляд на часы. – Я тебя совсем заболтал.

Пока мы тут сидели, кафетерий прекратил работу, и мы оказались единственной парочкой в большом зале. Я посмотрела на часы: половина двенадцатого, неудивительно.

– Мне понравилось, – призналась я.

– Проводить тебя до твоей комнаты? Или взять тебе еще кофе? Здесь, конечно, уже не получится, но можем переместиться в общежитие...

А вот о вариантах продолжения я бы с удовольствием подумала как-нибудь в другой раз. Терри был симпатичным. Обаятельным. Вообще мой типаж, начиная от улыбки и заканчивая мягкой смешинкой во взгляде. Мне хотелось ему понравиться, но... Это был чисто женский инстинкт: понравиться привлекательному мужчине не потому, что он тебе так нравится, а чтобы доказать себе, что ты это можешь. Тот же инстинкт заставлял меня лезть за косметичкой в те дни, когда я знала, что встречу Райли. Здесь была замешана гордыня, а не симпатия к сидевшему напротив меня феири.

В то же время он не был мне противен. Я могла представить себе, как он целует меня у двери. Осторожно, неторопливо, только знакомясь. А я позволяю. Но что-то большее... В мыслях место Терри сразу занимал кто-то совсем другой. Чтоб его.

– Лучше проводи меня до своей комнаты, – приняла я решение.

Ни один умный парень не станет назначать свидание на девять вечера, не организовав себе возможность для продолжения. Просто так, на всякий случай, даже если вероятность этого продолжения не больше десяти процентов.

Судя по лукавой улыбке на веснушчатом лице, я не ошиблась.

Когда я проснулась, было еще темно. Нашупав под кроватью телефон, я проверила время. Пять сорок восемь. Прислушалась: дыхание рядом со мной не изменилось. Главное – аккуратно снять с себя чужую руку и не разбудить. В неосвещенной комнате нашла платье и кое-как его натянула, не заботясь о пуговицах. Все равно сейчас никто меня не увидит. Теперь сумка и обувь. С туфлями в руках я осторожно открыла дверь и обернулась.

Лишь бы он не проснулся.

Объясняться с ним не хотелось. Ни сейчас, ни вообще. С последним, в принципе, проблем возникнуть не должно: при имеющемся в ГООУ количестве студентов случайно столкнуться с кем-то конкретным, даже живя в одном общежитии, не так-то просто. А на сообщения можно не отвечать – современные технологии позволяли игнорировать нежелательных людей с поразительным комфортом.

Когда я вернулась к себе, София уже спала. Хорошо, не будет вопросов, где я ночевала. Сейчас не будет. А к вечеру что-нибудь придумаю. Тихо прикрыв дверь, я забралась под душ. Теплые струи воды помогли справиться с паническим «Что я наделала?!» и принесли спокойствие. Понимание. Ясность. В последнее время мне их очень не хватало.

Выйдя из кабинки, я натянула майку и собрала волосы в хвост. Тихо нащупала лежащие на комоде наушники и на пробежку вышла собранной и практически безмятежной. Жаль только, моим планам по тотальному игнору не суждено было сбыться. Рыжий фейри ждал на крыльце.

Неловкая ситуация. Тяжело вздохнув, я подошла к нему.

– А ведь у меня мелькнула мысль, что где-то я тебя видела.

Но я быстро ее отбросила. Это же ГООУ. Мало ли где я его в студгородке могла видеть.

В ГООУ было много бегунов, но с одним мы сталкивались постоянно. Ничего удивительного: жили в одном общежитии, выбирали для бега одинаковое время. Это не было знакомством, мы друг с другом и словом не перекинулись, а вместо «доброго утра» рыжий махал рукой или кивал, узнавая меня на дорожке...

– Мне было интересно, узнаешь или нет.

Не узнала.

– Я мало обращаю внимания на лица, – смущенно пробормотала я. – Только не говори, что все это время собирался с духом, чтобы подойти познакомиться.

– Почти, – весело откликнулся он. – Я хотел подойти прошлой весной, но ты исчезла. Вернулась месяц назад. Ну а когда увидел твоё фото... – он развел руками, – решил, почему бы и нет.

Прошлой весной я попала в Ад. Затем мы с Дизом начали встречаться, и мне стало не до бега по утрам, а потом...

– Признайся, ты всегда изображаешь по утрам Золушку, или все было настолько плохо?

– Все было не плохо. Просто...

Как тут найти слова? Терри потянул меня за рукав.

– Пошли. За кофе объяснишь.

Романтическое свидание, дубль второй. Только уже не свидание вовсе. Сонный бариста в столовой медленно

возился с кофейным аппаратом, а витавшие в воздухе ароматы яичницы и бекона настраивали на совсем не романтический лад.

– Итак...

– Извини.

– Одно слово, а мне уже не нравится, куда идет разговор, – посетовал фейри. – «Извини, но мне не понравилось»?

– Понравилось. Но оказалось, у меня остался незакрытый гештальт.

– Бывший, – понял он меня. – Ну да, по какой еще причине симпатичная девушка разместит свою фотографию на сайте знакомств.

– Не обижаешься?

– С чего вдруг? – фуат отхлебнул кофе. – В любом случае я приятно провел время. Надеюсь, ты тоже.

– Сколько еще подтверждений тебе потребуется?

– Три? Может, четыре. Мое эго сегодня серьезно пострадало.

Я не выдержала и рассмеялась. А ведь у нас все могло бы получиться. По крайней мере, под пункт «поболтать о пустяках» он подходил. Я могла бы влюбиться в него. Если бы не была влюблена в другого.

Вспомнились слова Райли: «Должно быть что-то еще». Я никогда не была восторженной дурочкой, считающей секс неким таинством, единением душ и бог знает чем. Физиология. Только и всего. Люди (и нелюди) просто так устроены. Но в то же время... Чего-то сегодня не хватало. И из-за этого чего-то все казалось рефлекторным и бессмысленным. Утром я сбежала, потому что поняла, что без чувств все это... Скучно. Не нужно. Совсем не то.

– Но если захочешь отвлечься от бывшего и повторить – пиши.

– Я бы не рассчитывала, – честно предупредила я его.

Потому что благодаря этой ночи я осознала еще одну важную вещь. Да, я все еще была влюблена в Диза. Да, мне не удавалось его забыть. Но больше меня это не тяготило. Что я ни попытаюсь сделать – ничего не поможет. Никто не выбирает, когда разлюбить. Точно так же, как никто не выбирает, когда ему влюбиться. Я ведь совершенно не планировала влюбляться в Диза, это случилось вопреки моему желанию и доводам рассудка, в самый неподходящий момент. И однажды я так же проснусь утром и пойму, что мои чувства ушли. Что воспоминания не причиняют боли. И тогда до меня дойдет, что я встретила кого-то другого, и это будет так же неожиданно и нелепо, но, быть может, кончится лучше...

Возможно, это случится завтра, возможно, через месяц.

Но я ведь гени, верно? Впереди у меня вечность.

Время еще есть.

Глава 6

Ненавижу

«Что же мне сделать, чтобы ты остался?» – спрашивала певичка в наушниках. Подпевая незамысловатой песенке, я расставляла книги в закрытой секции. Освободила руки от тяжеленного тома, задвинув его на нижнюю полку, и с удовольствием потянулась.

– Что же мне сделать, что же мне сделать... – пробормотала я, замечая красную наклейку на следующем корешке.

Осторожно взяла его силиконовой кухонной прихваткой и поспешила убрать к прочим справочникам по проклятиям.

– Можем быть сегодня ночью, кем захочешь...

Холодная ладонь легла мне на лоб, заставив вздрогнуть. Я поспешно выпрямилась и выключила музыку. Хорошо хоть, за пением меня застали библиотекарь – они никому не расскажут. Правда, насчет устроившихся у них на плечах птиц я не была так уверена...

– Температуры нет, – заключили Бертрам и отхлебнули чая из старинной чашки.

Тончайший фарфоровый наперсток, которому скорее было место в каком-нибудь парадном сервизе, удивительно не вязался с их сегодняшним имиджем – тапочками, растянутыми штанами и майкой-алкоголичкой. Длинные черные волосы были собраны в разваливающийся на ходу пучок, а подмышкой они зажали газету. Опять сидели над своими изысканиями полночи?

– А должна быть?

– Ты странная, – сообщили мне. Занявший левое плечо Стокер согласно каркнул.

Ответ «сами такие» не показался мне подходящим для разговора с начальством.

– Влюбилась? – с сомнением спросили библиотекарь, по-птичьему склоняя голову на бок.

Потому что у необычного поведения могут быть две причины: болезнь и влюбленность. Гениально.

– Не угадали.

– Люди такие загадочные, – пожаловались они, обращаясь к птице.

А демоны очень забавные, когда пытаются их понять. Я расплылась в невольной улыбке. Которая, впрочем, погасла при следующих словах:

– Тебя хотят видеть. Я оставили его у входа на уровень.

– В закрытой секции?

Бертрам недовольно дернули плечом – мол, попробовали бы они его не пустить. От удивления я вытерла ладони о юбку, оставляя на ткани серые разводы. Черт. Райли как-то умудрялась чистить одежду магией, но мне такой уровень концентрации был недоступен. А хлопок, как выяснилось опытным путем, отлично сжигался вместе с грязью. Размазав библиотечную пыль еще сильнее, я плюнула на внешний вид и поспешила к выходу.

Макс облокотился на перила и с любопытством рассматривал плывущие за окном облака. Неизвестное солнце окрасило их в кроваво-красный цвет, хотя в ГООУ только наступил полдень. Странно. Сегодня мы с ним встретиться не договаривались.

– Что случилось?

– Не здесь. Хочу тебе кое-что показать.

– Если это что-то можно перемещать, можем посмотреть на него в столовой? У меня как раз обеденный перерыв.

Перемещался листок бумаги легко, только вот его содержание от этого яснее не становилось. Устроившись за столиком, я подняла взгляд на Макса.

– Это очередной тест?

– Нет. Считай, что пришел к тебе как к демонологу.

– Тогда ты пришел не по адресу. Это, – постучала я по распечатанной схеме, – к демонологии не имеет отношения. Тебе стоило спросить Райли.

– Знаешь, что это?

– Их семейная схема. Одна из удавок, которая используется в их глушилке. Вот этот контур перекрывает доступ к воздуху, эта схема воздействует на магию извне, выдирая ее из носителя...

– Тебе Рай рассказала?

– Нет, Диз.

После моей встречи с Соррелом ему стало интересно, почему она действует на демонов так же сильно, как на гени, и он попросил одного из сотрудников прислать ему файлы. Ничего удивительного: обратный инжиниринг процветает в любой индустрии, и отрасль смертоносных артефактов – не исключение. Обязательно надо разобрать продукцию конкурента по винтику и понять, что, как и зачем устроено.

Стоп.

– Ты потому пришел ко мне? Это связано с Дизом?

– Сегодня прислали первую часть расшифровки. Даже не четверть кода: говорят, там очень интересное плетение. Но...

Слишком много совпадений. И дело даже не в самой схеме глушилки. Абигор был главным, но не единственным, чей круг занимался оружейными артефактами. Заклинание, придуманное гени, было записано на языке демонов в виде кода для человеческого компьютера. Вот что напрягало. Чтобы объединить все это, нужно было чертовски сильно интересоваться людьми и гени. У демонов существовали свои заветы, свое программирование. Совсем иное. В наполненных туманом кубах компьютеры узнать было невозможно, и я даже не представляла, как они функционируют. Технологии определяются мышлением, а у обитателей Нижнего мира оно было совершенно другим. И мало кто настолько сильно хотел понять людей, чтобы копаться в человеческой технике. В горле пересохло.

Диз, во что ты ввязался?

Противный звук выставленной на полную мощность вибрации разбил повисшую между нами паузу.

– Бертрам. Велели принести бисквитов и стакан крови, раз я все равно в столовой. Для Шелли и Стокера, – объяснила я Макс. – Не жди меня, обратно я сама дойду.

– Но ты...

– Не знаю, – оборвала я его. – Я ничего не знаю!

Правда. Мог ли Диз быть автором той программы? Я не знала. Установил ли он ее на компьютер Мора? Я не знала. Подставляли ли его? Я не знала. Ошибалась ли я, когда верила в его невиновность? Я не знала...

Погруженная в свои мысли, я сначала заметила свою фотографию на чужом мониторе, и только потом – владельца ноутбука. Еще поморщилась, думая, что после того свидания надо было закрыть профиль, но как-то забылось...

– Почему тебе доступна моя страница? Я же указала: «Никаких демонов».

Спросила и чуть не застонала от осознания собственной глупости. Очевидно же. Достаточно было вспомнить, кто это студенческое приложение создал, чтобы понять... Дура ты, Наташа. Кто еще мог додуматься до сорока девяти романтических ориентаций? Потому и вид профиля, отличавшийся от того, что был у меня на экране, и отсутствие ограничений. Администраторский доступ, который кое-кто использовал не по назначению.

– Из всех возможных вариантов применения твоих знаний ты не нашел ничего лучше, чем сделать сверхъестественный «Тиндер»? Seriously?

Если и существовал вариант похуже компьютерного вируса, убивающего демонов, это был он. Диз невозмутимо

пожал плечами.

– У всех людей в мире всегда будет одна потребность. И у гени, в этом вы похожи.

– Секс.

– Близость, – поправил он меня. – Для кого-то – физическая, для кого-то – эмоциональная. Если ты заметила, мы предлагаем не только знакомства на одну ночь.

Как же, помню. Цель «серьезные отношения» в меню, только кто же будет их искать через интернет?

Я сжулила глаза на Диза. На этот раз не было ощущения давящей силы, он почти был собой... тем Дизом, которого я знала. Если бы не намеренно расслабленная поза, будто у хищника перед прыжком... А так – то же скушающее выражение лица, что и всегда. Та же флегматичность. Тот же успокаивающе монотонный голос...

– Проблема гени в том, что у них нет комьюнити. При этом предубеждение против людей сохраняется. Замкнутый круг. Так почему не предложить сервис, решающий эту проблему?

– Потому что любовь – это не проблема. И так она не решается.

Диз снова пожал плечами и потянулся к стакану с кофе.

– В любом случае за четыре недели с момента выхода мы получили пятьдесят три тысячи регистраций, что составляет шестьдесят четыре с половиной процента от учащихся. Относись к этому как хочешь, но даже ты не сможешь сказать, что это не успех.

– Большая часть зарегистрировалась из любопытства. Просто посмотреть, что вы выдумали.

– Какая разница? Они все равно зарегистрированные пользователи, с которыми можно работать. И не все пришли ради фана, – заметил Диз. – Ты, например. Не ожидал увидеть тебя в списке новых пользователей. Райли?

Я не стала отводить взгляд. Мне не за что извиняться. Не в чем чувствовать себя виноватой.

– Если что-то хочешь сказать – говори прямо.

– Терри Бернс.

Конечно. Кроме профиля с него стало бы и в переписку залезть.

– Очень мил, по-моему, – с приторно-сладкой улыбкой сообщила я.

– Ты уже с ним встречалась?

И не только встречалась. Интересно, какая последует реакция, если расскажу правду?

– Да. Думаю повторить. Мне он понравился. Лучше тебя.

Скорее всего, никакой. Диз и ухом не повел.

– Рад за тебя.

А чего ты, собственно, ожидала, Наташа? Ревности? Сцены из очередного твоего романа, с битьем себя в грудь и криками: «Моя! Никому не отдам!»? Так это не роман. По крайней мере не любовный. Дизу все равно. Весь интерес, какой у него ко мне был, давно прошел. Какая ему разница, что происходит в моей жизни?

Никакой. Я помнила все свои разумные доводы, что все нормально, все естественно и мои чувства к нему скоро забудутся, но обида все равно захлестнула с головой.

– Рад? По-твоему, мне нужно твое благословение?

– Нет, – Диз был все так же невозмутим. – Он сказал тебе, кто он?

– Представь себе. Оказывается, не все любят наводить тень на плетень.

На секунду в его глазах мелькнуло непонимание. Ну да, ГООУ. Разговаривая с иностранцами, от идиом лучше воздержаться. Но сбить себя с толку Диз не дал:

– Фуаты опасны.

По сравнению с ним? Смешно.

– Если ты помнишь, мой предыдущий парень был демоном. Думаю, я разберусь.

Судя по оборванному на полпути жесту, Диз с трудом удержался, чтобы не пожать плечами в третий раз.

– Будь осторожна.

Пожелание оказалось последней каплей. Я перегнулась через стол, нависая над ним:

– Ты не имеешь никакого права давать мне советы. Не смей! Моя личная жизнь тебя больше не касается. Ты меня бросил! Я не твоя забота. Никогда ей не была и уж точно не стала ей теперь!

Не самый эффектный выход в моей жизни. Но когда обида душит, а пелена застилает глаза, немного не до того, как это будет выглядеть со стороны. Остановившись у входа в столовую, я перевела дух и сморгнула злые слезы. И все-таки его равнодушие меня задело.

Сердце. Глупое мое сердце...

Соберись, Наташа. У тебя есть дела.

Внезапная идея заставила меня повернуть к общежитию вместо библиотеки. Валявшаяся с книжкой на кровати София удивленно уставилась на стакан с кровью.

– Это мне? Как мило. Но бисквиты определенно лишние, не стоило напрягаться.

– Это мне. – Судя по вздернутым бровям, мой переход на гемоглобинонасыщенную диету тоже был неожиданностью. – Тьфу ты... Это библиотекарю.

Ключ нашелся на самом дне ящика, под стопкой футболок и купальником – еще одно воспоминание о слишком быстро закончившемся лете. Беглого взгляда на расписание демонологической кафедры хватило, чтобы понять, что четвертый курс будет занят еще две пары, мне никто не помешает. О ДIZE беспокоиться не было необходимости. Вторник. После столовой он отправится напрямик в коммуникационный центр.

Общежитие ГООУ только номинально делилось на мужскую и женскую половины, так что моему появлению в мужском крыле никто не удивился. Привычно кивнув хорошенькой блондиночке, жившей вместе с женихом в ближайшей от общей зоны комнате, я прошла к шестьсот сорок седьмой двери. Отперла ее и на мгновение замерла. Одно дело – врываться в чужое пространство. Совсем другое – рыться в вещах близкого тебе... нечеловека.

Долой сомнения, Наташа. Я решительно толкнула дверь. Значит, говорите, Диз написал программу, которая убивает демонов? Есть только один способ выяснить правду.

Даже если Охотники проверили все его гаджеты, они не знали, где искать. Я знала. По чистой случайности – однажды летом попросила у него свой файл из медсервисов. В Аду он как-то его открывал, вдруг и из студгородка сможет? От Сереша все равно правды не добиться.

– Не боишься, что рано или поздно тебя поймают со всем этим добром? – поинтересовалась я из-за его плеча, глядя, как он подключает к ноутбуку жесткий диск с копиями личных дел.

Диз улыбнулся – тогда он еще умел улыбаться беззаботно и легко.

– Не поймают. Даже если кто-то взломает пароль, всё, что они увидят, – это скачанные с торрента фильмы и пару игр. Не самое страшное преступление.

Одну из игр он и открыл.

– «Ведьмак»? Серьезно?

Сложнее было представить себе разве что ДИЗА, раскладывающего на компьютере «Косынку». Вместо ответа он кликнул на «новую игру» и вбил в имя игрока полную абракадабру – если только не помнить, как он расположил иероглифы рума на клавиатуре. Я помнила. Экран мигнул, прежде чем показать нам совсем другие папки. Там

были не только личные дела. Проекты, не имевшие отношения к учебе. Файлы, о существовании которых Диз не хотел, чтобы знали в ГООУ. Не зря он подключал этот диск только ко второму ноутбуку, личному, не имевшему доступа к университетскому вай-фаю. И если он действительно написал тот код, готова поставить свою месячную зарплату на то, что он окажется на диске. Диз бы его не стер. После того, что случилось с Мором? Нет, такое оружие он бы не уничтожил, выгода от него во много раз превысит все возможные риски.

Осталось найти этот диск. Один за другим я проверила ящики письменного стола – ничего. Только черный, для курсовых и фотографий, ничего предосудительного. Еще один, синий, нашелся на подоконнике, но на нем Диз хранил файлы для работы в IT-сервисах и их с Линой проекты; сколько раз я брала его, чтобы скинуть себе лечилку. В сомнениях я распахнула дверцы шкафа. Полдюжины клетчатых рубашек, толстый кардиган на полке и скомканная серая толстовка с эмблемой ГООУ. За ними, в дальнем углу, толстовка поменьше, красного цвета. Моя. Забыла ее в одну из ночей, когда у Бенедикта был практикум на кафедре демонологии. А после случился тот разговор, и возвращать ее... Я предпочла этого не делать.

В нижних ящиках комода тоже не нашлось ничего интересного. Быстро их проверив, я остановилась. В условиях вечной нехватки места (половина шкафа и письменного стола, комод с тремя ящиками, полка над раковиной) в верхнем ящике я хранила всю мелочевку. Которая, по странному стечению обстоятельств, была самой личной частью моего скарба. И если бы кто-то туда залез... Убила бы на месте.

Что ж, еще один аргумент в пользу того, чтобы закончить обыск по-быстрому, пока не поймали. Я дернула ручку на себя. Зеркалка, объективы к ней, карты памяти. Планшет, сменные лезвия для бритвы, пачка презервативов... Женский браслет. Я повертела в руках золотой обруч. Единственным украшением на нем были два гранатовых кабошона на внутренней стороне запястья, и те были обусловлены функционалом артефакта: сдерживали нанесенный на изнанку контур. Теоретически. Пока браслет был пустышкой, проверить его работу можно будет, только напав узор кровью того, кому он предназначался. Я провела пальцем по линиям. Где-то я их видела...

Не где-то. Здесь. В летние каникулы, когда рассказала Дизу о поступлении на магогематологию...

«Для чего третий контур?»

«Узнаешь на стадии испытаний».

Тогда я не смогла разгадать его предназначения, теперь знаний хватало. Один из контуров замыкал заклинание на владельце. Второй постоянно подпитывал его через кровь. Третий... и четвертый, сейчас я это понимала, отсекал из крови чужую часть, одновременно скрывая ее. Использовал драконью кровь, растворившуюся в моей, ее магию, чтобы спрятать следы от нее. Проблема, которая устраняет сама себя. Элегантно.

Я уже давно не стеснялась своих шрамов в ГООУ, но остальной мир – совсем другое дело. Едва ли мои родители одобрили бы такие сомнительные татуировки, если бы вообще в них поверили. А иллюзии мне не давались: сложно контролировать, когда все равно видишь сквозь них. Выходит, Диз тоже об этом думал...

Или просто нашел задачу, которую ему было любопытно решить. Я швырнула браслет обратно и продолжила поиски. Запасные очки, отвертки, тубик термопасты... Диск нашелся на самом дне, под змеиным клубком проводов и зарядок. Наконец-то. Попробовав привести вещи в тот же беспорядок, в котором они были, я задвинула ящик и вздрогнула, услышав чужой голос.

– Как ты сюда попала?

Диск едва не выпал у меня из рук. Вернее, выпал, но я успела поймать его у самого пола. Прижав его к груди, я медленно обернулась. Хорошо хоть, не Диз. Высокий брюнет в очках перевел взгляд на жесткий диск и нахмурился.

– У меня есть ключ. Диз сделал.

– Зачем?

Интересный вопрос. Какой ответ он ожидал услышать? Мелкими шажочками я попыталась пробраться ближе к двери.

– Я тут вроде как жила. Летом. Привет, Бен. Почему ты не на лекции?

– Интереснее, что ты тут делаешь. Диз знает?

Нет. И будет лучше, если не узнает. Я не успела отшатнуться, как диск вырвали у меня из рук. Привстала на

цыпочках, пытаясь до него дотянуться, но два метра роста и полтора – силы были неравны.

– Отдай!

– Насколько я знаю, он тебе не принадлежит.

– Но он мне нужен. Пожалуйста.

– Попроси у Диза.

Черт возьми, а победа была так близка. Я попробовала зайти с другой стороны.

– Тебе известно, в чем Диза подозревают?

– Всем известно. И что? Хочешь отомстить ему и сдать Охотникам?

Вообще-то – найти правду. Что остается делать бедной девушке? Если все ее утаивают, приходится искать ответы самостоятельно.

– На этом диске могут быть доказательства. Верни мне его, пожалуйста.

Бенедикт только покачал головой.

– Черт возьми, ты демонолог или кто? На чьей ты стороне?

– На стороне презумпции невиновности.

– Он демон! – на всякий случай напомнила я.

– И за все годы, что я его знаю, не совершил ничего наказуемого.

Просто плохо ты его знаешь... и в Аду его не видел. Я снова попыталась отнять у Бенедикта диск. Глядя на мои потуги, он только поднял его выше.

– А вот ты сейчас очень напоминаешь свихнувшуюся бывшую. Если в его вещах что-то есть, пусть Охотники приходят сами. Доказывать его вину – дело «Хантерс». Не твое.

Нужно было остыть, чтобы признать его – частичную – правоту. Рыться в вещах Диза было не лучшей моей идеей. Но «не знаю», в которое я позволила Максу превратить мое «не верю», мне очень не нравилось. Может, дело было в обыкновенной гордыне? Обмануться в своих чувствах – это одно. Сколько наивных девушек влюблялось и не думало, что безответно? Миллионы. Узнать, что тебя использовал психопат-убийца, – немного другое. Особенно потому, что, не вмешайся я в прошлом году, Диз не вернулся бы в ГООУ. Если он виновен, это моя вина тоже – за то, что неправильно его оценила. Не могла же я настолько ошибаться в Дизе?

И если вернуться к «не верю», к тому, с чего все началось... К испуганной Карис, ворвавшейся в мою комнату. По ее словам, Диз был уверен, что в смерти Мора замешан его отец. Стал бы он так считать, будь он сам убийцей?

А значит, мы возвращаемся к вопросу, кому это выгодно. Кроме Диза, кто может занять место Мора?

– Это вам домашнее задание задали? Ты сидишь здесь с самого утра, – Бертрам поставили передо мной пахнущую зверобоем и корицей чашку и присели рядом. – Зебальд совсем вас не жалеет. Хочешь, поговорю с ним?

– Нет. Это... по собственному желанию.

Библиотекарь с сомнением покосился на гравюру, изображавшую странное чудовище с головами человека, кота и лягушки и паучьими ногами.

– Тебе надо развлечься, – посоветовали они мне. – Что у тебя с личной жизнью? Неужели нет никакого симпатичного мальчика, который был бы интересен тебе больше, чем король Ада?

Будем откровенны: единственный мальчик, который вызывал у меня интерес, подозревается в убийстве... Не говоря о том, что интерес был не особо взаимным.

И что после вчерашнего видеть этого самого мальчика мне совсем не хотелось. Мне было стыдно. Немного. Стоило вспомнить его «рад за тебя», как стыд сменялся злостью.

– У тебя выходной, за окном солнце, отличная погода, а ты гнешь спину над «Политической историей Ада». Нет чтобы выйти прогуляться...

Я не удержалась от улыбки: для демона разочарованная отповедь звучала на удивление добродушно. А вкупе с чаем заставляла вспомнить дом. Так меня журила мама, еще до больницы, до Алека, пока я не забросила учебу. А потом тоже приносила чашку свежесваренного чая. Не хватало только «будь я в твоём возрасте»...

– Будь я в твоём возрасте, – не преминули прочесть мои мысли библиотекарь, – точно бы нашли развлечение получше.

Могу представить себе развлечения в Аду.

– Подождите, – окликнула я их. – Вы ведь тоже с юга...

– Рассказать о нём? – угадали библиотекарь, присаживаясь на краешек стола. К ним присоединился Шелли и смешно процокал когтями по глянцевой столешнице. – Ты ведь помнишь, что за мои ответы всегда есть цена.

– Я могу заплатить.

Бертрам с сомнением покосился на меня.

– Ты уже на меня работаешь. Что с тебя ещё взять? Но так и быть. Один вопрос. А завтра чтобы я тебя в библиотеке не видели. Что ты хочешь знать о юге? Юг всегда горит. Флегетон. И кровавый герцог, из-за которого земли всегда полыхают алым. Юг – это война. Демоны не могут без бойни, но никто не сравнится в её искусстве с Абигором. Юг – это удовольствие Ситри. Знания Маракса. Творения Малфаса. Красота Астарота...

– Кто станет наследником Гаапа? – перебила я эту арабскую сказку.

На бледных губах возникла совершенно змеиная усмешка.

– Неправильный вопрос. Дважды неправильный. Гаап вечен, он король и принц, свой собственный наследник. Но вы никогда не могли понять наших титулов. Как может вассал быть своим сюзереном? Слишком сложно для ваших умов. Потому вы берете наши слова и заменяете своими. Простыми. Понятными. Неверными. Что же касается Судии, то никто не знает, кого призовет король. Обычно тот, кто убивает претендента, занимает его место. Но кровный сын Гаапа – особый случай. Не удивлюсь, если король поглотит его убийцу. У него давно не было сыновей. Позднее дитя. Любимое.

– Вы же не можете любить.

– Мы не можем себе этого позволить, – библиотекарь потянулись к моей кружке и сделали плоток из нее. – Хотя я признаю, что многие мои соплеменники ограничены хуже вашего поколения и действительно не способны на что-либо кроме животных инстинктов, иногда это случается. Очень редко и далеко не с каждым, но разве у вас, у людей, это не так же? Гаап любил своего сына. Иначе бы убил ещё при рождении, больно слаб он был. Но он тянул время. Слишком долго, если спросишь мое мнение. И то, что он обязан был совершить, сделали за него.

Поставив чашку на место, Бертрам перегнулся через стол, глядя мне в глаза.

– Но ты не хочешь знать, кто станет Судией; тебе важно, кто может им стать. Гаап всегда выбирает молодых. Тех, кого ещё возможно сломать по своему усмотрению, чтобы они боготворили его, жили только им и забывали дышать в его присутствии. Только высших, сильнейших из сильнейших. Они должны будут выжить, когда остальные претенденты оспорят их право. Безжалостных, хитрых и достаточно умных, чтобы им не требовался указующий перст. Кроме собственного, у Гаапа семнадцать кругов. Круги Барбаса и Гусойна можешь не считать, прямые потомки не рождались в них уже половину тысячелетия. То же у Самигины, никто не видел её со времен Столетней войны, её круг в хаосе, им не до внешних интриг. Аамон и сам слишком слаб, чтобы его дети унаследовали достаточно силы. Никто не примет всерьёз Валефара, этого плута...

– Малфас?

Улыбка стала ещё холоднее.

– Осторожнее, когда перебиваешь. Иначе решу, что это новый вопрос. И за него возьму плату. Наследник Малфаса

едва не стал предыдущим Судией. Гаап избрал его за ум и приблизил к себе, но, когда тому бросили вызов, он оказался слишком слаб. И судьей стал другой. В кругу Ворона об этом не вспоминают вслух, но всем известно: король не выберет Малфаса после такого позора. К тому же Ворон давно уже не заводит птенцов. Гласия-Лаболас, тот, для кого кровопролитие – второе имя. Его можно было бы назвать другом кровавого герцога. У него та же проблема, что и у Абигора: в его детях слишком много ярости и огня. Впрочем, Абигор нашел решение... Лаболас не был так удачлив. Но тебя не интересуют все круги. Только те, чьи наследники здесь. Ситри можешь сразу отбросить. Девчонка слишком легкомысленна, мотылек, слишком слабый, чтобы вызвать цунами. Фенекс не станут вмешиваться, они не политики, а поэты. Ройм и Вепар послали сюда не кровных своих детей, в иерархии наследования они слишком низко стоят, чтобы на что-то рассчитывать. Лерай. Зеленый лучник. Знаешь его иное имя?

– Гангрена.

Великий маркиз был знаменит своим мастерством, но еще большую известность ему придавал тот факт, что раны от его стрел никогда не заживали. Не успевали: его жертвы умирали гораздо быстрее. Маркиз и его потомки были ядовитыми в самом буквальном смысле слова, повелевая не только отравой, но и болезнями. Вот уж кого следовало назвать Мором...

– Отличный паренек. Учится на алхимическом факультете, часто приходит в закрытую секцию и ко мне поболтать. Он умен. Гаапу бы понравился. Ронове. После предыдущего Судии они могут надеяться, что не потеряют близости к южному престолу. Но дочь маркиза слишком сильно пошла в мать, чтобы считаться Ронове по крови. И предпоследний из сыновей Абигора, который тебе лучше знаком, чем мне. Семеро студентов из высших. Остальные – мелочь, кровь, разбавленная до гомеопатии. Но даже если ты присмотришься к этим семерым, увидишь, что есть только один. Тот, кто не скрываясь называет себя Смертью.

Я все уяснила про вопросы, но не могла удержаться:

– Почему?

– «Семьдесят два правящих рода Ада». Найди там предыдущего Судию – и поймешь.

Первым порывом было вскочить и броситься на поиски книги, но я его подавила. Года в ГООУ хватило, чтобы понять: никто не отвечает просто так. Если кто-то решил поделиться информацией, стоит спросить себя: зачем?

– Я библиотекарь, – спокойно ответили они на невысказанный вопрос. – Давать ответы на чужие вопросы – моя работа.

– Неправдоподобно, – решила я после некоторых размышлений.

Снова перегнувшись через стол, Бертрам щелкнули меня птичьим когтем по носу.

– Ты слишком долго витаешь в облаках и думаешь о том, что тебя не должно касаться. Это сказывается на твоей работе. Иди на второй этаж, найди свои ответы, используй завтрашний день, чтобы принять их. А затем выпиши и возвращайся – нам каталог по истории оккультизма к концу недели в электронный вид перевести надо.

Адский «Кто есть кто» нашелся легко, сколько раз брала его в прошлом году. И интерес Гаапа к Дизу стал прост и понятен, библиотекарь не обманули.

Ноал из круга Ронове, Судия и правая рука Южного короля, тот, кого Гаап назвал своим сыном – не по крови, но по духу. Смерть. Все Ронове рождались собирателями душ, мрачными жнецами, забирающими тех, чей срок пришел. Я пролистана дальше. Судии менялись каждую пару веков, и среди избранных Гаапа смертей попадалось немало. Похоже, Диз ошибался, говоря, что даже демоны стараются держаться от таких, как он, подальше. Не все.

В этом имелся смысл. Даже к самым нормальным из демонов я бы не повернулась спиной – никогда не знаешь, что взбредет им в голову в следующую минуту, а ни запретов, ни инстинкта самосохранения, твердо говорящего «нет», для них не существовало. Смерти... Их отстраненность, безэмоциональность, как ни странно, делали их чуть ли не самыми адекватными существами по ту сторону Границы. Пока они не сходили с ума и не сжигали целые провинции, как Ноал.

Появление Диза не застало меня врасплох. Сложно удивиться, когда загодя чувствуешь расплывающийся в воздухе аромат нарциссов и могильный холод.

– Я знаю, что ты здесь, – сообщила я, не поднимая глаз от справочника. – Если хочешь что-то сказать – говори. У меня нет времени ждать, пока соберешься, мне работать надо.

– Сегодня среда. У тебя выходной.

Пришлось все-таки на него посмотреть. Диз стоял, привалившись к алюминиевому стеллажу. Руки в карманах, сигарета за ухом, и только серые как грозовое небо глаза выдавали злость. Я поежилась. В такие моменты находиться рядом было откровенно неприятно, до пропускающего удары сердца и холодеющих пальцев.

– Я могла сменить расписание.

– Я тоже. Что ты искала у меня?

– Бенедикт сдал?

Скютина. Но надо сказать, «Хантерс» тоже прокололись. Хотели посмотреть, что случится, если подселить демона к демонологу? Они, черт возьми, подружатся!

С самого начала я понимала, что Диз придет. Возможно, даже немного надеялась на это. Но не думала, что он найдет меня через Бенедикта. Все-таки Диз неплохо разбирался в тех, кого причислял к своему малому кругу. Интересно, кем это делало меня? Исключением? Ошибкой?

– Думала, он не расскажет?

– Надеюсь, – я вернулась к книге. – Почему бы тебе не спросить в таком случае у Бенедикта, зачем я приходила? Уверена, этой информацией он тоже с удовольствием поделится.

Скрипнул стул, когда Диз сел напротив меня. Я упрямо продолжила чтение – пока чья-то пятерня не легла на страницу, закрывая гравюру. А потом этот демон и вовсе перетащил книгу к себе. Пролистнул до конца статьи и серьезно взглянул на меня.

– Во что ты влезла, Нат?

Почти забывшееся обращение больно резануло по ушам.

– Вопрос скорее к тебе, не находишь? Отдай!

С тем же успехом можно было просить об одолжении скалу. Я потянулась через стол, но потрепанный том отодвинули дальше.

– Сколько тебе лет, черт возьми? Верни. Немедленно.

Мне что, бегать за ним? Обойдется. Резко отодвинув стул, я подошла. Положила руку на переплет, но ее перехватили, ощутимо сдавливая запястье.

– Зачем тебе Ноал?

– Не твое дело.

Диз скептически изогнул бровь:

– Мне кажется, мое.

– Кажется. – Вторую руку перехватили еще на подходе. – Если не отпустишь – ударю, – честно предупредила я.

В такой позе он оказался слишком близко. Настолько, что можно было почувствовать его дыхание. Рассмотреть подрагивающие в свете лампы зрачки. Под его пальцами на моем запястье пульсировала венка, быстро-быстро, выдавая то ли испуг, то ли клокотавшую внутри злость.

– Что ты творишь, Нат?

Страдаю, сплю с незнакомцами, постоянно получаю синяки размером с последнюю версию айфона и пытаюсь играть в расследование в высшем демоническом свете... Причем неизвестно, что смешнее: что я решила, будто могу тягаться с ними, или что пытаюсь до чего-то дойти своими мозгами. Да я ни в одном из девяти прочитанных детективов преступника разгадать не сумела!

– Тебя. Не. Касается, – отчеканила я. – Если ты забыл, напомню: мы даже не друзья. Я не обязана прислушиваться к твоим советам и считаться с твоим мнением. Что бы я ни делала, ты не имеешь к этому никакого отношения. Ты меня бросил!

Все-таки на крик сорвалась. Не хотела... но остановиться уже не могла.

– И если жалеешь, что теперь не можешь мной управлять, – сам виноват! Но не смей появляться и после стольких месяцев спрашивать, что я творю, не смей делать вид, будто тебя заботит моя жизнь! Ты уже прекрасно показал, что это не так! Да отпусти наконец!

Рука выдернулась из его захвата неожиданно легко, так, что я покачнулась, едва не теряя равновесие. Опираясь на стол, Диз навис надо мной – еще ближе, чем прежде.

– Ты сама так хотела!

Неужели?

– Все, о чем я просила, – это чтобы ты не лгал! Не врал мне в лицо, что тебе надоело! Рассказал правду!

– Ты сама сказала, что не желаешь больше терять времени. Если останешься со мной – на этот раз потеряешь не полгода. Ты потеряешь здоровье. Жизнь! Ради всего святого, Нат, что еще я должен был сделать?

«Еще»?!

Скупившееся раздражение грозило выплеснуться с одним-единственным ударом. За слезы в подушку. За казавшиеся фальшивкой воспоминания. За то, что все еще не могла от него освободиться. Хотелось врезать так, чтобы он почувствовал хотя бы сотую часть этой боли, до хруста в щеке, до сбитых в кровь костяшек...

Вместо этого я его поцеловала. Зубы к зубам, прикусывая губу до крови. Он ответил так же жадно и зло. Запустил пальцы в волосы, притягивая к себе. Никакой нежности, только напор. И плевать, что все ненастоящее, что дело в моей ярости, поделенной на двоих. Если повезет, это поможет мне с ним покончить. Забыть и жить дальше.

– Ненавижу тебя.

Пуговицы рубашки упрямо не поддавались дрожащим пальцам. Бросив попытки, я потянулась к ремню и рванула джинсы вниз. Шею обожгло чужим дыханием, таким же прерывистым, как мое собственное.

– Ненавижу.

Стиснула зубы, когда меня повалили на стол. Лопатки больно ударились о жесткую поверхность. Книга, из-за которой начался наш спор, упала, но никто не обратил на нее внимания. Холод металлических заклепок браслетов там, где только что кожи касался подол платья – и воздух в легких кончился. И не только он. Силы тоже внезапно покинули, осталось лишь на то, чтобы обхватить ногами его бедра и повторять, как мантру, как заклинание, которое наконец должно заставить меня поверить:

– Ненавижу...

Осознала себя я все там же. В библиотеке. В его объятиях. Щека оказалась прижата к теплой фланели, помутнение схлынуло, оставив после себя опустошенность. Понадобилось несколько секунд, чтобы распознать смысл тихо произнесенных слов:

– Я скучал по тебе.

Судя по тону, признание далось ему легко. С другой стороны, это же Диз. Он никогда не скажет то, что ему неудобно. Или невыгодно. Стоило это понять, как злость вспыхнула по новой.

– А я не скучала, – отрезала я.

Отпихнула его и сползла со стола. Сделала пару шагов на нетвердых ногах. Поправила платье. Подняла с пола «Семьдесят два правящих рода Ада», что я столкнула, когда... Я прикрыла глаза. Не будем об этом. В моей жизни было слишком много ошибок, чтобы их все обсуждать. Я обернулась: Диз наблюдал за мной, собранный, готовый в любой момент отнять у меня книгу. Еще до того, как он сделал первый шаг ко мне, я нашла выход.

Нет, я не буду с тобой разговаривать. Ни о том, почему лезу туда, куда не просят. Ни о твоей «заботе» и как ты скучал, ночей прямо не спал, думая обо мне. Ни о том, почему ты не скажешь мне правды. Не будет второго раунда упреков и обвинений.

Телепортация – это чертовски сложно. Раствориться в окружающем мире, чтобы заново возникнуть в совершенно другом месте? Удачи. Я это искусство так и не освоила, если не считать перемещений на расстояние пары шагов – а их куда эффективнее было делать ножками. Но воспользоваться чужим порталом – совсем другое дело. Серебристые нити заклинания все еще висели в воздухе мерцающей паутинкой, стоит только потянуть за них. Ну и скорректировать немного узор, чтобы не выпасть из ниоткуда на глазах у изумленных посетителей *IT*-сервисов. Я поспешила вступить в невидимый на полу круг – давным-давно нарисованный кем-то предприимчивым, кто знал, как удобно в обед отсыпаться в пустой библиотеке. Шагнула и, как всегда, споткнулась при переходе...

Серая мгла взметнулась ярким калейдоскопом. Вот она, Граница. Все и ничего. Сразу. Одновременно. Руины термополия – и они же, живые, с едой в долях, пахнущие бобами и теплым вином. Вывеска «*Supermercado*» над железными жалюзи. Пропускной пункт на окраине Москвы, через который я пришла, и коридор общежития... Стоит ступить не туда, и навсегда потеряешься.

Очнувшись я на полу, надо мной склонилась перепуганная София. В руках все еще была зажата книга, а во рту поселился противный медный привкус. Я машинально провела ладонью по губам. Поднесла к глазам испачканные красным пальцы. И расхохоталась.

Получилось! Впервые в жизни у меня получилось! И не на пару метров... Смех сменился раздражающим легким кашлем, но он был малой платой за эту выходку.

Кто бы мог подумать: оказывается, чтобы Наташа что-то сделала, ее нужно как следует разозлить.

Стук в дверь раздался, когда я вышла из душа. Так ее и открыла, с влажными волосами и полотенцем на плечах.

– Я могу войти?

– Нет.

Конечно, он мог. На пороге не было никакого защитного круга. А если бы я его вырезала, Диза бы он не удержал. И я была не той преградой, которую нельзя подвинуть. Если бы Диз хотел, спокойно прошел бы, игнорируя мои возмущенные вопли. Вместо этого стоял. Ждал.

– Ты еще что тут забыл? – ходившая за кофе София просочилась между нами в комнату и с подозрением оглядела проигнорировавшего ее Диза.

– Ты оставила в библиотеке сумку.

На плече у него действительно болтался голубой портфель в горошек, умилительно сочетавшийся с шипастыми браслетами и футболкой «Я буду вежливее, если вы попытаетесь быть умнее» под рубашкой. Точно, мне с моим эффектным выходом было немного не до того, чтобы забрать ее. Я протянула руку.

– Сначала книгу.

– Не сейчас. Она мне пока нужна. Дочитаю и занесу тебе.

Растерянное выражение на обычно застывшем лице смотрелось презабавно. Одно только оно стоило, чтобы сдержаться и не пристать с тысячей вопросов. Которые все равно останутся без ответа.

– Прости, что сделаешь?

– Верну тебе. Мне она нужна на полчаса, не больше. После этого приду и лично отдам тебе в руки, раз тебе это так важно. Ты будешь у себя?

Диз задумчиво на меня посмотрел. Затем перевел взгляд с меня на разлегшуюся поверх покрывала вампирушу:

– Она не посещала семинар по контактному ядам в последнее время? Или по переносимым проклятиям?

Это еще что за инсинуации?

– Ладно, а ты теперь что делаешь?

– Пытаюсь найти подвох, – признался Диз. – Когда сердятся так, как злишься ты, Нат, убивают, а не соглашаются. А ты вообще никогда не соглашаешься.

Мне оставалось только пожать плечами. Не возражать же? Эмоциональная телепатия и все такое.

– Никаких подвохов. Но если тебя что-то не устраивает, могу не приходить. Сумку оставь себе, у меня другие есть.

Портфель упал на паркет между нами.

– Полчаса, Нат. Я буду ждать.

И что сделает, если я не появлюсь? Ворвется и вытащит справочник из моих рук? Смешно. Впрочем, обманывать его я не собиралась. Закрыв за ним дверь, я прислонилась к ней спиной.

– Что происходит? – поинтересовалась София со своей кровати. – Сначала ты выпадаешь прямо из воздуха, потом он... Он тут с осени не объявлялся! Еще и с твоей сумкой.

– Мы просто наткнулись друг на друга в библиотеке.

Не совсем правда, хотя я дала себе слово от Софии ее не скрывать. Но рассказывать об этой встрече во всех подробностях я не была готова. Вампириша недоверчиво фыркнула.

– Ты ведь не собираешься снова с ним сойтись? После всего, что он тебе устроил...

Бедной Софии за эту зиму пришлось вытерпеть проявления всех стадий разбитого сердца рядом с собой, от апатии и жалости к себе до злости. Она и до того Диза недолюбливала, а после наверняка возненавидела всеми фибрами души. Хотя бы за свой нарушенный покой и соседку-плаксу... Или потому что была моим другом. Я машинально дотронулась до саднящей губы.

– Нет, – честно ответила я. – Не собираюсь.

Кажется, мне не поверили.

«Семьдесят два правящих рода Ада. Иерархия, личности, способности» был самым подробным источником знаний о высших демонах, который когда-либо создали гени, – сами демоны не особо горели желанием делиться информацией о себе. Если где и можно было найти ее больше, то разве что у Охотников. У книги не было автора, но все, что когда-либо писалось об обитателях Ада, попадало сюда. Что привлекло внимание Диза? Я раскрыла книгу на той же статье.

Ноал из круга Ронове. Не просто из круга – его сын. На гравюре был изображен человек с по-юношески худой фигурой и старым, изборожденным морщинами лицом. Родился предположительно в тысяча пятисотых, умер – был убит, такие, как он, естественной смертью не умирали, – пять лет назад. Стал Судией в начале девятнадцатого века, после того как бросил вызов Оробу из круга Малфаса и победил его. Закончил карьеру вместе с жизнью. Гаап сам убил его, когда Ноал сошел с ума и смертельной волной прокатился по югу. Для таких, как Ноал, забирать чужие жизни было легко. Потому смертей и бояться – и с нашей стороны, и в Аду. Им даже не нужно марать руки. И остановить их почти никому не под силу. Когда «безумие охватило его, и не осталось в его душе ни одного чувства кроме смерти» (поразительно выпренный слог для двухтысячных. Видимо, составитель последнего издания – сто тринадцатого, дополненного – пытался создать стилизацию под своих старших коллег. Не получилось), земли великого маркиза Лерая потеряли четверть населения, Аамона – почти половину. Меньше досталось кругу Фенекса, но две сотни из двух тысяч – тоже немалая потеря. Никто не оказался в стороне, даже сам маркиз Ронове потерял двух других детей, пытаясь остановить Ноала. За все стычки и войны последнего десятилетия у них погибло меньше народа. А Ноал просто... шел. Одна провинция за другой. Я потеряла горло. Ладно, информация, конечно, важная, но практического применения для меня не имевшая. Здесь наверняка что-то было – только я не могла этого разглядеть. Демон бы понял, что именно. Но Диз не ответит на мои вопросы. Позвонить Карис?

Однако сперва надо выполнить обещание и вернуть книгу. Сфотографировав на телефон страницы, я пошла в соседнее крыло. Дверь была приоткрыта, я толкнула ее и приготовилась выслушивать обвинения: не могла не вспомнить, при каких обстоятельствах заходила сюда в прошлый раз. Но их не последовало.

В комнате царил темнота. Только из окон напротив лился свет – достаточно, чтобы разглядеть Диза. Тот сидел за столом перед неработающим компьютером, откинувшись на спинку стула и положив ногу на ногу. Даже не

шевельнулся, когда я вошла, – если бы не знала, подумала бы, что вижу перед собой труп. Или статую. Ни один человек не может настолько напряженно замереть в такой расслабленной позе.

– Я пришла.

– Положи на стол.

Голос был под стать виду. Холодная отстраненность – такая, от которой все вокруг моментально покрывается льдом, а кожа трескается до крови. Большой контраст с последним часом. Я его уже слышала, этот голос: впервые – в Аду, и потом – много раз, даже в этой самой комнате, после визита его брата...

«Добро пожаловать в город Дис. А теперь проваливай».

«Уходи, Нат».

Что у него произошло?

Отчаяние было не его эмоцией. Это я могла рыдать взхлеб и разбивать ладони о стену, кричать, пока не сорву горло, и скулить от собственного бессилия. А что мог Диз?

– Где Бенедикт?

– У него ночной практикум.

Все тот же отстраненный тон и слова, сказанные будто через силу. Словно он не здесь, а где-то далеко-далеко. Решение пришло само собой. Наверняка потом я назову его глупостью и сильно пожалею, но...

Это не любовь. Обычное человеческое участие. Мой кубик льда на ладони. Потому что в некоторые ночи нельзя быть одному. Я тихо прикрыла дверь, оставаясь с ним наедине. Подошла сзади и положила подбородок ему на плечо.

Со спины обнимать его было легче. Не нужно было смотреть в ярко-зеленые глаза и искать в них насмешку – над наивной дурочкой, поверившей ненадолго в чудо. Не нужно было ничего вспоминать. Можно было просто стоять и вдыхать знакомый запах: перец, фланель и нарциссы.

Диз запрокинул голову и взглянул на меня. Осторожно вытянул руку, намотал еще влажную прядь волос на палец. Отпустил, наблюдая, как раскручивается пружинка. Я не делала попыток отдалиться.

– Это только сегодня, – предупредила я. – Не думай, что я тебя простила.

Глава 7

На моих условиях

Проснулась я до звонка будильника. Не открывая глаз, потянулась, чтобы нащупать телефон и отменить побудку... И больно ударились костяшками о стенку. Моя кровать стояла с другой стороны...

Воспоминания о прошлой ночи хлынули волной. Черт. Я поспешила замотаться обратно в одеяло. Не трогайте меня. Я сплю. И буду спать до тех самых пор, пока кое-кто не уйдет – должна же у него быть какая-нибудь лекция сегодня? Потому что иначе разговора не избежать, а обсуждать, что между нами происходит, я не намеревалась.

Перестук клавиш, на который я даже не обратила внимания, оборвался. Все-таки заметил. Тихие шаги и запах кофе: Диз поставил кружку на комод и отошел. Я подождала, пока он снова не начнет печатать, но возвращаться к работе Диз не спешил. Тоже выжидал. Спустя пять минут я поняла, что притворяться дальше глупо. Рано или поздно нам все равно придется поговорить. Выпростала руку из-под одеяла и потянулась за чашкой. К аромату кофе примешивалась нарциссовая горечь: встал уже давно и за кофе ходил тогда же, а сейчас разогрел магией.

Я сделала поток. Спасибо человечеству за кофеин – единственное, что поможет, когда заснул под утро, а через пару часов проснулся и мечтаешь провалиться под землю. Или провалить туда кого-нибудь другого. Наконец я нашла в себе силы поднять глаза от чашки.

– Это ничего не значит, – сообщила я Дизу. – Секс с бывшим, с кем не бывает. Каждый может один раз оступиться. Но больше это не повторится. И я все еще тебя ненавижу.

– Ты меня не ненавидишь.

Эмоциональная телепатия, чтоб ее. С ней не поспоришь.

Или он просто слишком хорошо меня знал...

– Нет, – вынуждена была признать я. – Я все еще в тебя влюблена. Но это пройдет.

Может быть, уже сегодня я пойму, что он мне больше не нужен. Или завтра. Через месяц, год... В любом случае, этот момент наступит.

Кофе закончился слишком быстро. С сожалением отставив в сторону пустую кружку, я нагнулась и пошарила под кроватью. Джинсы нашлись быстро. Лифник тоже. А футболка? Я свесила голову вниз, но кроме клубков пыли ничего не обнаружила. Собралась было спросить, но Диз меня опередил.

– Держи, – скомканную майку кинули мне. – Нат...

– Нет, – перебила я. – Поздно. У тебя был выбор. Ты его сделал.

– Я пытался тебя защитить.

Черта с два. Что я должна сделать с этим признанием? Разрыдаться от счастья? Броситься ему на шею? После всего, через что я прошла его милостью? Я натянула футболку и сердито посмотрела на него.

– Не приписывай себе благородство, у тебя его нет ни капли. Я еще могу учесть, что ты привык со всем справляться сам и ни на кого не полагаться, что тебе сложно довериться и рассказать, что с тобой происходит, но все равно. Ты просто прикрывал свою собственную задницу. Решил, что я буду обузой, и от меня избавился. Где мой телефон?

– Здесь.

Диз нагнулся, доставая его из-за комода – должно быть, выпал из кармана вчера. Протянул мне. На миг наши пальцы соприкоснулись.

– Если бы кому-то понадобился рычаг давления на меня, они бы пришли за тобой.

Еще одно признание. «Я скучал по тебе». «На меня можно надавить через тебя». Что дальше? «Люблю тебя»? Я выдернула телефон у него из рук.

– Пусть приходят.

– Ты всерьез полагаешь, что справишься?

С демонами? Которые кто знает сколько лет бродят по Земле и Аду и могут убить даже подобных себе, не говоря уже о какой-то слабой второкурснице? Свободной рукой я нащупала висающие на шнурке амулеты.

– Скорее всего, нет. Но это мое решение. Остаться с тобой или нет, влезать во все это или уйти. У тебя не было права принимать его за меня.

Сунув телефон в карман, я надела вторую балетку и направилась к двери. Он не стал меня останавливать. Бросил только, когда я замешкалась на пороге:

– Забудь о Ноале. Зачем бы он тебе ни был нужен, не сейчас. Это опасно.

Опять?! Я молча захлопнула дверь. Моя жизнь, Диз. Мне решать.

Жаль, не все мои решения так легко претворялись в жизнь. Карис со мной делиться секретами отказалась. Телефонные звонки игнорировала, а когда я поймала ее в коридоре между лекциями, отвела взгляд.

– Я ничего тебе не скажу.

Виноватый вид давался ей плохо: на пару секунд на лице поселилось выражение раскаяния, но быстро исчезло. Убрав в сторону розовую челку, она с вызовом посмотрела на меня.

– Ты не знаешь, о чем я хочу спросить.

– Мне и не надо. Он запретил с тобой разговаривать.

Я могла назвать только двух людей... демонов, которые имели ко мне хоть какое-то отношение и могли отдавать приказы Карис. Одному из них я была совершенно безразлична. И вряд ли он следил за мной из Ада.

– Ты ведь понимаешь, что ему не подчиняешься? Ты не в его круге; у него даже нет круга.

– Но его я боюсь больше, чем тебя. Извини.

Пусть идея, что Карис вообще сколько-нибудь меня опасалась, льстила, настроение это не улучшало. Поиск ответов застопорился. Вот ведь... Диз. Первым побуждением было заявиться к этой заразе и высказать все, что о нем думаю. Но, остыв, я не могла сказать, точно ли целью было бы это, а не повторение вчерашнего.

Пришлось вместо Диза обратиться к Макс.

– Бертрам сказали, что в ГООУ сейчас учатся дети Фенекса, Ройма, Вепара, Лерая и Ронове. Можешь назвать их имена?

Самой искать даже среди демонов, не то что остальных восьмидесяти тысяч студентов ГООУ, нужных я замучаюсь. Сидевший напротив Макс недовольно на меня покосился:

– Все еще считаешь Диза невиновным?

– Рассматриваю альтернативные варианты.

Да, считаю. Но, скажи я прямо, Макс бы все равно не поверил. Я сама сомневалась. Все указывало на него. Так явно, что в голову закрадывалась мысль не о подлоге, а... Вдруг это действительно он? Так нагло, беспардонно убить на глазах у Охотников, ни секунды не сомневаясь и кичась своей смекалкой... Очень даже в духе кого-нибудь из Ада.

– И решила спросить совета у другого демона?

У меня было не очень-то много кандидатур.

– Какие новости от твоей Швейцарии?

– Никаких, – вынужденно признал Макс. – Он умен, знаешь. Даже слишком.

Я знала.

– Потому я и прибегла к другим источникам. В конце концов, если у тебя вопрос о собаке, к кому ты обратишься?

– К кинологу, – хмуро закончил он. – А не к собаке.

Ладно, это действительно было бы логичнее. Но с другой стороны, чтобы демонолог владел большей информацией о демонах, чем сами объекты его исследований? Не верю.

– Имена? – жалобно попросила я Макса. – Пожалуйста?

Того передернуло. Возможно, мне не следовало накрывать его ладонь своей – не зря он так быстро ее убрал.

– Мне они неизвестны. Мне даже, чтобы узнать про Диза, пришлось посылать запрос.

– И ты не...

– Нет, – отрезал он. – Едва ли их обрадует такая просьба.

И тут тупик! В попытке скрыть раздражение я уставилась в свой стакан с кофе. Сколько их еще будет? С одной стороны – Диз, с другой – «Хантерс», не сильно-то желающие, чтобы правду узнал кто-то другой...

– Но я знаком с Лераем, – попробовал приободрить меня Макс. – Если хочешь, покажу тебе его.

– Макс, зачем ты меня сюда привел?

Знание тира мне не нравилось. Как и большое количество оружия, тем более в непосредственной близости от меня. Оно меня напрягало, и я не стыдилась в этом признаваться.

– Мы же договаривались! Что ты и так скажешь «Хантерс», чтобы они меня забирали, и сюда меня не поведешь!

– Ты хочешь увидеть Лерая или нет?

Я сразу перестала упираться.

– Он тут? – я огляделась. Подозрительно изящного телосложения блондин в синих наушниках залег на траве. – Который с ружьем?

– Это винтовка, – педантично поправил меня Макс.

– Есть разница?

За полигоном мы наблюдали с террасы. Застекленной, так что до нас не доносилось ни звука. Только по отдаче можно было заметить выстрел.

– Он хорошо стреляет?

– Ты не видишь?

– Я отсюда даже мишень разглядеть не могу. Так как? Хорошо?

– Лучше не бывает. Насмотрелась?

Я кивнула, не отрывая взгляда от газона.

– И что это тебе дало? Как ты намереваешься выяснить, убил он Мора или нет?

В этом была загвоздка. Вряд ли он мне с радостью признается... Но других вариантов не было.

– Я его спрошу.

– Seriously, Наташа.

Я одарила Макса широкой улыбкой.

– Серьезно.

Поймать Лерая удалось у раздевалки, когда он выходил со спортивной сумкой на плече. Только вот первым у меня вырвался другой вопрос. Любопытство. Ничего не могла с ним поделать.

– Почему винтовка? Почему не лук?

С кислым видом блондин посмотрел на внезапно возникшую у него на пути помеху.

– Из какого века ты вывалилась?

Тоже верно. Не дожидаясь, пока я освобожу ему дорогу, он обошел меня и зашагал дальше. Пришлось догонять.

– Скажи, ты хорошо разбираешься в компьютерах?

На этот раз он остановился. Взглянул на меня еще раз; узнавание в его взгляде сменилось брезгливостью.

– А, это ты. Тоже из этих? Одному демону надоела, ищешь, под кого теперь лечь?

– Ты не в моем вкусе, – честно сообщила я и спросила, прежде чем догадка успела полностью сформироваться в голове. – А в ядах? Ты ведь алхимик, правильно?

Блондин снова меня обогнул.

– Не продаю, – бросил он через плечо, так и оставив меня стоять посреди холла.

– Как успехи? – подошел наблюдавший со стороны Макс.

Если бы я его не знала, предположила бы в его словах сарказм. Но нет, старина Макс был на него не способен. Вместо сарказма в голосе звучала надежда, что я одумаюсь и успокоюсь. Ни за что.

– Не так плохо, – задумчиво ответила я. – У меня появилась идея.

– На демонов действуют яды?

– Ты начинаешь меня беспокоить, – меланхолично откликнулись библиотекарь, скармливая Шелли бисквит. – У меня раньше были попытки завести помощника, но их и в рабочее время было сложно здесь отыскать, а тебя тянет сюда даже в выходной... Ты точно в порядке?

– В полном. Если хотите, могу завтра принести справку из медсервисов. Кстати, – вспомнила я и потянулась за сумкой, – хотите печенье?

Прошлой ночью мне не удалось заснуть. Вместо того чтобы спать и видеть сны, я ворочалась в кровати и пыталась понять. В конце концов, что я видела на показанной Максом записи? Как Мор включает компьютер и умирает. Если забыть на минуту о неразгаданном коде, какую причинно-следственную связь можно здесь увидеть? Никакой. Так что, если компьютер тут ни при чем?

Тот же Лерай был алхимиком. И, исходя из семейного дара, наверняка специализировался на ядах. Он не стал бы использовать родовые способности – его сразу поймали бы, не Охотники, так Гаап. Но что-то другое, что не успеют обнаружить...

Да, версия притянута за уши. Да, в ней сотни недочетов. Я это прекрасно понимала – потому и нервничала, и пошла в итоге на кухню, надеясь занять если не мозги, то хотя бы руки. Итогом стала гора крекеров с розмарином – я опять не рассчитала и напекла слишком много. Половину так и оставила там, часть успела сбагрить Софии и Райли, но все равно оставались еще.

Зато немного успокоилась. Да, версия не идеальна. Но какая есть. Появится лучше – возьмусь за нее.

– Так что насчет моего вопроса?

– Действуют, конечно.

Бертрам захрустели печеньем. Привлеченный звуком, Стокер тоже прискакал к нам по столу и склонил набок

голову, с любопытством разглядывая миску. Каркнул недовольно, и библиотекарь сунули недогрызенный крекер ему в клюв.

– Смотря какие, смотря на кого...

– Где про это можно почитать?

– Насколько мне известно, нигде. Отдельный список никто никогда не составлял. Можно запрограммировать в каталоге кросс-чек между секциями демонологии и токсикологии, посмотреть, что выдаст...

Я приуныла. К библиотечному каталогу я подходила с опаской. Выучила несколько стандартных запросов на рума и старалась не выходить за их пределы. И масштабы результатов по такому поиску я себе представляла. Никакой жизни не хватит, чтобы прочитать все.

– Дай сюда тетрадь, – неожиданно потребовали Бертрам. Черкнули пару строк и вернули мне. – Начни пока с этого. А я подумаю, чем еще тебе помочь. И, ребенок? Отдохни потом все-таки. Ты такая бледная, на тебя смотреть страшно.

Кто бы говорил. Уж точно не библиотекарь с их фарфорово-белой кожей. В ответ на мои мысли Бертрам сменили окрас на карамельный, как после хорошего двухнедельного отдыха где-нибудь в Тайланде, и показали язык.

Книги, на которые мне указали библиотекарь, я нашла быстро. С трудом дотащила увесистые тома до второго этажа и устроилась с удобством на диванчике в антропологической секции. «*De Materia Medica*» Диоскорида не совсем относилась к ядам, зато в отличие от «Книги ядов» Ибн Вахшии в ней были растения, которые теперь вымерли по нашу сторону Границы, но все еще росли в Аду. Зачитавшись, я пропустила, как библиотекарь принесли еще стопку книг, а затем вернулись, чтобы поставить на столик рядом со мной дымящуюся чашку и тарелку с остатками крекеров. Обратила внимание, только когда Шелли нагло кося черным глазом, в эту тарелку забрался и начал ими хрустеть.

– Кыш, – попыталась я прогнать птицу, но ворон меня за угрозу не считал.

Махнув на него рукой (Шелли только издевательски каркнул), я снова углубилась в чтение. Оторвалась, только когда кто-то подошел и сел на пол у дивана.

– Хочешь крекеров? – предложила я. – Я с нервов пересыпала розмарина, и они немного горчат, но тебе должны понравиться.

Диз промолчал. Нет так нет. Я пожала плечами.

– Зачем ты здесь? – рассеянно спросила, перелистывая страницы. – Еще один сеанс «Наташа, не лезь»?

– Я пришел вернуть книгу.

– Надеюсь, все страницы на месте? Сам знаешь, штраф за порчу библиотечного имущества – смерть.

Диз усмехнулся. Запрокинул голову, положив ее мне на колени, заглянул в мои глаза. Я не удержалась от ответной улыбки.

– Спасибо за заботу, – произнес он.

– По отношению к тебе или к библиотечному имуществу?

Я запустила пальцы в его волосы – жесткие, непослушные и встрепанные, как всегда. Такое случается, если постоянно запускать пятерню в шевелюру; жест, который я видела тысячу раз, а Диз в задумчивости даже за собой не признавал.

– Я устал, – внезапно признался он.

Это чувствовалось. Он осунулся, синяки под глазами стали темнее. И в улыбке было что-то такое... еще не лживое, но уже не искреннее.

– Не думала, что боги тоже устают.

– Я не бог. Еще нет, – откликнулся он. – Наполовину не считается, ты сама говорила.

Я хмыкнула в ответ на его «еще»:

– Неплохие амбиции.

– Это не так сложно. Гени, даймоны, боги... Граница между нами размыта. Проживи достаточно долго, и никто не поймет, на чьей ты стороне. Помнишь Танатоса?

– Ты имеешь в виду античного бога смерти? Или того белобрысого придурка, который навещал тебя летом и все пытался угостить меня самокруткой?

– Все еще не признаешь, что это он и есть?

– Сложно в такое поверить, знаешь ли. Геката еще ладно, но это... Богов я себе как-то иначе представляла.

– Он не бог. Не был им раньше. Родился таким же, как я. Почти таким же.

Не нужно было видеть его, чтобы представить, как он поморщился. Ну да. Почти таким же. Только психопомпом.

– Почему ты так настойчиво пытаешься узнать про смерть Мора? – сменил Диз тему по обыкновению резко. – Какая тебе разница, виновен я или нет? Я тебя оскорбил. Причинил тебе боль.

Ад и его логика! Я тебя обидел, теперь ты должна желать моей смерти? Что же у них за мир такой кособокий?

– Я, конечно, понимаю, что у вас там всё иначе, но ты всерьез спрашиваешь?

– Вполне. Почему, Нат? Ты злишься и все равно ищешь, кто мог убить Мора кроме меня. Оставь все как есть. Пусть Охотники разбираются.

Они разберутся. Даже если ничего не найдут, Диз навсегда потеряет шанс на их доверие, шанс на жизнь вне Ада. Вернется домой. Именно поэтому я не могла оставить всё, как он мне предлагал. Плевать на мои чувства! Никто не заслуживал жизни рядом с Абигором.

– Дело не в тебе, – до меня донесся тихий смех. Ну да, он был непосредственным участником всего этого театра, но... – Я тебе уже объясняла, я не могу пройти мимо. – Глупо, да. И наверняка меня когда-нибудь погубит. Но иначе я не могла. – Тем более что никто не хочет признать очевидное. Ты его не убивал.

– Ты этого не знаешь. Я мог.

– Я тоже могла. Что? Не смейся! Если бы мне было очень нужно, я бы нашла способ, серьезно.

– Никогда в тебе не сомневался.

Кроме того раза, когда решил мне ничего не говорить.

– Все равно, кто мог или не мог убить Мора. Важно только, кто действительно покончил с ним.

– И все же...

– И все же, если ты это сделал, обернись и скажи мне правду в лицо!

Диз промолчал. А когда ответил, то так тихо, что я едва расслышала.

– Какая разница, что я скажу? Ты с самого нашего знакомства сомневалась во всех моих словах.

Нашел, в чем еще обвинить! Да, правда. Но вспомнил бы обстоятельства нашего знакомства. Кто бы в такой ситуации не усомнился? Да и после, в Аду... Особенно в Аду.

– Не перекладывай с больной головы на здоровую, – я легонько толкнула его в плечо. – Имею право. Не сомневаются только не способные думать идиоты, все нормальные люди полученную информацию анализируют и оценивают. Главное не то, что я сомневаюсь, а что в итоге все равно решаю тебе верить.

Иногда – как дура, вопреки всем рациональным объяснениям.

– Даже сейчас?

– Ты сам говорил, что должность Судии тебя не прельщает, помнишь?

– Мог соврать.

Мог. Но стать Судией означало бы навсегда запретить себя в Нижнем мире. А Дизу слишком нравился наш.

– Тогда ты очень хорошо продумал свою ложь. Вплоть до Каталины, уверенной, что у вас есть план и после выпуска вы вместе начнете стартап в Сан-Фран. – Я снова провела рукой по его волосам. Диз устало прикрыл глаза. – Я, кстати, только недавно поняла, как вписывались в этот план последние месяцы.

Когда встала перед Лераем, если точнее.

– Вы ведь совсем другие, правда? Уйти, чтобы защитить, – такой явный человеческий поступок, а демонам его даже не понять, верно?

Это становилось очевидно, если отключить эмоции. Такой дурацкий, идиотский человеческий поступок... А Лераю и в голову не пришло. Никому. Даже мне, все эти месяцы страдавшей от разбитого сердца. Просто потому что демоны так не поступают.

– Для этого нужно интересоваться людьми. У нас все по-другому: если что-то для тебя ценно, ты либо сражаешься до последнего, либо убиваешь, пока оно не досталось врагу. Обычно второе, – подумав, добавил он.

– И потому ты прогнал Лину, меня, всех...

– Я не буду извиняться, – сразу отказался Диз. – Я пытался тебя защитить.

На душе стало тоскливо – и одновременно как-то легко. От Диза спокойствием заразилась, что ли? Его присутствие всегда так на меня действовало.

– Я не просила. Извинения все равно ничего не изменят. Но план оказался не так и плох, правда, – была я вынуждена признать. – Только ты не учел человеческий фактор: Лина тебя приберет, прежде чем простит.

Но потом все же позволит ему вернуться в их компанию. Она могла обижаться, но Диза любила. И наперед видела, что он так поступит.

– Она может, – криво улыбнулся Диз. – А ты?

– Не знаю, – честно ответила я. – Не думаю. В смысле, что приберу, не думаю.

Зимой бы точно, даже вчера утром, а сейчас... Перегорела? Нет. Переболела? Возможно.

– Но в одном твой план провалился.

– В чем же?

– Я к тебе не вернусь.

Вместо теплой щеки под пальцами оказалась пустота. Обернувшись ко мне, Диз изучающе на меня посмотрел.

– Почему?

С его точки зрения, наверное, все было просто. Этот человек – гени, но мыслит она все равно как обычная. Она влюблена. Влюбленные хотят находиться рядом с объектом своей привязанности, а значит, она всё простит, лишь бы этот самый объект снова позволил быть рядом.

Не получится.

– Потому что мне не нужно то, что у нас было.

Слова дались на удивление легко. Видимо, стоило переспать с ним, чтобы избавиться от той болезненной привязанности. Или, скорее, мне требовалось убедиться: нет, Наташа, ты не ущербна, бросили тебя не потому. И нужна ты ему так же сильно, как он тебе.

Только этого недостаточно.

– Почему? – повторил свой вопрос Диз.

– Потому что ты всё решил за меня.

– Я пытался тебя защитить.

Опять?

– Мне плевать, что ты думал и чью задницу на самом деле прикрывал! Решают за немощных, детей и домашних животных. Я не первое, не второе и не третье. Решают за слабых, Диз, кто сам не может постоять за себя.

– При объективном взгляде ты слабее меня, – заметил Диз.

И спорить бессмысленно. Смерть и обычная девчонка – о чем разговор? Только это не имело значения.

– К черту объективность! Важно только, как ты меня видишь. Потому что отношения возможны только между равными.

Только с ними спят так долго – и завтракают по утрам, залезая ложкой в чужие мюсли. Только с равными строят планы, пусть даже всего на год, который точно есть впереди. Потому что иначе всё – фикция, мимолетное развлечение, чтобы развеять скуку. А я не хочу снова чувствовать себя котенком, с которым поигрались, а как надоел – выбросили.

– А когда считаешь своих близких равными тебе, ты не решаешь за них. – Скопившаяся горечь все-таки прорвалась наружу. В задрожавшем голосе, в выражении лица. – Ты говоришь с ними. Рассказываешь им. Решаешь вместе. Это так очевидно, но вам ведь тоже не понять, да?

Вздохнув, Диз поднялся с пола. Сел на другой конец дивана, закинул ногу на ногу. Достал из-за уха сигарету и повертел в руках, больше не встречаясь со мной взглядом. Я тоже отвернулась, проводя ладонью по ворсу, пытаясь стереть с нее ощущение чужого тепла. Молчание затянулось, так что я бы не удивилась, если бы подняла глаза и не обнаружила бы никого рядом. Прозвучавший вопрос стал для меня неожиданностью.

– Что ты хочешь узнать?

На секунду я опешила. Чтобы он так легко сдался? Ни за что. Если кто-то мог потягаться со мной в упрямстве, то это Диз.

– Серьезно? Ты мне всё расскажешь? В чем подвох?

– Никакого подвоха. Спрашивай, я отвечу на все твои вопросы. Хочешь, поклянусь своим именем, что не солгу. Можешь представить, что снова вызвала меня в крут.

Я сузила глаза. Подвох был. Он сам всё произнес. Но один вопрос я всё же задала. К смерти Мора не относившийся, поэтому можно было рассчитывать, что на него Диз скажет правду.

– Отчего Ноал сошел с ума?

Все-таки закурил. Сизый дымок поднимался на метр и исчезал, растворялся в воздухе – чтобы датчики дыма ничего не обнаружили. Нехитрый трюк, в ГООУ известный чуть ли не всем студентам.

– Я тебе говорил, смерть может быть только отражением жизни. Поэтому смерти всегда психопомпы. Почти всегда, – криво усмехнулся он. – В Аду мало жизни. Он сам ее вытягивает. Оставаясь там, ты... немеешь. Чувствуешь их ярость, их боль, страх, но с каждым годом все слабее. Рано или поздно их становится недостаточно. Тогда ты идешь убивать. Чтобы почувствовать хоть что-то. Ничто не вызывает в даймонах столько эмоций, как смерть, своя или чужая.

– А ты еще рассказывал, что смертей у вас не любят, потому что никому не нравится вспоминать о собственной смертности...

– Еще потому что их может переключить. В один момент, – Диз щелкнул пальцами. – И тогда всем конец. Ноал был не первым и не последним. Со всеми Ронове это происходит, его просто не сумели сразу остановить.

И не только с Ронове, верно?

– Можно сказать, для меня контракт с «Хантерс» – вопрос выживания, – согласился с невысказанным вопросом Диз. – В Аду я продержусь пару веков. Может, с половину тысячелетия. Не самый короткий срок, но, когда знаешь,

что впереди вечность, этого мало.

Я догадывалась о чем-то таком, Диз меня не удивил. Однако этот рассказ лучше всего доказывал его невиновность. У него не то что не было мотива – у него был мотив никогда не убивать Мора.

– Ты ведь не устанавливал ту программу на его компьютер?

– Перефразируй, – посоветовал он мне.

Я нахмурилась.

– Перед смертью Мора в ИТ попал его компьютер. Ты устанавливал на него что-либо, не имеющее отношения к его починке?

Вроде бы ничего не забыла в формулировке.

– Да.

– Что?

– Следилку. На всякий случай. Мне не нравились слухи, которые принес Соррел.

Значит, насчет его братца я тоже была права.

– И всё?

– Да, – повторил он.

– А вторая? Код, который, как они считают, убил Мора? Получается, она не твоя?

Диз пожал плечами.

– Вероятно, моя. У меня был один такой проект. На том самом диске, который ты пыталась украсть. Но я ее не устанавливал Морю.

Подставлять, так полностью. Если кто-то скопировал ее, и Охотники спросят, не Диз ли написал этот код... Они найдут своего виновного.

– Тонкое искусство вопросов. Задай неправильный – и получишь совсем не тот ответ, что искал. Но некоторых это устраивает.

Вот уж точно. Я потянулась за лежавшей на подлокотнике «О лекарственных веществах». Чай в кружке остыл, но вкус это не портило.

– Все? – не выдержал пятиминутного перелистывания страниц Диз. – Больше ничего не хочешь спросить?

Я улыбнулась, поднимая на него глаза:

– Зачем? Если бы ты хотел, чтобы я узнала правду, рассказал бы всё без экивоков. А так ты если не солжешь, то понадеешься, что я не задам вопрос, на который тебе не захочется отвечать. Тонкое искусство, да? Говори больше, чтобы она поверила и отвлеклась, и до вопроса «Кто убил Мора?», возможно, так и не дойдем. Потому что ты знаешь, кто это сделал. Я права?

– Догадываюсь, – не стал он отрицать.

– Но мне не скажешь.

Это утверждение, а не вопрос.

– Нет.

Что и требовалось доказать. Такие люди... и нелюди, как Диз, не меняются. Я вернулась к книге. Еле слышный скрип пружин подсказал, что Диз с дивана встал, собираясь уходить.

– Тот, кто убил Мора, либо способен игнорировать приказы короля и причинить вред его сыну, либо любит Гаапа так сильно, что верит, будто поступил так ради его блага. Представь, что это значит.

Скорее всего, это означало, что мы имеем дело с психом. Очень опасным психом.

Оптимизма новость не прибавляла.

Прикусив костяшку указательного пальца, я продолжала изучать «Книгу ядов», лишь изредка реагируя на команды Сереша. Вытяни руку. Сожми кулак. Когда игла проткнула кожу на локтевом сгибе, я поморщилась, но не оторвала взгляда от пожелтевших страниц.

– Что ты читаешь, что не хочешь поговорить со мной? – не выдержал в итоге медик. – Перкутанное воздействие? Мне нравится ход твоих мыслей. Как говорят: великие умы думают одинаково.

– Еще говорят, что дураки думают одинаково.

– Первый вариант мне больше по вкусу. Или сомневаешься в своей гениальности?

– Угадал.

Начальник медслужб хмыкнул, обматывая мою руку бинтом.

– Так зачем тебе отравления? Не помню, чтобы я их тебе задавал.

Сереш тут был ни при чем. Диз навел меня на эту мысль своим замечанием.

– Я считаю, что Мор умер не из-за кода. Перед смертью он дотронулся до клавиатуры. Компьютер только загрузился, а Мор уже был мертв.

Даже если код Диза начинал работу сразу после включения, не слишком ли мало времени? Не услышав контраргументов, я подняла на него глаза: индеец встряхивал ампулу с золотистой жидкостью.

– В таком случае ты ищешь не там, – спокойно заметил он. – Нет в природе достаточно сильного яда, чтобы убить короля и его кровь. Его могли только вывести магией. Твоя книга бесполезна. Руку?

– Что, сегодня никаких экспериментов? – я подняла рукав. Кровь для анализов он взял, пришла пора укола. Холодной ваткой Сереш прошелся по моему плечу. – А как же более удобный в практическом использовании вариант?

– В следующий раз. Решил протестировать его сначала на других субъектах, а то опять обвинишь меня в бесчеловечности.

Других? Это на ком же? Я внимательно посмотрела на него, но в преддверии свадьбы медик выглядел счастливым и безмятежным.

– Если тебя утешит, по результатам прошлого анализа концентрация ихора в твоей крови за последний месяц осталась той же.

– Хорошо.

Не хватало только стать для «Хантерс» фабрикой по производству драконьей крови. Я снова уткнулась носом в книжку.

– Если динамика не изменится, можно будет подумать о более постоянном решении... И ты опять читаешь. Зачем я с тобой разговариваю? – Вздохнув, Сереш велел: – Пошли.

– Куда?

В комнате, куда он меня привел, было душно и пахло пылью. В отличие от всего остального здания, по-современному белого и стерильного, ее словно перенесли из девятнадцатого века. За стеклянными дверцами дубовых шкафов хранились посеревшие от времени склянки, этикетки на них сморщились, а чернила – выцвели.

– Что это?

– Моя коллекция, – Сереш прямо лучился гордостью. – Самое полное собрание магических ядов.

Подумав, я отодвинулась от него на шаг. На всякий случай. Нет, каждый имеет право на безобидные развлечения, но почему мне всегда попадаются люди с такими странными хобби? Один пишет вирусы-убийцы, другая создает смертельные украшения, третий яды коллекционирует...

– Зачем ты меня сюда привел?

– Мне интересно, почувствуешь ты их или нет. Ты ощущаешь магию. Они созданы магией. Держи, – открыв запертую на ключ витрину, он дал один из флаконов мне.

«Д'Альбре, 1572 г.» – гласила наклейка на нем. Даже сквозь толстое стекло он грел руки.

– И что я должна с ним делать?

– Не знаю. Понюхай, попробуй, что тебе нужно. Гиперсенситивность, как у тебя, не настолько частый случай, чтобы у меня была база.

– Это безопасно?

На секунду индеец задумался.

– У меня есть антидот.

Обнадеживающе. Я вернула склянку ему.

– Это работает не так, как ты думаешь. Мы проверяли на артефактах. Я не могу распознать, кто их создал. Особенно если их заряжали чужой магией. Я просто...

Не знала, как это объяснить. Сереш сунул мне под нос зеленоватый флакон.

– Что чувствуешь?

– Корицу, – я запоздало сообразила, что стоило бы отпрянуть.

И запах, какой оставался на руках, если потереть бронзу. Смерть: нехватку воздуха, словно меня душили.

– От предыдущего было то же ощущение?

Я подумала.

– Нет.

Тот яд пах мухами, жужжащими над брошенным под солнцем телом.

– Любопытно. А если попробовать истинную кантареллу...

А потом, судя по азартному огоньку в его взгляде, и всю остальную его коллекцию.

– Наверняка я не первая, кто выступает с таким предложением, но, может, вам в «Хантерс» стоит завести собаку? – скрывая досаду, спросила я. – Могу посоветовать отличного заводчика.

Потому что применение, которое до сих пор видел для меня Сереш, мне не слишком нравилось. Да, пока с моими знаниями толку от меня мало, но я не говорящая овчарка, которая только и может, что делать стойку на запах. Индеец, любовно разглядывавший тень в очередном пузырьке, ответил не сразу.

– У псов Гекаты есть минус: в первую очередь они верны самой Гекате.

О ней я даже не подумала.

– Вообще-то я имела в виду своих соседей сверху. У них питомник, овчарок разводят. Они, конечно, обычные, но, если собак на наркотики натаскивают, уверена, на магию вы тоже сможете.

– Пробовали. – Что-то для себя решив, Сереш отставил склянку в сторону и протянул мне соседнюю. – Результаты оказались ниже ожидаемых. Этот чувствуешь?

– Нет.

– Правильно... А вот этот, кстати, впервые был создан в круге Маракса, интересно, что ты о нем скажешь...

– Я серьезно.

Я закипала от злости. Почуввав мое настроение, Сереш обернулся.

– Хочу провести небольшой тест, – доверительно поведал он. – И не собираюсь тебя принуждать, что бы ты ни думала. Ты полагаешь, что Мора отравили, но у тебя нет доказательств. Если согласишься поучаствовать, могу позвонить и попросить, чтобы тебя пустили в комнату Мора. Там все законсервировано. Если я прав в своих догадках и ты способна различать магические яды, существует вероятность, что ты найдешь там ответ. Что скажешь?

Я мрачно посмотрела на медика. Он знал, что мне предложить.

Запах смерти вьелся под кожу. Горелая плоть. Гниющая. Металл, холод, острота лезвия и кровь. Рвота. Мимоза. Каменная пыль. Когда я выбралась из комнаты с Серешевой «коллекцией», долго стояла у открытого окна и вдыхала свежий воздух. Жаль, что он не помогал забыть предыдущие ароматы.

И все равно Серешу было недостаточно. Когда он, пробормотав что-то себе под нос, потянулся за пипеткой, я не выдержала:

– Хватит.

Не позволю пробовать на мне яды ради какого-то эксперимента. Мне о глазных каплях с блокатором до сих пор кошмары снились. И намеки Сереша о новой его задумке ничуть не вдохновляли.

Я вздрогнула от воспоминаний. Соберись, Наташа. А то с тебя станется нацепить ярлык «жертва науки» и долго жалеть себя где-нибудь в уголке. Нельзя. Никогда.

В комнате Мора все выглядело как на записи, которую показывал мне Макс. Брошенные на кровать темные очки. Сумка с учебниками на полу. Только компьютера не было. Могла бы догадаться, что его отправили в Швейцарию. Ну, Сереш...

– Что ты надеешься здесь найти? – поинтересовался Макс.

– Магию.

Она была здесь. Стучалась в закрытые окна запертым в комнате ветром, липла к коже, пытаясь законсервировать нас вместе с остальным содержимым. Я провела ладонью по столешнице. Здесь стоял ноутбук. Пальцы покалывало, но было ли это от остатков заклинания или от напряжения, я сказать не могла.

– Что чувствуешь?

Я передернула плечами.

– Холод. Озон. Серость.

Макс был рядом, когда я только училась уживаться с магией и со всеми запахами и звуками, что она несла. Ему не нужно было ничего объяснять.

– Но я... не знаю, – призналась я. – Это как с артефактами. Они активизируются обычно носителем, а не тем, кто их сделал, и в итоге... Так и с зельями, мы вчера с Серешем проверили. Я только могу сказать, что кроме контура на входе все следы здесь – от демонов.

Два конфликтующих начала, Огонь и Воздух. Как гени, меня всегда подсознательно тянуло к тем, по чьим венам текло то же живое тепло. И наоборот: рядом с демонами всегда ощущался дискомфорт. Холод словно тянул из тебя силы, и каждую секунду, что ты находился поблизости, ты не забывал об опасности. Даже с Дизом приходилось привыкать.

– Здесь жил Мор. Вряд ли сюда приходило много магов. И никто не сомневался, что его убил демон.

Никто даже в личности этого демона не усомнился. Кроме меня.

– Ты не можешь сказать, чувствуешь ты магию от кода или от чего-то другого?

Я покачала головой.

– Если бы я знала, как он ощущается. Или если бы я узнала яд. А так...

Затее провалилась. Вряд ли мне удастся переубедить «Хантерс», когда все мои аргументы основываются на «я так чувствую». Следующие слова Макса подтвердили мои мысли:

– Выходит, мы вернулись к тому, что было. Теперь ты прекратишь отрицать очевидное?

– Это не Диз.

Правда ведь? Макс тяжело вздохнул.

– Наташа...

Показав ему жестом замолчать, я достала из кармана телефон и набрала номер.

– Этот твой проект, – не стала я тратить время на приветствия, – чисто теоретически, от чего именно должна была произойти смерть?

В трубке хмыкнули.

– И тебе хорошего дня. Почему я ожидал чего-то подобного? – Помолчав некоторое время и убедившись, что отступать я не собираюсь, Диз ответил: – Остановка сердца.

– Разве гени от этого умирают?

– Иногда. Зависит от крови. Могут вернуться вампирами, но статистика показывает неплохие шансы.

Неплохие шансы кого-то убить?

– А демоны?

– Сколько демонов, по-твоему, пользуются человеческими компьютерами? Он никогда не был на них рассчитан. На гени тоже. Только на людей. И, раз ты звонишь по громкой связи, – добавил он, – передай своему Охотнику, что официально я от всех своих слов откажусь.

– Он и так тебя слышит.

– Знаю, – беззаботно откликнулся Диз. – Нат...

– Что?

– Переключись обратно. Хочу поговорить с тобой наедине.

– Я занята, – поспешила отказаться я и оборвала звонок. Повернулась к Максиму. – Видишь? Программа, которую мы нашли, ни при чем.

И Диз тоже. Макс внимательно смотрел на меня.

– Ты ему веришь?

– С чего ему лгать мне?

– С чего ему говорить правду?

– Потому что я его спросила, – объяснила я само собой разумеющееся. Макс, судя по виду, с трудом удержался от того, чтобы покрутить пальцем у виска. – Это сложно объяснить. Ладно, ты не веришь ему. Что говорят в «Хантерс»? Они закончили расшифровку?

На подначку он не повелся:

– В процессе.

Что-то долго этот процесс тянется. Я фыркнула.

– Значит, ты признаешь: существует вероятность, что Диз не солгал?

– У тебя нет доказательств. Сказать можно что угодно. Отказаться от слов – тем более.

Интересно, а Макс не думал, почему Диз это упомянул? Потому что знал, какую реакцию вызовет его признание.

– Ладно, – решил Макс. – Допустим, твоя безумная теория не настолько безумна. Дело не в коде. Это яд.

– Тогда виновен может быть и Лерай, и Ронове: я нашла ее, она брала курс по зельям два года назад...

– Диз задал хороший вопрос, – перебил меня Макс. – Сколько, как думаешь, демонов разбираются в компьютерах? Тем более в программировании. Сколько ты таких знаешь в ГООУ?

Только одного. И потом... Даже если программа была обманкой, «красной селеджой», сперва нужно было узнать о ее существовании. Найти. Взломать жесткий диск Диза. Скопировать...

– Это Диз.

Нет. Зачем ему? Что за странный, объяснимый только какой-то альтернативной логикой план мог у него быть?

– Я понимаю, тебе неприятно в это поверить...

Это не он.

Правда ведь?

Или я просто очень хотела в это верить. Поэтому хваталась за соломинку. Но меня не покидало чувство, что я что-то упускаю. Не может быть все так просто – и сложно одновременно. Не вел себя Диз как убийца. Нет, конечно, он был демоном и убийцей, но... Если он убил Мора, вел он себя крайне нелогично. Даже с учетом их альтернативной демонической логики. Например, в библиотеке. Увидел же Диз что-то на страницах «Семидесяти двух кругов»? Осталось понять что.

История Ноала из круга Ронове, история последнего Судии юга... Диз должен был знать ее с детства, он жил при Ноале. Так на что он отреагировал?

Голубой экран «скайпа» сменился изображением с камеры, и обладатель вишневых глаз изумленно уставился на меня.

– Неожиданный поворот, – прокомментировал он.

В уголке его рта расплылось чернильное пятно – я сразу вспомнила, как он в задумчивости прикусывал перо при нашей последней встрече в Аду.

– В самом деле? Ты знаешь так много Наташ Соколовых, которые могли тебе позвонить?

– Ни одной, – Соррел подтянул ноутбук к себе поближе.

На заднем плане виднелся шкаф с его «реликвиями». Я с трудом удержалась, чтобы не отвести взгляд.

«Что оставил себе на память от этой женушки?»

«Глаза. У нее были прелестные голубые глаза...»

– Кто тебе сказал этот аккаунт, крошка? – спросил демон.

– Сереш.

Кто еще из ГООУ общался с Соррелом? Я попыталась выдавить из себя вежливую улыбку:

– Как погода в Аду?

Демон хмыкнул.

– Пасмурно. Что тебе нужно, крошка? Из того, что я слышал, ты коварно бросила братишку. Поняла свою ошибку и решила предложить себя мне?

– Не обольщайся, – сухо посоветовала я.

– Почему же? Мы с тобой составили бы отличную пару. В тебе есть склонность к насилию, а я, если знаешь, весьма искусен в...

– Препарации и консервировании, – мрачно закончила я за него. – Знаю. И СМ меня не привлекает.

– А БД? – оживился демон. – Видишь, крошка, я знал, что мы найдем точку соприкосновения!

Я, честно, не представляла, что у сыновей Абигора вызывало желание вывести меня из себя.

– Единственной точкой соприкосновения между нами, – вежливо объяснила я, – может быть моя рука на твоей шее. Когда я тебя наконец придушу.

Соррел усмехнулся. А потом в его выражении что-то неуловимо изменилось. Исчезли дурачество и показушность. И вообще сходство с человеком.

– Наглеешь. Не боишься?

– Ты в Аду, – напомнила я. – И оттуда не можешь мне причинить вреда. Здесь мне следует опасаться других.

Сереша, например, с его безумными идеями. Охотников.

– К тому же ты мне должен, помнишь?

Никто его за язык не тянул. Демон развел руками. Белоснежное кружево манжет при этом чуть не загородило обзор.

– Помощь будет соразмерна твоей. За остальное придется дать что-то сверху.

– Мне есть чем заплатить.

Он широко улыбнулся, возвращаясь к своей роли:

– Уверена, крошка?

– Уверена, – перебила я его. Не хватало дальше терпеть его кривляния. От двери послышался шорох, я обернулась. Показалось. Хорошо. Главное – закончить разговор до того, как София вернется. – Тебе нужно, чтобы Диз держался подальше от Ада. Без него у тебя всё отлично, ты лучший сын и все такое, все герцогство у твоих ног. Я могу это устроить.

– Это и Охотники могут устроить, братец у них сейчас не в фаворе.

– При условии, что он убил Мора. А если он невиновен?

– Ты в это веришь?

Вопрос застал врасплох. Если Соррел его задавал...

– А ты?

На экране компьютера, в далеком параллельном мире демон равнодушно разглядывал свой маникюр.

– Он смерть. Никто не знает, что придет в его мертвую башку.

Я верила. Хотела верить – так было точнее.

– Он не безумен, если ты об этом.

Соррел недоверчиво хмыкнул:

– А тебе известно, как выглядит безумие? Я его наблюдал. Оно выглядит как самый трезвый рассудок. А в этом братишку, будем откровенны, никто не переспорит.

Скорее даже, не наблюдал, а испытывал на собственной шкуре. Я сомневалась, что Соррел и сейчас находился в здравом уме. Останки бывших жен в спальне репутации адекватного человека не способствуют.

– Так каким образом, позволь полюбопытствовать, ты хочешь мне помочь?

– Я докажу его невиновность.

– И Амавет снова будет на белом коне, любимый сын, лояльный подданный, – Соррел театрально закатил глаза. – Гаап убеждается в верности Амавета и находит Судию в его лице, все счастливы. Мне что с того?

– Диз не согласится. Он в ГООУ, здесь над ним нет власти короля и вашего отца. Диз собирается заключить контракт с «Хантерс». Ты сам знаешь, они призывают иногда, когда им нужна консультация. Как Сереш тебя позвал. Но Диз хочет жить на Земле. И постоянную сделку.

Случай до сих пор якобы беспрецедентный. Но не невозможный, иначе бы Диз придумал другой план.

– Ты пересказываешь то, что всем известно. В чем твоя роль?

– Если «Хантерс» убедятся, что он невиновен, Дизу понадобится носитель.

Чтобы долго прожить в верхнем мире, Дизу придется связать себя с гени. Иначе Земля будет для него так же ядовита, как для меня Ад.

– Желательно тот, кто будет закрывать глаза на некоторые ваши дела.

– Охотники, конечно, никого другого не найдут и согласятся, если ты предложишь себя.

Я пожала плечами.

– У них ко мне особое отношение. Но что важнее, – признала я, – все почему-то считают, что через меня Дизом можно управлять.

Соррел окинул меня заинтересованным взглядом.

– А это не так?

– Попробуй. Будет приятно показать, как ты ошибаешься. Я могу поклясться, что, если Диз невиновен в смерти Мора, сделаю все, что в моих силах, чтобы «Хантерс» согласились на его условия. И вызовусь заключить с ним договор. Тогда он не будет представлять для тебя угрозу в Аду.

– Разумеется. Разве это не в твоих интересах, крошка?

– Он меня бросил, – напомнила я. – Унизил. Думаешь, я жажду видеть его каждый день своей жизни?

Но все равно сделаю это, потому что Диз не заслуживает жизни в Аду. Просто Соррелу об этом знать необязательно.

– Немного ты предлагаешь.

– Больше, чем тебе предложит кто-то еще.

Соррел положил подбородок на переплетенные пальцы – удивительно длинные для его коренастой фигуры. И все это – не отрывая от меня внимательного взгляда.

– Для начала скажи, что ты хочешь от меня взамен. Чтобы я рассказал, что велел передать ему отец? Надо было соглашаться тогда, крошка.

– Зачем? – удивилась я. – Нет, тут все понятно. Диз сказал, что Гаап был очень доволен своим сыном, тот поубивал кучу народа в каникулы или что-то в этом роде. И Абигор тоже сразу решил наладить с Дизом контакт. Понял, что сейчас не время выдвигать его в наследники и лучше вернуться к той задаче, для которой он его с самого начала растил. Для нашего мира. Ну и что будет проще, если он сумеет по-хорошему убедить Диза не артачиться и следовать его приказам. Разве он не за этим тебя послал с первой подвернувшейся okazji? Передать Дизу предложение перемирия. Абигора Диз игнорировал, но тебя в ГООУ не смог бы.

В то время как сам Соррел, не желавший делиться своим положением в герцогстве с братом, предупредил Диза о

настроениях на юге. С чего и началась вся эта эпопея...

Демон с издевательской усмешкой поаплодировал мне.

– Тогда что тебе нужно?

– Просто одно имя. Ты должен его знать.

Услышав, кого я ищу, демон расхохотался.

– Вы сговорились, ребяташки?

– Мы не особо общаемся, – сухо заметила я. – Догадайся почему.

– А зря. Не спрашивала бы меня о том же.

Вишневого цвета глаза смотрели неожиданно серьезно.

– Будет тебе имя, Наташа.

В это было сложно поверить. В голове не укладывалось. Но... Кто знал компьютеры? Кто разбирался в ядах? Кто находился в ГООУ? И главный вопрос...

Кому было выгодно?

Если бы не их альтернативная демоническая логика, я бы догадалась раньше. А так долго не могла понять. Если ты убил Мора, зачем отвечать на вопросы, зачем помогать в поисках его убийцы? С точки зрения нормального человека необъяснимо. А вот для демона в этом наверняка присутствовал смысл. Держать руку на пульсе, как говорил Диз. Следить, куда выводит расследование. Незаметно. Не привлекая к себе внимания. Ведь никто не заподозрит из-за общения с никому не нужной второкурсницей – что она может знать?

На мой звонок никак не хотели отвечать.

– Перезвоните через пятнадцать минут, я на совещании, – раздалось, когда наконец сняли трубку.

Ладно. Перезвоню. Каждые десять секунд поглядывая на часы, я мерила шагами комнату.

– С тобой все в порядке? – поинтересовалась София, заставшая меня за этим занятием.

Я сосредоточенно кивнула. А потом сбежала в коридор. Оттуда на кухню, в общую комнату... В ГООУ трудно найти место, где никого рядом нет. В конце концов забилась в угол розового сада. Скамейку, спрятавшуюся за кустами красной «Торнеллы», мы с Максом обнаружили в прошлом году, пытаясь скрыться от посторонних глаз. Тяжелый аромат все так же вызывал у меня головную боль – а еще раскаяние. За то, что сделала. И за то, что собиралась сейчас сделать.

– Слушаю, – коротко отозвались в трубке.

Не только я не любила тратить время на приветствия.

– Мистер Джонс? Это Наташа Соколова. Вы вызывали меня на встречу в январе...

– Помню, – перестук клавиш, слышавшийся фоном, прекратился. – Макс передавал, вы испытываете сомнения по поводу стажировки. Решили сообщить об отказе лично?

Я хмыкнула. Ну, Макс... А я еще испытывала угрызения совести за то, что собралась идти к Охотникам у него за спиной.

– Макса очень волнует мое благополучие, – как можно более обтекаемо и дипломатично ответила я.

– А вас?

– Тоже. Только мое благополучие мы с ним воспринимаем по-разному.

Судя по тону, в котором последовал вопрос, менеджера по талантам мне удалось заинтересовать:

– В таком случае зачем вы звоните, Наташа?

– Хотела спросить, к кому обратиться, если я знаю, кто убил Мора. И могу достать признание. Думаю, что могу, по крайней мере, – поправилась я.

– Насколько я помню, при прошлой встрече вы утверждали, будто он невиновен.

– А мы разве о нем говорим? – нарочито удивилась я. – И у меня к вам еще одна просьба.

– Какая же?

– Не слушайте Макса. Он будет вам говорить, что я не готова, что я сомневаюсь...

В динамике раздался скупой смешок.

– А вы считаете, что готовы? – кадровика мое рвение позабавило.

Пусть. Главное – попасть в «Хантерс». А мнение других значения для меня не имело.

– Я согласна это доказать.

И все равно было трудно это принять. Человек – все-таки существо оптимистичное. И до последнего не верящее в зло. Тяжело вот так в один момент признать, что все это время ты сидела за одним столом с чудовищем, пила кофе с убийцей, разговаривала о глупостях и терпела странные вопросы от психа.

– Ты ведь разбираешься в ядах?

В трубке тяжело вздохнули.

– Мы теперь будем разговаривать исключительно на подобные темы? Да, Нат. Я разбираюсь в ядах.

– Так и думала!

– В этом нет ничего неожиданного. Ты учила ботанику в школе, меня тоже ей обучали. Просто... с определенным уклоном.

Его, в отличие от меня, учили убивать. Самое важное знание для выживания во всех их адских интригах. Убей – или убьют тебя.

– Зайдешь за мной сегодня вечером?

– Интересный переход, – оценил Диз. – С чего вдруг такая перемена настроения?

– Может, я соскучилась.

Шелли, в погоне за шариковой ручкой скакавший по столу, обернулся на меня и каркнул. Клянусь, в его тоне явно прозвучала издевка! Я сердито шикнула на птицу.

– В это так трудно поверить?

– В твоем случае – да. В чем дело, Нат?

– Я знаю, кто убил Мора.

Диз молчал.

– Звучит как угроза, – наконец произнес он.

Приятно, когда тебя понимают с полуслова. Я улыбнулась.

– Это она и есть. Теперь придешь?

– Ты в библиотеке?

– Заканчиваю в шесть. Тебя ждать?

Диз издал смешок:

– Разве ты оставила мне выбор?

Ни малейшего.

– До встречи, Диз.

Закончив разговор, я попыталась успокоиться. Улеглась щекой на прохладную поверхность стола. Шелли тотчас прискакал боком ко мне и каркнул, глядя на столь неожиданную соседку черными бусинами глаз.

– Кыш, птица, – вяло пробормотала я.

Последние силы ушли на звонок. Весьма недвусмысленно щелкнув клювом у меня перед носом, ворон отпрыгнул и заговорил на своем, птичьим языке уже с кем-то за моей спиной.

– Вижу, – странный звук, будто по паркету скребли когтями, и прохладная ладонь легла мне на лоб. – Горячий. Ты в порядке, ребенок?

– Сереш вызвал сегодня протестировать новую версию блокатора. Голова от него дико раскаляется.

И вообще было плохо – что от блокатора, что от вколото́го Серешем стимулятора. В медсервисах чуть до обморока не дошло, сейчас стало немного легче. Я прикрыла глаза и машинально потянулась за рукой, когда Бертрам решили ее убрать. Для них не было секретом, что я сидела на блокаторе: Диз объяснял, что при наличии достаточного количества сил он чувствовался, как я ощущала магию. Да и за этот учебный год в каком только состоянии после визита в медсервисы они меня не видели.

Вместе с ладонью исчезли и сами Бертрам. А когда через пару минут вернулись, поставили передо мной кружку с только что заваренным чаем. Я потянула носом. Зверобой и корица.

– Пей. Голова перестанет болеть.

Я мужественно попыталась заплотить пойло одним махом. Имелся печальный опыт: некоторые из рецептов, которыми потчевали меня Бертрам, пахли замечательно, зато на вкус были хуже болотной тины. И наоборот. Зато они всегда действовали.

– Спасибо.

Библиотекарь потянулись и почесали Шелли под клювом.

– Это в моих интересах. Сегодня нужно закончить с каталогизацией африканской стихийной магии, не вздумай просить больничный.

– Это же до ночи тут сидеть!

– У тебя были планы?

– А если у меня вечером свидание?

Бертрам удивленно приподняли брови:

– Вы снова вместе?

– Не знаю, – честно ответила я. – Не думаю. Он бы, может, и хотел, но...

Для «вместе» было бы неплохо суметь хоть один разговор довести до конца. Нам это еще не удалось. Библиотекарь присели на краешек стола.

– У меня когда-то были такие отношения. Они никогда ничем хорошим не заканчиваются. Два десятилетия мы сходились, расходились, разбегались на разные континенты...

– Это с Зебальдом?

– С кем? – нахмурились Бертрам.

– Профессор по демонологии. У вас что-то было...

По крайней мере, если судить по случайно найденной в архиве фотографии. Зебальд не отрицал.

– Нет, не с ним. Не помню, как его звали... Все равно: послушай меня, ребенок, и уходи, пока можешь.

Мудрый совет. Для демона – даже удивительный. Я поймала слезших со стола Бертрама за руку, пока они снова не исчезли по своим делам. Белая кожа ощущалась в моей ладони тонким фарфором, в чьих стенках бьется ветер.

– Спасибо.

– За что?

– За участие. И за траву, – попыталась пошутить я, пряча за натужным юмором искренность, – полезная штука.

Головная боль, по крайней мере, отступала. Я уже могла смотреть по сторонам без радужных кругов перед глазами. По узким губам скользнула усмешка, но ответить они не успели. Спеша и перепрыгивая через ступеньку, в закрытую секцию спустился Диз. Перевел взгляд с Бертрама на меня и нахмурился. Я тоже. Не вовремя он. Нет чтобы хоть на минуту позже...

– Мы же договорились вечером встретиться?

– Я не к тебе.

– Это я его позвали, – библиотекарь отошла в сторону.

Я обернулась на них:

– Зачем?

Надеюсь, не затем, чтобы... Меня проигнорировали. В этот момент Бертрам до жути походили на себя в своем истинном облики. Только крыльев не хватало. Все-таки я никогда не привыкну к тому, как человечность слетает с них будто шелуха. Темные глаза следили за Дизом, отмечая каждое его движение.

– Сейчас ты достанешь свой телефон и признаешься Охотникам в убийстве Мора.

Диз фыркнул:

– Что, готовы отказаться от славы и отдать ее мне? Очень любезно с вашей стороны.

– Гаап безумен. Он убьет того, кто избавил его от обузы. Такая слава мне не нужна.

– Мне тоже.

– Но ты ведь хочешь, чтобы она осталась в живых?

«Она» в моем лице затаила дыхание. Значит, пыльный привкус мне не померещился... На лице Диза не отразилось ничего.

– Вы считаете это достаточным стимулом?

– Не играй. О твоей слабости прекрасно известно. И не думай об этом, – предупредили они, – убьешь меня – антидот она не получит.

Не слишком удобно общаться с противником, который читает твои мысли. Диз остался стоять у подножия лестницы. Правильно. Только не делай глупостей... Хотя бы в следующие тридцать секунд. Наконец Диз решил обратиться ко мне.

– Надеюсь, ты ничего не пила? – осведомился он.

Почему все мужчины в моей жизни меня недооценивают? И не только мужчины. Широко улыбнувшись, я взяла со стола кружку и театральным жестом перевернула, показывая, что ни одной капли в ней не осталось.

– До самого дна.

От шкафа раздалось глухое карканье. И скрежет, когда Бертрам не удержались на ногах и попытались ухватиться за шкаф с книгами. Когти оставили глубокие царапины на стеклянной дверце. Я посмотрела на вымазанную блокатором ладонь. Да, был у новой формулы такой неприятный эффект.

Почему никто не предупреждает, что геройство в реальной жизни выйдет не так привлекательно, как в легендах? И что, наглотавшись не пойми каких ядов, следующие сутки ты проведешь в обнимку с ведром, а не триумфально улыбаясь, как бы тебе хотелось?

– Это всё твой стимулятор, – прохрипела я, откидываясь на пропахшую больничным духом подушку. – Я тебе говорила, что колоть еще больше драконьей крови мне опасно.

– Какая неблагодарность! – возмутился Сереш. – Если бы не стимулятор, ты бы уже отбросила коньки. И некомпетентность. Универсального противоядия не существует, откуда мне было знать, чем тебя напичкают? Так ты до меня добрела.

Даже на своих двоих. И только потом потеряла сознание.

– Ты ведь сам сказал, они не стали бы использовать ничего, что подействует сразу. Это сужает круг вариантов.

– Всего лишь до полутора сотен тысяч.

Я отняла прохладный компресс ото лба и с интересом взглянула на него:

– В мире реально существует так много ядов?

– Узнаешь, – со мстительным довольствием протянул индеец. – В следующем семестре. Обещаю.

Звучало сомнительно. Может, мне стоит быстро перевестись на какую-нибудь другую специальность?

– А теперь хватит разлеживаться. Одевайся и на выход.

– Я тут вроде как умираю, – напомнила я, накрываясь обратно тонким одеялом. – Кстати, о смерти. Понимаю, какого эффекта ты хотел добиться от нового блокатора, но, может, сделаешь для меня отдельную версию? От меня не будет много толку на последнем издыхании.

А новый блокатор, хоть и радовал отсутствием уколов, выворачивал меня наизнанку. А затем полностью лишал магии. Неприятное ощущение: будто тебя одновременно ослепили, оглушили, вырвали ноздри и отрезали язык. То небольшое, что я сумела почувствовать в библиотеке, я смогла лишь благодаря стимулятору. После окончания его действия я лежала сейчас совершенно дезориентированная.

– Не больно – не интересно.

– Когда это говорит твой лечащий врач, появляется желание его сменить. Seriously.

Только не на кого. И Сереш это отлично понимал.

– Раз ты признала этот замечательный факт, как лечащий врач говорю тебе: прекращай симулировать. Иди, мне нужна эта палата.

– Как будто у тебя их не хватает, и пациенты по коридорам лежат. Можно я сегодня тут посплю? Тебе жалко?

Я замotalась еще глубже в одеяло, всем своим видом показывая, насколько несчастна. Бесполезно.

– Чего ты боишься?

Кого. Автора двух непрочитанных сообщений у меня на телефоне. Я их даже не открывала: что бы он ни написал, я все равно не знала, что ответить.

– С Малфасом ты вчера была куда храбрее. Давай, катись.

Там все было проще. От меня требовалось только спровоцировать и сделать так, чтобы блокатор оказался у них на коже. Ничего сложного, Бертрам доверяли мне так же, как я им. А остальное уже было делом «Хантерс»... Вот

встретиться с Дизом – это куда страшнее.

А ведь я чуть не поверила, что это он убил. Макс так настойчиво твердил, что Охотники верят в его вину... Слишком настойчиво. Могла бы догадаться, что тут что-то не так. Если бы «Хантерс» были настолько уверены, не дали бы Дизу расхаживать по университету. Даже если у них не было бы доказательств – сдали бы Гаапу, и дело с концом. Как отправили королю Бертрама.

Насчет них я тоже должна была понять раньше. Все ведь лежало на поверхности.

Кто знал яды?

Бертрам вечно потчевали меня травяными отварами по древним целебным рецептам, открытым ими в старых книгах. А что в ложке лекарство, в чашке превращается... Они же помогли мне, составив список справочников по ядам. Неверный, как подсказал Серещ, объяснив, что обычные яды на Мора не подействовали бы, но я не обратила на это внимание. Должна была: если сына Гаапа можно убить только магическим ядом, Бертрам не могли этого не знать. Так почему дали мне книги по обычным?

Кто разбирался в компьютерах?

Диз удивился, увидев впервые библиотечный каталог. Бавил, язык программирования, созданный демонами после долгого изучения человеческих, знали очень немногие. У большинства демонов он не вызывал интереса: чтобы понять его хоть немного, надо было углубиться в человеческую психологию и логику, поэтому расшифровать его могли лишь те, кто очень хорошо разбирался в магпрограммировании. Из-за этого Диз даже стал использовать его иногда для шифрования. Но только после того, как увидел в библиотеке.

Кто мог знать о коде у Дiza на жестком диске?

Бертрам могли. Они всегда знали, что происходит в любой точке библиотеки. И демонстрировали свое знание, то находя меня в самых укромных уголках, то рассказывая, кого Диз водил в библиотеку на свидания. Сначала, только поступив на работу к ним, я думала, дело в воронах. Что они видят мир их глазами. Потом поняла, что ошибаюсь. Малфасы. Архитекторы Ада. Творцы, чьи строения были если не разумными, то живыми. Коридоры и лестницы в домах, построенных Малфасом, вели совсем не туда, куда должны были, двери могли исчезнуть у тебя за спиной или прямо перед носом, в насмешку. Окна выходили вовсе не на те миры и показывали не тот пейзаж и не то время. А еще они чувствовали тебя. Источали стены, если ты хотел что-то подслушать, выводили тебя туда, куда попросишь, были верны своему хозяину и только ему. Башня Абигора в Дисе была такой же. И библиотека. И коммуникационный центр с его гуляющими окнами и комнатой отдыха, которая никак не могла поместиться в отведенные ИТ кабинеты. Это еще не говоря про чужие мысли, которые были для Малфаса что открытая книга...

Все подсказки мне дали – вплоть до той, что Макс отказался обсуждать убийство Мора в библиотеке, – но я была слишком слепа, чтобы их заметить. Частично – потому, что было сложно объединить в уме двух демонов: библиотекаря с мужским именем и Ороба из круга Малфаса.

«Наследник Малфаса едва не стал предыдущим Судией...»

И занял бы престол Судии, если бы Ноал из круга Ронове не показал, что сильнее. Обычно те, кому бросали вызов, не выживали. Но не Ороб. Их изгнали и предпочли вымарать из памяти. Тогда еще не был подписан Договор, а потом... появился ГООУ. И библиотекарь при университете. Как так получилось, что на эту должность взяли демона? Я не знала. Даже не задавалась вопросом до вчерашнего дня. И ведь они всех обманули. Двести лет идеальной службы. Пока Гаап не объявил следующим Судией недостойного.

«Гаап всегда выбирает молодых. Тех, кого еще возможно сломать по своему усмотрению, чтобы они боготворили его, жили только им...»

«Тот, кто убил Мора, либо способен игнорировать приказы короля, либо любит Гаапа так сильно, что верит, будто поступил так ради его блага...»

Бертрам мне сами говорили открытым текстом: кто бы ни убил Мора, оказал Южному королю услугу. Сделал то, что давно следовало совершить. Если бы я только слушала...

Интересно, у них удалось бы довести свой план до конца? Заставить всех, включая Гаапа, поверить в виновность Дiza, отдать его на растерзание, а потом вернуться со щитом: это ведь они обнаружили убийцу. По меркам Ада Бертрам были еще не настолько стары, а без Мора и Дiza кто мог бы претендовать на место Судии? Кто стал бы лучшим из кандидатов? Но я подозревала, что для Бертрама дело было даже не во власти, которую давал этот пост.

А в служении.

Только почему они медлили? Может, я ошибалась, но отчего-то у меня возникло ощущение, что, если бы они прижали Диза раньше, шансов было бы больше. Но, возможно, я была не права. Как и во многих других случаях. Одно я знала точно: я тут ни при чем. Да, Бертрам искренне заботился обо мне: отвечали на вопросы, помогали, чем могли, поили чаем... Возможно, даже привязались, хотя, как я теперь понимала, взяли в помощники только из-за Диза. Однако никакая забота не помешала бы им меня убить. Что они и продемонстрировали. Это была такая типично демоническая черта – я испытываю к тебе глубокую симпатию, но убью в любой момент, если понадобится, – что у меня не получалось на них обижаться. Тщательно подавляемые и контролируемые чувства на одной чаше весов и выгода на другой. И никаких моральных терзаний по поводу того, что так не должно быть. Демоны. Они все были такими.

И один из них ждал меня в общежитии.

Лифт оказался сломан, и на шестой этаж пришлось подниматься пешком. Желудок все еще болел от микстур Сереша (вот кому следовало взять мастер-класс у Бертрама, пока была возможность!), что настроение не улучшалось. Как и Диз, обнаружившийся возле моей двери.

Прислонившись к дверному проему, он ждал, как после одной из наших ссор. Впрочем, почему «как»? Просто в этот раз ссора сильно затянулась.

Я понятия не имела, чем закончится наш разговор.

Даже чем начнется. Я и позвонила-то ему только, чтобы Бертрам услышали про «я знаю, кто убил Мора». Не потому, что была готова увидеться с Дизом.

– Передайте его величеству, что я навсегда его верный слуга, – проговорил он в трубку, знаком показывая мне молчать. – Да. Конечно. Почту за честь.

– Похоже, с момента нашего знакомства я только и делаю, что двигаю тебя вверх в списке наследования?

Отключив телефон, Диз внимательно на меня посмотрел.

– Да, – согласился он. – Но, зная твои методы, я начинаю думать, что это не так плохо.

Очередной из его излюбленных ответов-неответов. Я вцепилась в рукав кофты, боясь задать следующий вопрос. Что бы ни ожидало нас дальше, прощаться с ним не хотелось.

– Что теперь? Тебя можно поздравить? Или высказать тебе соболезнования?

Я уверенно заявила Соррелу, что Диз откажется, – но так ли хорошо его знала, чтобы угадать? Южный король мог предложить ему нечто более ценное.

– Гаап решил отложить свое безумие на время. По его мнению, произошедшее с Мором показало, что югу не хватает короля и жесткой руки. Не могу не согласиться. Но я все еще несвободен, если ты об этом. И сомневаюсь, что когда-либо буду, – криво усмехнулся он. – Особенно сейчас. Отец просто счастлив. Наконец его приносящий одни разочарования сын сделал что-то правильно. Нашел убийцу...

– Ничего, что это вообще-то заслуга «Хантерс»? – перебила я уязвленно.

Даже моя. Частично.

– «Хантерс»? Кто это такие? – рассмеялся Диз. – Ты знаешь Абигора: ему лишь бы правильно подать новости.

– Значит, все? Раз Абигор доволен. Мне падать ниц перед следующим Судией?

По коридору мимо нас протиснулась студентка, бурча что-то об идиотах, загораживающих проход. Увернувшись, Диз неловко пожал плечами.

– Повезло, что Гаап, когда не развлекается сумасшествием, относительно адекватен. И пока не нуждается в заместителе. Надеюсь, эта фаза продлится у него хотя бы лет пятьдесят...

Значит, какой-никакой срок в запасе у него есть. Уже хорошо. А за пятьдесят лет можно многое изменить.

– Нат?

Я увлеченно рассматривала граненые бусины на одном из его многочисленных браслетов.

– Помню про твоё отношение к власти и нашим политическим играм, но, может, сделаешь для меня исключение?

Нельзя сказать, что я не ожидала этого вопроса. Диз четко дал всё понять. Но я все равно не знала, что ответить.

По идее, я должна была прыгать от радости и плакать от романтики момента. Вместо этого мне вспоминались первые ночи после того, как он меня бросил. Его равнодушие, когда я натыкалась на него в студгородке. Чувство полной и абсолютной опустошенности, преследовавшее меня тогда.

– С чего ты взял, что я захочу снова быть с тобой?

Одно дело – желать ему лучшей участи, чем жизнь в Аду. Другое – броситься ему в объятия. Диз посмотрел на меня как на ребенка.

– Я тебя знаю.

Нет, Диз. Никогда не знал и не понимал. Иначе бы мы тут не стояли.

– Ты напеваешь, когда счастлива. Даже сама не замечаешь. И твой выбор песен весьма сомнителен: тебе не кажется, что «*Adieu les solos sous les draps*» после двух месяцев ночевки у меня – несколько неактуальна? Ты смеешься над любовными романами и порно, которое прячешь в папке с ними, но и после тех, и после других приходишь ко мне. Ты боишься сблизиться с кем-то, потому что тебе причинят боль, но именно это тебя убивает. Ты в самом деле полагаешь, что я тебя не знаю?

Позер. Но он действительно меня знал. И возможно – только возможно, – какая-то часть меня скучала по всему этому, но...

– Я тебе говорила: мне не нужно то, что у нас было.

– И я понял. Я был не прав, Нат. Что ты хочешь, чтобы я еще сказал? Я осознал свою ошибку. Больше ее не повторю. Это было глупо. Не знаю, что на меня нашло...

Сильное заявление. Только где-то я его уже слышала.

– Скажи честно: ты скачал мою коллекцию песен Тейлор Свифт и выписал оттуда список вещей, которые нужно сказать девушке, чтобы она перестала сердиться?

Больно непохоже на него звучало. Диз улыбнулся.

– Типа того. Нат...

– Я подписала контракт с Охотниками.

Лучше разрубить этот узел сразу. Я должна понять, во что и почему меня втягивают. И не откажусь от своей цели ради кого-то. Даже ради Диза. Если его что-то не устраивает... С задумчивым видом Диз то ли качнул головой, то ли кивнул: мол, если считаешь, что тебе нужно именно это, рад за тебя.

– Стажировка, – предупредила я. – Начнется в мае.

А я не верю в отношения на расстоянии.

Убеди меня. Убеди меня дать им шанс, убеди забыть эту зиму. Убеди снова тебе довериться и не ожидать больше никаких «ты моя слабость» и «я пытался тебя защитить».

– У тебя есть три месяца.

Я не отрывала взгляда от зеленых глаз. Наконец Диз кивнул, принимая мои условия.

Глава 1

Самый тяжелый месяц

– Ты меня бросаешь?!

Редкие посетители кофейни обернулись на крик. Смутившись, я опустила взгляд на столешницу. Лукас хохотнул в трубку.

– Не переигрывай, – посоветовал он. – Ты бы еще «После всего, что я ради тебя сделала?!» добавила, чтоб никто вообще не поверил.

– Скотина, – совершенно искренне ответила я.

– Уже лучше.

– Скотина, – мстительно повторила. – Был бы ты здесь – придушила бы собственными руками.

– Взаимно. Всегда. Ты вообще помнишь, что тебя по сценарию продинамили? Ты страдать и переживать должна, а не агрессором выступать.

Много он о девушках и их реакциях знал. Понимая, что иначе ввяжусь в спор, который нас непременно выдаст, я отсоединилась и швырнула телефон на стол. Пустая чашка жалобно звякнула, когда он в нее врезался.

И все же Лукас был прав. Закусив костяшку указательного пальца, я постаралась не успокоиться, но направить эмоции в нужное русло. Переживания, говорите? Легко. Будто у меня мало причин для них. У одной, к примеру, имелись зеленые глаза, докторская степень по занудству и весьма многозначительное имя. Я вздохнула. А еще дистанция во всегда разное, но неизменно большое количество километров между нами. Это убивало. Не то чтобы я ему не доверяла, но что я видела, кроме картинки в «скайпе»? Что я слышала помимо того, что он хотел рассказать?

Ничего.

Мне никогда не следовало соглашаться.

На столе передо мной появилась кружка с шапкой взбитых сливок, посыпанных шоколадной крошкой. Я недоуменно подняла взгляд. Улыбчивая девица в фартуке, у которой я оплатила первую порцию кофе, заговорщицки мне подмигнула.

– Я не заказывала.

– Знаю. Но она тебе сейчас нужна.

Развязав узел на спине, она стянула фартук и села напротив меня за большой коммунальный стол – единственный в кафе.

– Разве тебе можно отходить от кассы?

– В целом нет, но... Видишь ли, это место называется «*Happy Place*», а ты сейчас не соответствуешь концепции, – она кивнула на кружку. – Пей. Сразу поймешь, что мир – не такая поганая штука, как кажется, поверь мне.

Понимая, что отказ будет выглядеть подозрительно, я взяла чашку в руки. Блокатор не позволял определить, что добавили в кофе, но магия все равно чувствовалась – неправильной тенью, едва заметным покалыванием в пальцах. Таким же я отреагировала на ее «Пей».

Ненавижу ментал.

Осторожно пригубив кофе, я отвлеклась, чтобы пожаловаться.

– Мир – может быть, но некоторые в нем люди... Честное слово, если бы могла, убила бы.

Бариста сочувственно покивала.

– Знаю. Мой бывший тот еще ублюдок был. Но бросить по телефону...

– Именно! И, главное, это ведь не первый раз, мы бродим по какому-то долбаному кругу. То расходимся, то опять сходимся. С ним мне плохо, а без него еще тоскливее...

Самое поганое, когда не знаешь, чем тебя напоили, – угадать, какое воздействие ты должен симулировать. Но будем исходить из вводных. Вряд ли меня стали бы травить, а вот фальшивое участие и крючок о бывшем... Видимо, будем говорить дальше.

– Никак не могу понять, зачем я ему вообще? Он и без меня прекрасно существует. Ему ведь по большому счету на меня плевать. Где я, что я... У меня иногда такое ощущение, что я его отвлекаю от важных дел, а он меня лишь терпит!

Главное, когда врешь, – добавить побольше правды. И не важно, что речь идет не о звонившем напарнике и не о бывшем, а об очень даже нынешнем и ничего не подозревающим. Заодно выговорюсь. Больше все равно некому признаться.

– А девушки? Неужели так сложно понять, что меня нервирует! Пусть он утверждает, что это ничего не значит, но разве трудно запомнить, что у большинства людей есть личное пространство!

И не все считают объятия приличной формой приветствия. Не говоря уже о поцелуях в щеку. А спокойно делить с кем-то недокуренную сигарету? Бесит.

Вот почему я одна должна ревновать и страдать? Дизу-то все равно. Так нечестно.

В расстроенных чувствах я махнула рукой, задевая кружку и проливая больше половины. Кофе бодро закапал со стола на пол.

– Черт. Извини. Дай я...

Я потянулась за салфетками, но девушка меня опередила.

– Ничего страшного. Я сделаю.

Вернувшись с тряпкой, она неожиданно предложила:

– А хочешь, чтобы он ни на кого другого больше не смотрел? Чтобы все его мысли были только о тебе?

На миг я представила себе параллельную вселенную, где Диз глядит на меня не с мягкой усмешкой, а с восхищением. Где вместо язвительных комментариев на тему, в чем я теперь облажалась, я получаю заверения в своей правоте и вообще совершенстве. Где он не отвечает: «Я занят. Перезвони через пару часов, а лучше завтра», – а смиренно ждет, пока я не выскажу следующее желание...

Какой кошмар.

Но показывать это не стоило.

– Разве такое возможно? – проямлила я, отпивая оставшийся кофе. Магия осталась золотым привкусом на языке. Сильная, раз сквозь блокатор ощущалась. – Так не бывает...

Девушка уже собралась что-то ответить, но ее позвали к кассе. Я же потеряла виски. Вопреки блокатору, который должен был подавлять не только мою магию, но и внешнее воздействие, эффект от кофе чувствовался: хотелось рассказать ей все, довериться... Хорошо хоть, я это осознала. Но лучше бы уйти. Жаль, пока нельзя. Звякнул колокольчик, и в кофейню ввалилась группа азиатских туристов. Галдящих, щелкающих селфи на фоне всего и желающих срочно заказать что-нибудь эдакое. Улучив секунду передышки между ними, бариста подбежала ко мне с запиской.

– Напиши по этому номеру, – посоветовала она. – Удивишься.

Не то слово. А уж как поразится мой собеседник...

Лукас ждал меня в машине через квартал от кофейни.

– Удалось достать телефон? – первым делом поинтересовался он, заводя двигатель.

Я помахала у него перед носом бумажкой.

– Звонила уже по нему?

– Вечером. Должна же девушка пару часов посомневаться – Убрал клочок салфетки в сумку, я не удержалась от наблюдения: – Никак не могу понять, они все так топорно работают?

– Ты же слышала, Мартин объяснял: от эмоций им башку сносит. А ты там полчаса сидела страдала.

Логично. Некоторые из существ походили в этом на демонов: чувства, все равно какие, притягивали их словно наркотик. А сильные – вовсе лишали тормозов, заставляя делать глупости. К тому же пожирание эмоций мало располагало к пониманию человеческой психологии.

Все равно слишком просто. Если бы я не знала, что это правда, ни за что бы не поверила такому предложению.

«Хочешь, чтобы он ни на кого больше не смотрел?»

Соблазн был велик, но...

Нет.

Потянувшись, я прибавила температуру на климат-контроле.

– Какого хрена? – возмутился Лукас, сбавляя его обратно. – Лето на улице.

– Мне холодно.

Побочный эффект блокатора, отрезавший меня от ставшего привычным Огня. Я поежилась. Лукас, заметив движение, положил руку мне на коленку.

– Тебе не приходило в голову тогда надеть что-то менее открытое?

– Было бы странно, если бы я пришла в трех свитерах и лыжных штанах. Надо соответствовать обстановке.

Ладонь медленно скользнула вверх по бедру. Дождавшись, пока она доберется до кромки джинсовых шорт, я с чувством мрачного удовлетворения прихлопнула ее.

– У меня есть парень, – напомнила я.

– Парня поменять можно. Ну кто он там у тебя?

В сравнении с малолетним Охотником... Я даже не знала, как сказать. Но вопрос позабавил: похоже, родная организация доверяла Лукасу не больше, чем мерзкому чудовищу в моем лице.

– А ты не знаешь? Тебе разве не дали доступ к моему полному досье?

Перестроившись, он бросил на меня быстрый взгляд.

– Seriously? Кто он такой, чтобы его скрывать? Миллионер, что ли?

Потому что только им требуется защита личной информации? Я собралась всё отрицать, но вместо этого издала смехок.

– Наверное, – пришлось признать. – Если опять не дал своей сестре пин-код от карты.

Это всегда забывалось. Для меня Диз в первую очередь был трудоголиком, работающим с шести утра и до поздней ночи без перерывов на выходные или праздники. Наверняка его дела приносили ему деньги, но, глядя на обтрепавшиеся на швах джинсы и растянутые футболки, я верила в это с трудом. И я понимала, что даже без них Диз был сыном Абигора, нищета ему никогда не грозила, но... Обычная одежда. Кроссовки, пережившие не одно лето и много сотен километров прогулок. Велосипед, оставленный на ночь у крыльца общежития. Разве так должен выглядеть миллионер? Сын герцога? Демон? О последнем, впрочем, перед Лукасом я предпочла умолчать.

– Что, после такого аргумента уже не предлагаешь свою кандидатуру? – подначила я Охотника. – И как насчет того, что я «из этих»?

Еще в первые дни знакомства Лукас доходчиво объяснил мне, как относится к нелюдям. Как говорится, я не злопамятная. Но память у меня хорошая.

– Для них ты еще ничего так. И держишься неплохо, – с подозрением добавил он. – Видел я как-то чувака после блокатора, он пытался вскрыть себе пальцами черепную коробку. Разбил в итоге голову о стенку. Долбил в нее, пока мозги не полезли...

Какие чудесные воспоминания. Я хмыкнула.

– Я восемнадцать лет прожила без магии. Думаешь, меня напугает ее отсутствие?

Напугает, конечно. К магии очень быстро привыкаешь. И сейчас, не ощущая ее, я чувствовала себя неуютно. Только Лукасу в этом ни за что не признаюсь. Первое правило общения с Охотниками: не открывай им своих слабостей.

– Тебя не смущает, что ты своих сдаешь? – неожиданно спросил Лукас.

Я дотронулась до золотого браслета, скрывавшего золотые же шрамы на запястьях. Провела пальцем по гранатовому кабашону, обвела скрывавшийся на изнанке контур, избегая ответа.

– Тебя когда-нибудь лишали воли?

Посмотрев в зеркало заднего вида, Лукас свернул в узкий переулок и покачал головой.

– У каждого должен быть выбор. Нельзя его отнимать.

Сегодня я не испытывала угрызений совести. Слишком хорошо помнила, каково это – осознавать, что твоя жизнь тебе не принадлежит. Поэтому, наверное, развивать тему не захотела.

– Высади меня где-нибудь по дороге, – вместо этого попросила я; напарник напрягся.

– Зачем?

– В «Старбакс» зайду.

– Не напилась еще кофе?

– Согреюсь хочу. Желательно – зная, что мне в стакан ничего не подсыпят. Что? – не выдержала я. – Мой рабочий день закончился час назад.

– А отчет?

– Завтра напишу. И в медицинское крыло тогда же зайду, ничего не случится.

Внешне Лукас оставался совершенно спокойным, только пальцы сжали руль крепче. Вот оно что.

– Я не сбегу. Если ты забыл, я не преступница. И не обязана сидеть на привязи.

Будь все по воле Лукаса, тех немногих членов центрально- и южноевропейского офиса «Хантерс инкорпорейтед», что не были людьми, держали бы взаперти – просто так, на всякий случай: мало ли что они устроят, оказавшись на свободе? И доставали бы наружу при необходимости, словно кукол вытряхивая из коробки.

К счастью, управлял офисом не Лукас.

– Может, я просто хотел составить тебе компанию? – попытался он обратить все в шутку.

Красного сигнала светофора как раз хватило, чтобы отстегнуть ремень безопасности и открыть дверь. Я наклонилась, прежде чем захлопнуть ее:

– Попробуй.

Разговор с Лукасом горчил едким привкусом черного кофе. Избавиться от него не удавалось. Бесцельно побродив по магазинам – лишь бы не возвращаться в штаб и не встречаться с ним, – я подошла к остановке уже после заката.

Зашла в полупустой автобус, заняла место у окна. На следующей остановке на соседнее уселся парень с чайной ложкой в руках. Почувствовав запах пота и давно не стиранной одежды, я поморщилась и украдкой бросила взгляд на незваного соседа. Спутанные выющиеся волосы, когда-то, видимо, бывшие соломенно-желтыми, приобрели серый припыленный оттенок. Светлую толстовку покрывали пятна, в проход он кинул старую спортивную сумку. Бездомный? Ложку он все еще держал в руках, на которые несмотря на жару натянул перчатки с обрезанными пальцами. Только теперь грел в ней воду над зажигалкой. Еще и наркоман. Замечательно. Я обернулась, но ни усталая женщина лет пятидесяти, по виду – офисная служащая, возвращавшаяся в пригород, ни парочка школьников в задней части автобуса не обратили на него внимания. Оставалось только надеяться, что он скоро выйдет.

Заметив мой интерес, наркоман повернул голову. Слишком быстро, так, что я не успела отреагировать, схватил меня за подбородок. Глаза его, всего секунду назад блеклые и осоловевшие, сияли расплавленным золотом. Я замерла, не дыша. Надо было смотреть не на одежду. Раньше заметить нечеловеческое совершенство черт, прятавшийся под грязным тряпьем Огонь... Что-то во мне его заинтересовало, и он притянул меня к себе, отбросив ложку, взял мое лицо в ладони. До золота оставалось не больше десяти сантиметров.

– Руки убери, – сквозь зубы посоветовала я.

В ответ он лишь рассмеялся. И продолжал хохотать, когда в воздухе запахло паленой кожей. Когда я отшатнулась от него. Когда, неловко протиснувшись, вывалилась из автобуса.

Даже через пять кварталов смех продолжал звучать в ушах музыкой тысячи лир.

Как ни странно, центральный штаб «Хантерс инкорпорейтед» располагался в Мюнхене не в стекляшке-небоскребе вроде головного офиса *BMW* в Олимпийском парке или башни Uptown. Вместо этого он прятался в ничем не примечательной пятиэтажке возле площади Макса Вебера, недалеко от старого города, лишь Изар пересечь. Со здания начала двадцатого века после войны кто-то сбил лепнину и перекрасил его в отвратительный кирпичный цвет, и ничего не выдавало, что в нем базируется одна из крупнейших корпораций мира. Рядом притулилось общежитие для сотрудников, в мире обычных зарегистрированное как трехзвездочный отель. На самом деле не только эти два дома принадлежали Охотникам: в третьем, официально занятом офисами и парой квартир, находились лаборатории и отделы, специфику которых было желательно скрывать от не знавших о магии сотрудников. И только медицинская практика в последнем здании квартала никем не прикидывалась. Почти.

Ну а то, что постояльцы отеля странным образом предпочитали оставаться в номерах, пользуясь общим внутренним двором и не обозначенными на строительных планах проходами между корпусами, вместо того чтобы выходить в город? А для чего, по-вашему, существуют формулы отвлечения внимания?

Открыв ключом дверь общежития, я поднялась пешком на четвертый этаж и свернула к своей комнате. Пропуск в офис и ключ от номера, где едва помещались двуспальная кровать и письменный стол, были первыми предметами, которые выдавались новичку в «Хантерс». За ними шли рабочее место, корзина для корреспонденции и токен для подключения к вай-фаю. Бросив сумку, первым делом я подошла к столу проверить компьютер. Никого. Как обычно.

Он появился в Сети, когда я вышла из душа, промокая полотенцем влажные волосы. Забравшись с ногами на постель, я подтянула к себе ноутбук и включила связь. Ответ пришел незамедлительно.

– Привет.

– Привет...

В окне за его спиной светило яркое солнце, мешая рассмотреть нормально помещение *IT*. По памяти я знала, что позади него должно быть еще одно место, а подоконник завален старыми журналами. В реальности могла разглядеть только встрепанную черную шевелюру и красный прямоугольный след на щеке. Опять спал на работе, подложив под голову учебники вместо подушки.

– Сколько у тебя?

– Восемь утра. У тебя?

– Скоро полночь.

Куда на этот раз занесло университет? Впрочем, не важно. Не зная, что сказать в камеру, я замолчала. От Диза это

не укрылось.

– Что, уже соскучилась? – подколот он меня с улыбкой.

Безумно.

– Только по кактусу, – не уступила я. – Должна же я проверить, как он.

Памятуя о прошлых каникулах, когда София едва не пересушила малыша, я заранее притащила кактус в *IT* и торжественно вручила Дизу. И пусть тот заявлял, что даже ему известно: обычно цветы дарят девушкам, а не наоборот, и вообще он Смерть, а не садовник... В моем окружении не было кроме него настолько ответственных существ, чтобы справиться с поливом три раза в неделю. А в *IT* даже имелась когда-то отобранная им у некромантов лейка. Обернувшись, Диз посмотрел куда-то вбок.

– Хорошо. Цветет как всегда. Там внизу куча деток образовалась, скоро пересаживать можно будет. Подожди...

Поднявшись из-за стола, он подошел к окну и опустил жалюзи. Стало гораздо удобнее.

– С кем ты там болтаешь? – появилась в кадре привлеченная звуками Каталина. Увидев меня, напарница Диза радостно заулыбалась и уселась на его место. – Наташа! Как твои дела? Ты уже слышала? Он тебе рассказал?

– Рассказал что?

– Так ты не знаешь? – почему-то эта новость воодушевила латину еще больше. Хмурый Диз встал у нее за спиной. – Ты сейчас разговаривала с новым ассистентом профессора Данн!

Шивон, что ли? Той, которая чертовски сексуальная брюнетка Шивон? Но это сейчас не имело значения. Главное – должность. Поступление в магистратуру дало Дизу два года в ГООУ и вдали от отца. Место ассистента профессора могло при необходимости превратить два года в гораздо больший период. Вот что важно. А не моя глупая ревность.

– Поздравляю, – искренне произнесла я.

Была бы рядом – кинулась бы ему на шею с радостными воплями. Но я находилась не в ГООУ, а за черт знает сколько километров от него. Как и после защиты его бакалаврской. Как и во время церемонии вручения диплома. Как и в день, когда объявили результаты по вступительным экзаменам на магистерские программы.

Потому я не верила в отношения на расстоянии. Что это за отношения, когда вся жизнь проходит вдалеке от другого? Когда ты не можешь разделить ее?

– Спасибо, – так же чопорно ответил Диз и постучал Лину по затылку. – Может, дашь мне пообщаться с моей девушкой?

– Потом, – отмахнулась та, явно не считая встречу двух возлюбленных, пусть и виртуальную, достаточным поводом, чтобы оставить их наедине. – Еще мы наконец нашли офис. Арендовали пока на три года, там посмотрим. Ты не представляешь, как было сложно найти дом с достаточно большой территорией и не за пару миллионов в месяц! Зато из него вид – закачаешься! Особенно из моего кабинета. Там окна на две стороны сразу...

– Мы же договорились, что угловой кабинет – мой? – поинтересовался Диз.

Каталина закатила глаза.

– Зачем он тебе? Все равно ближайшую пару лет ты будешь работать отсюда.

– Угловой офис – мой, – с нажимом повторил Диз. – Мы договорились.

– Я буду отдавать его тебе, когда ты будешь приезжать в гости, – не моргнув глазом, пообещала латина.

– Как же...

Я не удержалась от смешка, пусть и немного нервного. В прошлый раз Лина хвасталась официальным логотипом *CDGN* – небольшого *IT*-стартапа, названного в честь четырех основателей. Каталина, Диз, Галлахер, Никлас. Диз никогда не скрывал своих планов: закрепиться на Земле, перебраться в Сан-Франциско, заниматься тем, что он умеет и что ему интересно.

И от этого все острее вставал вопрос: что дальше? Для нас, в смысле.

– И мы с Ником решили пожениться. Из-за визы, разумеется. Еще не знаем дату, но учти, ты должна присутствовать, можешь уже искать платье.

«Должна присутствовать». В этом вся Лина. «Приглашаем тебя» – не в ее духе, айтишнице в голову не придет, что кто-то может отказаться.

– А Лекса?

Невозможно было представить этих двоих без острой на язык и пропахшей табаком блондинки.

– Приедет к нам по рабочей визе, ей ее получить проще, чем мне. А еще Диз наверняка тебе тоже не рассказал...

– Знаешь, я очень рад, что в ближайшее время тебе придется подписать соглашение о конфиденциальности, – перебил ее Диз.

Каталина удивленно на него посмотрела.

– Ты мне угрожаешь?!

– Пока нет. Но еще одно слово...

Айтишница оскорбленно надулась.

– Что я такого сказала? Она имеет право знать! – Под красноречивым взглядом она вылезла из кресла и буркнула: – Тиран и деспот. Ладно, ребяташки, сами разбирайтесь. Я пошла. Хорошего дня, Наташа!

Вернувшись на свое место, Диз покачал головой.

– Она невыносима.

– О чем она говорила?

– Ни о чем.

Конечно. Что ты скрывал, Диз?

– Потом узнаешь, – пообещал он, а я сделала вид, что поверила. Все равно не скажет больше, чем хочет. – Что у тебя сегодня с настроением?

– Ничего.

– И кто из нас теперь хранит секреты?

Мы оба. Два сапога пара. Но со мной-то все было ясно: не жаловаться ведь ему на Лукаса? Я знала, на что шла. И не упоминать ведь сегодняшнюю встречу непонятно с кем, выбившую меня из колеи?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Устала, наверное. Бывает. Может, мне просто хочется, чтобы кто-то сказал: «Малыш, успокойся. Не забивай свою головку проблемами, маленькая, я все за тебя решу». Не обращай внимания.

– Ты здорова? – осведомился Диз после секундного замешательства. – Я более чем уверен: если я только упомяну твой рост, ты меня четвертуешь. Не говоря об остальном...

– Неправда! Разве что самую чуточку...

– Как можно четвертовать самую чуточку?

Я вздохнула. Ладно, он был прав. Четвертую, покрюсаю на мелкие кусочки и спляшу на них для верности.

– Если серьезно, тебе нужна помощь? – Диз сменил тон на менее шуточный.

– Нет. Сама выбрала, сама налажала, сама исправлю...

Первый месяц был самым тяжелым.

Мартин, руководитель отдела, занимавшегося нарушениями гени Договора и официально называвшегося в «Хантерс инкорпорейтед» CSE5.1 (центрально– и южноевропейский офис, департамент пятый, по работе со сверхъестественным населением, отдел первый, полевой, хотя на самом деле структура «Хантерс» была далеко не так прозрачна и линейна), с самого «собеседования» в январе не скрывал, что считает меня абсолютно бесполезной обузой, навязанной ему против его желания. Наше знакомство не задалось с самого начала.

В первый день, заметив меня в офисе, он скривился и четыре часа игнорировал. Только ближе к обеду кинул мне на стол папку. Я открыла ее и чуть не уронила. Руки. Отрубленные человеческие руки. Кто-то приколол их к полу по кругу. В одной была зажата свеча. Другую раскрасили густым черным узором. В чернильной вязи узнавался рума. Я слотнула.

Это ведь не инсталляция и не современное искусство?

– У тебя на почте письмо. В нем – путь к папке по этому делу. Распечатаешь остальные фото и развесишь на доске в хронологическом порядке.

Я оторвалась от пробирающих до дрожи снимков и посмотрела на начальника. Тот нахмурился.

– У тебя какие-то вопросы?

– Может, вам еще кофе сварить?

Раз ни на что кроме подай-принеси-скопируй я, по его мнению, не способна. Сарказм остался незамеченным, Мартин отрывисто кивнул.

– Черный, без сахара. Возьмешь на кухне синюю кружку.

И ушел. Интересно, он думал, что я оскорблюсь? Или ожидал, что сбегу с позорным визгом? Поборов внутреннее сопротивление, я щелкнула по ссылке в письме. Те же руки, только теперь выложенные попарно. Тело с характерным Y-образным разрезом после вскрытия. Еще один кадр из морга. А вот этому не повезло: снимок был сделан в больнице, мужчина с двумя перемотанными культиями сидел на койке. Я заставила себя держать глаза открытыми и нажала на кнопку печати.

К моменту, когда Мартин вернулся с ланча, я зареклась даже думать о еде, но распечатанные фотографии висели на доске. Даты и имена были подписаны сверху. Даже кофе стоял на столе. Начальник одобритительно хмыкнул и сделал неосторожно большой глоток из кружки.

Больше варить кофе Мартин меня никогда не просил.

Но первую проверку я прошла. На следующий день появился Лукас.

Человек. Чистокровный. Единственная капля магии, которая в нем чувствовалась, заключалась в его татуировках, как я выяснила позже. Охотник, еще и потомственный, выросший в самом сердце «Хантерс инкорпорейтед». И такой же упрямый и твердолобый, как все они. Он от меня тоже был не в восторге. Впервые увидев, фыркнул и вздохнул русую шевелюру. Я машинально проследила за рукой, покрытой от запястья до плеча татуировками.

– Дядя!

Возглас получился по-детски обреченным, и я с трудом подавила улыбку. Не получилось, потому что парень прожег меня ненавидящим взглядом.

– Хотел больше ответственности? – невозмутимо отозвался Мартин. – Получай. Твоя новая напарница.

Почесав нос (на левой руке даже пальцы не избежали чернил), «напарнику» подарил мне еще один полный презрения взгляд.

– Она мелкая.

– Она ведьма, – Мартин умел быть жестким, когда хотел. – Никогда нельзя недооценивать противника. Или ты думал, сразу станешь работать с Бауманном? Приглядывай за ней. Съездите к Фабио, введешь ее в курс дела. И, Лукас? – начальник отдела кинул племяннику ключи от машины. – Чтобы не видел больше твоего мотоцикла в гараже.

Племянничек удержался от ответа. Судя по обиженно поджатым губам, с трудом. И продолжал хранить молчание, пока мы не оказались вне штаб-квартиры.

– Значит, ты мой билет на полевую работу, – проворчал он, выезжая с подземной парковки. – Три простых правила. Не отставай. Не лезь с глупыми вопросами. И вообще постарайся держаться потише, ты уже раздражаешь.

– Ладно, – спокойно согласилась я. – Три простых правила. Никакого снисходительного отношения. Перестань вести себя как самовлюбленный придурок. И только попробуй еще раз что-то сказать про мой рост.

Лукас закатил глаза, успевая проскочить перекресток на желтый свет.

– Иначе что?

– В принципе, один раз я чуть не прибила демона...

Оглушила, по крайней мере. Не лучшее знакомство с семьей твоего парня, но так вышло.

– Ага, конечно. Демона. Я видел твой файл. Уровень С+, в тебе силы как в муравье. Ты бесполезна.

– Признаю, это было в Аду, но...

– В Аду, – повторил Лукас. – Конечно. И как ты туда попала?

Я закатала рукав и продемонстрировала ему золотые шрамы. Наконец удалось стереть с его лица самодовольную усмешку. Чуть не забыв включить поворотник, Лукас смотрел на меня, будто я сама была чудовищем из Преисподней.

А это, оказывается, иногда бывает приятно.

– Тебе стоило просмотреть мой файл дальше обложки. И послушаться дядю: он хороший совет дал. Не недооценивай.

Хотя, возможно, зная, как действует драконья кровь, он просто опасался находиться в машине с сумасшедшей. В любом случае я не отказала себе в удовольствии похлопать его по плечу. И с улыбкой отметила, как он вздрогнул.

– Не переживай, – утешила я его. – Уверена, мы отлично сработаемся.

Учитывая недовольную мину, Лукас в этом сильно сомневался. Я тоже, но выбирать не приходилось.

– А теперь ответь, пожалуйста: кто, черт возьми, такой Фабио и куда мы едем?

Фабио оказался первым гени, работавшим на «Хантерс инкорпорейтед», которого я встретила в реальном мире. Нет, в офисе они тоже были: и в полевом отделе имелось трое – тот самый Бауманн, его брат и молчаливая пожилая женщина, вечно в разъездах, – и среди коллег Сереша попадались. Но идти на контакт не спешили. В этом плане улыбчивый итальянец оказался приятным исключением.

Когда Лукас запарковался возле «Студии 55», я не подозревала, чего ожидать. Полевая работа, значит?

– Зачем мы здесь? Одна из ваших проверок? Опрос свидетелей?

Племянничек только закатил глаза, посмеиваясь над моей наивностью. Толкнул дверь. Я последовала за ним.

Висевший на входе колокольчик звякнул, и девушка на ресепшн оторвалась от телефона. Черные короткие волосы, черная помада, обвитая чернильной змеей шея – она единственная казалась тут к месту. Остальная обстановка мало соответствовала моим представлениям о тату-салоне. Где темные стены? Где рисунки черепов и роз? Где гудящие от тяжелого рока колонки, в конце концов? С тем же успехом это заведение могло оказаться спа-салонem. В углу у выкрашенной в нежно-салатовый цвет стены даже стоял декоративный фонтанчик.

– У нас на два часа, – сообщил девушке Лукас. – Позови...

– Я здесь.

Вышедший к нам парень тоже мало походил на татуировщика. В моем представлении они почему-то были все бритыми – у него каштановые кудри ниспадали до подбородка, скрывая щеку в шрамах. Неформалами в пирсинге и черной коже – ничего подобного, обычные джинсы с фланелевой рубашкой. Да на нем самом татуировок было не видно!

– Спасибо, Касс. Дальше я сам. – Дождавшись, пока девушка соберет сумку и уйдет, он весело ухмыльнулся: – Иногда мне кажется, что она подозревает, будто мы любовники, и я назначаю тебе здесь свидания. Посуди сам: почему каждый раз, когда ты приходишь, я выставляю свою помощницу за дверь? А уж когда ты приводишь кого-то еще...

Окинув меня полным любопытства взглядом, он протянул руку.

– Салют. Фабио.

Кроме длинных волос и обожженной щеки у итальянца – хотя по-немецки он говорил без акцента – имелись разноцветные глаза, теплый карий и ярко-оранжевый. И от левого, апельсинового цвета, веяло магией.

– Наташа, – ответила я на рукопожатие.

– Знаю. Мартин прислал файл.

Руку сразу захотелось отпустить.

– Всё сегодня, или придете еще?

– Давай сейчас, – влез вместо меня Лукас. – Время терять...

– Что сегодня? – на всякий случай я сделала шаг назад.

Напарничек возвел очи к потолку.

– Догадайся с трех раз.

Я уже догадалась. И версии мне совсем не нравились. Я сделала еще шаг к выходу.

– Нет.

– Думаешь, у тебя есть выбор?

– Нет! – так же категорично отказалась я. – С чего ты взял, что мне вообще нужна татуировка? Извини, но это, – его руки, например. И пальцы. И шея, как я успела заметить в машине, – не мой идеал мужской красоты. И тем более женской.

– Вообще-то на тебя заказан только стандартный набор, – сообщил татуировщик, успевший зайти за стойку и сверявшийся оттуда с планшетом. – Для «вот этого» я забил бы времени побольше.

– Какой еще стандартный набор?

– Маячок, отложенный телепорт, переводчик и «око» для иллюзий. Хотя последнее тебе ведь не нужно?

Заметив мой озадаченный взгляд, он постучал кончиком карандаша по рыжему глазу. Я вздрогнула от неожиданно стеклянного звука. Вот оно что. А я думала, магия – чтобы сменить цвет...

– Артефакт, – озвучила я догадку.

– Собственного изготовления, – похвастался итальянец. – Также от иллюзий и позволяет видеть... особенности вроде твоих. Когда работаешь с ихором – полезно.

– И татуировки... Ты наносишь контур на кожу. Но на людях он так бы и остался просто рисунком...

Поэтому Фабио использовал драконью кровь. Вот откуда я чувствовала знакомый запах силы у Лукаса.

– Но тебе это не потребуется, хватит обычных чернил.

Без них обойдусь.

– Ребята, вы ведь слышали, что артефакты можно носить на себе не только в этом смысле? На шнурке, к примеру, – я машинально дотронулась до подвесок у себя на шее. – Как браслет. Кольцо. Вам не приходило в голову?

– Моя теория: металлические артефакты они слишком часто теряли, – подмигнул живым глазом итальянец.

– Из соображений безопасности вживленные артефакты были признаны более эффективными, – подтвердил Лукас.

Внезапно оказавшийся у меня за спиной. Я гневно посмотрела на него. Мог бы предупредить, зачем сюда едем!

– Мне не нужен переводчик.

– Ага. Я уже наслушался, как ты говоришь.

– У меня нормальный немецкий!

Даже хороший, если учесть, что в школе я его брала как второй иностранный.

– И маячок мне тоже не нужен. Хотите за мной следить – пожалуйста, давайте я буду ходить с чипом. Для этого необязательно меня уродовать!

– Я бы оскорбился, – заметил татуировщик. – Но на первый раз прощу.

– Чип ты в любой момент можешь уничтожить. Скажешь, нет?

Могу. Расплавить внутренности того же телефона мне ничего не стоило бы... Кроме, собственно, цены нового телефона. Техника – такая хрупкая штука. Так легко перегорает... Но все равно это не повод!

– Вообще-то это делается для твоей безопасности, как и «прыгун». Чтобы в случае чего тебя вытащить. Радовалась бы.

Мрачно взглянув на Лукаса, я очень вежливо и очень нецензурно сообщила ему, что меня обрадовало бы. И пусть только скажет еще что-то про мое знание немецкого!

Запустив пятерню в волосы, Охотник издал страдальческий стон:

– Да пожалуйста! Думаешь, мне сдалось тебя тут стоять уламывать? Поехали обратно, скажешь Мартину, что отказалась. Вот дядя обрадуется: сама уволишься, а то он от тебя избавиться не может.

– Уволюсь? – переспросила я.

– Нет татушек – нет допуска к делам пятого отдела. Ты в какой приехала?

После таких новостей сразу захотелось поинтересоваться, точно ли татуировки ограничивались объявленными свойствами. Фабио ничего не забыл упомянуть? Подчиняющий контур, например? Или более действенный аналог подписки о неразглашении?

– Ты как-то сильно радуешься, – с подозрением сообщила я Лукасу. – Разве ты не говорил, что я – твой билет к полевой работе?

Напарничек пожал плечами.

– Рано или поздно Мартину по-любому придется меня выпустить. Без тебя хоть партнера нормального получу. И я все равно поставил на то, что ты свалишь. Ну что? Уходим?

Ответа у меня не было. Я никогда не хотела себе татушку. И точно не собиралась делать ее, потому что этого хотел кто-то другой. И не надо говорить, что по Максовым татуировкам могла бы догадаться!

– Это несерьезно! Я здесь всего лишь до конца лета. – Мои собеседники на этой фразе хмыкнули в унисон. – Неужели нельзя найти какое-то менее постоянное решение, чем татуировки? Что я с ними потом делать буду?

– Уберешь лазером, – снова встрял итальянец. – Не переживай.

Легко сказать. Его-то никто против воли клеймить не собирался. Лукас промолчал. Значит, ответ отрицательный. Либо подчинишься, либо можешь вернуться в ГООУ уже завтра.

Решайся, Наташа. Ответы на все вопросы, что у тебя скопились, или...

Я повернулась к татуировщику.

– Можно сделать всё за сегодня?

– Смелая? – удивился он; апельсиновый глаз весело блеснул в свете лампы.

– Боли боюсь, – честно призналась я. – А так напыюсь обезболивающего потом, пока вообще чувствовать не перестану.

И пути назад уже не будет.

Лукас громко фыркнул:

– Тоже мне, Баффи, истребительница демонов...

Пнуть бы его. Пнуть и стереть с лица самодовольную ухмылку. К счастью, Фабио сделал это за меня, отвесив дружеский подзатыльник.

– Если боишься боли, могу сделать тебе обезболивающий контур, – предложил мастер. – У меня как раз есть для него подходящие узоры, чтобы скрыть. Акварелька, девочкам нравится.

Это он меня утешить решил? Неужели нашелся наконец нормальный человек в «Хантерс»?

– Всего двести пятьдесят. Это за работу, за само заклинание не возьму – интересно поработать с тем, у кого в крови течет ихор.

Какое там утешение.

– Только я подумала, что мы можем стать друзьями, – с сожалением вздохнула я. – А ты тоже хочешь надо мной поэкспериментировать.

– Разве одно другому мешает?

Наверное, нет. Возможно, веточка лаванды, распутившаяся у меня на ноге, наоборот, помогла – мне не раз пришлось поминать Фабио добрым словом. Действительно добрым, без шуток! Определенно этому поспособствовало, что Фабио был, как я, гени. Когда началась обещанная Лукасом полевая работа, некоторые темы я не могла обсудить ни с кем, кроме него. Не обо всем можно было поговорить с Мартином или хотя бы с Лукасом. Иногда ты по умолчанию оказываешься по ту сторону баррикад, просто потому что ты – больше – не человек.

Я уже упоминала: первый месяц был самым тяжелым...

Склонившись с Кассандрой над кофейным столиком, я хихикала, разглядывая готовые эскизы. На них осьминогоподобные существа с сотнями тентаклей... Впрочем, не стоит об этом. Достаточно сказать, что телосложению других персонажей на картинках я могла только позавидовать. Подобная грудь при такой миниатюрности... В то, что природа настолько щедра, я отказывалась верить. Фабио с клиентом вышел из кабинета как раз, когда мы переворачивали страницу. Хмуро посмотрел на нас и подозвал Касс к себе.

– Выдай ему тюбик «Бепантена», – велел он, стягивая испачканные перчатки. – И можешь идти.

– Последнее необязательно, – поспешила вмешаться я.

Артефактор одарил меня еще одним внимательным взглядом, после чего пальцем поманил за собой.

– Тебе стоило бы попасть в ГООУ, – сообщила я, прикрывая за собой дверь. – Ректор...

«Как раз в твоем вкусе», – хотела добавить я, но Фабио меня перебил:

– Я там учился.

– Серьезно? И после этого рисуешь такое? Стокгольмский синдром, или ты его просто никогда не видел?

– А ты? – Фабио сел напротив и скрестил руки на груди.

– Брала у него интервью для студгазеты. Но правда ты учился в ГООУ?

– Что тебя удивляет? Все там учатся.

Я это помнила, но...

– Ты работаешь на «Хантерс»!

Артефактор пожал плечами.

– На каждые десять тысяч наших найдется один, кто с ними сотрудничает, если не больше. Просто об этом не говорят.

Я понимала. Та же Райли. Ее семья знала, что Охотники – не просто детская страшилка, а вполне легитимная организация. И все же...

– Как ты можешь на них работать?

Одно дело – постоянные инспекции и проверки для всех, кто мог причинить другим мало-мальский вред. Возможно, немного порядка миру и в самом деле не помешало бы. Другое...

Мне не стоило открывать ту дверь. Но в медотделе все были заняты, а доносившиеся из-за нее стоны нервировали. Если кто-то издавал подобные звуки все полчаса, что я ждала, пока кто-нибудь освободится и вколет мне блокатор, значит, ему нужна помощь, верно? Но очередной белохалатник, которому я на это указала, посоветовал мне не лезть не в свои дела.

Никогда не любила таких советчиков.

Удивительно, но моего пропуска хватило, чтобы попасть в комнату. Странно: кто дает стажеру высокий уровень допуска? С другой стороны, пятый отдел был особым местом.

Внутри сразу бросалась в глаза больничная, ослепительная белизна. И отгороженный прозрачной стеной бокс. Существо в нем встрепенулось при виде меня. Почувствовало Огонь. Точно так же, как я ощутила проникавший через перегородку запах полыни. Заострившиеся черты под сбившимися в комок волосами, обнажившиеся зубы, обломанные ногти, которыми оно из последних сил скреблось по стеклу... Серая, в синяках и подпалинах кожа. Невидящие бельма глаз. И все же оно не было вампиром. Я чувствовала магию внутри него. И знала этот запах. Так ощущалась золотистая жидкость внутри ампулы. Так чувствовались уколы у Сереша, один раз в две недели.

– Тебя что, по всему этажу искать надо? – просунулась в дверь вихрастая голова.

Вопрос заставил сбросить с себя оцепенение. Выйти из лаборатории, взять себя в руки и не спрашивать лишнего. Но время от времени непрошенная мысль все же стучалась болью в висках.

А еще были темы пострашнее того, что происходило с осужденными в стенах «Хантерс инкорпорейтед». Или напрямую с этим связанные? Охотники следовали Договору. Как бы им ни претило, насколько бы они ни ненавидели нас, они не забирали невиновных. Тот... или та, кого я видела в лаборатории, попал туда не случайно. Но что, если виновными становились дети? По незнанию, по ошибке, из страха и попытки себя защитить?

Что тогда?

– Ты видишь мир из своей перспективы, – произнес после некоторой паузы Фабио. – Маги – добро, Охотники – зло. Но это не так.

Разве?

– Ты не ответил, почему решил с ними сотрудничать, – напомнила я.

– У меня не было выбора. Я у них в долгу. Но это долг, который я с радостью отдам, – поспешил он заверить.

– Что ты натворил?

Итальянец насмешливо изогнул бровь, прежде чем сказать:

– Они меня вырастили. Только не удивляйся, – вздохнул он. – И не говори, что не видела детскую площадку во внутреннем дворе.

Видела. И детей на качелях тоже. Однажды Макс, рассказывая, как мне повезло, упомянул, что полукровок, у которых единственных в семье просыпается магия, «Хантерс» забирает себе – обычный человек не сможет вырастить такого ребенка. Это будет опасно в первую очередь для него самого.

– Твоя родня – обычные?

Фабио пожал плечами.

– Нет родни. Не осталось.

Еще у меня имелось подозрение насчет тех, кто лишился семьи по вине гени. Должны же Охотники постоянно пополнять свои ряды? Это маги вечно молоды. Люди стареют. И умирают гораздо быстрее. Если не всем стирать память... Оглушенные болью, воспитанные в ненависти к тем, по чьей вине они остались без близких, – из таких получится отличное следующее поколение.

А теперь выяснилось, что Охотники растили не только людей, потерявших родню из-за гени... Логично. Это же лучшее из обоих миров: ненависть к гени и их способности. Отличное сочетание.

– Как?... Извини.

Мы были не настолько близки, чтобы я могла задать этот вопрос. Но Фабио решил ответить.

– Все спрашивают. Семья не успела собрать пиццу вовремя. Дон решил сделать из этого показательный пример, – он постучал себя по стеклянному глазу, заставляя меня вздрогнуть. – Мне повезло.

Хорошее везение...

– В Италии нет постоянного штаба «Хантерс», так что вырос я здесь. Мартин меня ненавидел, – ухмыльнулся Фабио, – я сбегал каждый месяц.

– Больше не убегаешь?

Прикинув что-то в уме, Фабио приложил палец к губам и наклонился, чтобы закатать штанину. Толстая чернильная цепь обвивала лодыжку.

Вот тебе и «долг, который я с радостью отдам»...

– И ты утверждаешь, что Охотники – не зло?

– Этого я не говорил, – татуировщик снова скрестил руки на груди. – Для меня маги – не добро. На мой взгляд, и Охотники, и маги – два вида зла, которые неплохо уравнивают друг друга.

Макс в свое время сказал то же самое. Что нет хороших парней – а если они и существуют, гени к ним точно не отнесешь.

– Довольно обо мне. Уверена, что не хочешь никакую формулу? Под твой эскиз много чего можно спрятать.

– Нет.

– Тогда зачем тебе? Только не говори, что ты из тех, кто подсаживается на иглу после первой татушки?

– Нет.

Меня передернуло. Мысль об одном только звуке машинки вызывала желание зажмуриться и отползти куда-нибудь в сторонку. Но я хотела что-то свое. Что-то, выбранное мной, имеющее для меня значение, а не сделанное потому, что меня заставили.

Может, тогда и к остальным клеймам мне будет легче привыкнуть.

– Надеюсь. Не хотелось бы потом объясняться с твоим парнем. Что он, кстати, сказал насчет этой твоей идеи?

Я удивилась.

– Ты ведь помнишь, что мы в двадцать первом веке живем? И я могу принимать решения за себя? Ты у всех девушек спрашиваешь, дали им разрешение или нет?

– Только у тех, которые принадлежат демону.

– С чего ты взял?

– Моя работа не совсем традиционна, но меня учили на крафтера, – Фабио снова постучал себя по глазу. Я скривилась. Ну что за дурная привычка! – Я узнаю артефакт, когда его вижу. У тебя на шее кровавое серебро. Ты постоянно хватаешься за амулеты, когда нервничаешь. – Я выпустила кожаный шнурок из пальцев. Татуировщик кивнул. – Редкая штука. Если кто-то для тебя их сделал, значит, очень высоко тебя ценит. А ценят они только свое. Еще и двух разных кругов...

Фабио потянулся к подвескам, но я отступила.

– Лучше не надо. Опасно, знаешь ли, братья за чужие амулеты.

– Даже так? Тем более. Не хочу потом получить от демона подарочек за то, что его собственность решила себя раскрасить, а его не спросила.

– Я не его собственность.

– Конечно. Он любит тебя и уважает как личность. Слушай, – Фабио поднял руки, защищаясь. – Не знаю, какие у вас там отношения, как тебя после этого взяли в офис, и не хочу знать. Но мне не нужны проблемы.

Если бы Диз только попробовал намекнуть, что ему не нравится, я бы высказала ему все о двойных стандартах, а потом все равно пришла бы сюда. Так я хотела ответить. Но промолчала. Сам того не подозревая, Фабио нашел мое больное место.

– Не будет никаких проблем, – буркнула я. – Ему все равно.

На самом деле надо было просто привыкнуть. И дать другим возможность привыкнуть ко мне. Конечно, совсем легко и идеально никогда не станет, но со временем все как-то друг к другу притираются – иначе рядом не выжить. Даже нас с Лукасом не обошла эта участь. Хотя должна признать, его уважение достигалось зачастую совершенно не объяснимыми здравым смыслом способами.

– Что делаешь? – уселся напарничек на мой стол.

Я недовольно поправила сползшие бумаги.

– Авансовый отчет заполняю.

И, клянусь, если мне придется корпеть над еще одной формой, брошу все к чертям собачьим и стану платить за свой кофе сама! Дайте мне только зарплату. Заметив что-то недоброе то ли в моих глазах, то ли в звуке, с которым я долбила по клавишам, Лукас встал и сунул руки в карманы.

– Мы не обмыли твой приход сюда.

Я кинула на него недоверчивый взгляд.

– Шутишь?

С чего вдруг такая доброта? До сих пор напарник не разговаривал со мной без необходимости, а в свободное от работы время вообще забывал о моем существовании.

Лукас с независимым видом кивнул.

– Ну, ты же здесь. Это для всех традиция. И ты не безнадежна, вон как ты того...

– Я тебя предупреждала, что могу постоять за себя.

– По тебе видно, ага. Так что, пошли?

Учитывая, что альтернативой на этот вечер была икселевская табличка, инструкция к которой устарела на пару версий, я согласилась.

– Пошли.

На кухне, пустой в половину одиннадцатого, кроме нас, был Кай из все того же пятого отдела. Еще один паренек их возраста, чье имя за первые недели я не запомнила. И Джек, который Дэниелс. Вряд ли дядя Мартин одобрил бы такое времяпровождение... Заняв последний стул и положив подбородок на сцепленные замком ладони, я наблюдала, как Лукас наливал виски в четвертый стакан.

– Хватит.

Проигнорировав просьбу, напарничек долил до самого края.

– Ты теперь в «Хантерс». А значит, больше не пьешь как девчонка. Первый до дна.

Только как алкаш, ага. Оставшийся безымянным Охотник следил за моей реакцией с плохо скрываемым любопытством. Серьезно? Это такое хреново завуалированное «слабó»? Сколько им, пятнадцать?

Янтарная жидкость обожгла горло. Маленькими плотками, стараясь не закашляться, я допила виски и только после этого позволила себе тихо выдохнуть. Перевернула стакан – последние капли упали на лакированную столешницу. Красноречиво посмотрела на Лукаса.

«Доволен?»

К чести напарника, он не стал отводить взгляд.

– Мой бывший, – нарушила я молчание, – любил так придуриваться. Это ведь так весело – напоить девчонку до полубессознательного состояния, правда?

– А ты что? – неловко спросил Лукас.

А что Наташа? Наташа тогда была восторженной дурочкой и хотела его впечатлить. И на провокации так же реагировала, как сейчас.

Я пожала плечами:

– Я не так плохо переношу алкоголь, как выяснилось.

Если только это не шампанское. Ну и... Был один случай. Но мы с Лукасом никогда не будем достаточно близки для подобной откровенности.

– Или ты не пьянеешь из-за магии.

А шампанское – особое фейское зелье, на который иммунитет не действует? Нет, можно и так, конечно. Даже без амулетов. Выжечь алкоголь из крови... Хотя в моем случае такие манипуляции с тонкими материями заканчивались в лучшем случае дикой головной болью. Интересно, Лукас сам догадался, или ему рассказали? Я хмыкнула.

– Спорим? Кто другого перепьет – заполняет за него бумажки весь следующий месяц. У тебя в верхнем ящике стола лежит блокатор, ты его всегда берешь, когда выходишь со мной. Мартин дал на случай, если я слечу с катушек? Гиперчувствительность к магии. Бывает, – пояснила я, прежде чем Кай успел спросить, откуда мне все это известно.

Лукас колебался. Да что там: будь я трезвее – сама бы притормозила. Но выпитый виски разлился по желудку приятным теплом и шумел в голове. Или это было скопившееся раздражение? За дурацкую попытку взять на слабó. За снисходительно-брезливое отношение. За блокатор, в конце концов, – я что, давала хоть один повод меня подозревать?

– Только не говори, что боишься проиграть, – подначила я его. – Во мне полтора метра роста и даже половины центнера не наберется. Ты банально задавишь меня массой.

Приезд Макса тоже очень помог. Я положила перед Лукасом стопку чеков для бухгалтерии, когда за спиной у меня

раздался знакомый голос:

– Я переживал, что ты тут одна, а ты уже всех построила.

Услышав его, я обернулась так быстро, что волосы хлестнули по щеке. Макс! А рядом с ним переминался с ноги на ногу угрюмый подросток, в кои веки отмытый – даже наполовину сбритые волосы выглядели почти прилично.

– Коннор! – порывисто обняла его я.

– Хочу в Россию, – обратился он к брату, вывернувшись из объятий. – Видел, как там девушки на шею бросаются?

– Что ты теперь натворил?

Уолш-младший с мученическим видом вздохнул. Не признаётся.

– Макс? – скрыть тревогу не удалось. – Что случилось?

Не то чтобы я была не рада видеть его, но надсмотрщика мне уже назначили нового. Макс не было необходимости приезжать. Тем более тащить из Кардиффа Коннора.

– Ничего, – бывший одноклассник обошел меня, чтобы пожать Лукасу руку.

– Значит, как с ним за ручку здороваться – это нормально, а как мне доброго утра пожелать, сразу вспоминаем, что я не человек? – не удержалась я от комментария.

Обидно, знаете ли. И любопытно. Потому что эти двое явно были знакомы.

– Отстань, – напарничек скатал один из чеков и кинул им в меня. – Скажи спасибо, что я не стану прикуривать от этой макулатуры.

Я бросила бумажный шарик обратно.

– Только попробуй. Помнишь, что потом моя очередь?

И месть моя будет ужасна. Макс тихо усмехнулся:

– Что у вас за странная система? – Подцепив верхний чек в стопке, он прочитал: – Три девяносто пять за большой капучино?

– «Хантерс» же компенсирует обеды до пяти евро в день.

– И почему отчет по ним за тебя заполняет Лукас?

– Спор проиграл, – сдала я напарника.

– Это была ничья! Ты тоже проиграла!

Верно. Поэтому в итоге мы условились, что он разгребает мои бумажки две недели, после чего я отвечаю тем же. Две недели без общения с бухгалтерией – все равно лучше, чем ничего.

– Ты первый сдался!

– Мне за тебя было страшно!

– Может, я пойду? – предложил Коннор, пользуясь моментом. – Погуляю. Ключ от комнаты мне уже дали, если что, позвонишь.

– Стоять, – отрезал Макс. – После твоей последней выходки я с тебя глаз не спущу.

Коннор, уже занесший ногу над порогом, остановился. Повернулся к нам и снова вздохнул.

– Ты так и не ответил, почему вы здесь, – спохватилась я.

– Мартин попросил побеседовать с местным холмом по одному вопросу. Решил, отвезу Кона туда, где за ним проследят, заодно тебя проверю.

Холмы являлись самой крупной проблемой «Хантерс инкорпорейтед». Когда в тысяча восемьсот шестнадцатом году был подписан договор с тринадцатью родами, не все согласились его выполнять. Психопомпам было легче: многие из них просто ушли на Границу, которая Охотникам не подчинялась даже сейчас. К ним присоединились другие, кто сам не мог пройти в иной мир, но был согласен служить в обмен на защиту от Охотников. Так появились изрывшие Границу подпространства – холмы, названные по легендам о фейри. Гетто, обитатели которых не следовали на Земле законам и до которых было не добраться.

– А ты здесь при чем?

– А кто еще? Наша мать из тилвит теп. Из всех Охотников я самая подходящая кандидатура для общения с ними.

Понадобилась пара секунд, чтобы переварить информацию.

– Когда-нибудь, – проникновенно сообщила я Макс, – я составлю тебе список фраз, которые лучше сказать девушке до того, как затащишь ее в постель. «Я не хочу детей» и «Я наполовину фейри» будут в числе первых.

– Насколько я помню, это ты меня затащила, – парировал Охотник.

Было такое. Но это не отменяет списка.

– Мы встречались, – ответила я на невысказанный вопрос Лукаса. Голосом, который должен был пресечь дальнейшие расспросы на корню. Не получилось.

– Это тот бывший, который...

– Нет. Следующий.

– А сколько их всего было? – закономерно поинтересовался напарник.

Вместо ответа «Не твое дело» я задумалась. Правда, сколько? Если с первыми двумя проблем не было, то как считать Диза? Теоретически он тоже был бывшим. Целых три месяца. Пока не перешел в статус «все сложно» и в итоге не стал снова нынешним. Это учитывается? Мы с ним договорились считать все второй попыткой – значит, по идее, должно. С другой стороны, если мы опять расстанемся, мне его за двоих считать? Не много ли чести?

– Сложно сказать, – признала я.

Макс покачал головой, с трудом удерживаясь от смеха.

– Ты хоть представляешь, как это прозвучало? Даже я поверил бы, что ты сосчитать не можешь – так их много было.

С чего бы? Я оскорбленно покрутила пальцем у виска и собралась прокомментировать этот жест, но Мартин прервал наш междусобойчик, выглянув из кабинета:

– Вы уже приехали? Максен, зайдите ко мне. Лукас присмотрит за вашим братом.

Присмотрит, как же. Скорее найдет им обоим – и всем окружающим – новых неприятностей. Руководитель пятого отдела серьезно переоценивал своего племянничка...

Но главное – с приездом Макса в «Хантерс» наконец появился кто-то, с кем можно было обсудить что угодно, устроившись с пивом на крыше здания.

– Мне жаль, что у вас с Райли не получилось.

– Может, еще утешить меня решишь?

Я ткнула его пустой бутылкой в бок.

– Не дожدهшься, – показала в отместку язык. – Но могу сказать, что это было ожидаемо. Ты как специально выбираешь девушек, с которыми тебе ничего не светит.

Впрочем, при чем здесь «как»? Безднажно сохнувшая по Дизу я, Райли, так и не оставившая Тоби позади... Макс делал это намеренно. У него все равно нет ни одного шанса на счастливое будущее, так зачем оставлять себе хоть

микроскопическую надежду? Похоже, в конкурсе на самое деструктивное поведение у меня появился конкурент за главный приз.

Макс достал из сикс-пака следующую бутылку и протянул мне.

– Оставь в покое мою жизнь и лучше расскажи о себе, – предложил он. – Что произошло за этот месяц?

Глава 2

Стажировка

Что произошло за этот месяц? Даже за три.

Ничего особенного, наверное. Рутинка. Каждое утро я приходила на работу. Наливала себе кофе. Выгружала с портала ежедневный отчет по региональной активности. Рассылала сотрудникам полевого отдела. Такое до смешного обыденное занятие, будто стажировка проходила у меня в обычном офисе. Болтовня с Максом, так и оставшимся на лето у нас, за обедом. Мелкие поручения. Участие в проверках, когда главным заданием было забрать стопку документов. Пара столкновений с не особо адекватными гени, после которых я была вынуждена признать, что, возможно, в имевшемся у Лукаса пистолете был смысл. Игра в приманку. Эту роль за прошедшее время я выучила на «отлично». Почему-то начальство видело меня именно в таком амплуа.

«Под блокатором никто не заметит, что ты не человек. Напротив, посчитают тебя привлекательной из-за твоих эмоций. А ты все равно ощутишь магию. Удобно. К тому же, – добавил Мартин, подумав, – ты здесь человек новый и мало кому знакомый, надо этим воспользоваться».

Я подозревала, что в случае чего Наташу просто не жалко пустить в утиль. Но не спорить же с руководством?

Вот и сейчас я сидела за барной стойкой и ждала, пока девушка из кофейни напишет мне по *WhatsApp*. До сих пор в ответ на свое сообщение я получила всего одну строчку: «Бар „Пьяная обезьяна“. В девять вечера завтра». Название то еще. Как и ситуация. Что за шпионские игрища? Как я до такого докатилась? Хотя ответ был известен: все началось, когда я поступила в ГООУ. Именно тогда моя жизнь пошла под откос. И возвращаться в привычную колею не собиралась.

Тяжело вздохнув, я покрутила в пальцах пустой бокал и посмотрела на черный экран смартфона. К черту. Я некоторых опаздывающих больше часа жду; если она захочет пообщаться в ближайшую пару минут, перезвонит позже.

– Скажи, что у тебя сейчас не ночь, – попросила я после гудков.

– Час дня, – отозвался Диз в трубке. – У тебя?

– Почти половина одиннадцатого. Вечера.

С учетом возможных вариантов – практически синхронизировались.

– Отчего не в «скайпе»?

– Потому что все еще работаю, – печально поведала я. – Сажу в баре, изображаю невинный и беззащитный вид, жду, когда ко мне подойдут.

Вслух это звучало еще хуже.

– В баре? Хочешь сказать, кто-то наконец поверил, что у тебя не поддельные документы, и признал в тебе совершеннолетнюю? – восхитился Диз.

Зараза. Знал, что это такое же больное место, как рост, и активно этим пользовался. А всё я виновата: не надо было рассказывать, как мне уже несколько раз давали от ворот поворот – мол, иди отсюда, девочка, по тебе видно, что тебе и шестнадцати нет, – и жаловаться, что я понимаю Коннора, использовавшего ментал, чтобы купить себе алкоголь. Но тому до совершеннолетия было еще полгода. Мне в конце месяца исполнится двадцать. Обидно.

– На твоём месте нормальный человек озаботился бы другими фактами, – ядовито сообщила я. – Например, тем, что твоя девушка сидит в баре одна. В маленьком черном платье, которое на самом деле перешагнуло прилагательное «маленькое» еще сантиметров десять назад и приближается к микроскопическому. И тех самых туфлях...

Я наклонилась, чтобы полюбоваться на красные замшевые лодочки, и Диз этой паузой воспользовался.

– Знаешь, я, как любой другой парень, только за секс по телефону, – мягко рассмеялся он в трубку, – но сегодня лучше остановимся на этом. В ГООУ полетел вай-фай, и мне немного не до того.

Так вот откуда этот шум на заднем плане. Да уж, за отсутствие интернета студенты любого порвут. А преподаватели добавляют – за нарушение процесса обучения.

– Всё плохо? Я тебя отвлекаю?

– Плохо будет, когда придет мессир Джонатан. К тому времени будет лучше либо всё починить, либо заранее умереть. И ты меня не отвлекаешь. Если бы отвлекала, я бы сбросил вызов.

Верно. Числилась за ним такая милая привычка.

– Но все-таки неужели ты совсем-совсем не ревнуешь? – не удержалась я от вопроса. – Не беспокоишься?

– Зачем? Ты мне не изменишь.

Спасибо за похвальную веру в мои высокие моральные принципы, но...

– А если...

– А если вдруг решишь, то будешь чувствовать себя настолько виноватой, что придешь ко мне каяться. Как в случае с тем... Как его звали?

– Терри, – процедила я. – И это была не измена. Ты меня тогда бросил.

– Вообще-то ты сама ушла. В любом случае ты будешь страдать и переживать, покаянешься себе, что больше никогда-никогда, и после этого уже точно мне не изменишь. Твоя совесть тут является саморегулируемым механизмом. Так зачем мне тратить силы и время на ревность? Это неэффективно.

Я уткнулась лбом в свободную ладонь. Только Диз способен рассуждать об эффективности эмоций.

– Иногда ты бываешь невыносим, – сообщила я трубке. – Мог просто сказать, что доверяешь мне.

– Это тоже, – легко согласился Диз.

Передо мной поставили стакан с ярко-зеленой жидкостью и плавающей в ней коктейльной вишенкой.

– Простите, – помахала я направившемуся к следующему клиенту бармену, – я не заказывала.

Парень с хвостиком на секунду отвлекся от посетителей и показал на сидевшего с другой стороны полукруглой стойки мужчину. Тот отсалютовал мне стаканом с виски. Черт... На другом конце провода хмыкнули:

– Полагаю, маленькое черное платье и незащитный вид начали действовать?

– Очень смешно. Я сейчас верну его.

– Почему? – удивился Диз. – Не тот коктейль принесли? Скажи, пусть закажет тебе другой.

Я с сомнением покосилась на ядовитого оттенка напиток. Никогда не любила мидори, но не в нем дело.

– Вообще-то потому что мы с тобой встречаемся.

Кто, черт возьми, зная, что к твоей девушке собираются подкатить, советует ей этим воспользоваться? Даже с учетом его нечеловеческой логики это было слишком.

– Это повод отказаться от халявной выпивки?

– Да. Потому что я девушка, – попыталась я снова объяснить. – Если приму угощение, буду должна.

По крайней мере познакомиться. Что немного неловко при наличии парня. Но Диза это не смущало – хотя я вообще сомневалась, что он был способен смущаться.

– Что должна? – резонно поинтересовался Диз. – Поцеловать его? Переспать с ним? Можешь назвать хоть одну причину для долга?

– Он заплатил.

– Пять евро.

– Десять, – поправила я его и поболтала соломинкой в стакане. Смотреть через стойку не хотелось. – Здесь, знаешь ли, приличное место.

Стала бы я иначе так наряжаться? В джинсах и кроссовках, судя по фото в интернете, я бы фейс-контроль не прошла.

– И что? – повторил Диз. – Ты себя так дешево оцениваешь? Поверь, ты стоишь больше, чем десять евро. Так что наслаждайся. Ты ему ничего не должна.

Вряд ли мужчина, приславший коктейль, расценивал это так же. Я вздохнула. Вроде и правильные слова, но... Тон, которым они были сказаны. Скучающий. Пренебрежительный. Он раздражал донельзя. А еще – донесшийся перестук клавиш: пока я тут переживала из-за неловкости ситуации, кое-кто на другом конце провода открыл ноутбук и слушал меня в фоновом режиме, не отрываясь от работы.

– Больше стою, значит? – мрачно спросила я. – Может, ты даже посчитал сколько?

С него бы стало. Молчание было мне ответом, а затем Диз тяжело вздохнул:

– Почему ты все воспринимаешь как личное оскорбление?

А как еще я должна воспринимать собственную стоимость?

– Не уходи от ответа. Посчитал?

– Конечно, – подтвердил Диз после некоторой паузы.

Что и требовалось доказать. Блеск. Просто блеск. Положив соломинку на салфетку, я сделала большой плоток из стакана. На вкус коктейль напоминал фруктовый леденец и оставлял такое же противное ощущение во рту.

– Сколько?

К звукам клавиатуры прибавился скрип двери и голос Каталины, приветствующей мессира Джонатана. Стук оборвался.

– Я перезвоню, – быстро проговорил Диз в трубку.

– Даже не думай бросать...

Слушать до конца он не стал. Зараза. Кинув телефон на стойку, я снова пригубила мидори.

– Надеюсь, я не создал проблем?

У мужчины, обогнувшего стойку, были светлые волосы и слегка азиатский разрез глаз. Лет на десять старше меня. Безупречно сидящий костюм, белоснежная рубашка. Ониксово-черная запонка, выглянувшая из-под рукава пиджака, когда он занял соседний стул и оперся на мраморную поверхность. Вибрация сотового отвлекла меня от разглядывания и спасла от необходимости придумывать не слишком дурацкий ответ.

«10746'».

Нахмурившись, я послала обратно три вопросительных знака.

«Ты спросила, сколько ты стоишь».

Но не в этом же плане... Десять тысяч семьсот сорок шесть... Надеюсь, не рублей? Иначе было бы совсем оскорбительно. Я обернулась к незнакомцу.

– Как считаешь, сколько я стою? Не за ночь, – уточнила, заметив изогнувшуюся бровь. – Вообще.

Вежливую улыбку на его лице сменила тень настоящей – кривоватой, с обаятельной ямочкой на щеке, делавшей его гораздо моложе. Кажется, я ошиблась насчет возраста.

– Интересный вопрос.

Других не держим.

– Мы с моим парнем как раз обсуждали, что моя стоимость выше, чем у твоего угощения, – я повернула экран к собеседнику. – И он прислал мне свою сумму.

– Не много, – галантно поддержал тот меня. – Я бы назвал как минимум миллион.

Вот и я так считала.

«Почему так мало?»

На этот раз эсэмэска пришла незамедлительно.

«Апостроф ты, полагаю, пропустила?»

Пролистав выше, я обратила внимание на пропущенную запятую. Нормальный человек добавил бы здесь букву «ю». То есть десять миллионов, а не тысяч? С такой ценой смириться было легче. Не Ван Гог, конечно, но почти какой-нибудь дешевый Пикассо или Тулуз-Лотрек.

«Почему именно столько?»

Против желания я почувствовала интерес. Больно точной была цифра.

«Все остальное вложено».

Экран смартфона загорелся вновь:

«Но если этого недостаточно, могу тебя кое с кем познакомить...»

«Не надо».

Я с трудом удержалась от улыбки. В конце концов, если трактовать его сообщение как «За тебя я готов отдать все до копейки» – а по факту так оно и было... Это даже романтично.

– Прости, но тебя перебили, – сообщила я незнакомцу.

– Значит, моя помощь больше не нужна?

Я нахмурилась.

– Ты мне писала.

– Я не...

– Вчера мне позвонила сестра. Сказала, что у ее знакомой определенные проблемы и что дала ей мой номер. Мы с тобой договорились о встрече. Но раз проблем больше нет...

Значит, вот с кем я переписывалась в *WhatsApp*. Действительно, кто сказал, что девушка из кафе написала свой телефон? У нее мог быть сообщник. Который все это время сидел рядом и наблюдал за мной... Оставалось только надеяться, что не слышал, о чем мы с Дизом говорили.

Надо же было так проколоться.

– Стой, – мужчина уже встал, когда я попросила. – Подожди. Твоя... сестра...

Сестра ли? Они были совершенно не похожи.

– Она сказала...

Побольше неуверенности в голосе: простой человек не может поверить сразу в то, что она предлагала.

– Мне действительно нужна помощь.

И чистосердечное признание. В определенной мере правдивое. Помощь мне нужна, но не в том. Мужчина снова занял место рядом со мной. Поправил перевернувшуюся запонку.

– Мне показалось, у тебя сейчас все в порядке.

– Сейчас, – со значением повторила я. – Вчера меня бросили. Сегодня мы вместе. Что будет завтра – даже гадать не хочу. Я уже не знаю, сколько мы расходились и сходились...

Ни слова неправды. У лжи свой, специфический привкус. Едкий как дым. Многие из гени способны его уловить. Знать бы еще, с кем я сейчас разговаривала... Но блокатор не позволял определить.

– А ты хочешь уверенности?

– Хочу.

Каждый раз, когда я наезжала на Диза с его расчетами, он утверждал, что я точно так же умела просчитывать. Жестко. Не обращая внимания на других людей. Видя перед собой только цель. Неправда... Не совсем правда. Но если повезет и мой собеседник увидит это в моих глазах, я не буду против.

– Так ты действительно можешь это сделать? Каким образом? Твоя сестра сказала, он...

– Секрет фирмы, – приложил он палец к моим губам. – Открою только клиенту.

– Сколько?

В конце концов все сводилось к деньгам. Не они с «сестрой» первые, не они последние. Мне уже доводилось видеть гени, промышлявших подобным образом. Ведь что плохого, чтобы совсем чуть-чуть воспользоваться своими способностями? Не просто так ведь они даны. Обычные даже не заметят. Просто однажды начнут немного иначе мыслить. Поймут, что полюбили. Решат вернуться к жене или, наоборот, начать новую жизнь с любовницей. Может, вообще поймут, что их существование бессмысленно. Никто не догадается, что послужило толчком. А ты будешь жить припеваючи.

– Две тысячи.

Я открыла кошелек и достала пропитанные блокатором купюры. Увы, мужчина не взял их. Потянулся, но в последний момент что-то учуял. Черт.

Я еще могла успеть. Мне нужно было лишь до него дотронуться: руки у меня были все в том же придуманном Серешем блокаторе. От меня никто не требовал его скрутить, просто коснуться...

Звон разбитого стекла, липкий коктейль полился со стойки мне на колени. А моя рука прижала осколок стакана к моему же горлу.

Ненавижу ментал.

Но, к сожалению, слишком легко попадаю под его действие. Я попыталась разжать пальцы, в итоге только сильнее надавила. По шее потекла струйка крови...

Щелчок – и наваждение спало. Я сморгнула пелену и увидела Лукаса, закрывшего на запястье мужчины браслет-блокатор. Тот моментально обмяк на стуле, пустой взгляд устремился куда-то поверх моего плеча. Неприятная штука. Не только блокировавшая магию, но отнимавшая волю, чтобы гени точно не мог никому навредить. Я невольно поежилась. Все-таки для тех, кто ненавидит магию, «Хантерс инкорпорейтед» поразительно часто пользовались ее плодами.

Остальные посетители бара, тоже освободившиеся от морока, удивленно уставились на окровавленный осколок у меня в руке. Я поспешила кинуть его на стойку.

– Чего ты сама его не приложила? – спросил Охотник.

– Зачем? – проворчала я. – Для грязной работы у меня есть ты.

Много я смогла бы, сама на блокаторе? Разве что в нос дать да каблуком ногу отдавить. По плану для этого и нужен был Лукас. Для подстраховки. Очередная волна головной боли заставила меня стиснуть зубы и, подхватив сумку, ринуться к выходу. Пришла я в себя на улице. Опираясь о фонарный столб, я пыталась отдышаться, когда Лукас вышел с несопротивлявшимся гени и усадил его в машину. И зачем только Макс вбивал в меня основы самообороны, если каждый ублюдок норовил залезть мне в мозги?

– Ты случайно не беременна? – с подозрением поинтересовался напарник.

– Дурак.

В кармане клатча нашлась жвачка. С наслаждением я закинула ее в рот, заглушая противное ощущение во рту.

Никогда не любила мидори.

– Тогда что?

– Посмотрела бы я на тебя после того, как твой мозг хакнут.

– Не дождеешься, – напарник кивнул мне на переднее сиденье. – Поехали.

Со спеленытым блокатором гени в одной машине? После того как он чуть не заставил меня перерезать себе горло? Ни за что.

– Сама доберусь.

Лукас закатил глаза.

– Не дури. Уже поздно.

Плевать. На улицах определенно будет безопаснее, чем с... этим.

По крайней мере, я так считала, пока не дошла до жилого корпуса. Ключи упали из застывших пальцев, и я наклонилась их поднять. Заодно посмотрела вдоль улицы.

Он был тут. Мужчина из автобуса. Стоял у фонаря, в залитом светом круге. Волосы – сияющий нимб. Расплавленное золото глаз...

Когда я выпрямилась, на улице уже никого не было.

Я не ошиблась в прогнозах: наутро голова раскалывалась еще сильнее. Когда я вползла в переговорную с кружкой в руке, хотелось взять и отпилить себе голову. В крайнем случае – отчекрыжить чужую в качестве компенсации.

Макс сочувственно улыбнулся, когда я села рядом с ним.

– Как вчера прошло?

– Взял номер у такой цыпули, – встрял в разговор Лукас, – ты бы ее видел! Девятка. Десять в плохой день.

Я плотнула кофе и мрачно посмотрела на напарника:

– Ты потому так поздно появился? Меня чуть не убили!

– Да что с тобой случилось бы? Ты же ведьма!

На блокаторах. С моего места пнуть Лукаса было нелегко, но я честно попыталась.

– Ты все-таки какая-то агрессивная, – обиделся он. – Уверена, что не беременна? Моя бывшая тоже на меня кидалась, когда залетела. Гормоны, чтоб им пусто было...

– Желание убить тебя – естественное для любого адекватного человека. Гормоны тут ни при чем. Просто ты придурок, – раскрыла я ему глаза на правду. – Погоди, так ты у нас молодой папаша?

– Ты видела, чтобы я по выходным грузил в багажник машины памперсы?

– У тебя мотоцикл.

А выходные в «Хантерс» не предусматривались.

– Именно.

Мы с Максом переглянулись. Он покачал головой. Да ладно! Неужели Макс тоже ничего не знал? Он здесь со всеми знаком! И давно.

– Это не ответ.

– На твоём месте я бы ей рассказал, – меланхолично посоветовал Макс. – Иначе не отстанет.

– Да не знаю я, папаша или нет! – напарник неловко дернул плечом. – Мартин ей заплатил.

– Мартин?

Бедный начальник пятого отдела: похоже, проблем с племянником у него было больше, чем я предполагала.

– Не мог же я просить отца с ней поговорить. Он бы меня прибил за такое.

Логично.

– А самому нести ответственность за свои поступки не вариант?

– Было бы странно постоянно исчезать без объяснений.

Это я понимала. Хуже, чем «Мы никогда не говорили о моей работе. Знаешь, на самом деле я не сижу в офисе. Я истребитель вампиров. И прочей нечисти, какая попадетсЯ. Не переживай, это опасно, но фирма предоставляет хорошее ДМС» может быть только «Мама, папа, вообще-то я ведьма». Хотя стойте, есть ещё «Мама, папа, мой парень, о существовании которого вы случайно узнали, – демон», первое место в хит-параде. Я невольно посочувствовала Лукасу. Хотя его девушка все равно вызывала больше симпатии.

– Вы все здесь? – начальник пятого отдела закрыл за собой дверь. – Отлично. Наташа, кошмары ночью не мучили?

Внимание руководства всегда настораживает. А если начальство тебя на дух не выносит, то и вовсе пугает.

– Должны были?

Вместо ответа Мартин бросил мне кулон с серебряной пентаграммой.

– Это намек? – подняла я удивленный взгляд на руководителя.

– Мера предосторожности. Ваш вчерашний улов – в камере, но лучше перебдеть.

– Кто он? – начала я догадываться.

– Друда.

Этого только не хватало. Мало мне знакомства с марой... Зато стали понятны опасения Мартина: я бы тоже не хотела, чтобы один из моих сотрудников посреди ночи встал и пошел резать коллег, не приходя в сознание.

– Я думала, они обычно женщины?

– Расскажи мне ещё о вашей генетике, – начальник взъерошил рано поседевшие волосы. – Максен, мне нужно, чтобы вы проверили одно место. Там второй день нестабильный фон. Сможете?

Макс кивнул.

– Возьмите с собой Наташу, возможно, она что-то заметит. Лукас вас отвезет. Координаты он получил.

Напарничек, разглядывавший на телефоне карту, громко присвистнул, заставляя меня поморщиться от новой вспышки боли.

– Берем купальники, дамы и господа! – подмигнул он мне. – Надеюсь, ты привезла с собой бикини?

Взгляд Мартина ощутимо потяжелел:

– Лукас...

– Я за ним прослежу, – пообещал Макс.

Судя по тяжкому вздоху, начальник в этом сомневался. Я тоже.

– Ты обещал пляж.

Я задумчиво пнула корягу и осмотрелась. Поездка не задалась с самого начала. Сперва пришлось ждать невесть куда пропавшего Лукаса. Десять минут я простояла в холле под аккомпанемент весьма громкой и очень бурной ссоры. Правда не хотела подслушивать, но, кинув взгляд на устроившую разборки парочку, замерла. Странный гени из автобуса. Девушка, коротковолосая брюнетка, требовавшая, чтобы ее собеседник убрался, была мне незнакома. Зато опоздавший Макс, заметив их, резко побледнел и потащил меня к выходу.

Потом пришлось еще полчаса стоять на улице, пока Лукас пригонял оставленную совсем не у офиса машину. А теперь еще и...

Вокруг шелестели листьями буки, радовали зеленую елки, сиреневыми брызгами проглядывала в траве лесная герань. И ни одного миллилитра воды.

– Ну, отсюда до Штарнбергерзее всего ничего. А ты серьезно взяла бикини? На обратном пути заедем, – пообещал Лукас.

Шедший рядом Макс только закатил глаза. С посыпанной гравием дорожки мы сошли минут пять назад и углубились в лес. Теперь незадачливый папаша вел нас, уткнувшись в экран телефона и ориентируясь по навигатору.

– Еще триста метров на северо-восток... Стоп, это в другую сторону. Нам сюда, – поспешил исправиться напарничек, прежде чем я выхватила смартфон у него из рук.

Открывшаяся нашим взорам полянка выглядела настолько безопасно и безобидно, насколько вообще возможно. Для полной идиллии не хватало только испуганно встрепенувшейся при виде нас косули. Глянцевая изумрудная трава, аккуратное полукружье деревьев, полное отсутствие следов человека...

– Что мы здесь должны найти? – озвучила я мучивший всех вопрос.

Макс пожал плечами.

– Что-то. Вряд ли фон стал бы просто так сбойть.

– Может, прибор заглохло.

– Тогда фрау Рутте не стала бы звонить, – откликнулся Лукас.

Кроме артефактов, опутывавших планету паутиной и реагировавших на резкие изменения магического фона, «Хантерс» использовал *genii loci* – духов места, всегда знавших, что происходит на их территории. Некоторых – добровольно: ввиду местоположения многие были ограничены в возможностях заработка, а уйти им не позволяла их природа. Других склоняли аргументами... В любом случае, если фрау Рутте сказала, что у границы ее озера что-то не так, это следовало проверить.

– Разбредаемся по поляне и ищем что-то подозрительное, – скомандовал Лукас.

Потрясающая розыскная процедура.

– Можно я не буду в этом участвовать?

Единственным подозрительным в этой поляне было то, насколько идеально она выглядела. Не хочу я тратить время впустую. Вот позагорать – другое дело...

– Нельзя. Ты здесь вообще главное лицо. Дядя сказал, ты должна чувствовать магию. Как, ощущаешь что-то? Может, запах?

Я оскорбленно посмотрела на напарника:

– Я похожа на служебную собаку? Даже не думай отвечать на этот вопрос, если тебе дорога жизнь!

Лукас насупился (будто это его сейчас с овчаркой сравнили!).

– Значит, возвращаемся к исходному плану. Расходимся.

Вздохнув, я взглянула на Макса. Как самый ответственный из нас троих, он уже инспектировал противоположный

край полянки. Лукас тоже направился кружить по траве. А я чувствовала себя последней дурой. Что я должна искать? Здесь даже магии не ощущалось! Следы сатанистского ритуала? Выцарапанные на стволе знаки, складывающиеся в «Здесь был Вася, опасный колдун»? Да вы издеваетесь!

– Ничего? – Макс закончил обходить поляну по периметру и вернулся ко мне.

– Тут ведьмин круг растет.

Самое подозрительное, что я нашла. Не быть мне Шерлоком Холмсом.

– Суеверие, – фыркнул присоединившийся к нам Лукас.

В тоне его явно слышалось пренебрежение. Мол, гени, а в сказки верит.

– Ты хотел найти что-то? – вызверилась я. – Получай! У тебя и того нет!

– Представляю себе отчет: «Искали ЧП. Нашли грибы». Мартин будет в восторге.

– Напиши, что это было аномальное скопление гебелом. Так лучше?

– Чем это лучше?!

Выражение лица у напарника было из разряда «обнять и плакать». Ну да, одно из немногих самостоятельных заданий, и опять его завалил. Такими темпами официальное место в пятом отделе ему никогда не светило.

– Они азот очень любят. Аммиак хотя бы.

– И что?

– Знаешь, что аммиак выделяет? Трупы.

Напарник от такого откровения замер на пару секунд.

– Ты стремная, – наконец заключил он.

– Это школьные знания! Чем ты на уроках биологии занимался, если этого не помнишь?

Явно не преподавателя слушал. Зато сейчас внимание напарничка было полностью приковано к ведьминому кругу. Который, под стать шутке, оказался подходящего размера.

– Хочешь сказать, здесь зарыт труп?

Деньги я бы на это не поставила. Скорее наоборот.

– Нет, конечно, – буркнула я. – Какие шансы?

– Но это возможно?

Лукас переглянулся с подозрительно притихшим валлийцем.

– Если ты напишешь «аномальное», Мартин спросит, почему ты его не проверил, – ответил тот. – А ничего другого у нас все равно нет.

– Вы ведь не серьезно? Я пошутила!

Меня проигнорировали. Подумав, Лукас кивнул и бросил Максу ключи от машины.

– Захватишь лопату из багажника? Только осторожней, она острая.

Что?! И после этого я стремная?

– Я была не права, – постановила я, когда ко мне вернулся дар речи. – Ни одна девушка не станет с тобой встречаться не потому, что ты придурок. А потому что ты чертов маньяк! Я могу поверить, что ты едешь с лопатой в багажнике. Но зачем ты ее заточил?!

– На всякий случай, – получила я невозмутимый ответ.

Это на какой такой случай? Успокоить внезапно слетевшую с катушек напарницу или если зомби-апокалипсис наступит? Невольно я сделала от Лукаса шаг. И еще один... Когда Макс вернулся, между нами был уже добрый десяток.

– Твоя лопата – ты и копай, – вручил он оружие труда Лукасу.

– Мне кажется, тут какой-то подвох, – пожаловался тот.

– Всё честно. Я за ней ходил.

Вот почему он не стал протестовать! Я хмыкнула и переместилась ближе к Макс.

– Признайся: ты на это повелся, только чтобы помочь Лукасу с трудотерапией? – спросила шепотом.

– Не только, – Макс был как всегда серьезен. – Эти координаты Мартин получил не просто так. Мы что-то упускаем. Пока не поняли что, хоть это исключим. Но ты права, это приятный бонус.

Напарничек тем временем сделал пару неуверенных взмахов и снова вонзил лопату в землю. До хруста. Попытался поднять – она не поддавалась.

– Эй, голубки! Помочь не желаете?

– Ты еще и двадцати сантиметров не прокопал! – крикнул ему в ответ Макс. – Работай давай!

Напарник попробовал расшатать лопату – не тут-то было. Перехватил черенок удобнее... На что он там наткнулся так неудачно?

– Должно быть, зацепилась за корни, – предположил Макс. – Не могу на него смотреть. Ладно, иду!

В лицо резко пахнуло кровью и озоном, смертью. Магией.

– Подожди...

Взметнувшаяся из-под земли рука заставила меня умолкнуть.

– Как ты?

– Как человек, который глупо пошутил про грибы и в итоге откопал зомби, – я постучала Лукаса по плечу. – Дай затынуться.

– Копал я, между прочим, – вяло возмутился тот, передавая сигарету.

– Мы оценили твой трудовой порыв.

Лопата пробила грудную клетку трупа насквозь и застряла в ней, благодаря чему он весьма удачно для нас оказался припшпилен к земле. Иначе бегай тут, оплашай криками мирный баварский лесок. А так мертвец лежал смирно, лишь иногда сисясь схватить кого-то особо любопытного за нос.

– Что сказал Мартин?

Начальник пятого отдела вместе с типами из лаборатории приехал полчаса назад. Взглянул на притихших нас, отобрал у племянничка сигаретную пачку и сам закурил. Нас оттеснили к деревьям люди в белых «пузырях», сначала с интересом ползавшие вокруг трупа на коленях, а теперь собравшиеся его увозить в лабораторию «Хантерс инкорпорейтед». А вот такой электрический ошейник я уже видела – в медкорпусе ГООУ на одном из вампиров... Я отвернулась.

Макс жестом попросил пустить сигарету по кругу.

– Эксперты говорят, смерть наступила вчера. И уж ты могла бы понять, что он не зомби.

А вампир. Знаю. Но разве я виновата, что стереотипы из поп-культуры так прилипчивы?

Но вообще... Не складывалось. Вампиры не имеют обыкновения мирно лежать в могилке. Даже если его закопали

живьем, сразу после того как магия закончила менять тело, он бы вылез, а не стал бы нас дожидаться. Если его закопали живьем...

– Макс, ты видел эту лужайку: ее никто вчера не трогал! Трава зеленая, даже если ты скажешь, что она не успела пожухнуть – никто тут ничего не раскапывал! А грибы? Не знаю, как быстро растет гебелом, но сомневаюсь, чтобы они успели так расплодиться за два дня!

– Кстати о грибах, – оживился Лукас, – видели, как круто они выросли у него прямо на щеках? И, раз мы о еде заговорили, тебе сказали, когда можно будет уехать? Я знаю тут недалеко один семейный гастхаус, рыбу делают – пальчики оближешь.

– Пас, – с отвращением произнесла я, вдыхая ментоловый дым. – Но, Макс, объясни: как такое возможно?

Макс втоптал окуроч в траву.

– Это невозможно. И его должны были закопать раньше: кроме грибов через него успели прорасти корни. Стефан ругался, что без секатора не вытащить.

А вот это могло объяснить, почему вампир находился в земле: попытался вылезти, но корни не пустили. А потом организм, лишенный крови, резко слабел... Пока не почуял рядом гени. Магию. И не сделал последний рывок.

– Хочешь сказать, он лежит уже долго, но умер только вчера? Там под землей никакого аппарата жизнеобеспечения не нашлось?

– Не совсем... – Макс вздохнул, прежде чем раскрыть карты. – До вчерашнего дня его здесь не было. Иначе фрау Рутте заметила бы – как, собственно, и произошло.

Выходит, у нас был вампир, который пролежал под этой полянкой несколько недель минимум, но которого тут не было до вчерашнего дня и который умер минимум через пару недель после того, как его прикопали здесь, но вроде бы не здесь...

– Ты сломал мой мозг, – признала я.

Было от чего растеряться. Труп, который оказался под землей задолго до того, как стал трупом, но которого там не было... Так, лучше не крутить это в голове. Толку никакого, а вот сойти с ума можно.

Мартин, со строгой миной выслушав отчет экспертов, погрузился в синий внедорожник и отбыл, напоследок обрадовав тем, что мертвец наш. В смысле, дело наше.

– Разве ты не хотел настоящей работы? – с откровенной издевкой поинтересовался он у насупившегося племянника. – А ты, насколько я знаю, заявляла, что готова на всё, чтобы попасть в «Хантерс».

Все-таки не покидало меня чувство, что когда-то я успела потоптаться по любимой мозоли начальника. Понять бы когда...

– О результатах будете докладывать ежедневно. Жду завтра к девяти в кабинете.

Каких, простите, результатов он от нас ждал?

– Один философ сказал: «Если не знаешь, с чего начать, начни с начала», – прочавкал Лукас.

По приезде в офис напарник успел забежать в ближайший китайский тейк эвей и теперь с завидным аппетитом поглощал лапшу с уткой.

– Это был Король. «Алиса в Зазеркалье», – пояснила я, встретив непонимание. – Неужели не читал?

Неуверенный взмах палочками, похоже, следовало расшифровывать как «нет».

Мы с Лукасом сидели в лаборатории и сквозь прозрачную сторону бокса наблюдали, как вампир кружит по камере, слепо натываясь на стены. После нескольких пакетов донорской крови выглядел он... получше. Оживленное, по крайней мере. Но до нормального человека было еще далеко.

– И что ты предлагаешь считать началом? – я взяла маркер и постучала им по вайтборду. Был бы Макс рядом, может, сказал бы что дельное. Увы, его забрал Мартин, мне достался только этот пожиратель лапши. – Мы не знаем, кто он. Мы не знаем, как он туда попал. Мы не знаем, откуда взялась там могила...

– Магия, нет?

Я ее не ощущала. Только присутствие вампира.

– Мы не знаем, отчего он умер...

– Вы не знаете, мы уже выяснили, – наш угол посетил один из сотрудников лаборатории, щуплый бесцветный парень с пегим хвостиком на затылке и в очках. Он постоянно попадался мне в коридорах «Хантерс», но имя ускользало из памяти так же быстро, как неприметная внешность.

– И? – не выдержал драматической паузы Лукас.

– Предварительное заключение – кол. Вбили прямо в солнечное сплетение. Видите дыру?

На бродившем по боксу вампире мы видели много дыр: какое-то дерево крепко вцепилось в него корнями. Кое-где неснятые поганки подрагивали в такт его шагам.

– Случайно не осиновый? – вырвалось у меня.

– Не знаю. Это важно? Стоит проверить?

– Нет. Просто... Глупо пошутила.

Снова. Пора с этим завязывать. Значит, кол в грудь. По поверьям, так упокаивали вампиров; здесь получилось наоборот – так создали вампира.

Как это с ним произошло?

– Мне кажется, этим делом должен заниматься кто-то другой, – пожаловалась я. – Никто никогда о таком не слышал, в нем... – я задумалась, как сказать «черт ногу сломит» по-немецки, но в итоге махнула рукой, – в нем нет никакого смысла, от него свихнуться можно! Оно не для стажеров.

– Шутишь? – не согласился со мной Лукас. – Это дело, за которое никто не захочет браться. Оно именно для стажеров. Для чего еще, по-твоему, мы здесь нужны?

Лаборант кивнул, подтверждая его слова.

– Его вещи освободили, будете забирать? Кроме телефона, он пока у техников.

– Я схожу, – вызвался Лукас.

Вернулся он минут через двадцать, когда я всерьез подумывала, а не отправиться ли на поиски этих самых вещей. Вроде лабораторное крыло было не таким большим? Вместо извинения – и объяснения – сунул мне в руки чашку кофе. Не отрывая взгляда от замершего в камере вампира, я плотнула и закашлялась.

– Ты сюда что, шнапса подлил?

У меня за спиной Лукас хмыкнул:

– Оскорбляешь. Разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!

Обернувшись, я уставилась на него во все глаза.

– Не такой я и неуч, как думаешь? И Алиса твоя не в Зазеркалье, а в Стране чудес.

– Пытаешься меня впечатлить?

Ему удалось.

– У тебя все еще есть парень?

– Куда он денется?

– Тогда нет, – решил довольный произведенным эффектом Лукас.

Как всегда, в своем репертуаре... Помотав головой, я попыталась привести мысли в порядок.

– Ладно «Алиса»... Но Булгакова ты откуда знаешь?

На этот раз напарник выглядел скорее смущенным:

– Здесь хорошая библиотека. Наружу одного не пускали, детский интернет ограничен... – он закатил глаза, надеясь сбить градус откровенности. Не вышло. – Что ты на меня смотришь? Думаешь, с моей семейкой у меня было нормальное детство?

Я вообще о жизни маленьких Охотников не размышляла.

– Думаю, что мы все-таки все одинаковые, – честно призналась я, – гени, демоны, Охотники...

С каждым днем находилось все меньше и меньше отличий. Даже взаимная ненависть к остальным легко вписывалась в усредненный портрет.

– Одинаковые, ага. Только вы умеете метать фаерболы, а мы нет.

– Ты придурок, – поведала я Лукасу, – если считаешь, что в жизни это главное.

– Скажешь, нет? Признай, это чертовски упрощает жизнь.

Мне было сложно представить, чем именно. Если, конечно, не решать все вопросы методом «нет человека – нет проблемы». Я постучала по крышке картонки, которую Лукас притащил вместе с кофе.

– Что в коробке?

– Хлам, – напарник скривился, отпивая из своей кружки. – Не говори, что реально будешь его сейчас просматривать.

– Есть идеи получше?

– Пошли спать.

В этом весь Лукас. Давай пожрем, выпьем и завалимся дрыхнуть. А после нас – хоть потоп.

– Твой дядя велел принести уже утром результаты, – напомнила я.

Учитывая, что часы показывали половину первого ночи, времени оставалось не много.

– Какие? Отпечатки сумеют снять самое раннее послезавтра. До того нам нечего делать.

В какой-то степени он был прав. Трансформация и отсутствие крови в первые часы после перерождения привели к тому, что вампир больше походил на мумию. Вывернутым магией костям не хватило чужой силы, чтобы расправиться, вампир так и остался со скрюченной спиной и пальцами, усохшей пожелтевшей кожей. Тут не то что отпечатки и черты лица – даже рост с комплекцией не определишь. Про тест ДНК говорить после таких масштабных изменений бесполезно. Внешне хотя бы опознать... Кровь и вколота Охотниками сыворотка начали работать, бельма на глазах постепенно растягивались, руки начинали двигаться, но нужно было время.

– Чего мелочиться, давай подождем, пока он не придет в себя и сам все не расскажет, – предложила я. Напарник пропустил сарказм мимо ушей. – Всего-то пара лет пройти может.

– Если эта тварь вообще что-то скажет.

Я кинула на него предупреждающий взгляд.

– Не смей.

– Что?

– Называть его так.

– Называть тварь тварью? – насмешливо переспросил Лукас и постучал по отделявшему нас от вампира стеклу. Тот встрепенулся на звук. – А кто он, по-твоему?

– Жертва.

– Ты, похоже, не видела, как он пытался отгрызть Стефану голову, когда его сюда засаживали.

Я поставила чашку и скрестила руки на груди.

– Мне и не нужно. Он не может отвечать сейчас за свои поступки, ты можешь. Его убили. И, пока мы не выясним за что, не смей его так называть. Слышал о презумпции невиновности?

Судя по хмыканию, по мнению Лукаса, на нелюдей она не распространялась.

– Это в тебе какая-то ваша солидарность говорит? От чудовища к чудовищу?

Значит, как подкатывать ко мне – никаких проблем, а стоит напомнить о том, что гени должны иметь те же права, что и люди, – так сразу чудовище?

– Нет. Это говорит во мне тот факт, что моя подруга – вампир. И стала такой, потому что ее изнасиловал и убил человек. Обычный. Она больше никогда не увидит свою семью. У нее никогда не будет детей. Она каждый день живет с такими, как ты, и с их отношением. И если у тебя хватит мозгов назвать чудовищем Софию, а не ее убийцу, только потому что она родилась не такой, как ты, клянусь, я сама тебе голову отгрызу. То же относится и к нему. Понял?

Трудно долго смотреть в глаза тому, кто намного выше тебя, и казаться при этом серьезной. Но все же Лукас отвел взгляд первым. Отошел, резко сдернул крышку с коробки. Я с наслаждением потерла шею.

– И что ты хочешь здесь найти? – буркнул он, признавая поражение.

Я не знала. Вещей в коробке было мало. Полуистлевшая футболка, пробитая десятком дыр от юрней и разрезанная потом в лаборатории. Старые кроссовки. Джинсы с высыпавшейся из карманов мелочевкой. Как ни ползай по ним носом в поисках следов, к выводам особо не придешь. Никаких документов, никаких личных безделушек – это было бы слишком просто...

– Зато теперь мы знаем, что со свежим дыханием у него были проблемы. Охренительно полезно, – Лукас подбросил в воздух жестяную коробочку с мятными леденцами, поймал и сунул один из них за щеку. – Будешь?

Я сердито на него посмотрела.

– Нельзя посерьезнее?

Не говоря о том, что эти леденцы неизвестно сколько пролежали в могиле... Это негигиенично! Меня проигнорировали.

– Ты что нарыла, Шерлок Холмс?

Ничего.

– Только то, что он явно выше метра восьмидесяти и жил с мамой.

Лукас повернулся к вампиру. Ну да, в сторбленном состоянии он сейчас был не намного больше меня.

– Откуда знаешь?

Я продемонстрировала джинсы.

– Кто-то отпорол подгиб. А поскольку мужская одежда в нормальных размерах шьется на рост до метра восьмидесяти... Я замечаю такие вещи, – попыталась я оправдаться. – Я на другом конце спектра, мне всё слишком длинное.

Сколько у меня имелось подшитых штанов – грустная история.

– А про маму откуда?

– Кто еще его будет настолько любить, чтобы этим заниматься?

– Девушка? – предположил Лукас.

Я представила себе Диза, который пришел бы с такой просьбой... Попыталась представить. Нет, никак не удавалось.

– Да ладно, – не поверил Лукас, – хочешь сказать, если твой таинственный миллионер попросит – откажешь ему? А как же любовь?

Я пожала плечами. Без понятия, где Диз подбирал одежду под свой рост, но, честно сказать, первой реакцией было бы не бежать за иголкой с ниткой, а спросить его, как он справлялся раньше и чего не обратится в ателье, если сам не может.

– Из меня получается плохая девушка.

– Не то слово. Хорошо, что такое счастье не мне досталось, – Лукас ухмыльнулся, допивая свой кофе со спиртом... или спирт с кофе, и достал из кармана телефон. – Окей, забудем в базу пропавших без вести параметры по росту. Гляди-ка, всего тридцать девять совпадений! Потрясающая работа! Теперь-то мы точно всё выясним!

Я хотела было посоветовать Лукасу прекратить паясничать, но вместо этого встала у него за спиной. На экране смартфона напарник листал старые дела: фотографии и имена. И даты – жирным черным на белом фоне. Рождения. И последний раз, когда их видели.

– Ограничь период: не раньше две тысячи четвертого, – посоветовала ему. – И поставь возраст на момент исчезновения до тридцати.

– Почему это?

– У него футболка *IAMX*. До четвертого ее не существовало. Не смотри на меня, будто у меня рога выросли, – ткнула я его в плечо. – Мне нравится их музыка. А возраст – вряд ли кто-то старше надел бы ее.

– С этим я бы поспорил, – пробормотал Лукас, – ты бы видела некоторых людей. А с гени вообще никогда не понятно, сколько вам...

Согласна. Один из моих бывших преподавателей в нежном возрасте тысячи с небольшим лет предпочитал футболки с изображениями скелетированных единорогов и русалок.

– Но это менее вероятно. Давай сначала разберемся с более логичными версиями, а потом, если они не сработают, перейдем к самым неправдоподобным?

– Это версия? – удивился Лукас. Все-таки сегодня кто-то схлопочет. – Ладно, ладно, понял. Восемнадцать. Не сказать, что мало, но, может, Мартин пока отстанет... Эй, ты меня слушаешь вообще?

Вампир в боксе замер, глядя на меня. Я медленно вытянула руку вправо. Вампир повторил движение.

– Мне кажется, он за мной следит.

– Это называется паранойей.

Возможно. Или избытком алкоголя в крови. Принесенный Лукасом спирт сильно ударил в голову.

– Нет, серьезно! – Пока я сидела на месте, это не было заметно, но стоило подойти к Лукасу... Я вновь обошла стол. – Смотри!

Беззвучно проскользив когтями по стеклу, вампир проследовал за мной. И обратно.

– Похоже, ты ему нравишься.

– Идиот. Попробуй сам.

Лукас прошелся по нашему закутку. Никакого эффекта, вампир остановился напротив меня и не обращал на Охотника внимания. Это нервировало.

– Почему все неприятные вещи обязательно случаются со мной? – пожаловалась я в пустоту.

– Карма, – нашелся напарник с ответом. – Короче. Восемнадцать. Само собой, никто не ожидает, что мы сразу найдем именно его, но на пару-тройку дней у нас есть отмазка, чем мы занимаемся. А там отпечатки придут. Привет? Ты еще здесь? – пощелкал он перед моим носом пальцами.

– Он что-то пытается сказать.

Прилипнув к стеклу, вампир теперь разевал полную игольчатых зубов пасть.

– Умеешь читать по губам?

Нет. А стекло было звуконепроницаемым. На миг в голове шевельнулась мысль, что здесь что-то не так, но сразу исчезла.

– Тогда забудь, – порекомендовал напарник, отворачиваясь. – Просто жрать хочет.

Нет. Он хотел что-то сказать – говорил даже, несмотря на измененные челюсти.

Теперь, когда я больше не отвлекалась на Лукаса, я это понимала.

Он говорил.

Мне.

Что-то важное...

Я сделала шаг вперед. Все равно ничего не слышно. Стекло мешало.

Запирающая панель мигнула зеленым под моей ладонью.

– Ты что, сдурела?!

Дверь бесшумно отъехала в сторону и так же быстро вернулась на место, отрезая звуки извне.

– Тебе жить надоело?!

Лукас вскочил в бокс следом за мной. Я хотела сказать ему, что в этом нет необходимости, я в безопасности, в таком состоянии вампир при всем желании ничего не успеет мне сделать. Мне просто нужно услышать, что он пытается произнести...

Вместо этого вампир метнулся ко мне. Я не успела отшатнуться. Даже заметить движение.

Только зажмурилась, когда щеку забрызгало чем-то красным и теплым.

Глава 3

Я больше так не могу

Хорошо, что охранная система «Хантерс» срабатывает быстро.

Еще до того, как Лукас падает – сначала на колени, а затем навзничь. Постепенно, как в замедленной съемке.

Первой реагирует его татуировка – маячок, как назвал ее Фабио. От нее занимается сложная вязь на стенах. Оглушает до звона в ушах. Сковывает как вампира, так и меня.

После этого я могу только смотреть.

Как толчками выходит из разорванного горла кровь. Ее слишком много. Она везде: на полу, у меня на руках. Капли ее жгут мою кожу.

Как меня оттирают в сторону. Медик опускается перед Лукасом, и тот хватается за руку, силясь что-то сказать.

Как на вампира накидывают удавку. Под заклятием он не сопротивляется – но все равно получает удар шокером.

Кто-то кричит на меня. Я вижу широко раскрывающийся рот перед собой, но ничего не слышу. Нет никаких звуков.

– Подними руки, – приказывает Макс.

Вот первые слова, которые я могу разобрать. Мы в моей комнате. Когда мы успели туда добраться? Я не знаю. Все как в тумане, и я покорно слеую его указаниям.

Макс стягивает с меня грязную футболку и швыряет на пол. В этот момент мир будто снова приходит в движение. Осознание случившегося – как удар под дых, и я складываюсь пополам, глотая ртом воздух. Цепляюсь за Макса так сильно, что чувствую под ногтями не только ткань, но и чужую кожу. Горло сдавливает спазмом, но слез нет: чтобы плакать, сперва нужно вспомнить, как дышать.

Укол я замечаю с запозданием и проваливаюсь в темноту.

Берег реки был усыпан светлыми окатышами. Нагнувшись, я взяла один из них; ледяная вода лизнула пальцы. Заставила отпрянуть. Чуть не поскользнувшись, в последний момент я удержала равновесие и в отместку запустила плоский камушек в воду. «Блинчик» трижды отскочил от поверхности, прежде чем исчез в глубине.

– Почему ты переживаешь за него?

Резко обернувшись, я хлестнула себя волосами по лицу. Потерла щеку. Незнакомка смотрела не мигая. Внимательно. Изучающе. Она была одета так же, как я. Джинсовые шорты. Серый джемпер. Ботинки для трекинга. С полдюжины серебряных колец в ухе. Короткий темный боб. Вряд ли она была сильно старше меня – внешне. Жесткий взгляд серых глаз говорил об ином.

– Почему? – повторила она. – Он тебе никто. Он даже не твоего вида.

Стоило ей спросить, как воспоминания вернулись. Вампир. Когти в паре сантиметров от моего лица. Кровь на щеке. Падающий Лукас... Воспоминания – но не чувства. В этом месте не было ни страха, ни отчаяния. Только горький привкус сожаления.

– Не имеет значения, какого он вида. Я виновата в том, что с ним случилось.

На секунду на ее лице промелькнула улыбка. Странная, затронувшая лишь левую половину. Затем она наклонилась. После долгого выбора в ее ладони оказалась целая пригоршня камешков. Подумав, девушка протянула их мне. Я помотала головой, отказываясь.

– Нет, – возразила она. – Это не вина.

Ее «блинчик» получился удачнее и срикошетил семь раз. Только всплеска я не услышала. Стоило задуматься, как реальность картинке рассыпалась на несостыковках. Понять бы только, кому теперь от меня что-то нужно.

– А что тогда?

– Ошибка.

Я подавилась смешком. Может, я не могла здесь биться в истерике, но рассердиться мне удалось.

– Указать неправильный ответ в контрольной – это ошибка. Поставить температуру в духовке выше нужного. Забыть ключи. Подставить под удар другого – не ошибка! Я в этом виновата!

– Нет.

– Тебе откуда знать?!

На этот раз ответа пришлось ждать. Еще несколько камешков отправилось в реку – все так же без звука.

– Однажды я убила человека, – она поморщилась, и по этому человеческому выражению я ее узнала. Вспомнила, где видела. В холле, как раз перед поездкой, в которой мы обнаружили злополучного вампира. – Одного из многих, но этот был особенным. Я не знала, что стреляла в него. Это была ошибка. Ты не намеревалась причинить Лукасу вред. Это тоже ошибка, а не вина.

– Есть разница?

Никакой. И так, и так пострадал Лукас. Неизвестно, выживет ли... Даже сквозь пелену безразличия к горлу подступил ком.

– Это организацию построили люди, винившие себя и других. Вина ни к чему не приводит.

Последний из камешков упал в холодную воду. Отряхнув ладони о шорты, девушка развернулась к лесу, бросив напоследок:

– Если тебе это так важно знать, он выживет. Вопрос, какой ценой...

Она дошла до кромки леса, когда я спохватилась:

– Кто ты?

– Ди.

«...Ана», – вторили ей шелестом буки.

Когда я проснулась, солнце давно перешагнуло зенит. Теплый оранжевый свет проникал в комнату сквозь щель в шторах и яркой полосой разрезал постель пополам. Макс, по щеке которого как раз проходило это пятно, недовольно хмурился, но продолжал спать. Улыбнувшись, я высунула из-под одеяла руку, чтобы стереть складку между его бровями, и замерла, увидев испачканные бурым пальцы.

Мы с ним давно не спали вместе. И в моей комнате он остался вовсе не потому.

Мы были даже не в ГООУ.

Я зажмурилась: перед глазами пронеслись события прошлой ночи. Занесенная не рука – лапа с почерневшими когтями. Лукас, бросившийся наперерез и лежащий на полу с распоротым горлом. Ладонь упала на одеяло. И оказалась перехвачена Максом.

– Тихо, – велел он. – Спокойно.

– Потрясающее утешение, – пробормотала я. – Специально учился?

Светлые глаза внимательно следили за мной, будто он и не спал минуту назад.

– Я в порядке, – пообещала я. Голос дрогнул, сообщая обратное. – Что с Лукасом?

Сердце замерло, предчувствуя краткий ответ. «Мертв». Много ли шансов выжить, когда в разорванной плоти белеют позвонки? Но Макс не отвел взгляда.

– Узнаем.

На секунду я прикрыла глаза в молчаливой молитве – неизвестно кому: учеба в ГООУ все-таки заставляет пересмотреть религиозные убеждения. Снова взглянула на свои руки. Откинула одеяло: как и думала, пропитавшийся кровью лифчик за ночь встал колом. Застывшие на щеке капли стягивали кожу.

– Мне надо в душ. У нас есть время, прежде чем ты должен меня отвести?

Вопрос только куда. Но поведет, тут без вариантов. Не оставят же Охотники мой проступок без внимания? Один из них чуть не умер... Возможно, все-таки умер. Из-за меня. Разница только в том, прочитает мне нотацию Мартин или же меня ждет своего рода костер.

Макс должен знать. Он всегда в курсе их планов. Но что толку спрашивать? Скоро сама узнаю.

Заперев за собой дверь ванной и открыв воду, я позволила миру разлететься на осколки. Опустилась, скользя спиной по холодному кафелю, и заплакала. Ненадолго. Слезы смешивались с льющимся кипятком, и все равно пришлось вставать к крану.

«Вдох-выдох», – напомнила я себе. Раз. Два. И снова. Если следить за темпом, становилось легче – совсем чуть-чуть, но этого было достаточно. К Максy я вышла собранной и почти спокойной. Готовой принять заслуженное наказание.

Только привел меня Макс вместо этого почему-то в медицинский корпус. И не ради того, чтобы узнать о состоянии Лукаса.

– Потом, – сказал он. – Сначала тебе самой нужно показаться врачу.

– Ты ничего не пугаешь? Я не пострадала. Зачем...

Не дослушав, он толкнул меня в кабинет и закрыл дверь с обратной стороны. Стучаться и проситься наружу, видимо, смысла не было? Я обернулась. Сидевшая за столом женщина держала во рту ручку на манер сигары и со сдержанным скептицизмом разглядывала меня из-под седой челки.

– Садись, – приказала она.

– Послушайте...

Ноги сами понесли меня к стоящему напротив нее стулу. Ментал. Единственный вид магии, слишком тонкий, чтобы я могла его почувствовать. Я попыталась притормозить, но бесполезно.

– Прекрати сопротивляться. Себе же хуже сделаешь.

Сама она осталась на месте. Сидела не шелохнувшись и все так же смотрела на меня совиным взглядом. Наконец вынула ручку изо рта и почти сочувствующе поинтересовалась:

– Сколько раз копались у тебя в мозгу?

– Сейчас вот копаются, – с готовностью отозвалась я.

Женщина хмыкнула, и я почувствовала, как перечисляю против своей воли:

– Вчера...

То желание подойти и выслушать вампира – иррациональное, ничем не объяснимое – было наведенным. Я должна была это заметить.

– Друда пару дней назад. Соррел – не знаю, считается ли: это магия крови, а не ментал. В Аду. Два года назад на первое сентября. И на Самайн. Когда мне блок сняли...

Не мозг, а проходной двор какой-то. Кто хочет, тот и залезает.

– В шесть лет, юда его, видимо, поставили...

– Его ставили раньше. Тогда просто восстановили, – заметила она, заполняя что-то в планшете.

– Вы?

– Восстанавливала? Я. И рекомендовала больше никогда его не снимать. Сереш рассказывал тебе, что, если ментальное воздействие имеет длительный характер, оно прорастает в нейронные связи? И вырвать его можно только вместе с ними.

Я нахмурилась. Ее знакомство с Серешем меня не удивило – вряд ли круг магов околomedicalных специализаций, работавших на «Хантерс», был слишком большим. Но к чему она вела?

– Хотите сказать, блок плохо сняли? Что-то повредили?

Сразу вспомнилась пропахшая кострами ночь и тихий вопрос.

«Ты мне доверяешь?»

Да, Диз. Всегда.

– Если бы плохо, ты бы не разговаривала со мной, а пускала слюни, – заметила женщина. – Но, судя по твоему файлу, пары шестеренок у тебя точно не хватает.

Поспорить с этим утверждением я не могла.

– Зачем эта проверка? – потребовала я ответа.

– Мне нужно решить, можно ли тебя выпускать на полевую работу, или тебе потребуется реабилитационный период.

Я подумала немного. Вскочила со стула, дошла до стены и развернулась.

– Шутите?!

Я ожидала, что меня на казнь – весьма справедливую! – поведут, а вместо этого...

– Должна? – холодно поинтересовалась женщина.

– Кто это приказал?

– Мартин.

– Я практически убила его племянника, а он хочет знать, могу ли я работать?!

Вот тебе собранность и спокойствие. Молодец, Наташа. Сколько ты продержалась, десять минут? Женщина снова сунула ручку за щеку.

– Строго говоря, это его вина, – невнятно произнесла она. – Ему следовало направить тебя ко мне еще после друды. И не давать тебе вампира. После воздействия повышенная восприимчивость к менталу остается еще несколько суток.

Я остановилась и, опираясь на столешницу, склонилась над ней.

– Это не его вина. Моя. Я знаю, как работает вампирское воздействие. Мысль можно внушить, если ты беззащитен. Или если ты хочешь, чтобы то, в чем тебя убеждают, оказалось правдой. Я хотела найти что-то, что не увидели Охотники. Я хотела утереть им нос. Из-за своей гордыни я повелась на такую идиотскую обманку. Это. Моя. Вина. Понимаете?

Из-за моей глупости пострадал Лукас. Я заслуживала наказания, а не работы.

Впечатлить менталиста пламенной речью едва ли удалось.

– Я понимаю, что ты достаточно здорова, чтобы спорить. А с остальным сами с Мартином разбирайтесь.

Сквозь маленькое окошко в двери Лукаса было не разглядеть. Трубки и провода, белые простыни, перетекавшие в такие же белые стены... Все, что я могла увидеть, – очертания человеческого тела на койке. Макс ушел за врачом, а

я попросила оставить меня здесь. Хотела убедиться, что мне не лгут и Лукас действительно жив.

Я не знала, можно ли назвать это жизнью.

– Тебе лучше уйти.

Вместо Макса за моей спиной возник Мартин. Подошел тихо, заставив меня дернуться от неожиданности.

Справедливо. Но все равно сердце упало в пятки. Однако по следующей же его фразе стало ясно, что я все поняла неправильно.

– Моя сестра скоро будет здесь. Сара вспыльчива, не стоит давать ей лишний повод выплеснуть гнев на невинного.

На... Простите, а как же я?

– Но я виновата.

Если мать Лукаса хочет на меня наорать, я дам ей такую возможность. Это меньшее, что я могу сделать. Должна сделать.

Начальник пятого отдела не остановился возле палаты, где лежал его племянник. Вместо этого он двигался дальше по коридору. Мне не оставалось ничего иного, кроме как следовать за ним.

– В случившемся не виноват никто, кроме самого Лукаса. Его с детства учили, что его жизнь важнее. Что бы ни случилось с напарником, в первую очередь он должен был позаботиться о своей безопасности – Искоса посмотрев на меня, он добавил: – Возможно, дело в обманчивой внешности. Из всех магов, что он видел, ты выглядишь самой безобидной, если не сказать больше. И он решил сыграть в рыцаря. В любом случае это был его неправильный выбор.

Почти сбиваясь на бег, я обогнала Мартина, чтобы заглянуть ему в глаза. Человеку, который – по незнанию или потому что ему было плевать на какую-то гени – оставил меня рядом с вампиром, зная, насколько для меня это после воздействия друды опасно. Человеку, который едва не потерял и, возможно, еще потеряет племянника, но спокойно объяснял мне, что это не моя вина.

– Вы меня ненавидите. Почему вы пытаетесь меня утешить?

– Я ненавижу не тебя лично, а твой вид. Каждый из нас вас ненавидит, – начальник выдержал мой взгляд, – у каждого здесь своя история. Это то, что заставляет нас работать. И не дает забыть об опасности. Ди считает, что это неправильно, но... – он замешкался, не зная, стоит ли продолжать. Однако закончил: – У Лукаса такой истории не было.

Не верю. Дело было не только в моей видовой принадлежности и не в напряженных отношениях между гени и их убийцами – равно как и между людьми и теми, кто был гораздо сильнее их и этой силой пользовался.

– Вы ненавидите меня. С первого дня.

Начальник досадливо поморщился, и внезапно я поняла, что он еще довольно молод. Из-за ранней седины он казался старше.

– В моем офисе уже два года не хватает штатного демонолога. Я выбил место. Нашел талантливого студента. У меня были договоренности. Я ждал июня, чтобы все оформить. Вместо этого руководство требует от меня взять девочку, которая не обладает нужными навыками, не заинтересована в том, чтобы остаться здесь, и даже не считает нужным скрывать свое отношение. В итоге у меня нет свободной ставки, Бенедикт принял предложение канадского офиса, через пару месяцев мне, судя по всему, придется думать, как латать дыру в штатном расписании, а получил я... – Мартин нажал комбинацию на цифровом замке, выпуская нас из медицинского крыла. – Буду откровенен: я предпочитаю работать с теми, кого выбираю, а не кого приводят ко мне по протекции.

В его изложении звучало справедливо. Несмотря на лекарство от драконьей крови, которое привязывало меня к «Хантерс», я верила, что найду иной выход, и рассматривала стажировку как нечто временное. И не стеснялась показывать, что Охотники не нравятся мне так же сильно, как я им. Разве что по поводу протекции у меня были комментарии... Дверь за нашими спинами тихо закрылась.

– Я попросил Максена встретить тебя здесь. Лариса сказала, ты в порядке. Завтра жду в офисе.

– А... Лукас?

Как бы безэмоционально и терпеливо он со мной ни разговаривал, спрашивать «Как там ваш племянник, которого я чуть не убила?» все равно было не лучшим вариантом. Но другого я не нашла. Начальник помолчал, подбирая слова.

– Жив. Пока.

Обнадеживающе. Но больше он мне и не мог сказать, верно? Лукас был человеком. Его нельзя было просто взять и по щелчку пальцев избавить от всех ран. Я по себе знала, как даже частично человеческие тела противились магии. Можно было только надеяться, что обычной медицины будет достаточно.

Последние слова Мартин произнес в заметной задумчивости, и предназначались они, похоже, не мне, а ему самому, словно начальник пытался убедить себя:

– Так или иначе, он будет жить. Ди должна моей сестре.

Ди... Имя отзывалось шелестом буков и рокотом лавины. Запахом крови и горных ручьев. Полусмазанной картинкой забытого после пробуждения сна. Я сжала виски.

– Все нормально? – поинтересовался затащивший меня в кафе Макс, ставя передо мной поднос.

– Голова раскалывается.

Что-то ускользало от меня. Серая шершавая галька под ногами – и серая же вязка джемпера. Серые же глаза. Блеск воды в лучах утреннего солнца. Запах индийских специй с кухни – куркумы, зиры, жгучего красного перца – не мог перебить лесной воздух, в котором чувствовались хвоя и высота.

– Ди...

– Здесь? – Макс стремительно обернулся, чуть не расплескав свой карри.

Нет. В воспоминаниях, о которых я не подозревала до последнего часа.

Либо я стремительно сходила с ума, либо в мой сон решила навеститься древнегреческая богиня. То, что я рассматривала оба варианта как возможные, многое говорило о моей жизни. Макс осмотрел кафешку, чтобы убедиться, что она нигде не притаилась.

– Не шути так, – попросил он, возвращаясь к ужину. – Только ее тут не хватало.

Да уж, присутствие высокого руководства – а именно Диана дарила свое покровительство Охотникам – могло испортить аппетит. Похоже, я не упомянула менталистке Ларисе еще один случай, когда в мою голову забирались посторонние.

Я покрутила в руках фарфоровую ложку.

– Она сказала, что Лукас в любом случае выживет.

– Да? – Если Макс и удивился тому, что со мной теперь боги разговаривают, виду не подал. – Ну и отлично.

– И Мартин сказал, что Диана в долгу. Что Лукас будет жить. Так или иначе. Но у них сейчас не может быть никаких гарантий. Он человек. Магия даже в здоровом состоянии может ему навредить. Сейчас ее вообще нельзя применять. А сам он...

Люди не всегда выживают после того, как их практически обезглавят.

– Он даже дышать не способен! А они рассуждают об этом так, будто Лукас в любой момент вскочит на ноги и запляшет!

Но если бы у Мартина имелись сомнения насчет дальнейшей судьбы его племянника, он не был бы настолько спокоен.

– Что они имели в виду?

Со вздохом Макс отложил вилку.

– Боги – это не магия. Это другой уровень. Чудо.

– Боги не воскрешают.

Даже их желания не хватит, чтобы отменить смерть. Атропос или кто-то из смертей смогли бы задержать ее ненадолго. Но не отвести. Смерть для этого слишком связана с мирозданием. Она – сила природы, как сказал бы Диз. Часть мира и естественного порядка вещей.

– Нет. Но... Знаешь, с чего начинались эксперименты «Хантерс» с драконьей кровью?

– С попыток влить вместе с ней в человека магию и создать гени.

С неудачных попыток. Ни человеческое тело, ни разум для этого не приспособлены. Даже я с трудом пережила те капли, которые достались мне, – что говорить об обычном человеке и паре литров золота?

– Они думали повторить то, что делали боги.

– Подожди, хочешь сказать...

– Таких называют семонами.

Я встречала этот термин. Дети богов. Но все упоминания относились к древней истории, и ни один из авторов не снизошел до подробностей.

– Сам по себе ихор убивает. Но отданная сила позволяет переродиться, – Макс обернулся, будто проверяя, что никто не прислушивается к нашему разговору. Или словно искал повод уклониться от темы. – В итоге... человек становится таким, как мы.

– Как ты, – поправила я. Моя кровь была слишком разбавлена, чтобы равняться с божественной. – Почему никто мне об этом ни разу не сказал?

– Раньше семонов было больше. Боги выбирали человека, он соглашался служить им вечно, почитая это за благодать. Теперь... Может, люди изменились. Или все мы. Даже Ди не брала никого в служение после подписания Договора.

В голове не укладывалось. Вот оно что. Я снова потеряла виски и спрятала лицо в ладонях. Лукас будет жить, так или иначе... Но «иначе» оказалось совсем не похожим на то, что я представляла. И спокойствие Мартина... Да и Макса... Неужели они не понимали, что за всем этим «Ничего, он ведь все равно будет жить» стоит?

Не понимали. Макс никогда не был человеком. А Мартин хотел верить, что по большому счету ничего не изменится.

Изменится.

Я слишком хорошо помнила свои ощущения – при том, что мне досталось гораздо легче, чем светит Лукасу. Помнила сводящую с ума магию. Открывшиеся взгляду миллионы возможностей, сотни отражений одновременно. Помнила, что глазам и ушам больше нельзя доверять.

Если для спасения Лукаса его кровь придется заменить ихором, он потеряет все. Он останется молодым, пока его близкие будут стареть и умирать. Он станет чужим в своей семье. Он перестанет быть Лукасом-Охотником, а будет кем-то другим. Станным и непонятным даже для себя.

И все это случится по моей вине.

В темноте комната выглядела лучше, чем когда я щелкнула выключателем. Не было видно пятен крови на простынях. Испорченной одежды, оставшейся лежать на полу. Свидетельств вчерашней ночи и моей ошибки. Я сползла по стене. Закрыла глаза, принимая, что на этот раз натворила. Задохнулась воздухом на середине всхлипа, прикусила ладонь, пытаюсь справиться со слезами. Если бы рядом был Диз, он бы сейчас разложил все мои эмоции по полочкам. Вину. Страх. Боль. Это, как ни странно, помогло бы. Если не успокоиться, то увидеть, что, возможно, выход есть.

Но Диза рядом не было. И выхода в этот раз могло не существовать. Все решит случай – и удача Лукаса.

Статус в «скайпе» был белым. Офлайн. В трубке звучали длинные гудки. Должно быть, мы снова совпали, и в ГООУ тоже наступила ночь. А Диз внезапно понял, что она предназначена не для «поработать еще немного», а для сна.

Значит, придется справляться самой. Я потеряла сухие глаза. Встала. Подошла к постели, стянула белье. Ему будет самое место в ванной с остальными вещами на стирку. Вернувшись в спальню и перестелив постель, я включила ноутбук в глухой надежде увидеть зеленый сигнал. Никого. Сегодня был не мой день в стольких смыслах, что от этой мысли я хихикнула. Прикрыла рот рукой и покачала головой. Самой справиться тоже вряд ли получится. Не сейчас, во всяком случае. Этой ночью, судя по признакам, в плане – полноценная истерика.

Но перед этим лучше бы написать Дизу. Не за поддержкой, но... Иначе утром у него возникнет закономерный вопрос: а зачем я ему звонила?

Однако, сев за стол, я поняла, что ни написать правду, ни придумать отговорку не сумею. Одинокое, фальшиво выглядящее «Привет!» пару минут горело на экране, прежде чем я его стерла.

Как, черт возьми, написать, что мне плохо?

«По моей вине чуть не умер человек. Может быть, он умрет и тогда станет кем-то типа меня. Знаешь, впервые мне кажется, что смерть была бы милосерднее».

«Помнишь, ты меня предупреждал, что из-за мой дурости однажды пострадает кто-то другой? Ты был прав».

«Кажется, в этот раз я очень серьезно накосячила»

Нет.

Я резко встала, чуть не опрокидывая стул. Прошла по комнате.

Как написать тому, кто за тысячу километров от тебя? Кто понятия не имеет, что у тебя в жизни происходит? Кто не был рядом с тобой сегодня и кого не будет завтра – не по его желанию, но легче от этого не становится.

Сколько я подходила к ноутбуку, и заносила пальцы над клавиатурой, и каждый раз стирала написанное... Пока на экране не осталась одна строка.

«Я больше так не могу».

Утром у меня было на одну больше причин с отвращением думать о том, что меня ожидает. Лукас в медотсеке. Мартин в офисе. Диз... Я с опаской протянула руку к телефону. Сама не знаю, что ожидала увидеть. С Диза стало бы отреагировать на то, что я вчера написала, простым «ок».

Или молча принять к сведению. Потому что непрочитанных писем я не нашла.

Кое-как я выползла из кровати и направилась в ванную. Сигнал нового сообщения прозвучал, только когда я распахивала по карманам вещи, собираясь в офис.

Вместо ответа он прислал три слова: «Спустишь в холл». Это еще зачем? Нахмурившись, я последовала инструкции. Вышла из комнаты, сбежала по лестнице...

Диз стоял у колонны, как обычно, уткнувшись носом в телефон. На лице – трехдневная щетина, между бровей залегла глубокая складка. Спортивная сумка на плече...

Не может быть.

На мгновение я замерла, отказываясь верить своим глазам. Сделала первый шаг к нему – самый тяжелый. Еще один. Сорвалась на бег. Сумка соскользнула с его плеча и с тяжелым стуком упала, когда я налетела на Диза и повисла у него на шее.

Зато меня он поймал. Как всегда. Улыбнулся и собрался что-то сказать, но не успел: я поцеловала его первой.

Не может быть.

Он не должен был здесь находиться. Для этого не существовало никакой причины. Но колючая щека и запах молодого перца были на удивление реальны. Как и горячая кожа под моей рукой. А аромат нарциссов подсказывал: это не иллюзия. Он действительно здесь. Рядом.

– Если продолжишь в том же духе, тебя выгонят за непристойное поведение, – сообщил мне через пару минут Диз.

Плевать. Я потянулась к его губам – и разочарованно вздохнула, когда Диз аккуратно расцепил мои руки и поставил меня на пол.

– Что ты здесь делаешь? – задала я самый важный вопрос.

Офис «Хантерс инкорпорейтед» – не то место, куда может зайти первый встречный. Тем более не место, куда может спокойно заглянуть демон. Которому в этом мире находиться тяжело, не то что в здании, где стены от подвалов до крыши покрыты защитными контурами. Я не сомневалась, что дело не во мне и не в моем вчерашнем сообщении. В чем тогда?

– Лина передает привет, – проигнорировал он меня. – И с десяток комиксов. София заставила привезти тебе какое-то безумное количество шоколада. Райли тоже что-то занесла, я не смотрел, но подозреваю, что часть ее шпук может оказаться не вполне легальной...

Это объясняло тяжелую сумку – для себя Диз ограничился бы зубной щеткой. И та поместилась бы в «кармане», из которого он обычно доставал очки, телефон и всё что душе угодно. Я привстала на цыпочки и опять поцеловала его.

– Если не возражаешь, я передам им твою благодарность в более вербальной форме.

– Что ты здесь делаешь? – потребовала я. Не волноваться не получалось.

– Дела. Помнишь программу по распознаванию лиц? Мы продаем ее «Хантерс». Я здесь, чтобы утрясти кое-какие формальности. И объяснить некоторые из принципов функционирования здешним... коллегам. Лина взяла на себя американские офисы, Ник – Азию с Океанией, Гал – Лондон, а я все равно приписан к этому, да и...

Да и я тут. Я уткнулась щекой в рубашку. Диз обнял меня. Пальцы осторожно прошли по волосам, заправляя прядь за ухо. Странно, но эти прикосновения казались более интимными, чем поцелуи.

– Тяжело? – тихо спросил он.

– Справлюсь, – пообещала я, пряча лицо у него на груди. Скорее себе, чем ему. Диз-то никогда в этом не сомневался. – Спасибо. Что приехал.

И что сделал это не потому, что тебя опять в чем-то обвинили или тебе грозит что-то ужасное. Спасибо. За поддержку, выраженную в этом маленьком жесте. За заботу и мысли обо мне.

Я отстранилась.

– погоди, так ты все это время знал, что приедешь? Вот о чем хотела рассказать Лина, когда ты ее заткнул! Ты и так сюда собирался...

Диз пожал плечами.

– Сюрприз.

Ненавижу сюрпризы.

– Я все это время могла радоваться твоему приезду вместо того, чтобы переживать... Дурак.

Но тогда все эти недели я бы только ждала его. Сосредоточилась на днях, остававшихся до нашей встречи. Не жила бы по-настоящему, думала все время о том, когда наконец его увижу.

И Диз это знал. Легонько дернул за снова выбившуюся из прически прядь, чтобы отвлечь, и усмехнулся:

– Знаешь, для девушки, которая меня вчера бросила, ты удивительно тепло меня встречаешь.

А я понадеялась, что он не успел прочитать сообщение...

– Мы можем притвориться, что его не было?

– Но оно было, – прищурился он из-за очков. – Ты разбила мне сердце, крошка.

Очень смешно. Тычок в ребра, который он получил, был не болезненным – Дизу все они что слону дробина, – но ощутимым.

– Я...

В горле пересохло. Вчера мне не удалось ничего объяснить. Оказалось, вживую это не проще. Особенно когда так долго его не видела, что начала сомневаться, не играет ли память со мной в игры и правда ли он существует – такой, каким я его помню.

– Только не говори, что поверил, – попыталась я отшутиться.

– Нет, – серьезно ответил Диз. – Иначе бы меня здесь не было. Я обещал, что не буду тебя держать. Но способен различить, когда я тебя достал так, что ты меня больше никогда в жизни не желаешь видеть, а когда ты просто хочешь, чтобы я был рядом. Все в порядке.

Глупо, но дышать стало легче. Как камень с души свалился. Я улыбнулась.

– Но если решишь...

Диз повторял это с самого начала. Что мне будет труднее. Что это будет длиться ровно столько, сколько я захочу. Что я могу уйти в любой момент. Он показал, что не лгал. И был тысячу раз прав: наши отношения нельзя было назвать ни легкими, ни нормальными, а о его семейке я зареклась упоминать. Но все равно...

– Не решу.

Не сейчас, по крайней мере.

Потому что мы всегда приходили к одному и тому же. Руки, обнимающие меня слишком мягко и осторожно. Теплая фланель под щекой и тяжелый аромат нарциссов. Спокойствие и рассудительность, которых так не хватало мне – и которые он мне давал.

Не самая равноценная замена любви, но я на нее согласна.

– Не хочу вас отвлекать...

Вывернувшись из объятий Диза, я очутилась практически нос к носу со своим начальником. Неловко вышло.

– Господин Амавет.

– Герр Хадек.

Мартин слегка поклонился.

– Я провожу вас. Пойдемте. – Со мной он был не столь любезен: – Разве ты не должна быть на рабочем месте?

– Уже иду.

Я взяла Диза за руку и переплела наши пальцы. Мартин, не пропустивший этот жест, покачал головой:

– Соколова, тебе не говорили, что спать с врагом неэтично?

Я пожала плечами.

– С вами же я не сплю. Так что все нормально.

Начальник закатил глаза.

– А ты не скрываешь, на чьей ты стороне.

– Никогда, – честно призналась я.

Такая уж я. Верная даже себе во вред. У меня были причины сомневаться в Охотниках и в Мартине лично. Диз же

раз за разом доказывал, что я могу ему доверять. Я не собиралась отказываться от него. Не ради «Хантерс».

И откровенность за откровенность. Мне показалось, я ее задолжала Мартину.

Диз тихо рассмеялся:

– Не слушайте ее.

– Не вмешивайся, – ткнула я его опять в бок.

Мои отношения с начальством – мои собственные. Диза они не касались.

– Она сама по себе, – сделал он вид, что не заметил. – Что бы она ни говорила сейчас, она уходила от меня четыре раза! И три из них – по своему желанию. Если у нее и есть сторона, то своя.

Зараза. «Все в порядке», значит? Мартин хмыкнул, не поверив. Я же принялась считать.

– Четвертый у тебя откуда взялся? – с подозрением спросила я.

– Позапрошлый ноябрь.

– Мы тогда даже не встречались! Не жульничай! И вообще, долго еще ты собираешься жаловаться каждому встречному, сколько раз я тебя бросала?

– До тех пор, пока ты не устыдишься и не бросишь эту привычку.

То есть до тех пор, пока ты не перестанешь вести себя как придурок. Что значит никогда. Но я прикусила язык. И так понятно, к чему Диз этот разговор завел. Пытался обезопасить меня.

С самой первой встречи в приемной ректора меня удивляло, что «Хантерс» вообще рассматривали меня в качестве стажера. Мои чувства к Дизу ни для кого не были секретом. Макс им наверняка рассказал. А если нет – достаточно было увидеть нас хоть раз. Они знали, что я влюблена в демона. Раз так – не имело смысла скрывать.

А если они взяли меня не вопреки, но потому что мы с Дизом встречались, надеясь через меня получить рычаг давления на него... Что ж, их ждал сюрприз.

– Я напишу, когда освобожусь, – пообещал Диз, останавливаясь у перехода в жилой корпус.

Я фыркнула:

– Еще бы. Только попробуй опять не ответить на мои сообщения.

Особенно если они будут в духе «Я тут без тебя умираю, ты где?».

– У меня создается впечатление, что ваши сотрудники мне угрожают, герр Хадек, – пожаловался Диз.

– Это стажер, – несмотря на все наши старания, начальник оставался до оскорбительного невозмутим. – Она у нас временно, не обращайтесь на нее внимания.

В пятом отделе было пусто: если никто не назначал совещаний, сотрудники редко сидели на своих местах. Проверить то, посетить это... Поскольку мюнхенский офис отвечал за центральную и южную Европу, у каждого из сотрудников, на чьих визитках числилось нейтральное *Regional Performance Manager*, география проверок была обширной. Не зря пятый отдел назывался полевым. Подойдя к своему столу, я вздрогнула. Сбоку, так, чтобы видеть монитор, стоял утешенный из переговоров стул. Синюю кружку с дурацкой надписью «Почему сезон называется туристическим, а отстреливать их нельзя?» кто-то разместил ровно по центру сложного узора из кофейных колец. Не кто-то. Лукас. С трудом отогнав мысли о накрытом простыней теле, я прислушалась. Из кухни доносились тихие голоса.

Макс обсуждал что-то с Каем, разглядывая экран смартфона. При виде меня он едва заметно улыбнулся.

– Ты как?

– Нормально. – Далеко от этого, но что толку других грузить? – Что у вас?

– Объявили следующую ярмарку гоблинов, – Кай подвинулся, уступая мне место у кофемашины. – Выложили каталог.

– Гоблинов?

– Просто старое название. Подпольный магический аукцион. Для всех, кто назовет пароль. Даже для... – Макс запнулся, чуть не произнеся «обычных». В присутствии Кая это было бы не слишком вежливо. – Даже для людей.

– Что там интересного?

– Всё, что запрещено, – молодой Охотник потянулся за своей чашкой. – Ты ни разу не была, что ли?

Зато он, кажется, бывал. Я поставила кружку на поддон и нажала кнопку. Офис «Хантерс инкорпорейтед» – не ГООУ, здесь нет экспериментов с эмоциональным интеллектом кофе-аппаратов. Зато у меня появился шанс сварить что-то нормальное. Запах зерен заставил вспомнить о ленивых утрах в залитой солнцем комнате общежития и прошлом лете.

– Диз приехал, – сообщила я Максу.

Скрывать не было смысла. Все равно скоро узнает, если еще не... Макс нахмурился.

– Зачем?

Я пожала плечами – и чуть не расплескала кофе, когда телефон в кармане завибрировал от эсэмэски.

– Начальство хочет меня видеть, – я подняла растерянный взгляд на коллег.

Мы ведь только что расстались?

Кабинет начальника пятого отдела – стеклянный кубик, в котором едва помещались стол и два стула, – находился на противоположном конце этажа. Иногда мне казалось, что Мартин специально выделил мне место подальше от себя, лишь бы пореже видеть навязанную стажерку. Может, так оно и было.

– Закрой дверь, – велел руководитель, не отрываясь от монитора. – И подходи.

Я выполнила приказ. Вопрос «Зачем я здесь?» лишился смысла, как только я поняла, что смотрел Мартин.

Камеру установили на столе так, что создавалось впечатление, будто Диз смотрит не в объектив, а на меня. На Мартина: вряд ли Диз знал, что мне решат показать съемку.

«Напишу, когда освобожусь»... Я сглотнула. Диз не зря не стал уточнять, чем будет занят.

Все лицо – лоб, высокие скулы, подбородок, переносицу – покрывали порезы. Глубокие, один из них до сих пор кровоточил. Тонкий темный след спускался по шее и скрывался за воротником рубашки. Запирающий магию контур. Сдерживающий – чтобы Диз не мог поменять облик. Сильный, раз Диз не мог его сломать. Так и застрял где-то посередине, уже не человек, но пальцы без лишней фаланги, а кровь не выглядела серой. Сигилла на лбу – теперь он не скажет ни слова лжи. Пришлось на секунду зажмуриться и напомнить себе: всё, что здесь происходило, было с его позволения и по его желанию. И Диз не ощущал боли.

Но это не значило, что ее ему не причиняли.

– Вы...

– Стандартная процедура проверки. Смотри. Хочу, чтобы ты знала, кого любишь.

Какая трогательная забота.

– Я знаю. Видела его в Аду; вы забыли мое досье?

Наблюдая за моей реакцией, Мартин нажатием пары клавиш прибавил звук.

– Дэвид Галлахер. Почему вы выбрали его?

– Он талантлив. Вас в самом деле удивляет то, что я отбираю лучших для работы в моей компании?

Против воли я не удержалась от улыбки. Скованный, весь в засохшей крови, Диз умудрялся звучать так, будто его пригласили на чай – и общество в салоне ему до смерти надоело. Представляю, как этот скучающий тон должен был раздражать интервьюера.

– Что насчет Соколовой? Почему она?

Я невольно затаила дыхание.

– Она смелая, – этот ответ был полон того же безразличия, что и предыдущий. – Вы знаете, насколько это привлекательно для таких, как я.

Мне не было больно. Я этого ожидала. Хотя на секунду показалось...

– И всё?

По тонким губам скользнула усмешка. И мгновенно пропала.

– Нет. Еще она вкусная.

На стол передо мной лег сотовый телефон.

– Если хочешь еще что-то узнать, я передам твой вопрос.

Я мысленно встряхнулась и посмотрела на начальника. Толсто, дядя Мартин, толсто.

– Ничего. Я могу идти?

Темные глаза (почему они казались мне серыми?) внимательно смотрели на меня.

– Уверена? Любой вопрос. Все, что он от тебя скрывал и о чем умалчивал.

Заманчиво, но...

– Нет, спасибо, – отказалась я. – Если Диз захочет, он сам мне расскажет.

Это называется доверием.

Весь день я изводила телефон в ожидании эсэмэски. А потом не выдержала и пошла к нему сама. Выяснить, куда поселили Диза, оказалось несложно – достаточно было сделать лицо кирпичом и сказать, что меня Мартин послал. Постучав и не дождавшись ответа, я осторожно заглянула в комнату.

Комната тонула в полумраке. Диз сидел на кровати, откинувшись к спинке и прикрыв глаза. Он не отреагировал на меня: для демона – проявление доверия. И того, как плохо ему было. Никто из демонологов не задумывается, что ощущает призываемый. Как ломает кости сдерживающий контур, как от защиты выворачивает наизнанку. Диз не испытывал боли, но это не означало, что его тело ее не замечало.

– Я только оставляю это, – предупредила я, ставя чашку на тумбочку.

Пол-литра молока, тройной эспрессо и четыре ложки сахара – не лучшее лекарство от сигилл, но других не существовало. Да и это должно было скорее успокоить меня, чем помочь Дизу. Дать мне повод увидеть его. Даже в таком освещении оставшиеся от порезов шрамы невозможно было пропустить. Лицо казалось болезненно худым, а тишину в комнате нарушало лишь прерывистое дыхание.

Не получив ответа, я решила оставить его одного. Развернулась и уже дошла до двери, когда...

– Я люблю тебя, – внезапно сообщил он.

Хрипло, почти простуженно – но ведь демоны не болеют. Как и гени. Я остановилась, положив ладонь на латунную ручку. Почему он решил это сказать? Узнал, что я слышала тот вопрос?

Помедлив, я подошла и присела к нему на кровать.

Спасибо, Диз, но...

– Нет. Не любишь, – прошептала я, прислоняясь своим лбом к его. Улыбнулась. Искренне и счастливо. – Ты не знаешь, что такое любовь, ты в нее не веришь, помнишь? Но все в порядке. Потому что я верю.

И тебя люблю. Давно и так сильно, что мне многого стоило не сказать это вслух.

А утешение мне такое не нужно. Хотя я его оценила. Как и ответ на записи. Смелая и вкусная? Не так плохо. Главное, правдиво.

Диз открыл глаза и весело хмыкнул:

– Ну да, ты ведь так хорошо разбираешься в своих чувствах. В чужих, должно быть, вообще эксперт. Останься, – попросил он, когда я попыталась встать.

– Уверен?

Никому не нравится, когда его видят слабым, но для демонов это была жизненно важная тема. Свидетелей своей слабости они предпочитали убивать, а не разделять такие моменты с кем-то. Вместо слов Диз поймал мою ладонь и потянул к себе. Намек понят. Я перелезла на середину кровати и устроилась рядом, положив голову ему на плечо. Знакомый запах нарциссов, приглушенный защитной магией, обещал спокойствие и умиротворенность, и вообще Диз рядом ощущался как-то... Правильно. И в то же время невероятно. После стольких недель без него...

Диз провел пальцами по моему запястью, повторяя контур татуировки. Я дернулась:

– Щекотно.

– Это что-то новое. Почему ласточка?

Вместо ответа я пожала плечами. Было неловко говорить о ней. Будто о чем-то личном, хотя я знала, что Диз – возможно, единственный – меня не осудит. Никогда.

– Чтобы не забывать, что когда-нибудь станет лучше? Ну, знаешь, символ надежды. Земля уже близко, весна скоро придет, рано или поздно тебе будет легче, чем сейчас.

Диз снова дотронулся до раскрашенных крыльев.

– У нас она означает нечто иное.

Я удивилась:

– В Аду водятся ласточки?

– Они везде водятся. Психопомпы. Прилетают зимовать. Ты правда ни разу там их не заметила?

Как-то мне не до того было.

– Что они означают?

– Свободу, – откликнулся он. – Есть легенда, что, если упасть ласточке на крыло, можно перелететь с ней через Границу.

Я не удержалась от смеха: хорошее совпадение получилось. Диз повернулся, внимательно рассматривая меня. Вытянул руку, намотал прядь моих волос на палец.

– Ты подстриглась.

Я мотнула головой. Спускавшиеся до подбородка пряди упрямо лезли в лицо. Пришлось высвободить руку, чтобы их убрать.

– Ты это уже видел.

– Одно дело – по «скайпу», в реальности – совсем другое, – он широко улыбнулся. – Никогда не думал, что на самом деле ты кудрявая.

– Просто в Аду сухо, а в ГООУ влажности вообще нет.

Там вообще ничего нет, кроме пустоты. Граница была самой настоящей и самой совершенной иллюзией.

– Подумать только, – протянул Диз, – стоило оставить тебя одну на пару месяцев, как ты обрезала волосы и сделала себе татуировку. Что было бы следующим, если бы я не приехал?

И хотя в голосе его слышался смех, на мгновение я почувствовала себя неуверенно. Глупо и по-дурацки, но... А вдруг его отталкивают татушки на девушках? Что, учитывая его татуировки, было бы жуткими двойными стандартами, но... Опять это идиотское «но».

– Тебе не нравится? Ласточка.

– При чем здесь я? – удивился Диз. – Даже если ты устроишь из своего тела картинную галерею, какое мне до этого может быть дело?

«Спокойно, Наташа, – мысленно напомнила я себе. – Это не значит, что ему на тебя плевать. Это означает, что он ценит твою свободу и уважает твои решения...»

Я вздохнула. Нет, аутотренинг не помогал, ударить его все равно хотелось.

– Пять, – мстительно сообщила я вместо этого. – Я сделала пять татуировок.

– Смело, – оценил Диз. Убрал в сторону мои волосы, открывая шею. – Вторую вижу. Третья?

– Ниже.

Широкий вырез футболки съехал вбок. Я не стала его поправлять. Пальцы с все еще слишком длинными ногтями спустились от загривка к лопатке. Стрела – как символично – была нанесена сзади на плечо. Рядом, у основания шеи, Фабио нарисовал компас. Переводчик и заряженный артефакт переноса на экстренный случай. Последний я надеялась никогда не использовать, первый был удобен, но вспоминала я о нем только, когда люди начинали юситься на нас с Максом, недоумевая, как мы умудряемся общаться на двух языках одновременно.

– Четвертая?

– Ниже, – повторила я.

Футболка упала на паркет. На этот раз пальцы прошли вслед за бретелькой лифника. Вверх, вперед и вниз. И опять вверх, возвращаясь туда, где под ключицей чернел полумесяц. Ровно на том же месте, где у него самого была татуировка. Почему-то тогда это казалось очень правильным.

Диз опять промолчал, заставляя гадать, что он на самом деле думал. Одобрял? Нет? Пытался сопоставить картинку с привычной? Я до сих пор иногда удивлялась, натываясь взглядом на одну из татуировок, а времени, чтобы сжиться с ними, у меня было больше. Но по его лицу, как всегда, было ничего не понять.

Пока он не наклонился, чтобы меня поцеловать. Когти скользнули, царапая кожу.

– Пятая?

Я думала признаться, что последняя – веточка лаванды – расцвела на щиколотке, скрытой сейчас под джинсами. Но вместо этого посмотрела в зеленые глаза и улыбнулась:

– Ниже.

Глава 4

Стеклянные цветы

Утро началось с сердитого жужжания телефона. Не открывая глаз, я потянулась к тумбочке, но вместо этого наткнулась на что-то другое. Кого-то другого. Я испуганно подскочила на кровати и тут же с облегчением выдохнула. Темная шевелюра и татуировка на левом боку идентифицировались моментально. Все в порядке. Можно снова ложиться.

Почувствовав мои намерения, упавший вместе с джинсами на пол смартфон опять завибрировал. Я посмотрела сообщения и тихо выругалась.

«Где ты?»

«У тебя пятнадцать минут до совещания».

Часы показывали две минуты десятого. Спасибо, Макс разбудил. Собрав в охапку вещи, я попыталась перелезть через Диза и не разбудить его. Не удалось.

– Спи, – сонно пробормотал он, ловя меня за руку.

– Не могу. Некоторые из нас работают, знаешь ли.

– Тогда не мешай спать, – велел он и отпустил.

Перевернулся на другой бок и спрятал голову под подушку. Возмущенно фыркнув, я натянула футболку. Вот, значит, как?

Пропуск, в отличие от телефона, никак не находился. Отчаянно чертыхаясь, я сдвинула в кучу его одежду и схватила оказавшуюся под ней карточку.

Девять десять. Пять минут, чтобы спуститься, пересечь двор и подняться на четвертый этаж. Если поспешить, могу успеть.

В дверях я на секунду замешкалась. Вернулась, чтобы поднять с пола рубашку, показала язык кровати и закрыла за собой дверь.

В переговорку удалось вбежать за тридцать секунд до Мартина. Только и хватило времени плюхнуться на стул в углу – места у стола стажерам не положены, и без того желающих хватает – и принять невозмутимый вид.

Занявший подоконник Макс послал мне сердитый взгляд через комнату. Я пожала плечами. Будто случилось что-то особенное. Если бы они с Райли не расстались и рыжая решила бы его навестить, напоминать о собрании пришлось бы уже мне.

Утренний брифинг – не самое интересное времяпровождение, когда находишься внизу карьерной цепи, а самым твоим ответственным заданием пока было рассортировать архив обращений. Краем уха слушая чужие статусы на сегодня, я закатала рукава. Рубашка была безнадежно велика, но внешний вид меня мало волновал. Не после встрепанных волос и осыпавшейся за ночь туши. Сидевший рядом Кай сморщил нос, словно к чему-то приносясь, и, сдвинув брови, посмотрел на меня. Я невинно улыбнулась в ответ.

Использовавшееся Охотниками «око» было настроено на распознавание демонов, а если не на мне, то на рубашке точно еще чувствовался Диз. Его магия, его природа. Иначе с чего вдруг я сегодня вызывала у всех присутствующих такой интерес? Настолько пристального внимания я не устаивалась с того дня, как сломалась кофемашина и весь пятый отдел искал, кого послать в булочную.

Только от Мартина дожидаться реакции не получилось. Мазнув взглядом по серо-желтой клетке, начальник закончил обсуждать вчерашние результаты и только тогда обратился ко мне:

– Наташа...

«А вас попрошу остаться», – мысленно закончила я за него, но напрялась. Либо что-то с Лукасом, либо велят сидеть в офисе и перебирать скрепки – оба варианта были одинаково вероятны.

– В моем кабинете через пять минут. Максен, вас тоже попрошу подойти.

Неужели все-таки первое? Я похолодела. С трудом дождавшись, пока все выйдут, через лабиринт брошенных стульев я пробралась к Макс.

– Серьезно? – первым делом поинтересовался он.

Я пожала плечами:

– Она теплая.

– Дело только в этом?

Конечно нет. Лето на дворе. Даже под офисным кондиционером не замерзнешь.

– Зачем ты настраиваешь их против себя?

– Я?

– Ты, – устало передразнил меня Макс. – Хочешь, чтобы они знали, что ты спишь с демоном? Теперь знают. Чего ты добивалась? Конечно, им это не нравится. Это идет против всего, во что они верят! Ты идешь против всего, во что они верят. Дай им время привыкнуть. Не обязательно так демонстративно...

«Дай им время»? Не помню, чтобы мне его кто-то давал. Чтобы кто-то вообще задумывался о том, что мне тоже может быть нелегко.

– Я не буду ничего скрывать, – перебила я Макса. – Если им что-то не нравится, их проблемы. Мне остался здесь месяц. Потерпят.

– А если дольше?

– Тем более. Пусть привыкают. Зачем нас вызвал Мартин?

Макс потер лицо:

– Откуда мне знать?

– Потому что ты всегда знаешь больше, чем говоришь.

– Твоя недоверчивость со временем меньше не становится?

– Я ей не позволяю, – парировала я, сжевав зевоту в кулак. – Моя недоверчивость – единственное, благодаря чему я еще жива.

Макс вздохнул.

– Я забыл, какой неприятной ты бываешь до первой чашки кофе.

Ты даже не подозревал, Макс. Я встрепенулась, услышав знакомое слово:

– Думаешь, успеем завернуть на кухню?

– Не испытывай его терпение, – посоветовал друг. – У него и так не самый простой период.

Стоило Макс напомнить, как за провокацию стало стыдно. В самом деле, не до ребячества сейчас.

Мартин ждал нас. В большей степени Макса, судя по первым словам. Не отрываясь от ноутбука, начальник велел нам сесть, дописал письмо и только после этого обратил на нас внимание.

– Я хочу попросить вас еще задержаться, Максен, – начал он. – В данный момент получилось так, что у Наташи нет напарника. Вы были ее наблюдателем два года, вам она доверяет. Разумеется, ваше присутствие здесь согласовано.

Макс весело посмотрел на меня.

«Доверяешь?»

«Не в этой жизни».

Новость номер один: в офисе меня держать не будут. Понять бы еще, хорошо это или плохо...

– Погодите, разве это не против ваших правил? – не удержалась я от вопроса. – Напарником гени должен быть человек. Я гени, Макс тоже... не совсем из ваших.

– В лояльности мистера Уолша я не сомневаюсь. – Ну да, разве мог выбирать тот, кто был по сути рабом? – И, боюсь, если я буду ставить к тебе своих людей, к концу твоей стажировки у меня закончатся сотрудники.

Я сцепила пальцы в замок. Нехорошо, Мартин. Нечестно. Впрочем, учитывая, что его племянник оказался из-за меня на больничной койке, начальник имел право считать иначе.

– Ко второй теме, – Мартин не стал ждать ответа. Но опять же, кого здесь интересовало мнение Макса? – Вчера опознали нашего вампира, – он протянул мне тонкую папку.

Я открыла ее. Харви Берквилл; пять лет назад, когда он исчез, ему было восемнадцать. Меньше, чем мне сейчас. После выпуска из школы отправился в турне по Европе с бывшими однокашниками. В последний раз его видели в Берлине...

– Считаю это своим первым делом. По всем вопросам Максен будет тебе помогать; если что – знаешь, где меня найти.

– Простите?!

Мысленно я повторила список фраз, которые ни в коем случае не стоит говорить начальству. Память не подвела: «Вы сошли с ума!» стояла там на гордом третьем месте.

– Мне кажется, у меня недостаточно высокая квалификация для таких заданий, – вспомнила я более цензурный аналог с одного из тренингов по развитию, на который в период сердечной тоски меня затащила Райли. Вторую половину фразы («Для его выполнения мне понадобятся ваша поддержка и пошаговые инструкции») я пропустила и вместо этого сорвалась: – Вы серьезно?!

– Вам не кажется, что это немного чересчур? – вступился за меня Макс.

– Это не мое решение, – Мартин достал сигареты, посмотрел на датчик дыма в потолке и с сожалением отложил их в сторону. – Хотите поспорить – поднимитесь на пятый. Но Наташа может отказаться.

– Я отказываюсь! – поспешила я заверить начальника, пока тот не передумал.

– Отлично, – Мартин потянулся за папкой. – В таком случае дело закрыто. Сможешь взять в медотделе документы для его передачи на реабилитацию в ГООУПиОАатСДиРН и отправить профессору Баласубраманиану?

Так и знала, что без подвоха не обойдется. Я вцепилась в бумаги.

– Что значит «закрыто»?

– Пострадавших нет, смысла тратить ресурсы на него я не вижу.

– Он, по-вашему, не пострадавший?

– Никому из людей, – подчеркнул начальник, – ущерб причинен не был. Не вижу оснований, чтобы продолжать расследование.

Племянника он, значит, не считал...

– Ребенок пропал! Его убили, никто не знает, сколько держали в таком состоянии, и этого вам недостаточно?

– Дела магов остаются делами магов. Мы не обязаны вмешиваться, пока не нарушается Договор и человеческим жизням не угрожает опасность.

– Вы не можете...

– Мы можем, – перебил меня Мартин. – Если нет риска для обычных, мы не ввязываемся в ваши разборки. В порядке исключения тебе предложили, но раз ты отказываешься...

У меня появилось гнусное ощущение, что меня поимели. Это фирменный стиль «Хантерс», что ли? Загнать в угол и представить всё таким образом, будто жертва сама сделала выбор.

– Отдайте, – потребовала я.

Мартин с готовностью вернул папку. И передвинул по столешнице флешку:

– Я попросил коллегу из британского офиса поговорить с его родителями. Посмотри, тебе будет полезно.

Неприятное ощущение только усилилось. Кое-кто не сомневался, что я соглашусь.

– Хотите еще что-то обсудить? – с широкой улыбкой поинтересовалась я. – Если нет, то я пойду заниматься своим делом.

«Полезно», мать вашу. Чертов Мартин. Чертов, чертов Мартин...

И все же я была признательна ему за то, что мне не пришлось видеть это вживую.

Наверное, так выглядела мать Лукаса, когда смотрела на сына – опутанного проводами и трубками, не приходящего в сознание, не живого и не мертвого. Только родителям Харви было едва ли не хуже. Потерять сына, почти смириться с его смертью, но продолжать надеяться, что случится чудо и он вернется... А потом узнать, что он жив – величайшее счастье, верно? Только они никогда больше его не увидят.

В этой части этажа было тихо. Я опустилась на линолеумный пол – белый, как всё здесь – и обхватила колени. Я позорно бежала ото всех туда, где меня никто не стал бы искать: в медотдел. Весь день я держалась. Когда смотрела видео с флешки, когда разбирала бумаги Лукаса и заполняла за него те отчеты, которые он не успел доделать. Но сейчас...

Пять минут, ладно? Совсем немного, чтобы побыть одной и собраться с мыслями. А потом я встану. Поднимусь на пятый этаж, как сказал Мартин. Найду кабинет без таблички в конце коридора. Постучу...

И мне никто не ответит. Я попробовала еще раз – с тем же результатом. Осторожно приоткрыла дверь, и до меня донеслись тихие голоса:

– Это же миллениалы, нельзя с ними так. Если тебе нужна новая кровь, ты не можешь больше ломать их по своему образу.

– Предлагаешь, как Дерек тут написал, сделать им *graduate program*? С ротациями по отделам и офисам для лучшего понимания бизнес-процессов и обширной программой развивающих тренингов? Чему мы их там учить должны, по его мнению? – осведомился женский голос. – Менеджменту? Кстати, почему она называется *graduate program*, если рассчитана на *undergraduates*?

В комнате никого не было – в витринах книжных шкафов отражалось лишь мое расстроенное лицо. Сгорбив отражению рожу, я попробовала выдавить из себя хоть какое-то подобие улыбки.

Кабинет сильно отличался от остальных помещений «Хантерс». Если везде царили белый цвет и безликий офисный хай-тек, то здесь время замерло в начале прошлого века. Прикрытый ковром паркет. Тяжелая дубовая мебель. Камин за расшитым шелком экраном. Комната была странно вытянутой: я могла поспорить, что заканчивалась она там, где со стороны коридора значился архив. Не ожидала встретить здесь искажение пространства. Я двинулась на звук вдоль ломившихся от книг полок.

Мужчина продолжал гнуть свою линию:

– Нужно дать им смысл, интерес к делу. Геймификацию или как там она в презентации называлась...

– По-твоему, это не квест? – хмыкнула женщина. – Утром ты жаловался, что он слишком сложный...

– И она уволится. Еще до конца стажировки. Точно тебе говорю, – стеклянное звяканье раздалось на этот раз прямо за стенкой. – Мне нужен человек. Лукас в ближайшее время работать не будет, она уйдет самое позднее через месяц, еще одного сотрудника я должен выделить под твоего гостя. Мне не хватает людей. Если не можешь привлечь новых – перемести кого-нибудь из другого офиса.

Постучав, я осторожно приоткрыла дверь в гостиную – такую же старомодную, как комната перед ней:

– Простите...

– Ты и так получил стажера и Макса.

– Стажер – это не сотрудник, Максена ты одолжила на время. Дай мне постоянную ставку.

– Не дам. *Cost saving*. Твоя ставка ушла в Мексику.

– Они в жизни не выдавали таких *KPI*, как мой отдел!

– Именно. Если ты и так поддерживаешь лучшие показатели, зачем тебе еще люди? Им нужнее.

Судя по всему, меня собирались и дальше игнорировать. Распахнув дверь, я вошла. Мартин наконец соизволил меня заметить и закатил глаза.

– У меня обед, – сообщил он из глубокого кресла. – Еще полчаса меня не существует.

Обед? В пять вечера? Но расставленные на столике коробочки из китайского ресторана и бокал красного не оставляли простора для сомнений. Второй бокал нашелся в руках у расположившейся на подоконнике коротко стриженной брюнетки. Той самой...

Почему меня уже ничего не удивляло?

– Вообще-то я не к вам...

Я знала, что «Хантерс инкорпорейтед» – и Орден Медведицы до него – был основан под защитой Дианы и с полной ее поддержкой. Из всех богов она единственная вступилась за обычных. Диз утверждал, что дело было в характере, который не позволял ей пройти мимо униженных и обездоленных. Я после встречи на берегу склонялась к версии, что было что-то еще. Кто-то еще.

Но для меня стало неожиданностью, что Диана не только основала «Хантерс», но и продолжала участвовать в их повседневной деятельности. Не ее я думала увидеть, когда Мартин предложил обратиться к его собственному руководству.

Хотя могла бы предположить. Вот, значит, кто за всем стоит...

Диана сделала слишком большой плоток и поперхнулась. Закашлялась. Активно жестикулируя, показала на себя: мол, ко мне? Видимо, обычно стажеры не донимали богиню просьбами.

– Я же говорил, – вздохнул начальник. – Мне нужен новый сотрудник, Ди. Немедленно.

– Она не увольняться пришла, – подала наконец голос богиня, отставляя бокал.

Соблазн определенно присутствовал. Больше никакой «Хантерс», никакой боли. Что будет с Лукасом – какая разница, в суе ГООУ он скоро забудется. Случайно столкнувшись с Харви в кампусе, я его даже не узнаю...

– Нет, – признала я. Если уволюсь, то не сегодня. – Я хотела предложить сэкономить вам сотрудника. На один вечер, по крайней мере.

Через стеклянную стену переговорки можно было увидеть, как Диз, сидя на краешке стола, объяснял что-то собравшимся Охотникам. Длинные пальцы при этом порхали в воздухе. Казалось, еще мгновение – и я сумею угадать ритуальный узор, но... Нет. Все-таки два года зубрежки, пусть интенсивной, и целая жизнь, проведенная среди магии и заклинаний, – несравнимо. Рядом с любым гени я чувствовала себя ничего не знающим младенцем; что говорить о ДIZE, который если не работал, то учился. Всегда. Всеми. Такой объем знаний не догнать и за десятилетие.

Но я все равно попытаюсь.

Диз обернулся, когда я толкнула прозрачную дверь, и одарил меня широкой улыбкой. Кем надо быть, чтобы улыбаться в помещении, полном Охотников? Даже я не чувствовала себя достаточно комфортно среди них. А я не была демоном.

– Кто еще не знаком, это Наташа. Она проходит стажировку в пятом отделе, – представил меня Диз.

Я махнула рукой в ответ. Незнакомый мне паренек с дальнего конца стола задержал взгляд на шрамах.

– Только не говори, что тоже хотела послушать, как работает приложение, – предупредил Диз. – Я объяснял тебе четыре раза.

И пообещал, что расстанется со мной, если ему придется повторять по новой. Но, чтобы мне об этом напомнить, пришлось бы добавить к представлению «моя девушка». Чего Диз не сделал.

– Нет, я... Вы здесь еще долго?

– Уже закончили, – Диз посмотрел на аудиторию. – Никто не против? Вопросов вроде больше нет, но, если будут, вы знаете, где меня найти.

Пришлось пережить череду рукопожатий, прежде чем мы остались одни.

– Как тебе удалось с ними так быстро подружиться? – оскорбленно спросила я, присаживаясь рядом с ним. – Со мной они здороваться только через месяц начали.

При том что я, опять замечу, демоном не была. Обидно.

– Природное обаяние, – Диз поправил на мне воротник рубашки и вопросительно изогнул бровь. Я предпочла намек проигнорировать. – И ю мне они больше привыкли. Я приписан к этому офису. Каждый визит, каждая проверка... Так зачем ты здесь?

– Хочешь слинять на вечер отсюда?

– Не хочу тебя разочаровывать, но я здесь не гость, – мягко заметил он. – Сомневаюсь, что Мартин позволит мне выйти в город.

– Сегодня он разрешил.

Точнее, разрешила Диана, но сказать это было выше моих сил. Пришлось бы признать, что я говорила с богиней. Что эта самая богиня существует в реальности. Что она носит растянутые свитера, стрижет волосы почти под ноль и использует в речи словосочетания «*cost saving*» и «программа стажировки».

После всего произошедшего за последние два года я могла принять, что некоторые существа в этом мире живут намного дольше положенного человеку срока. Но произнести вслух «Античная богиня охоты и целомудрия и по совместительству моя начальница разрешила устроить свидание с моим парнем-демоном за пределами охранного круга» было для меня чересчур.

Может, как-нибудь в другой раз. Когда я окончательно смирюсь с абсурдом, в который превратилась моя жизнь, или буду в достаточной степени пьяна.

– Условия?

Я продемонстрировала покрывшуюся коростой печать на запястье.

– Если причинишь любой вред человеку, я умру. Если заключишь с кем-либо договор, я умру. Если не вернешься сюда до полуночи, я умру. Сыграем в «Золушку»?

Правда, в этой версии сказки мне досталась роль тыквы.

– Ты настолько мне доверяешь?

– Всегда.

Диз выразительно на меня посмотрел. Я закатила глаза:

– Даже не начинай!

Ему практически в любви признаёшься, а он только и ждет, чтобы спросить, как долго длится это «всегда» и до какого предела распространяется.

– Так ты согласен?

– Вообще мне должны доставить ужин из «Шварцрайтера»... – Диз хмыкнул, глядя на медленно закипающую меня. – Конечно согласен.

Было нереально идти по улице с Дизом. Я привыкла видеть его в ГООУ, но там кого только не встретишь. Здесь, в обычной жизни, все казалось таким странным.

Нет, со стороны все выглядело совершенно обычно: высокий несклепистый парень в растянутой футболке – мало ли таких сутулых очкариков по городу бродит? Но осознание, что тот, кто следует за мной, не человек – он настолько далек по своей природе от человека, насколько это вообще возможно... Что он – сын смерти и будет жить тысячелетия спустя, когда от этих домов не останется даже воспоминаний. Что он, вероятно, может уничтожить как минимум этот квартал и не поморщиться. Все это мозг решительно отказывался воспринимать. Диз вопросительно изогнул бровь, ловя мой взгляд в отражении в витрине.

– Значит, ты здесь уже бывал? – поспешила я найти тему.

– С тобой – нет.

Что в переводе означало «тысячу раз». Я вздохнула. Попробуй такого впечатлить.

– Как твое мороженое?

Диз остановился, чтобы протянуть мне рожок. Я лизнула и поспешила вернуть: сладость миндаля и горечь амаретто – не моя чашка чая, как говорят англичане.

– Нормально. А что?

Я пожала плечами:

– Просто. Вообще-то это была лучшая желатерия в городе.

Говорила же: не впечатлить. Он только улыбнулся, снова меня обгоняя:

– Напомни мне показать тебе действительно лучшее. Есть одно место в Неаполе возле Святого Северина...

Я едва не запнулась о брусчатку. Это намек такой, про Неаполь? Словно в ответ на мои мысли о том, что я, оказывается, не имею ни малейшего представления, какое место занимает Диз в моей реальной жизни. Или просто информация к сведению, что не умеешь ты точки общепита выбирать, Наташа?

Или все-таки... Обещание? Что всё это, возможно, всерьез и надолго?

Хотя кому я вру. Отношения, пережившие Ад, смерти, кучу расставаний и даже одно странное «люблю тебя», – это определенно всерьез. Независимо от мест и реальностей.

– Сфольятелла, – решила я, догоняя и беря его за руку. – Если мы с тобой окажемся когда-нибудь в Неаполе, покажешь мне лучшие сфольятелла и дзепполе. Мороженое я везде попробовать могу, а их – только там.

Судя по улыбке, Диз понял, что скрывалось за этим ответом. Но промолчал:

– Договорились. Так куда мы идем?

– Не знаю, – призналась я. – Понятия не имею, что тебе показать. Ты и так всё видел.

– Буду откровенен: мои проводники редко размениваются на достопримечательности. Давай. Обычный туристический маршрут, ты справишься, – подбодрил он меня. – Что ты показывала родителям, когда они приезжали?

На этот вопрос я бы предпочла не отвечать.

– Ты всю неделю избегала их как могла и отсиживалась в офисе, – угадал Диз.

– Неправда! Я провела с ними целый день.

– Один. Из семи.

– Я была очень занята!

Перебиранием бумаг. Кому я вру? Будто Мартин не отпустил бы. Мне и так было очень стыдно, а стало еще больнее. Но что еще я могла сделать?

Родители были очень рады за меня и гордились. Как же, дочь еще на втором курсе нашла хорошую стажировку в крупной известной компании, не где-нибудь, а в Европе. На условиях, о которых другим остается только мечтать. Наконец взялась за ум, наконец у нее всё под контролем...

Черта с два у меня что-то было под контролем. Я заполняла отчеты по существам, которым было место разве что в сказке, и отчаянно боялась сболтнуть что-то не то. Я врать не умею, у меня все на лице написано! И как с моей мимикой я должна была вещать про будни R&D-отдела, в котором числилась? Естественно, я старалась ограничить общение с ними. А они... Расстроились, конечно. Но понимали. Думали, что понимают. В то время как дочь врала им в лицо.

Надо было признать, что тот мир остался для меня позади, и порвать с ним окончательно, но я не представляла, как это сделать. И кое-кто, по непонятной причине считавший, что мой контакт с родителями – это очень важно, совершенно мне в этом не помогал. Я мрачно посмотрела на Диза. «Обычный туристический маршрут», значит? Ладно.

– Сам напросился, – предупредила я.

– Куда ты меня ведешь? – поинтересовался он, пересекая следом за мной площадь. – Если ты не заметила, Мариенплац перед тобой, можешь остановиться.

– Зачем?

– Достопримечательность.

– Вряд ли тебя можно впечатлить механическими часами. Они все равно больше не будут сегодня играть.

– Тогда куда? Рынок? Музеумсинзель?

Нет, так просто я ему свой план не сдам. Я улыбнулась.

– Все равно не угадаешь.

Лавируя между туристами, я свернула в переулок с прямоугольной, будто сплюсненной башней Старого Петера. Позади меня Диз вздохнул.

– До сих пор считаешь, что меня напугает церковь?

Я обернулась, чтобы посмотреть на него:

– А что, не пугает? Ты подойти-то к ней, кстати, сможешь?

Об этом я не подумала.

– Даже если опустить тот факт, что я не имею отношения к христианству... Дьявол смог войти в Фрауенкирхе, отчего мне не заглянуть? Может, окропишь меня святой водой, и закроем наконец эту тему? – позволил он.

Как-нибудь обойдусь. Игнорируя главный вход, я направилась к узкой дверце в белой стене.

– Серьезно? – спросил Диз, прочитав вывеску.

Я пожала плечами.

– Ты сказал устроить тебе экскурсию. Это мое любимое место. Хочу тебе его показать.

А триста ступенек при полном запрете на телепортацию – случайно получилось. Ничего личного. Разве что самую чточку...

– Тебя что-то не устраивает?

– Во всяком случае, это не катакомбы, – пробормотал Диз, направляясь к кассе.

– Что не так с катакомбами?

– Скучно. После пары сотен кости и черепа кажутся удивительно похожими, знаешь ли. Два студенческих, пожалуйста, – попросил он седую немку на входе, протягивая ей вместе с мелочью зеленую карточку. – Давай свой.

Я растерялась. В ГООУ выдавали студенческие билеты? В том самом, находящемся между мирами и обучающем магов ГООУ?

– У меня его нет.

Диз закатил глаза, показывая, что думает о моей предусмотрительности.

– Может быть, вы поверите мне на слово, что она студентка? – предложил он кассирше, высунувшейся посмотреть на меня.

– Да купи ты взрослый, здесь разница – евро!

– По ее виду я готова поверить, что она школьница, – улыбнулась ему женщина.

Опять трюк с мгновенным обаянием? Это не магия, это часть природы. Ее не запретишь. Или следовало признать, что никто не давал мне столько лет, сколько числилось по паспорту. И смириться с вечными подколками от Диза.

– Это будет лишним, – серьезно отказался он. – Мне только обвинений в педофилии не хватает. Она вполне совершеннолетняя, честное слово. Спасибо...

– У вас интересное имя, – заметила женщина, возвращая студенческий.

А еще очень любопытные документы...

– Это фамилия. На самом деле довольно распространенная. Идешь? – окликнул он меня.

Я выдержала ступенек пятьдесят, прежде чем любопытство пересилило. Посмотрев наверх, насколько это на винтовой лестнице было возможно, и не обнаружив в башне никого кроме нас, я перегородила проход:

– Откуда у тебя студенческий?

– У Норы попросил. – Поняв, что от меня не отделаться, Диз снова достал его. – Заполнил заявление, получил... Ты разве нет?

Даже не подумала об этом. В голову не пришло, что в магическом университете могут выдавать студенческие. Нахмурившись, я взглянула на карточку *ISIC*. Выглядела довольно достоверно, но...

– Может, у тебя еще и паспорт есть?

Какие вообще могут быть у демона документы? С невозмутимым видом Диз достал из заднего кармана джинсов бордовую книжицу с надписью «*Repubblica Italiana*» на обложке. Я перехватила ее и неверяще уставилась на фотографию.

– Кто, черт возьми, такой Андреа Диз Беллум?

– Это я, – оскорбился Диз. – Приятно познакомиться, крошка. Мне следует спросить у тебя справку об отсутствии ЗППП, или обычно ты все-таки узнаешь имя, прежде чем переспать с кем-то?

– Не смешно, – ткнула я его в плечо. – Но ладно, я понимаю, Беллум, но откуда взялся Андреа?

Диз пожал плечами:

– Спроси у Охотников, они документами занимаются.

Поддельными паспортами для демонов? Какой интересный побочный бизнес. Что за отдел на них

специализируется? Еще раз взглянув на старое фото, я вернула паспорт. А потом, пользуясь тем, что стояла на пару ступенек выше, наклонилась и быстро его поцеловала.

– Это еще за что? – с подозрением поинтересовался этот демон.

– Просто. Приятно познакомиться... Андреа.

– Мне тоже, – хмыкнул он, целуя в ответ. Длинные пальцы легли мне на затылок.

И все было бы хорошо, если бы в самый неподходящий момент моя нога не соскользнула по каменному ребру ступеньки. Если бы я не потеряла равновесие. Если бы телефон, от чьей вибрации я так дернулась, не показал почти семь часов вечера.

– Если не поторопимся, нас вытурят прямо с лестницы.

– Не имею ничего против. Можем сразу повернуть вниз.

– И пропустить еще двести пятьдесят ступенек? – фыркнула я. – Ни за что!

Перед закрытием наверху никого не было. Только мы и тонущий в золотой дымке город.

– Раньше здесь вроде как жил смотритель башни, – сообщила я, обходя галерею по кругу. – А если бы пришли не так поздно, увидели бы Альпы. Можешь себе представить?

Позади меня Диз тихо вздохнул.

– Признайся, тебе нравится высота или ступеньки?

Мне нравилось, что здесь никто меня не видел. Все остались далеко, если и посмотрят вверх – ничего не разглядают. А если кто-то поднимался сюда, то перед ним открывалась панорама поинтереснее, чем мое лицо. Я провела рукой по металлическому ограждению и остановилась, не зная, что ответить.

Диз подошел со спины и притянул меня к себе. Опустил подбородок на мой затылок и спросил:

– Теперь, когда мы точно одни и нас никто не слышит, может, расскажешь, что у тебя случилось?

Я попыталась вывернуться, чтобы взглянуть на него, но не тут-то было. Возможно, оно и к лучшему. Врать в лицо всегда сложнее.

– Почему ты считаешь, что что-то случилось?

– Ты не бросаешь меня без причины. Не замыкаешься в себе, когда у тебя все хорошо. Не реагируешь так на слова и не ведешь себя глупо. А дефилировать по «Хантерс» в моей рубашке было именно что глупо.

А еще мелочно и по-детски. Но оно того стоило.

Я поддалась его уговорам. Почти.

– Ты уверен, что нас никто не слушает?

– У «Хантерс» нет на это ресурсов.

Тогда ладно. Я опустила руки на парапет и посмотрела вниз, на ажурную ратушу и спящих по площади людей. Быть искренней, глядя в глаза, тоже всегда сложнее.

– Я очень налажала... – начала я свой рассказ.

Который оказался неожиданно длинным. Начиная с первого дня и отрубленных рук и заканчивая Лукасом...

– Я не знала, что будет так тяжело.

– Знала, – возразил Диз.

– Конечно. У «Хантерс» ведь такие привлекательные брошюры по всему ГООУ лежат: «Не пропустите! Смерть! Опасность! Боль и разрушенные жизни! С первого рабочего дня и до самого конца вашей карьеры!» Как я могла забыть?

Тихий смехок я скорее почувствовала, чем слышала.

– И все же ты знала, чем занимается пятый отдел. Макс должен был тебе рассказать во всех подробностях, пока отговаривал.

Ладно, было такое.

– Ты могла попроситься в любой отдел, в любой офис. Вряд ли бы тебе отказали. Если бы ты хотела, чтобы было легко, поехала бы в Стокгольм. Сереш попросил бы за тебя у Анн-Мари, никто бы в твою сторону не посмотрел косо. Если бы ты хотела, чтобы было легко, взяла бы стажировку по своей специальности. Сидела бы за микроскопом. Но вместо этого ты согласилась пойти в полевой отдел. К Мартину, у которого репутация самого жесткого начальника во всем «Хантерс».

– Насчет этого я была не в курсе! Почему ты не сказал, если знал?

– Это что-то изменило бы?

Ничего.

– Ты прекрасно понимала, на что шла. И стремилась именно сюда. Может, все-таки скажешь почему?

Запрокинув голову, я заглянула в зеленые глаза. Насмешки, как в начале нашего знакомства, не обнаружила. Несмотря на сентенции и раскладывание по полочкам... Вернее, именно эти сентенции и раскладывание по полочкам можно было считать заботой. В его особом, Дизовом исполнении. Наконец я решилась:

– Я тебе покажу.

Дом стоял чуть в стороне от пешеходного центра, там, где Бриеннершпрассе достаточно расширялась, чтобы на ней поместилась пара деревьев. Хотя кого я обманывала? Пятнадцатиминутный тур от ратуши, включавший в себя половину мюнхенских достопримечательностей, явно за «чуть» не считался. И район от этого проще не становился.

– Это он?

Я кивнула. Вычурный фасад под итальянское палаццо, большие окна, отливавшие на закате медью, над входом – балкон, подпираемый колоннами.

– Четыре этажа, картинная галерея, зеркальный бальный зал, семь гостиных...

– Зачем кому-то нужны семь гостиных? – ужаснулась я.

Диз высокомерно посмотрел на меня поверх очков, отрываясь от телефона.

– Советский Союз тебя окончательно испортил. Как можно жить без семи названных по превалирующему цвету отделки гостиных?

Прекрасно. Кто считал иначе, никогда не убирал стометровую квартиру.

– Построен в тысяча восемьсот девяносто пятом году по заказу Рудольфа Валленштайнера, крупного промышленника. Неплохо для фабриканта – заказать себе дворец по соседству с принцами и графами. Впрочем, его отец получил титул барона... Возникает вопрос, почему перед его фамилией не использовано «фон», правда?

– Откуда ты все знаешь? – с подозрением спросила я.

– Википедия. К тому же герб...

Да. Потемневший от времени каменный герб над входом. Антилопа и грифон на разделенном пополам щите. И девиз на ленте.

– *Respice finem*, – сощурился Диз, чтобы прочитать его. – Надеюсь, это не твое семейное мотто. Было бы слишком иронично.

Я мрачно на него посмотрела. Не всем же быть такими предусмотрительными.

– Тебе не кажется, что он напоминает девиз ГООУ?

– Это он и есть.

Я недоуменно нахмурилась:

– Нет, у ГООУ девиз в два раза короче, просто «*Finem*».

– Разве что на общежитии. Там же на первое сентября вечная традиция: первокурсники пытаются его отодрать. Но на официальных бумагах указывается всегда целиком. Ты ни разу не замечала?

Я пристыженно промолчала.

– Все-таки ты обладаешь поразительным даром не обращать внимания на детали, – вздохнул Диз. – Падеж тебя тоже не удивил?

– Я не изучала латынь.

– Не настолько же!

– Вообще.

Диз хмыкнул:

– Я понял. Тебя это смущает?

Совпадение девиза. Не отсутствие знаний по латыни.

– Меня всё смущает! В документах прапрадедушки сохранились бумаги с этим адресом, но я ожидала увидеть обычный дом, а не...

– Дворец?

Именно.

– А теперь выясняется, что на нем герб ГООУ, девиз ГООУ, и здесь явно что-то не так! ГООУ принадлежит Охотникам, он их задумка. Как мой прапрадедушка мог быть связан с ними? Мы ведь говорим о прапрадедушке Рудольфе. Который жил, переводя чужие письма и стоя за прилавком в магазине. Которого расстреляли – разве маг позволил бы людям убить себя?

Прапрадедушка никак не мог быть связан с Охотниками. И все же...

– Я просто хотела узнать, откуда у меня магия, – пожаловалась я.

– И ты выяснила.

Лучше бы не пыталась. Я потерла лоб. Каждый раз, когда я сюда подходила, у меня создавалось впечатление, что я схожу с ума.

– Значит, он работал с Охотниками.

Я покосилась на дом. Работал. Если не больше...

– В базе «Хантерс» я ничего не нашла. Если там есть о нем информация, моего уровня допуска недостаточно, – вместо этого ответила я.

– И, похоже, был гени.

Об этом я тоже думала. Тогда все становилось ясно, в том числе и мои способности к магии, и их отсутствие у двоюродных братьев-сестер. Не совсем, правда, было понятно про родителей, но...

– Или семоном, – тихо произнесла я. – Я недавно услышала, что есть третий вариант.

Еще более логичный. Потому что кровь гени не показала бы себя так ярко в четвертом поколении. Человеческая

разбавила бы ее слишком сильно. И герб. ГООУ – «Хантерс» – Диана. Если она его сделала таким...

– Это объясняет, почему моя дражайшая тетушка тебя отметила, – согласился Диз. – Семоны... Это не дар, это долг. Она может считать, что забирает ей причитающееся.

Когда-то давно Макс сказал то же самое... Черта с два. Я никаких долгов не раздавала.

– «Вики» говорит, сейчас это частный дом? – внезапно спросил Диз.

– Да, и таблички с именем нет.

Только черная «Мини» стояла, как обычно, припаркованная на улице.

– Куда ты? – спохватилась я, когда Диз пересек улицу.

– В гости. Посмотрим, вдруг удастся что-то еще узнать.

– Ты не можешь просто так взять и позвонить...

Или мог. Я умолкла, когда он нажал кнопку.

– Тебя все равно никто не пустит! – прокричала я через дорогу.

Хорошо еще, если полицию не вызовут. В ответ Диз улыбнулся, говоря с кем-то по домофону. А спустя пару минут толкнул тяжелую дверь.

– Ты идешь?

– Шугишь?!

Я посмотрела по сторонам, но мигалок видно не было. И сирены не звучали. В чем подвох? Выбравшись из-под дерева, я осторожно присоединилась к Дизу, придерживавшему мне дверь.

– Что ты сделал?

– Поговорил с хозяйкой. Рассказал, как моя девушка каждый вечер приходит сюда посмотреть на дом, в котором жили ее предки, и очень хотела бы зайти внутрь, но не решается попросить.

И вовсе не каждый вечер. Так, пару раз подходила. Ну, может, каждую неделю. Дважды в неделю. Если Лукас очень доставал – трижды. Иногда, если было по дороге, – чуть чаще...

– Скажи честно, ты использовал ментал? – потребовала я ответа.

Слишком быстро она поддалась его очарованию. Диз на все обвинения только ухмыльнулся:

– Нат, я сейчас открою тебе страшную тайну, слушай внимательно.

Я подобралась, ожидая узнать какой-нибудь неизвестный демонический секрет.

– На большинство людей нет необходимости воздействовать. Достаточно доброго слова и улыбки.

Как же. Только если ты демон, обладающий сверхъестественным обаянием. Обычным смертным приходится подкреплять просьбы более весомыми (во всех смыслах) аргументами.

У подножия лестницы нас встречали. На секунду я обозналась и приняла женщину в синем платье-халате за хозяйку, но нет.

– Фрау Шидмайер ждет вас в гостиной, – хмуро сообщила она. – Не задерживайте ее надолго.

Во взгляде ее открыто читалось подозрение. Неудивительно. Мы с Дизом не подходили этому месту. Плохо одетые незнакомцы, нагло напросившиеся на приглашение... Я бы сама что-нибудь заподозрила. Поднимаясь на второй этаж, я украдкой провела ладонью по мраморному дракончику, одному из многих, украшавших перила. Нет. Не мог ни один человек – ладно, гени, – видевший настоящих драконов, заказать такой декор. Этот, с крыльями и оплетавшим колонну хвостом, был из легенд, которые читали обычные. Не из мира ГООУ и Охотников.

Хозяйка обнаружилась в гостиной – голубой, видимо, если они тут вправду делились по цветам. По крайней мере,

все в интерьере отливало разными оттенками весеннего неба, от тяжелых портьер до обивки гарнитура. Маленькая, с по-птичьи сморщенными руками, одетая, несмотря на жару, в кашемировый кардиган фиолетового цвета, она почти терялась на фоне подушек. При нашем появлении она поспешила вернуть себе горделивую осанку и окинула меня цепким взглядом. Я представляла себе, что она видит: джинсовые шорты с рваным краем, сползшая на одно плечо футболка – определенно, достойный потомок владельцев такого дома.

– Это было больно?

Взгляд ее задержался на моем запястье, и я вздрогнула, подумав, что каким-то образом она увидела шрамы сквозь державшиеся на браслете иллюзии. Но фрау Шидмайер подразумевала ласточку.

– Было.

Пожилая дама вздохнула:

– Внучка мечтает о такой же. Родители наверняка ей позволят, они ей всё разрешают. А я думаю: что она с ней станет делать через пять лет? Хотите чаю?

Я собиралась отказаться, но Диз меня опередил:

– С удовольствием.

Внимание хозяйки сразу переключилось на него:

– Вы британец, верно? Сразу заметен акцент. Еще до войны у меня был один поклонник, говорил точь-в-точь как вы.

– Виновен, – приподнял в шутку руки Диз, сдаваясь и ничего не отрицая.

Конечно, зачем отрицать столь удобную неправду.

– Вы не будете против, если я иногда стану переходить на немецкий? Мой английский уже не тот, что был. Агата, где же чай?

– Не хочу оставлять вас с ними наедине, – буркнула встретившая нас женщина.

Хозяйка решительно тряхнула прической; седина в отражавшемся среди хрустальных подвесок люстры свете блеснула серебром.

– Глупости!

– А если они хотят вас обокрасть?

– Тогда тем более надо предложить им чай! Пусть посидят и подумают о своем поведении. И разве этот молодой человек похож на мошенника?

Только на демона смерти. Я послала Дизу говорящий взгляд – на что он мне ответил совершенно невинным.

– Агата слишком старается, опекая меня, – пробормотала дама, дождавшись ухода сиделки. – Думает, если я стара, то наивна.

Справедливости ради, угощать чаем всех подряд, кто пожелал зайти в гости, – определенно наивно.

– Не думайте, что я пускаю всех, – будто прочитала мои мысли хозяйка. – Не так редко туристы звонят, хотят узнать, что внутри дома. И не только туристы. Один местный историк допекал меня полгода...

– Почему вы сделали для нас исключение?

– Обычно никто не говорит, что он родственник тех Валленштайнеров. Я хотела на вас посмотреть, – бесхитростно выдала она. – Как вас зовут?

– Наташа.

– Пойдемте, Наташа, – пожилая дама тяжело встала. Сделала неуверенный шаг прочь от дивана; Диз поспешил предложить ей руку в качестве опоры. – Хочу вам кое-что показать.

Женщина на портрете была одета по моде времен Наполеона. Или, скорее, периода Директории, до того как вернулись тяжелый бархат и золотая нить. Светлое платье из муслина, настолько тонкого, что он казался полупрозрачным, было подпоясано под грудью ремешком и прихвачено брошью с камеей. Если бы не интерьер, в котором художник запечатлел ее, – тот же, в котором мы сейчас находились, тот же, что был создан спустя почти столетие после Французской революции, – можно было решить, что портрет остался из тех времен. Если бы не интерьер и не волосы, имевшие оттенок марганцовки.

Интересно, в девятнадцатом веке существовала розовая краска для волос?

Последнюю мысль я, похоже, произнесла вслух, потому что фрау Шидмайер прерывисто рассмеялась.

– Веком раньше в розовый красили парики. Но не в такой насыщенный. Сперва я думала, что одна из красок отреагировала так на пожар, но эксперты все сказали, что цвет изначально задумывался таким.

– Пожар?

– Мой отец купил этот дом в двадцать третьем году, – фрау Шидмайер добралась до стула у окна и тяжело на него опустилась. – То, что вы видите, – копия. Все восстанавливалось по фотографиям и сохранившимся эскизам. В тысяча восемьсот девяносто восьмом году дом сгорел, жившая в нем семья погибла. Несколько лет город ждал, пока объявятся наследники, но кроме жены и дочери у Рудольфа Валленштайнера не было родственников. Завещания он тоже не оставил. Потом началась война, и всем стало не до того. Затем город выставил дом на торги. Когда отец приобрел его, здесь были руины.

– А портрет...

– Одна из немногих сохранившихся вещей, – женщина опять посмотрела на картину и перевела взгляд на меня, прищурившись. Будто сравнивала. – Он был в плачевном состоянии, отец хотел выбросить, но я упростила оставить. Позже отдала его на реставрацию. Знаете, в этом была загадка. Никому не известный фабрикант с севера, построивший дворец для своей невесты. Красивая история, так трагично закончившаяся. В молодости мне казалось, что за ней должно стоять нечто большее. И тут появляется вы...

Освободившись от роли галантного джентльмена, Диз встал у меня за спиной.

– Она на тебя похожа, – заметил он, имея в виду портрет.

– Я на нее похожа, – поправила я. – Логически так правильнее, потому что она меня старше. Нет, не похожа. Ты видишь между нами сходство только потому, что думаешь, будто оно должно быть. И целенаправленно ищешь его. Мы с ней похожи не больше, чем два любых человека на Земле.

– Он прав, – согласилась с Дизом хозяйка. – Что-то в разрезе глаз. Овал лица и... – она постучала себя пальцем по щеке. – *Jochbeine*...

– Скулы, – перевела я Дизу.

Будто тому требовался перевод.

– Не пытайтесь переубедить ее, – вздохнул он. – Я пробовал. Бесполезно.

Словно дело было в моем упрямстве – наверняка не настолько страшном, Диз преувеличивал. Я вновь повернулась к картине. Глупости. Общего у нас с ней был разве что цвет глаз. Но знаете, у какого процента людей на земле голубые глаза? А в остальном... Женщина на портрете была красивой – нездешней, эфемерной красотой. Необычной, хотя я не могла сказать, в чем ее странность заключается. Она скорее походила на Диза: черты вроде человеческие, но уже за гранью человечности. Слишком... Просто слишком. Слишком прозрачная кожа, слишком большие глаза, слишком острые скулы, чересчур тонкие пальцы в ожогах. Я посмотрела на ее руки – на левую, державшую в пальцах тонкую стеклянную ветку с нераспустившимися бутонами, – и потянулась назад – найти Дизову ладонь.

– В чем дело?

– Просто.

Он не поверил. Но допытываться не стал. Пока.

– Я могу сфотографировать картину? – вместо этого спросил он у владелицы особняка.

– Пожалуйста. Так расскажете, откуда спустя сто лет у Валленштайнера появились потомки? Ваш молодой человек упомянул, что Рудольф был вашим прапрадедом.

Возможно. Я уже ни в чем не была уверена.

– Я ничего не знала про пожар, – растерянно произнесла я, пытаюсь собрать кусочки головоломки. – Никто дома не знает. Всем известно, что раньше он жил в Мюнхене, и на старых письмах сохранился этот адрес, но после смерти жены он переехал с ребенком в Россию. Мы думали, ему было тяжело находиться в городе, где умерла его жена...

Впервые до меня дошло, что я даже не знала ее имени.

– Ильзебилль, – подсказала мне пожилая дама. – Согласно документам, Ильзебилль Валленштайнер, урожденная Швайг. Я не смогла ничего узнать о ее семье.

Я попыталась рассмеяться, но получившийся смешок скорее напоминал всхлип. Подходящее имя для сказочного, судя по всему, персонажа.

– Но он не погиб при пожаре. И его дочь, моя прабабушка. Она умерла, когда я была маленькой, я ее отлично помню. Они жили в Саратове, он открыл лавку, снова женился...

Взял фамилию жены. Якобы из уважения к ее семье, и никто не обратил внимания – мало ли какие у человека могут быть прихоти. Сменить фамилию. Поспешно перебраться в Россию. Мелочи.

Но на самом деле... На самом деле во всем этом не было смысла. Ни в смене имени, ни в переезде, ни в пожаре...

Если только он действительно не бежал.

Глава 5

Большая игра

Утром в постели Диза не оказалось. Потоптавшись немного на пороге комнаты, я догадалась отправить эсэмэску.

«Ты где?»

«На крыше».

Куда кто-то притащил ажурный юваный столик и даже накрыл его скатертью. Идиллическую картину нарушал только один из Охотников, мрачно наблюдавший, как Диз пьет свой кофе.

– Если хочешь, заменю тебя на полчаса, – предложила я, подходя к ним. – Даю слово, он никуда не сбежит.

Судя по выражению лица, мое обещание понравилось Охотнику примерно так же, как компания Диза, но на мой счет он получил четкие инструкции. И потому удалился. Любопытно. Если Ди с Мартином считали, что через меня можно хоть в какой-то степени управлять Дизом и что мое присутствие может его от чего-либо удержать, они – снова – ошибались.

– Ты уверен, что не гостишь здесь? Они ничего не перепутали? – прокомментировала я сервировку.

Потому что это был завтрак не для пленника. Стол накрыли на одну персону – но как старательно! Даже утреннюю газету положить не забыли – будто кто-то, тем более Диз, читал их в наше время в печатной версии. Пышный омлет с яркими пятнами овощей, графин апельсинового сока, теплая еще выпечка в плетеной корзинке... Я стащила круассан.

– Они не перепутали, – не согласился он, продолжая читать что-то в планшете. – Просто понимают, что Абигор не оценит, если они запытают его сына до смерти. Или не выкажут ему уважение. Приходится терпеть.

Наконец он оторвался и посмотрел на меня поверх очков. Задержался взглядом на собранных в хвостик волосах. Нахмурился.

– Не начинай, – предупредила я. – Нет никакой корреляции между моим душевным состоянием и тем, когда я бегаяю.

– Тебе привести статистику?

– Она ошибочна. К твоему сведению, я здесь каждый день бегаяю.

– Пугающее откровение...

Я показала ему кулак и отняла стакан с фрешем:

– Я же не комментирую, почему ты завтракаешь на крыше.

– Мне нравится вид, – пожал плечами Диз.

Конечно. Я наклонилась к нему и понизила голос:

– А еще это единственное место в комплексе, где ловит чужой вай-фай. – Судя по его улыбке, угадала. – Мне стоит рассказать об этом Мартину?

– Тебе решать.

Вот как? Я откинулась на спинку стула. Диз вернулся к планшету.

– Ты вчера быстро ушла, – заметил он.

– Мне нужно было работать.

И побыть одной после того, что узнала от фрау Шидмайер. Успокоиться. Мы оба понимали, что «работать» тут – лишь вежливая отмазка. Но только я не желала это признавать:

– Отправила вчера сообщения всем, кто был у Харви в друзьях на «Фейсбуке». Можешь себе представить, двести

сорок два друга? Готова поспорить, с половиной из них он годами не общался и даже не помнил, кто они. Зачем люди добавляют к себе в друзья всех подряд?

– Потому что это связи. Никогда не знаешь, кто тебе может пригодиться.

Ну да, нашла кого спросить. Диза, считавшего, что пятиминутный разговор – вполне повод взять у человека контакты и добавить его везде, где можно. Я закатила глаза.

– Что ты хотела у них узнать?

– Я... – я запнулась. – Не знаю, сколько могу тебе рассказывать.

– Если ты имеешь в виду, не скрыт ли в татуировках узор, связывающий твою речь и от которого умрешь, сказав больше, чем должна была, то «Хантерс» не отслеживает, кому и что ты говоришь.

Удивительно.

– Они поступают проще: убивают своих сотрудников при появлении малейших подозрений.

Я фыркнула:

– Похвальная предосторожность. У них текучка не зашкаливает?

– Дураков пойти против них мало.

Только маленькая глупая Наташа.

– Подожди! Но я ведь встречаюсь с тобой...

– Это не подозрения. Это факт.

И потому все в порядке? Странная логика.

– Поделишься кофе? – попросила я. Диз передвинул свою чашку ко мне. – Я хотела выяснить, почему Мюнхен. У них с друзьями был общий маршрут: Лондон, Амстердам, Бремен, Гамбург, Копенгаген... И тут он один срывается в Мюнхен. Почему? При чем я смотрела его перемещения: совершенно непонятно, зачем он приехал. И зачем прерывать поездку посередине, почему не поехать с остальными в Стокгольм, а завернуть в Мюнхен потом? Я думала, может, он говорил кому-то из своих друзей... Я жду еще ответы, но пока выяснила только то, что никто ничего не знает.

Одноклассники, с кем он отмечал в поездке выпуск и которых допрашивали после его исчезновения, ничего не смогли ответить. Сказали лишь, что Харви было важно попасть в Мюнхен именно в эти даты. Почему?

Не отрываясь от экрана, Диз достал из кармана айфон и набрал номер.

– Ради чего стоит приехать в Мюнхен в августе? – вместо приветствия спросил он.

– В августе? – переспросил женский голос на громкой связи. – Поживее сезон не мог выбрать? На месяц позже, к примеру? Нет, конечно, Театрон идет, но давай лучше я свожу тебя в Лидс. Почему ты не сказал мне, что будешь на Земле?

Голос странно удвоился. Я только успела повернуть голову на звук, как из ниоткуда на крыше появилась высокая брюнетка. Ну конечно. Кому еще мог Диз позвонить? Я пожалела, что вообще завела разговор о Харви. Делая вид, будто материализоваться из воздуха – это совершенно нормально, брюнетка продефилировала к нам. Сбросила мне на колени многочисленные пакеты и устроилась на перилах. Прямо перед моими глазами оказались слишком длинные и совершенно не прикрытые кружевной юбкой ноги.

– Почему охранный плетение на тебя не отреагировало? – поинтересовалась я у Таны, сгружая ее покупки на пол.

Вместо ответа кера окинула меня полным пренебрежения взглядом.

– Видовое превосходство, – объяснил за нее Диз.

Понятно. Опять эта концепция про смерть как силу природы.

– Она все еще жива? – задала встречный вопрос Тана, обращаясь к брату.

– Сам удивляюсь.

– Это становится дурным тоном. Хочешь, помогу? – любезно предложила ему сестра.

Лично я не хотела.

– Следующее предложение будет классифицировано как угроза в адрес сотрудника «Хантерс инкорпорейтед», – предупредила я, не дожидаясь, что скажет Диз.

– Она пытается отращивать коготки? Умилительно.

Тана протянула руку, чтобы потрепать меня по щеке. Я дернулась, когда острые ногти царапнули кожу.

– Не обращай внимания, – посоветовал мне Диз, продолжая читать что-то на планшете. – Она просто завидует.

Тому, что у других любовники не умирают вскоре после знакомства? В чем-то я могла ее понять. Но явно недостаточно, чтобы забыть о втором уже предложении меня прикончить. Да и о первом, сделанном в Аду, тоже...

– Так что насчет Лидса? – фыркнув, Тана закинула ногу на ногу. – Могу освободить для тебя пару дней.

– Сомневаюсь, что Мартин одобрит.

– А тебе так нужно его одобрение?

Диз кивнул.

– Сплошная работа и никаких развлечений... Ты скучен, – Тана посмотрела на один из четырех циферблатов, висевших у нее на запястье. – А у меня ужин с агентом через час. Зачем позвонил?

Диз наконец оторвался от переписки.

– Мюнхен. Август. Тебе известны все мало-мальски интересные ивенты в этом мире.

– Не тот город, не тот месяц, – она качнула ногой.

А год? Харви исчез пять лет назад.

– В две тысячи двенадцатом? – уточнила я.

Недолго продержалось мое намерение Тану игнорировать.

– Все ясно, – она вздохнула, оборачиваясь ко мне и признавая мое существование. – Что тебе нужно?

Я вспомнила даты исчезновений, которые вывел на экран Лукас. Далеко не все укладывались сюда, но некоторые... Август. Раз в пять лет. И большинство пропавших были туристами.

– Что-то, что повторяется. Что привлекает сюда наших. О чем известно далеко не всем... Ты знаешь, о чем речь, – поняла я по выражению ее лица.

– Что мне за это будет?

– Отсутствие претензий со стороны «Хантерс» за сокрытие важной информации.

– Что ты хочешь? – подал голос Диз.

– Твою комнату.

– Забирай, – разрешил он. – Скажи только перенести книги в одну из гостевых.

– И доступ ко второй карте.

Диз ухмыльнулся, оглядывая пакеты:

– Одной тебе недостаточно?

– Всегда можно больше. И лучше.

– Отец бы прослезился, услышав, что ты его цитируешь. Жаль, ты в недостаточной степени его дочь, иначе хоть у одного из нас остался бы шанс оправдать родительские ожидания. Нет.

– На время! Я взамен одену ее. Если ты так твердо намерен и дальше таскать ее за собой, пусть она будет выглядеть прилично. Это, – указала она на меня пальчиком с ярко-красным лаком, – стыдно.

Что я говорила насчет того, что мое присутствие наконец отметили? Беру свои слова обратно. Диз встретился со мной взглядом.

– Если она захочет, сама к тебе обратится, – невозмутимо ответил он. – На твоём месте, Нат, я бы поговорил с Ди. Мартин не поможет, Тана вне его юрисдикции, но Диана – другое дело.

Кера посмотрела на него в веселом изумлении.

– Ну ты скотина! Правда пойдешь ябедничать? Ах да, забыла: это ты тоже предпочитаешь делать ее руками.

– Ты первая начала.

– Она вообще знает, в чем твой к ней интерес? Как думаешь, если расскажу, кинется тебя защищать?

– Она знает, – мило улынувшись, я снова перебила Диза, собравшегося что-то сказать. – И ее зовут Наташа.

И она вполне может говорить за себя.

Что вообще с этими мифологическими существами, считающими, что запоминать мое имя ниже их достоинства? Не говоря об отвратительной привычке упоминать меня в третьем лице и делать вид, будто меня тут вовсе нет.

– Значит, сказать Диане? – задумчиво переспросила я у Диза.

– Тетушке будет интересно узнать, что творится на ее территории.

– Она тебя убьет, если услышит, как ты ее зовешь, – буркнула Тана, перехватывая мой стакан со стола. – Ладно, поняла. Раз в пять лет в Мюнхене проходит «Большая игра». Сейчас – тоже.

– Почему я не слышал?

– Она закрытая. Получаешь приглашение от участника, выполняешь задания и выходишь в финал.

Диз нахмурился:

– Что в финале?

– Не знаю. Я дошла в прошлый раз только до четвертого уровня. Кто-то закончил путь раньше, и Игру закрыли.

Что могло заставить керу участвовать? Спортивный интерес или что-то большее? Дизу пришел в голову тот же вопрос:

– Ради чего ты играла?

– Приз – желание.

– Всего-то?

– Любое желание.

Диз откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди, повторяя позу сестры.

– Никто не сможет исполнить твоё желание. В обоих мирах нет силы, чтобы кардинально переделать чью-то природу.

– И тем не менее... – Тана потянулась и отдала пустой стакан мне. Видимо, предполагалось, что я поставлю его на место. – Организаторы обещают любое желание. Каким бы невозможным оно ни было.

– Откуда ты знаешь, что они сдержат свое слово? Видела кого-то из победителей? – По молчанию Таны становилось ясно, что не видела. Диз вздохнул: – Идиотка.

– От идиота слышу, – огрызнулась она.

Они бы еще долго препирались, но в следующий момент хлопнула дверь на крышу, и кера исчезла. Испарилась в воздухе. Подошедший к нам Мартин с недоумением посмотрел на ворох оставшихся после керы пакетов, но оставил их без комментария.

– Господин Амавет, – слегка поклонился он. – Наслаждаетесь временем здесь?

Интересно, можно саркастически поклониться? Потому что в его поклоне сквозил именно что сарказм. Судя по улыбке Диза, не одна я это заметила.

– Вполне. Давайте, – протянул Диз руку за распечаткой.

Достал из-за уха ручку, которой еще секунду назад там не было, и, постукивая ею по краю стола, пролистал страницы.

– Пункт три девять.

– Вы понимаете, что «Хантерс инкорпорейтед» не может не ограничить применение ваших способностей.

– Сейчас вы их полностью блокируете. Мне это не подходит.

– Мы согласны разрешить их применение в рамках самообороны.

– Недостаточно, – Диз кивнул на меня. – Что, если она опять во что-то влезет?

Я возмущенно воззрилась на него, но отвлеклась на телефон.

«Тана Дарте прислала вам запрос на добавление в друзья».

Интересно, это у них семейное – страсть к выпендрежно громким и пафосным именам? Или опять во всем виноват безымянный сотрудник «Хантерс инкорпорейтед», скучающий в глубинах офиса, пока ему не пришлют очередной запрос на фальшивый паспорт для существа, которое не должно бродить по Земле?

– Можете составить список интересующих вас персон, мы сделаем исключение в случае необходимости обеспечения их безопасности, – предложил Мартин.

Улыбка Диза стала еще шире.

– Вы прекрасно понимаете, что не могу.

Я бы, пожалуй, тоже отказалась предоставлять Охотникам такой компромат на себя – список всех близких...

Первое сообщение отличалось свойственной Тане вежливостью.

«Скажи Дизу, чтобы пакеты отправили на найтсбриджский адрес».

Я вздохнула. По крайней мере, теперь мне точно было известно, что Тана знает, как меня зовут.

– Я поговорю с юридическим отделом. Что-нибудь еще?

Второе сообщение было интереснее. Я открыла ссылку и перешла в *Google Play*.

«„Большая игра“ – уникальный городской квест. В назначенный час приложение пришлет тебе локацию и новое задание. Пройди все уровни первым и получи главный приз...»

– Мы говорили в прошлый раз об оплате...

– В контракте указана стандартная ставка консультанта вашего ранга.

– У вас нет консультантов моего ранга.

– Не зарывайтесь, – посоветовал Мартин все тем же вежливым тоном. – Я посмотрю, что мы можем сделать, и

вернусь к вам со следующей версией договора.

– Он все-таки милый, правда? – поделилась я с Дизом, когда за начальником закрылась дверь.

– Бесконечно. Что там у тебя?

– Тана прислала, – я показала ему экран. – Грузится.

И, похоже, будет качаться еще долго... Чужой вай-фай на крыше поймать было можно, зато рабочий ловился просто отвратительно. Я оторвалась от телефона.

– Все хотела спросить: ты здесь надолго?

– Надоел? – усмехнулся Диз, делая плоток кофе и возвращая чашку мне.

– Безумно. Жду не дожусь, когда ты наконец сгинешь, – призналась я. – Я серьезно. Сколько ты еще будешь тут? Что там у тебя было по вашему приложению, ты всё закончил.

– Ди разрешила заключить со мной договор. Я хочу закончить согласование до того, как нужно будет вернуться в ГООУ.

Это было не совсем новостью: я практически все наше знакомство знала, что Диз стремился через «Хантерс» договориться о жизни на Земле. Но если ему все же удастся закрепиться здесь...

Жизнь меня ничему не учила. И, как я ни старалась не думать о будущем, неизвестность давила тяжелым камнем. Может, так и должно быть, когда тот, в кого ты влюблена, из другого мира?

Когда моя жизнь стала такой сложной?

Точно. Когда я попала в ГООУ.

– Удачи, – мрачно пожелала я. – Эти люди по три недели согласовывают мне компенсацию за кофе. А чек на пять евро – это, согласись, не так серьезно, как твой случай. И все равно не могу понять...

Ясно, почему «Хантерс» соглашались на такую сделку. Магия всегда была закрытым искусством. Доступным лишь избранным. Если о гени после подписания тринадцатую родами Договора Охотники знали все, то с демонами дела обстояли не так гладко. Совсем другие, с магией, чуждой этому миру, во многом они оставались загадкой. Сколько удалось узнать демонологам за всю историю человечества? Процент двадцать от их заклинаний и ритуалов, печатей и артефактов? В этом месте Диз наверняка бы презрительно хмыкнул: десять, не больше. Потому что поймать в магический круг и выпытать секреты можно у кого-нибудь из низших. Которые мало что знают: кастовое общество не способствует свободному потоку информации. А с кем-то из семидесяти двух кругов подобная тактика быстро закончится плачущими родственниками и цветочками на могиле незадачливого демонолога. Я сомневалась, что среди работавших на Охотников гени найдется кто-то, способный удержать – и подчинить – потомка главы круга. Разве что кого-нибудь вроде Карис, в силу ее дара относительно безопасной...

А тут – Диз. Сын и наследник Абигора, обучавшийся всем искусствам. Знавший всё про круг герцога войны.

– Но зачем это Абигору? Под клятвой ты не сможешь ничего умолчать. Все артефакты, которые «Хантерс» не могли отследить, все странные смерти, которые они не раскрыли... Неужели выгода от твоего присутствия тут будет больше убытков?

– Почему ты не думаешь, что это моя собственная инициатива?

Потому что не дура. Как и Мартин. И Диана.

– Если бы твой отец был против, ты был бы уже мертв.

К тому же я видела и слышала достаточно. Его с рождения готовили к жизни здесь – до того как подвернулась возможность с Мором, планы герцога были весьма прозрачны. Абигор не мог не знать, что единственным способом для его сына жить на Земле будет заключить сделку с Охотниками.

Диз помолчал.

– У Абигора свои интересы, – обтекаемо начал он, – у меня – свои. Если хочешь узнать о его выгоде, лучше спроси отца напрямую.

Конечно, давайте устроим Абигору интервью в лучших традициях университетской газеты. Отличная идея. Все понятно. Ничего мне не скажут. Я посмотрела на телефон и встала. Пора собираться на работу.

– Мне надо в душ.

Диз ухмыльнулся.

– Это приглашение?

– Нет, это значит, что от меня воняет. И разве ты не должен дождаться своего соглядата?

– Он догадается найти меня в номере.

– Я бы не была так уверена. Он все-таки Охотник.

– Ты тоже, – заметил Диз.

Ах так?

– Это только подтверждает мою версию, – признала я.

– Самокритично. Но все же ты преувеличиваешь.

– Спорим?

В зеленых глазах затаились смешинки.

– Что я получу?

За круглым окошком, в которое я боялась заглядывать, ничего не изменилось. Трубки да провода, белые простыни и такие же белоснежные стены...

Только Лукаса там больше не было. Палата оказалась пуста.

А это могло означать одно из двух. И оба варианта меня пугали. До спазма в желудке, до трясущихся пальцев и леденеющих рук. Прийти в норму он так быстро не мог. Значит, либо умер. Либо...

В любом случае ты его убила, Наташа.

Но ведь Ди не позволит ему окончательно умереть? Мартин так сказал. А такая судьба все равно лучше, чем небытие.

Лучше ли?

Когда на деревянных ногах я дошла до каморки дежурного медика, я уже не была уверена. Направо пойдешь – жизнь потеряешь. Налево... Тоже потеряешь. Всё, из чего она состояла, от важных вещей до мелочей и улыбок близких.

– Где Лукас? – спросила я у отработывавшего смену Яна.

Спросила и застыла, ожидая ответ. Так и не решив, какой хочу услышать больше.

Медик даже не оторвался от фильма на мониторе.

– У себя. Тут ему больше нечего делать.

В каком смысле? Я попыталась поймать ускользавшую мысль. У себя. То есть... Жив? Мартин обещал. Я цеплялась за его слова как за последнюю возможность спасения.

Обещал. И Диана давала слово – ему или его сестре. Лукас должен был выжить. И раз ему здесь нечего делать, должен быть снова здоров – физически, по крайней мере.

Это ведь... хорошая новость? По крайней мере, лучше, чем могла быть другая?

Или все-таки хуже?

– Так зачем ты сегодня весь день нудела в техотделе, чтобы тебе дали в руки телефон Харви? Контакты все тебе и так предоставили, распечатку последних звонков тоже. Что ты в нем хотела найти?

Я сделала поток из бутылки.

– Не знаю.

Приложение, ссылку на которое прислала Тана. «Большую игру». Это ведь многое объяснило бы, правда? Увы, ничего подобного у Харви не обнаружилось. Моя версия провалилась с треском. Оставалось только читать его разговоры с мамой и переписку с однокашниками, чувствуя себя неловко, оттого что вломила в чужую жизнь.

И гадать, что привело его в Мюнхен.

Достопримечательности? В его хаотичных передвижениях в принципе прослеживался стандартный туристический маршрут.

Знакомые? Никто не знал, что они у него тут есть, но что-то же потянуло его в спальные кварталы Мильбертсхофена?

Я не детектив. Даже столь любимых Дизом Кристи и Сэйерс ни разу не смогла дочитать до конца. У меня нет способностей к дедукции, с логикой сложные и опосредованные отношения, да и умственные способности... Скажем так, середнячок. Как и во всем. Чем Мартин думал, отдавая Харви в мои руки?

Впрочем, о чем думала я, когда хотела сюда попасть?

Наверняка был какой-то великий коварный план, иначе с чего с меня сняли остальные обязанности? Нагрузка в «Хантерс» никогда не была из ряда вон, больше в духе «Ходи вон за тем парнем и особо не мешайся», но сейчас и она куда-то испарилась. За весь день никто даже не подошел с просьбой нарисовать график или данные ВПР подтянуть (нашли кого просить. Вот честно, неужели никого лучше в полевом отделе не отыскалось?).

– Лукас выжил, – решил меня отвлечь от самокопаний Макс. – Подумал, ты захочешь знать.

– В курсе.

Макс, разлегшийся на своей половине кровати, открыл глаза и посмотрел на меня.

– Была у него?

Нет. Смелодушничала. Не нашла в себе храбрости и сил. Ну как мне было смотреть ему в глаза? Я ведь виновата в том, что случилось. Я поставила пиво на тумбочку и упала на кровать, широко раскинув руки.

– Я обязательно схожу к нему, – пообещала я. – Но в другой раз, ладно?

Когда сумею.

– И прости, но можно мы поговорим о чем-то другом? Иначе мне захочется еще и от тебя спрятаться.

– А от кого сейчас прячешься?

– Есть много вариантов?

Старые пружины противно заскрипели. Макс навис надо мной, обеспокоенно заглядывая в глаза. Только вопросов, почему я вместо того, чтобы проводить вечер с ненадолго приехавшим ко мне парнем, пересматриваю с ним «Доктора Кто», не хватало.

– Все в порядке? Если он...

Окончание фразы повисло в воздухе. Если он что?

Если он тебя к чему-то принуждает? Кто, Диз? Извративший свободу чуть ли не до золотого божка на пьедестале?

Если он сделал тебе больно? Да Диз – последний в этом мире... В обоих мирах, кто мог бы сделать мне больно.

А вот первая в этой очереди, судя по всему – я сама.

– Шутишь?!

– Тогда с чего тебе его избегать?

Потому что он будет задавать вопросы. Вчера, когда мы вернулись от фрау Шидмайер, сдержался. Дал мне время. Утром наверняка хотел, но сначала была Тана, а затем Вольфганг принялся его искать. Сейчас, я подозревала, повода отвлечься может не представиться.

Телефон, оказавшийся между мной и матрасом, недовольно завибрировал. Помяни демона, как он здесь... Я вытащила смартфон из-под спины и посмотрела на дисплей.

– Это Диз. Спрашивает, где я.

Иногда правильность прогнозов не радует.

– Что ему напишешь? – ощутимо напрягся Макс.

– Правду. «В постели с Максом», – процитировала я, печатая.

– Ты шутишь! – расслабился он.

Плохо он меня знал. Я продемонстрировала ему текст на экране.

– И отправить...

– Смерти моей хочешь?

Лицо Охотника вытянулось и резко побледнело. Я не выдержала и расхохоталась.

– У тебя отвратительное чувство юмора. У него научилась?

– Ты меня недооцениваешь.

«Когда закончите?»

Серьезно?

«Как процесс пойдет».

– Что ты ему теперь пишешь? – нервно поинтересовался Макс.

Я хихикнула:

– Поверь, если тебя так взволновало первое сообщение, лучше тебе не знать. – Судя по mine, мое объяснение Макса совсем не успокоило. – Нет, правда, ты чего? Или думаешь, он ворвется сюда изображать Отелло?

Макс прикрыл глаза.

– Не хочу проверять.

Плохо он знал Диза! И не только он, впрочем. Райли тоже... И другие. Почему-то многие считали, что раз для демонов так важно, чтобы никто не оспаривал право их собственности, то они обязательно должны быть дикими ревнивцами, рвущими на лоскуты любого, кто посмеет взглянуть на все, что принадлежало им.

А Диз... Я сомневалась, что ему это вообще было интересно. В его концепции, если ты думал, что что-то может перестать быть твоим – оно тебе никогда не принадлежало. Потому он не ревновал. Просто... Привязывал к себе так, что выпутаться невозможно. Даже не хотелось.

Да и... В наших обстоятельствах ревность становилась бессмысленной. Все ведь уже если не сказано, то доказано. Много, много раз. Адом и тихим диалогом в коридоре общежития, до сих пор болезненным, как и весь тот период. Месяцами порознь и тремя днями здесь.

Настроение было испорчено. В первую очередь мной самой. После всех разговоров о доверии... После того как я смогла открыться ему вчера. В конце концов, Диз имел право спрашивать. Без него я бы ничего не узнала.

Желание обсуждать увиденное от этого не появлялось.

– Закрулимся на этой серии? – попросила я Макса.

– Не хочешь досмотреть сезон до конца?

– Ни за что. Ненавижу финалы. «Ничего не грустно, пока не закончится. Затем грустно всё», – процитировала я сериал.

«22 минуты. Зайдешь за мной? Этаж 2, комната 26», – отправила я Дизу.

Когда в дверь постучали – спустя ровно двадцать две минуты, – Макс вздрогнул.

Я слабо улыбнулась, надевая балетки.

– Не похоже, чтобы ее ломали?

– Ты и твои шуточки... Наташа? – окликнул он меня. – Если у тебя проблемы, можешь рассказать мне.

Я закатила глаза.

– Конечно, сэр рыцарь.

Будто сама не справлюсь. Или захочу посвящать в свои дела кого-то третьего. В самом деле, давайте соберем консилиум? Какая хорошая идея, что же она раньше мне в голову не пришла.

Диз ждал меня, прислонившись к стене и со скучающим выражением лица читая что-то на телефоне. Один, утреннего его соглядатая нигде не было.

– Как тебе удалось отвязаться от Вольфганга? – поинтересовалась я.

– Сказал ему, куда иду. И показал нашу переписку. Он решил, что в присутствии двух Охотников я не несу угрозы «Хантерс», поэтому проводил меня и поспешил удалиться.

Я усмехнулась. Еще она жертва стереотипов, сбежавшая, чтобы не оказаться на линии огня?

– Ты ужинал?

– Ты решила поинтересоваться, обеспечивают ли меня едой, на третьи сутки моего пребывания здесь? Да.

Ну и отлично.

– Я прекрасно знаю, что обеспечивают. Сегодня я собираюсь спать у себя, – предупредила я Диза.

– Ты могла сообщить это по телефону.

– Я не говорила, что ты не можешь присоединиться.

– Ты ведь ненавидишь пускать кого-то в свое пространство?

– Но ты уедешь, а мне лень туда-сюда таскать вещи. И потом, чего ты там не видел?

Разве что оставленную на подоконнике книжку, за которую он сразу зацепился взглядом, когда зашел. И которую не преминул открыть, пока я переодевалась.

– «Вампир-миллиардер Дэриен Смит был уверен, что пресытился жизнью, пока не увидел ее. Юная Аника Роджерс работает официанткой в кафе, но на самом деле скрывает страшную тайну...»

Голос звучал приглушенно под слоем ткани, но насмешку в нем пропустить было невозможно. Я выпуталась из футболки и кинула на него раздраженный взгляд. Диз забыл упомянуть, что существовала причина, по которой я ненавидела пускать именно его в, как он выразился, свое пространство.

– Мне кажется, мы это проходили. Мы же договорились: ты не критикуешь мои вкусы, я не зову тебя снобом.

– Ты постоянно называешь меня снобом.

Крыть было нечем.

– Потому что ты сноб!

– Вероятно. Но это – не литература.

Я выразительно посмотрела на него:

– Такие книги, понимаешь ли, не ради высокого стиля читают.

– В самом деле? Ни за что бы не догадался. Знаешь, для этой цели человечество придумало видео, – Диз кинул книжку обратно на подоконник. – Когда ты хочешь поговорить?

– О чем?

Было бы так удобно – сделать вид, что не поняла вопроса.

– Не глупи, Нат. О том, что на портрете привлекло твое внимание. Кольцо или цветы?

Может, включить дальше дурочку и сделать вид, что понятия не имею, о чем он? Но, увы, на «Оскар» я не тянула. А в меньшее Диз не поверил бы. Сама виновата, выдала себя, когда потянулась за его рукой. Вот и ищи поддержку в привычном тепле... Я направилась в ванную.

– Ты меня игнорируешь?

– Я умываюсь. И думаю, какой из вариантов ответа не понравится тебе в меньшей степени.

Вообще-то я решила собраться с силами и рассказать сегодня, но, если ставить вопрос таким образом... Лет через пять, если столько продержишься. А лучше – никогда. Я пустила воду.

– Ты с утра должна мне желание, – напомнил Диз, угадавший, каким будет ответ.

Я не забыла. Дурацкое ничего не значащее пари, одно из многих.

– Серьезно? Любой нормальный человек загадал бы что-то приятное!

И определенно из иной области.

– Возможно, я хочу потратить его именно так.

– Это низко!

Даже не оборачиваясь, я могла точно сказать, что в этот момент он пожимал плечами.

– Зато эффективно.

– Ты не можешь выбрать это желание!

– Ладно, – подозрительно легко согласился Диз. Рядом раздались тихие шаги. – В таком случае когда познакомишь со своими родителями?

Сперва я решила, что за шумом воды ослышалась. Закрыла кран. Вытерла лицо.

– Прости, что?

– Когда ты планируешь познакомить меня со своими родителями? – терпеливо повторил он.

Ответ оставался тем же. Лет через пять, если столько продержишься. А лучше – никогда.

– Ты не хочешь с ними знакомиться, – не поверила я.

– Если характером ты хоть немного пошла в них, я предпочел бы этого избежать, – признался Диз.

Хам. Тогда к чему?.. Вот, значит, чего он добивался. Я повернулась к Дизу, остановившемуся возле открытой двери.

– Что, по-твоему, ты сейчас делаешь?

– Выбираю другое желание, как ты сказала. Знакомство с твоими родителями. Очное.

– А мне показалось, делаешь все, чтобы я бросила тебя в пятый раз, – я растянула губы в ядовитой улыбке. – Извини, не получится. Они меня уже навестили, в ближайшее время в Мюнхен не собираются.

– Ничего страшного. Уверен, Мартин отпустит тебя на полдня. Где они живут?

– Ты до сих пор не знаешь, откуда я?!

Диза это не особо смутило:

– Будем честны: в профиле в графе «город» у тебя указано «там, где вас нет».

Я возвела глаза к потолку. Что еще я должна была написать? «Закрытый вуз на том свете»?

– Нет.

– Тебе придется сдержать слово, – указал Диз. – А желание я не поменяю. Одно из двух, Нат.

Чертовы маги и их правила.

– Почему это тебе вообще так важно?!

– Потому что молчанием ты уже довела себя до истерики.

Вот как? Я скрестила руки на груди и встала напротив.

– Я сдержу слово, поверь. Но потом от тебя уйду. Ты этого хочешь? – я посмотрела на него снизу вверх. – Не смей втягивать моих родителей. Никогда. И не смей на меня давить.

Диз медленно склонил голову, показывая, что понял мои слова. И вышел, оставив меня одну. От досады я скомкала полотенце и швырнула в корзину с грязным бельем. Пожалуй, я погорячилась, когда подумала, что Диз – последний, кто будет к чему-то принуждать. Если что и могло победить у Диза «Я ценю твою свободу выбора», то это «Мне лучше знать, как тебе будет лучше». И ведь мог понять, насколько это глупо, вон как в прошлом семестре на этом погорел. Мог исправиться...

Не только он мог. Меня жизнь тоже мало чему учила. Я вышла в комнату. Диз не ушел – сидел на кровати, отвернувшись к окну.

– Кольцо, – тихо произнесла я. – Это мое кольцо.

Не совсем мое. Прабабушки. Родители нашли его, когда разбирали вещи после ее смерти. Мне оно перешло по наследству как единственной родной правнучке. Узкий серебряный ободок с мелкими рубинами и бриллиантами, собиравшимися в тонкий узор. Узор, если подумать, очень напоминавший магическую печать. Теперь это становилось очевидно.

Я не могла видеть выражение лица Диза – только сгорбленную спину. И что он думает, не догадывалась.

– Просто сказать было нельзя? – в его голосе сквозила усталость.

Знаю, Диз, со мной нелегко. Как и со всеми. Как и с тобой.

– Если бы кое-кто не вел себя как придурок – рассказала бы раньше. Мне трудно об этом говорить, – призналась я.

– Почему?

– Потому что каждый раз, когда я об этом задумываюсь, мне начинает казаться, что я – это уже не я, – я начала нервно мерить шагами комнату. – Что я должна быть кем-то другим, что кто-то видит во мне другого, ждет от меня иного. Что я не знаю, кто я. Кем был прапрадедушка Рудольф...

– Ты знаешь, кем был твой прапрадед.

Но с удовольствием еще какое-то время закрывала бы на это глаза.

– Охотником, – продолжил Диз. – Одним из основателей «Хантерс».

– С чего ты взял?

– Рядовые сотрудники не берут себе герб организации. И не описывают его в гербовом дипломе за шестьдесят лет до ее основания. «Гугл», – пояснил он мне.

– Тем более! А еще этот портрет. Я не хочу быть связана с «Хантерс», я не хочу этих тайн, не хочу знать, кем должна быть, я просто хочу быть Наташей!

Снова чувствовать себя Наташей. Не кем-то незнакомым и оттого пугающим. Диз вытянул вперед руку и на заходе на очередной круг поймал меня. Я дернулась – бесполезно. Вместо этого меня, наоборот, притянули ближе.

– Ты – это ты. Та, кем ты хочешь быть. Если кто-то считает иначе, ты ему очень четко объяснишь, насколько он ошибается. Ты это умеешь, – в его тоне звучала уверенность, которой мне не хватало. – Верить?

Я позволила себе уткнуться носом в его плечо.

– Верю.

Может быть, даже во всем разберусь. Обнимая Диза, в это действительно можно было поверить.

– Ты в самом деле собиралась рассказать?

Мягкая фланель заглушила мое ворчание:

– Это сложно представить, но даже я учусь на своих ошибках.

Пожалуй, я могла к этому привыкнуть: просыпаться раньше Диза, решившего, что раз он в «отпуске», то имеет право дрыхнуть часов до восьми. Понимать, что полночи я провела, уткнувшись носом в колючую щеку. Смотреть на подрагивающие во сне ресницы и в кои-то веки не нахмуренные брови – забавно, никогда не думала, что он, со всем его воспитанием и адскими тараканами, позволит кому-то увидеть себя таким беззащитным. Или просто мне так везло? Я наклонилась и быстро поцеловала его перед выходом.

– Это за что? – сонно пробормотал Диз.

– Просто.

За все несказанные «Я тебя люблю». Хотя он и так это знал.

– Мне нравится твое «просто», – Диз повернулся на спину и прищурился, наблюдая за моими сборами. – Что еще входит в программу?

Я фыркнула, надевая браслет. Видят Охотники сквозь иллюзии или нет, с ним все равно было спокойнее.

– Не дождешься.

На рабочем месте я первым делом выгрузила из системы информацию по происшествиям за последние сутки. Перевела в иксельку, скопировала из вчерашнего письма список рассылки, нажала «отправить». Теперь можно было расслабиться и заварить кофе.

Мерное гудение кофемашины возвращало меня в то сонное состояние, от которого я мечтала избавиться. Я прислонилась лбом к холодной поверхности кухонного шкафчика.

«Кольцо или цветы?»

Почему Диз упомянул их?

Я вспомнила портрет: прозрачный букет полевых цветов на заднем плане и ветку с нераскрывшимися бутонами, которую женщина держала в руке. Что знал о них Диз, о чем не подозревала я? Подумав, я открыла «Гугл». «Украшения для вашего дома», Пугачева, букеты, напоминавшие о кладбище...

Автомат наполнил чашку кофе. Я закинула кубик сахара и отошла к подоконнику. А если по-немецки?

То же самое. Декор, украшения, муранское стекло – я помнила его по отдыху с родителями. Яркое, грубое – ничего похожего на хрупкие живые колоски с портрета. И островок, самый, возможно, унылый в Венеции с поблекшими от солнца стенами и трещинами в штукатурке. Хотя Диз наверняка и в нем бы нашел красоту.

Ладно, а что, если они были не стеклянными? Не прозрачными, но отражавшими краски вокруг? Может, серебряными? На этот раз поиск выдал кучу бижутерии и почему-то декоративные элементы на свечи. Не выдержав, я написала Дизу. Ответил тот быстро: должно быть, после моего ухода решил встать поработать.

«Не серебряные. Зеркальные».

Теперь «Гугл» показывал украшения для фигур святых в церквях. Явно не то. Подумав, я добавила к запросу Мюнхен.

Результат поменялся. Баллада о господине Олофе, накануне свадьбы затащенном в круг фей, книга «Эльфы, боги и духи огня» и форум «Настоящие секретные материалы», где некто под ником «Фауст13» опубликовал статью о девушке, которую фейри забрали под холм и вернули спустя семь лет. Даже посетители форума разбили ее как не выдерживающую никакой критики. Я подула на кофе и сделала осторожный глоток. Отлично. Спасибо, Диз, ты очень помог.

– Вот ты где прячешься, – на кухню заглянул Кай. – Ты знаешь, что некоторые люди приходят сюда поработать?

Я закатила глаза. Последнее поколение, выросшее в пятом отделе, отличалось поразительно тонким чувством юмора. Интересно, их кто-то всерьез воспринимал, или всё списывали на то, что подрастут, успокоятся, наберутся ума где-нибудь?

– А тебе об этом сегодня впервые рассказали, да?

Судя по широкой ухмылке, молодой Охотник ответ оценил:

– Пошли, поможешь мне. Мартин велел найти пару циферок в архиве, но он уже в несуществующей части дома, а у меня аллергия на Границу.

Я невольно заинтересовалась, оставляя кружку на подоконнике:

– Такое тоже бывает?

– Нет, – признался Охотник. – Но один я провожусь там двое суток, а у меня свидание. Мартин разрешил тебя припахать, сказал, ты свободна.

Значит, меня решили все-таки привлечь к какому-то еще делу кроме обнаруженного вампира? Сочли совершенно безнадежной, или я вчера ошиблась, подумав, что это очередная проверка? В молчании мы поднялись на пятый этаж. По очень узкой винтовой лестнице, которая была старше здания на пару веков и не могла в нем находиться...

– Почему ты со мной нормально разговариваешь? – не выдержала я тишины.

Не по-дружески, конечно. Но вполне по-человечески.

– Мы с тобой пили, помнишь? – Кай свернул в один из коридоров и достал из кармана джинсов ключ. – И Лукас говорил к тебе не цепляться. Сказал, ты тоже не совсем из этих. Так ведь?

Наверное. Я пристыженно замолчала. Надо же, мой напарник, оказывается, заступался за меня перед другими.

– Ты... Был у него?

– Нельзя. Нестабильный фон, опасно.

Еще бы. Это я представить могла. В том числе из собственного опыта. Сердце защемило. Лукас не заслуживал этого. Замок на старой дубовой двери скрипнул, и Кай распахнул дверь.

– Добро пожаловать в архив.

В воздухе запахло пылью, и я чихнула не хуже Диза, когда он заходил за мной в самые непопулярные секции библиотеки.

– Дай угадаю: уборщица сюда не заходит?

– Не, – Охотник направился вглубь, оставляя за собой яркие следы. – Всё с шестнадцатого года давно оцифровали. Здесь только то, что собирали во времена Ордена и что никому не нужно.

Орден Медведицы. Те, кто победил тринадцать родов и заключил Договор с гени. Интересно, здесь было что-нибудь о Рудольфе Валленшпайнере? Я посмотрела на расставленные вдоль стен шкафы.

– И как мы должны здесь что-то искать?

– Ты умеешь пользоваться карточной системой?

– Нет.

В библиотеке ГООУ давно имелся электронный каталог, спасибо библиотекарю – компьютерному гению и немного психопату. Я приуныла. Похоже, если информация о прапрадедушке тут и есть, я ее не найду.

Я должна была это сделать. Тем более Кай прав: нестабильный фон. Людям опасно рядом с ним находиться.

Но я не человек.

Человеком был Лукас, сидевший в одиночестве у себя в комнате. Понемногу осознающий, что потерял не только свою природу, но и семью. Друзей. Коллег. Каково это – чувствовать себя с детства частью чего-то большего и в самый тяжелый момент остаться без них?

За дверью магия бесилась запертым в комнате ветром. Лесным пожаром, достигнувшим точки, после которой его не остановить.

– Как ты?

Глупый вопрос, но другого я не могла придумать.

Прости. Это моя вина. Мне так жаль. Что я могла сказать? Ничего не исправило бы содеянного. И вряд ли его утешит, что теперь он сам сможет швыряться фаерболами.

Лукас сидел на кровати и слепо смотрел перед собой. Замотанное горло. Осунувшееся лицо. Он выглядел человеком – но я чувствовала золото в его крови. Как мое – и немного другое. Это не убивало, не пахло гниением. Чистое. Оно... меняло. Создавало из плоти и глины нечто новое, нечто более сильное. Иное.

– Это всегда ощущается... так? – наконец спросил он.

Я понимала, что он имел в виду. Магию. Силу. Возможности и вероятности, прошлое и будущее, накладывающееся одно на другое. Запахи и вкусы, которых не существует в природе. Образы, дурачащие глаз. Внутренний голос, шепчущий тебе совсем не то, что ты думаешь. Сводящий с ума Огонь.

– Иногда становится легче.

Я не стала добавлять, что для меня этот момент настал спустя два года. И то временами я сомневалась в его наступлении. Лукас выдохнул сквозь сцепленные зубы.

– Уйди, – попросил он. – Пожалуйста, уходи.

Справедливо. Ничего другого я не ожидала. Но все равно, закрыв за собой дверь, не выдержала и опустилась на пол в холодном коридоре. Спрятала в ладонях лицо. Лукас этого не заслужил...

– Никто ничего не заслуживает. Оно просто случается.

Я отняла руки, чтобы увидеть покачивающийся перед глазами платок.

– Просто случается? Или вы вмешиваетесь и делаете, как считаете нужным?

Диана не переменила позы, оставаясь сидеть передо мной на корточках.

– Я была должна его матери. Я была должна его спасти.

– А Лукаса вы спросили? Он считает это спасением? – Нет, конечно. Кого интересует мнение муравьев? – Вы не имеете права так поступать! Не можете вмешиваться, не спросив! Не можете играть людьми, а потом говорить, что так получилось! Не можете ломать чужую жизнь, потому что вам так захотелось!

С каждым предложением я понимала, что говорю уже не о Лукасе... не только о Лукасе. Но остановиться не могла. Все, скопившееся за последние два года, выплаканное в подушку и зарытое глубоко внутри, прорвалось наружу. Хотела высказать Охотникам, что о них думаешь? Поздравляю, Наташа, исполнила свое желание. Надеюсь, тебя оставят после этого в живых.

На лице богини появилось предвкушающее выражение.

– Кто меня остановит?

Оно стало последней каплей. Оно – и платок с выцветшей монограммой «RW».

– Поэтому я здесь? Чтобы вам было кому возразить? Чтобы стало интересней?

Диана легко поднялась на ноги. Отряхнула джинсы. Холодно на меня посмотрела.

– Ты здесь, потому что у тебя есть сердце. И совесть. Потому что ты так решила, – тон не предвещал ничего хорошего. – Мне больше не нужны рабы. Если хочешь – уходи. Но останешься ты здесь добровольно.

Как Макс добровольно? Как Фабио на своей цепи добровольно? Или как... Я помнила, что сказал мне Сереш.

«В самом начале ты мог меня вылечить? Сделать переливание. Убрать драконью кровь...»

«Возможно, – ответил он тогда. – Вероятно. Но им это невыгодно».

Я сдернула с руки браслет, демонстрируя шрамы. Золотой обруч с металлическим звоном упал и покатился по полу.

– А это – на случай, если не оценю оказанную мне честь? Дополнительный стимул, чтобы сделала правильный выбор? Запасной вариант, если я решу не так? Это трусость! Это не добровольность!

Мой крик потонул в тишине, отражаясь от стен. Когда я подняла глаза, Дианы рядом уже не было.

– Не спрашивай, – предупредила я Диза, ныряя в душ.

До самой ночи бродила по городу, пытаюсь успокоиться после истерики. Не очень-то получилось. Нельзя было этого говорить. Но... Я посмотрела в зеркало и стерла незамеченное пятно туши на правой щеке.

– Кто в двадцать первом веке пользуется карточками? – пожаловалась я Дизу из-за двери. Пусть лучше считает, что моя досада оттого, что я ничего не обнаружила в архиве. – Я не спрашиваю, зачем Мартину статистика восемнадцатого века, но какой идиот сделал всю систему только в хронологическом порядке? Это нужно знать, когда что произошло, чтобы что-то найти!

Немудрено, что просто так обнаружить одну фамилию во всем этом историческом слое не удалось.

– А если бы мне нужны были, допустим, все упоминания о вампирах? Или торговля запрещенными зельями? Или чье-то имя?

Валленштайнер, например...

Ничего. Я бы ничего не нашла. Даже без сослагательного наклонения. Из комнаты не доносилось никаких звуков, даже банального «угу». И на мое появление Диз не отреагировал. Промокнув волосы полотенцем, я вышла из ванной.

– Ты меня не слушаешь, – констатировала я.

Может, оно и к лучшему. Или нет. Сейчас я бы не отказалась от поддержки.

– Слушаю, – возразил Диз, не отрываясь от компьютера.

Как же. Я забралась на кровать и заглянула в монитор. Что там могло быть настолько интересного?

– Как ты так сделал, что у тебя два графика наложены?

– Про вспомогательную ось ты не слышала?

Честно говоря, нет. Вот к кому надо было полевому отделу с вопросами по графикам обращаться!

– Зато у меня много других достоинств кроме знания икселя.

Главное, чтобы Диз не решил спросить, каких именно. Потому что кроме упрямства и раздражительности, которые едва ли относились к сильным сторонам, я с ходу затруднялась что-то назвать.

Пары минут хватило, чтобы километровые таблицы и чересчур разноцветные гistogramмы успели мне наскучить. Подобравшись ближе, я потерлась носом о колючую щеку. Скользнула губами по скуле и спустилась ниже, к шее, слегка прихватывая зубами кожу. Диз отстранился. Вот как? Выждав с полминуты и получив только быстрый перестук клавиш, я ткнула его в плечо. Попробовала закрыть крышку ноутбука, но ее быстро вернули на место.

– Я занят.

Он всегда был занят. Не одним, так другим из бесконечного множества его проектов. Я помахала рукой у него перед носом, заставляя обратить на меня внимание.

– Ты правда хочешь сказать, что между девушкой в своей постели и какой-то хренью в икселе выбираешь иксель? Риторический вопрос, – поспешила я предупредить.

С Диза стало бы ответить, а в его приоритетах сомневаться не приходилось. На секунду отвернувшись от монитора, он перевел взгляд на меня. Что-то прикидывая в уме, отсутствующе посмотрел поверх очков и вернулся к своему занятию.

– Это бизнес-кейс для «Хантерс». Мне надо закончить к утру.

– Отвлечешься ты, конечно, не можешь? Вся ночь потом в твоём распоряжении, работай сколько душе угодно!

– Вопреки сложившемуся у тебя мнению, ночью я предпочитаю спать, а не работать.

Я вздохнула и перекатилась на свою сторону кровати. Если в ход пошли конструкции с «вопреки», дело серьезно.

– Если я прервусь сейчас, потрачу половину ночи, начиная заново. Так мне нужен час, чтобы закончить.

– А что мне нужно, хоть кого-нибудь здесь интересует?! Я от тебя уйду, честно.

– Это твоя комната, – напомнил мне Диз. – Но, если захочешь уйти сегодня, ключ от моей в заднем кармане джинсов.

О такой маленькой детали я не подумала. Уходить из собственной комнаты было бы действительно глупо.

– Я уйду к Макс! – пригрозила я.

Впрочем, чтобы такие угрозы действовали, нужно было хоть раз сдержать слово. И, уходя, не возвращаться. Мы оба это знали.

– За сексом? – только уточнил Диз, исправляя в ячейке формулу.

К сожалению, нет.

– За пивом и сериалами, – буркнула я. – У нас там «Класс» и «Доктор Кто» недосмотренные. Замена неравноценная, но в отличие от тебя они хотя бы не бесят.

Перестав печатать, Диз внимательно на меня посмотрел.

– Что? – под тяжелым взглядом было неуютно, никакая привычка не спасала.

– Жду, когда ты уйдешь, – спокойно пояснил он. – Разложу на твоей половине бумаги.

Я моргнула, переваривая ответ. Зараза. Наглая, смеющаяся надо мной зараза.

– Я, конечно, подозревала, что мой мозг пририсовывает тебе более человеческие черты, не в силах справиться с ужасной реальностью, но это уже слишком! Что, по-твоему, ты делаешь?

На его лице появилась по-мальчишески открытая улыбка:

– Исполняю твои самые сокровенные желания. Разве Райли тебе не рассказывала, как это с демонами работает?

Рыжая много чего рассказывала – и с каждым проведенным с Дизом днем я все больше утверждалась в мысли, что источниками ее рассказов были любовные романы в мягких обложках.

– А мне кажется, издеваешься. Seriously, по-твоему, я хочу, чтобы меня раздражали?

– Тебе это нравится.

Кому в здравом уме может это нравиться?!

– Иначе ты бы не напрашивалась на провокацию.

Не поспоришь. Потому что, во-первых, эмоциональная телепатия. Во-вторых, он слишком хорошо меня знал. И давал мне то, чего я хотела. Возможность сбросить на кого-то скопившиеся за день раздражение и отчаяние, к примеру. Хотя сейчас это работало не в его пользу.

– Тридцать минут, Нат, – примирительным тоном предложил Диз. – И я освобожусь.

– Даже не надейся. За тридцать минут я усну – мрачно пообещала я, поворачиваясь на бок и заматываясь в одеяло. – Только попробуй меня разбудить!

Крышка ноутбука хлопнула, и на секунду я понадеялась, что мне все-таки удалось его пробрать. Как же. Еле слышный скрип пружин, звук босых ступней по полу, и в комнате погас свет. Я встрепенулась. Вопрос «Какого хрена?!» достаточно явно читался в моих мыслях, чтобы не пришлось его задавать.

– Мне достаточно подсветки от экрана, – невозмутимо объяснил Диз. – Не буду тебе мешать. Спокойной ночи, Нат.

Я очень не хотела поддаваться. Тщетно. Откинув одеяло, я села и расхохоталась, чувствуя, как сегодняшняя боль отходит на второй план.

– Иногда ты совершенно невыносим, – сообщила я Дизу.

– Только иногда? Плохо стараюсь, – пробормотал он, продолжая набирать текст.

За что заслужил еще один тычок в бок.

– Двадцать минут. Я подожду тебя двадцать минут и ни секундой больше.

– А если не успею?

Одной рукой Диз приобнял меня за плечи и притянул к себе. И понятно, что это ненадолго, что скоро уберет руку, чтобы печатать десятью пальцами вместо пяти, но... Приятно, черт возьми.

– Попытайся, – предложила я. – Ты же гений.

В отличие от Диза мне работать было не над чем. Разве что почитать учебник из присланного Серешем списка на лето. Листая меню на телефоне, я остановилась перед зеленой иконкой с геомаркером. «Большая игра». На которую я так рассчитывала и которая не оправдала надежд. Я потянулась к тумбочке за наушниками.

«Загадай желание...»

Я смотрела заставку раз десять, наверное. Ничего не менялось. Загадай желание – самое сокровенное, одно, касающееся только тебя, – зарегистрируй аккаунт, выполняй задания, которые будет предлагать тебе система, набирай баллы, выходи в финал... Мало ли таких игр? Двадцать первый век: хочешь – покемонов лови, хочешь – порталы на улицах открывай. В этой ничего даже не намекало, что за расплывчатыми обещаниями скрывается нечто большее. Что она каким-то боком относится к миру гени. Я подтянула колени к груди и положила телефон на них.

Но Тана считала, что все серьезно. И почему-то мне казалось, что у персонификации смерти должно иметься достаточно ума, чтобы отличить прикол от настоящей, затеянной кем-то могущественным игрой. Даже если здравого смысла в любовной жизни у нее было не больше, чем у меня.

Когда в деле замешана магия – ничего не было прикольным, безопасным и «просто так». Если я что-то выучила за время в ГООУ – этот мир не был милым и добрым. Он был жестким, жестоким и не боялся крови или смерти. Он жаждал их, зная, что в них кроется наибольшая сила. Назовите это паранойей, если хотите, но даже безобидная зеленая иконка меня пугала. Если маги затеяли подпольную игру, кто-то обязательно пострадает.

Как Харви, например. Да, я помнила, что «Большая игра» не была установлена на его телефоне. Но кто сказал, что пять лет назад она шла через мобильное приложение? Мюнхен, август – многовато совпадений, не находите? В проморолике Игры была карта с сотней меток по всему городу. Сейчас я видела только одну, но что, если именно этим объяснялись его хаотичные передвижения по городу?

«Зарегистрируйся и выполни первое задание, чтобы открыть Игру».

Я постучала ногтем по экрану смартфона. В конце концов, Мартин сам велел мне разобраться, как Харви оказался закопанным среди леса. Пусть он рассчитывал, что я всё завалю (я сама не видела других вариантов), должна я проверить версию, раз она появилась? А если она окажется ошибочной – что ж, бывает. Но я сделала всё, что могла. Чтобы понять, что произошло с Харви, я имею в виду. Дело ведь в этом. Только в этом. Совсем не в том, что заставляло меня во всем видеть опасность и кидаться на нее при первой возможности.

Но... Когда я думала о Харви, я не могла не вспомнить Лукаса. И понимала, что не искуплю так вину, но не могла бездействовать.

«Зарегистрируйся...»

В наушниках я пропустила момент, когда звук клавиш прекратился. Щеки коснулась пропахшая сигаретами ладонь. Я повернулась к Дизу, уже зная, что будет дальше. Слишком близкий взгляд зеленых глаз, горячие губы, кофе и мята на языке. Я с удовольствием ответила.

Рука переместилась со щеки на затылок, зарываясь в волосы, притягивая еще ближе к нему, заставляя перекинуть через него ногу и обхватить руками его шею. Другая оказалась под майкой, с каждым движением поднимая ткань все выше. Так, стоп. Еще немного, и моя мотивация пойдет прахом. Я прервала поцелуй.

– Прости, – шепнула я, – но я поняла, что мне тоже нужно работать.

По крайней мере, мне досталось чувство глубокого морального удовлетворения. Я поспешила скатиться с кровати. Соберись, Наташа. Возьми себя в руки. Оденься и сделай то, что запланировала. У меня за спиной раздался мягкий смех.

– Мстишь?

Меня пижамные шорты на джинсы, я не удержалась от улыбки.

– Возможно.

Глава 6

Сильная

Я только успела налить кофе, когда на офисную кухню заглянул Кай. Вчерашнее утро повторялось... с одним маленьким отличием.

– Тебя, это, вызывают, – как-то смущенно сообщил он.

Рука дрогнула, и под кружкой образовалась лужица цвета жженой карамели. Зачем? Не могли же они узнать?..

В кабинете, среди антикварной мебели и старых фотографий, меня ожидали трое. Диана снова устроилась на подоконнике, на этот раз с ноутбуком на коленях. Макс сидел в одном из кресел для посетителей и выглядел так, будто его поймали с поличным, отчитали, а теперь вместо того, чтобы отпустить, собираются повторить процедуру. Мартин занял место гостеприимного хозяина. Не очень гостеприимного на самом деле. Выражение лица у него, как обычно, означало что-то среднее между скукой и раздражением. Именно он, когда я вошла, повернул ко мне монитор и спросил:

– И как это объяснишь?

На экране в черно-белой записи с камеры наблюдения девушка в худи с опущенным капюшоном нервно потерла ладони, обернулась на камеру – объектив захватил спутанную челку и закушенную губу, – достала телефон и выставила его перед собой. Подошла к кассе, взяв что-то со стойки, сунула в карман. Подумав, одним предметом не ограничилась – все последующие отправились туда же, в практически безразмерный карман толстовки. Продавщица все это время оставалась безучастна, будто перед ней никто не стоял. Даже когда девушка, не утруждая себя оплатой, направилась к выходу, не отреагировала. Обернулась только, услышав вопиющую сигнализацию, мазнула усталым невнимательным взглядом по магазину, словно тот был пуст.

Руки вспотели – совсем как в тот момент. Или как в следующие после съемки полчаса, когда я сидела в «Старбаксе», пытаюсь поймать вай-фай и загрузить видео.

А еще стало очень-очень стыдно.

– Не пытайся оправдать это kleптоманией, – предупредил Мартин. – У тебя не было ни одного эпизода.

– Вы что, следили за мной?

Охранная сетка, покрывавшая комплекс «Хантерс», должна была реагировать на всех входящих и выходящих. При желании можно было настроить заклинание на распознавание, но понадобился бы кто-то, кто будет все уходы-приходы контролировать... Или передвижения одного конкретного стажера. Вот почему Макс внезапно позвонил среди ночи! Решил, видите ли, напомнить про срочное дело на завтра. Еще извинялся, спрашивал, не разбудил ли... Я возмущенно уставилась на друга. У того хватило совести отвести взгляд.

А дальше – отследить сотовый или «защитный» в татуировку маячок. Проще некуда. Доступ к полицейским камерам и системе распознавания лиц у «Хантерс» благодаря впечатляющему бюджету и своим людям имелся. Как выяснилось, не только к ним...

– Я жду, – напомнил Мартин.

Долгих размышлений не требовалось. А что? Обещания молчать с меня никто не взял – кажется, никому в голову не приходило, что кто-то расскажет Охотникам. И здесь явно было что-то не так.

– Это игра. Она идет между гени.

– Шоплифтинг? – уточнил начальник.

– Не только. Там разные задания. Скорее... Воспользоваться магией на глазах у людей. А в конце обещают исполнить твоё самое сокровенное желание, даже если оно невозможно. Мне показалось, что она может быть как-то связана с вампиром, которого мы нашли, – поспешила я оправдаться, – но я не знала точно и не хотела лезть с глупыми версиями, поэтому думала сначала проверить, чтобы не дергать никого...

Мартин устало потер подбородок.

– Ты не подумала, что развлечение, провоцирующее на нарушение Договора, может заинтересовать меня независимо от того, связано оно с тем делом или нет?

Я пристыженно промолчала.

– Это твоя недоработка, – подала голос Ди, похоже, решившая сделать вид, будто вчерашней встречи не было. И я на нее не орала в коридоре жилого корпуса. – Ты ее руководитель. Если твой сотрудник не ощущает себя достаточно комфортно, чтобы прийти к тебе с любым вопросом, это твой факт.

– Мои сотрудники не чувствуют себя некомфортно, – отрезал Мартин. – Только те, кого мне навязали.

– Тоже неправильное мышление. Ты не всегда можешь выбирать, с кем тебе работать. Это исключение, а не норма. Но уметь работать должен со всеми.

Мартин повернулся на стуле к ней:

– Тебя укусил Дерек?

– Почти. *HR* прислал результаты твоего ассессмента.

– Детский сад... – вздохнул начальник, возвращаясь ко мне. – Кто организует эту Игру?

– Я не знаю. Она идет по интернету, анонимно. Есть приложение, там появляются задания, пройденные этапы загружаешь в свой профиль...

– Еще лучше.

Похоже, мысль, что по городу бегали толпы непуганых гени, соревнующихся в игре на слабó, его радовала так же сильно, как меня.

– Телефон, – протянул он мне руку.

В любой другой ситуации я бы воспротивилась: а как же моя личная информация? Фотографии? История переписки? Но сейчас имелась серьезная причина его отдать.

– А... Я? – жалобно поинтересовалась я, положив смартфон на стол. – Что будет со мной? Я оставила в магазине денег, чтобы возместить ущерб...

И ни за что не стала бы ничего красть просто так. Честно. Но вряд ли это кого-то интересовало. Формально нарушение имело место быть.

– Знаю. И только поэтому никто не будет предъявлять к тебе претензии. Свободна. Пока не решу, что с тобой делать.

Понятно. Прощать начальник не собирался. Макс выскользнул в коридор следом за мной.

– Ты сволочь, – сообщила ему я.

Надо признать, ему, судя по виду, было неловко.

– Почему ты не сказала мне?

– А почему я должна была тебе рассказать? – справедливо спросила я.

– Я твой друг.

– Ты следил за каждым моим движением!

– Будто ты этого не знала!

– Но не думала, что до такой степени!

Я проглотила пару едких высказываний. Да, знала. Да, Макс не виноват. Да, Мартин назначил мне его в пару, и хорошо, что его, а не кого-то другого. Но все равно...

– Если бы я тебе рассказала, ты бы стал меня отговаривать.

Что в конечном итоге, возможно, было бы не так плохо. Сейчас я чувствовала себя душой из-за того, что не пошла сразу к Мартину.

– Конечно, – подтвердил Макс. – Это безумие – ввязываться непонятно во что. Особенно тебе. Как ты вообще сумела сделать иллюзию, чтобы тебя не заметили?

Сложно. Когда, выражаясь языком учебников, перцепция иллюзий у тебя нарушена, свои сплести ты тоже не особо можешь. Ты никогда не знаешь, видишь ты сквозь них, потому что это твое восприятие, или потому что они не сработали, никогда не понимаешь, сколько силы для них нужно. Но когда не можешь сделать ничего своего, можно изменить чужое. У меня был сделанный Дизом браслет, скрывавший от мира мои шрамы. Немного расширить его действие, и... Я передернула плечом. Это «особенно тебе» все-таки задело.

– Я учусь. И с тобой больше не разговариваю!

– Клептомания – это что-то новое, – мягко усмехнулся Диз. – С другой стороны, она объясняет твоё пристрастие к моей одежде.

Без телефона найти его оказалось не так-то просто. В комнате было пусто, в IT его сегодня не видели, на крыше никого... А он грелся на солнышке во внутреннем дворе.

Я посмотрела на детскую площадку и отвела взгляд. Мне не нравилось сюда приходить. Перебежать двор утром по дороге из жилого корпуса в офис, смотреть при этом под ноги – это нормально. Но днем сюда приводили поиграть детей. Детей, воспитывавшихся в «Хантерс», детей, чьих родных убили маги или демоны, у которых не осталось в этой жизни никого и ничего из-за них. Из-за нас. Дело было не в ненависти, которую они испытывали совершенно справедливо. Дело было в вине. И как можно было спокойно лежать на скамейке и не замечать их – мне не дано понять.

– Куртку ты сам мне отдал! Ты на меня ее буквально надел!

– Потому что ты в тот вечер мерзла.

Я пожала плечами. Возвращать ее я в любом случае не собиралась. Черная, кожаная, вся в заклепках – мне нравилось, как она на мне смотрелась.

– Потом футболка...

– Мне не в чем было спать. Или ты предпочел бы, чтобы утром Бенедикт наткнулся на меня совершенно голую?

– Кардиган.

– Он так классно подходит к тому платью...

– Четыре толстовки, считая вчерашнюю.

В его голосе появилась заинтересованность: мол, какой повод я придумаю в этот раз?

– Просто потому, что тебя это раздражает, – призналась я.

Диз печально вздохнул:

– Иногда мне кажется, что лучше бы я завел кошку. Они, во всяком случае, не отбирают у тебя половину гардероба.

– Они еще много чего не делают из того, что тебе нравится, – предупредила я. – И потом, ты терпеть не можешь кошек!

– Вот именно.

Я подцепила прядь его волос и слегка дернула.

– Может, тебя еще что-то не устраивает? Давай-давай, я послушаю.

– Всё устраивает, – заверил меня Диз, прикрывая ладонью глаза от солнца.

Потому и не заметил, как от группки катавшихся на скейтбордах детей откололся один и подошел к нам. Да что там, я сама пропустила за шутливыми спорами этот момент.

– Вы демон? – спросил тонкий голосок.

Мальчишке было лет восемь, не больше. Тонкие ручки сжимали скейт, казавшийся размером почти с него. Белый одуванчиковый пух взъерошенных волос, выпяченные губы. Только выражение глаз было не по-детски серьезным.

– Да, – не стал скрывать очевидное Диз.

– Вы убьете меня?

Диз отнял руку от лица и внимательно посмотрел на него.

– Должен?

– Моих родителей убил демон.

Я сжалась. Началось...

– Это печально, – постановил Диз.

По крайней мере он не сказал «бывает» или «мне жаль», в которое ни один из нас все равно не поверил бы. Хотя его ответ подразумевал и то, и другое. Мальчонка беззвучно двигал губами, будто повторяя слова Диза и пытаясь решить для себя, что они значат.

– Так вы убьете меня?

– Только если ты станешь непреодолимым препятствием на моем пути или причинишь непоправимый вред тем, кто мне дорог.

Формулировка была, как всегда, точной и длинной. Такую ребенок будет переваривать долго.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – перевел Диз.

– Но вы же демон.

– Что с того?

– Моих родителей убил демон.

Логика здесь была. Железная.

– Если бы твоих родителей убил человек, ты бы спрашивал каждого прохожего, собирается ли он убить тебя?

Такая мысль мальчонке в голову не приходила. Впрочем, многие взрослые до нее тоже не додумывались. Диз вздохнул и поднял голову с моих коленок.

– Ты ведь кикфлип пытался сделать? Не туда доску вытягиваешь. Хочешь, покажу?

Увидев мои приподнятые брови, Диз подмигнул. Где, интересно, он научился кататься на скейте? В Аду? Ребенок долго не раздумывал. Сжал упрямо губы, покосился на меня, считая, видимо, что в моем-то присутствии этот ужасный демон с ним ничего не сделает, и отрывисто кивнул. Вот так. Будь ты хоть трижды выходцем из Ада, знание тайной магии скейтборда перевешивает все твои недостатки. Я покачала головой, улыбаясь. Не прошло и десяти минут, как вокруг Диза крутился не только тот мальчишка-одуванчик, но и половина детской площадки, с открытыми ртами и горящими глазами наблюдая, как скейт делает в воздухе полный оборот, прежде чем Диз приземляется на него. На секунду Диз сделал вид, что теряет равновесие, и преувеличенно замахал руками; с площадки до меня донесся смех. Я машинально потянулась к карману за телефоном – такой компромат пропадает! – но вспомнила, что его у меня отняли. Кто мне теперь без доказательств поверит, что страшный демон так хорошо находит общий язык с детьми?

Разве что Мартин. Начальник неслышно подошел и сел на скамейку рядом. Я исподтишка взглянула на него. Невозмутимое выражение лица и тонкая папка в правой руке. Оставалось только надеяться, что в ней была не бумага для заявления по собственному желанию.

– Уволите?

– Нет.

«Тогда зачем пришли?» повисло в воздухе невысказанным упреком. Мартин спокойно наблюдал за обступившей Диза детворой.

– Сегодня его никто не сопровождает, – «никто за ним не следит» было бы точнее, но я сдержалась. – Не бойтесь, что он кому-то навредит?

– Когда ведешь переговоры, надо показывать, что доверяешь партнеру. Даже если это не так, – начальник достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, но вспомнил, что находится рядом с площадкой, и с сожалением их отложил. – Откровенно говоря, всем известно: если бы он пожелал, мы бы все были мертвы.

Дизу не пришлось бы для этого и пальцем двинуть. Я знала. Помнила ощущения, когда вместо воздуха в разорванное горло полилась кровь, а он... Сидел в паре метров от меня, положив руки на подлокотник кресла. Чтобы я видела: ему даже не нужно меня касаться, чтобы убить. Я потерла шею и подняла глаза на детей. Такие мелкие, они казались на территории «Хантерс» чуждым элементом. И такие обманчиво безобидные...

– Вы работаете с гени, вы должны знать: то же самое можно сказать о половине из них.

Даже я могла убить Мартина, если бы хотела. Но об этом, наверное, говорить руководству не следовало.

Начальник кивнул, соглашаясь.

– Почему ты говоришь «гени», а не «маги»? Никто с нашей стороны не использует это слово.

Я пожала плечами. Привычка.

– От Диза научилась. Потому что, – в голосе прорезалась давняя уже обида, – когда вы забросили меня неподготовленной в ГООУ – на что вы не имели ни малейшего права, – только он мне объяснял, что к чему.

Впервые за долгое время, чуть ли не в первый раз за все наше знакомство, на лице Мартина промелькнула улыбка.

– Тебе не кажется, что ты слишком часто говоришь людям, на что они имеют право?

До сих пор я считала, что только когда эти самые люди зарываются. Но что именно он имел в виду? Диана ведь не стала бы пересказывать ему наш разговор? Или они были настолько близки?

– Максен тебе бы все объяснил. Нужно было задать вопрос.

Справедливости ради, так оно и было. Но...

– Он не вызывал слишком много доверия.

Поэтому вместо пусть и поставленного «Хантерс», но по-честному ведущего себя со мной Макса, который сказал бы мне правду, я выбрала Диза с неизвестными намерениями, чьи слова я не могла проверить. Что многое говорило об уровне моей адекватности, явно стремившемся к нулю. Оглянувшись на меня и увидев рядом Мартина, Диз поспешил отвязаться от детворы и подойти к нам.

– Герр Хадек, – склонил он голову в приветствии. – Какая это редакция? Восьмая? Давайте почитаю.

– Я по другому вопросу.

На мгновение Диз сузил глаза – я достаточно привыкла читать его микровыражения, чтобы заметить.

– Это не я, – поспешил он откrestиться от всех подозрений.

– Но вы в курсе, о чем речь.

Диз остановился напротив нас, сунул руки в карманы джинсов и качнулся на пятках.

– Когда я услышал о существовании Игры, я посчитал для себя необходимым узнать о ней больше. Моя сестра – участник.

– Член вашего круга – тоже. Подéлитесь, что вам удалось выяснить?

– Легальными методами – ничего.

– А нелегальными?

Диз широко ухмыльнулся:

– Неужели вы могли заподозрить меня в подобном?

Глупый вопрос. Это же Охотники! По уровню подозрительности – едва ли не единственные существа на Земле, способные сравниться со мной.

– Я способен заподозрить вас даже в организации этой Игры, – со всем почтением заверил его Мартин. – Уверены, что это не вы? Очень в вашем духе: не только предложить себя, но и показать, на что вы способны, чтобы ни у кого не осталось сомнений.

Ухмылка Диза стала еще шире.

– Если бы это был я, я бы сконструировал ситуацию, в которой мои навыки оказались бы незаменимы для решения вашей проблемы, а не нарушил бы Договор.

Вообще-то определенная доля правды в словах Мартина была. Но и в словах Диза – тоже. Он бы сделал акцент на других своих умениях.

– Прочитайте, – Мартин передал папку Дизу.

Пролистав содержимое папки, Диз спрятал ее за спину.

– Объясните.

– Что именно?

Мартина-человека, казалось, совершенно не напрягал нависший над ним демон. Удивительно. Даже я, несмотря на привычку, чувствовала его природу, и ощущение это было не из приятных.

– Мой контракт не содержал никакого испытательного срока.

– Верно, – начальник закинул ногу на ногу и спокойно посмотрел на Диза снизу вверх. – Он содержал предоставление постоянного носителя и права проживания на этой стороне после пяти лет службы.

Пяти – из скольки лет в целом? Я подозревала, что меньше чем на пожизненный контракт Охотники не согласились бы. А жили демоны весьма долго...

– Мы предлагаем сокращение этого срока взамен на ваше содействие. Рассматривайте это как обоюдовыгодную сделку.

– До двух лет.

– До восьми.

Диз снова качнулся с пятки на носок.

– Мы обсуждаем это четвертый год, герр Хадек. «Хантерс» рассматривали мою кандидатуру еще дольше, когда ваша организация выбирала, кого из кругов допустить к учебе в ГООУ. Вы знаете всё о магах, но практически ничего – о ритуалах кругов и не сможете найти другой источник информации: искусство почти никогда не записывалось, а обучаются ему только самые близкие к крови круга. Я вам нужен. Пять лет.

– Это вы сможете обсудить с моим руководителем, – уклончиво ответил Мартин. – Я не вправе давать таких обещаний.

Другого ответа Диз вряд ли ожидал. Более того, на него рассчитывал – иначе бы переход к следующему его вопросу не получился бы таким плавным. Я мысленно закатила глаза. Позер.

– Если мы собираемся привлечь мою дражайшую тетюшку, почему бы нам не пригласить присоединиться к

обсуждению ту, кого этот договор непосредственно касается?

Мартин перевел на меня задумчивый взгляд. Простите?! Я тут при чем?

– Вы всегда спрашиваете у слуг их мнение, прежде чем отдать им приказ?

Если он хотел прошибить этой подколкой Диза, ему это не удалось. Тот и бровью не повел.

– Иногда. Но она не слуга.

– Она мой сотрудник. По условиям контракта, который она подписала, это примерно одно и то же.

– Я не соглашусь, пока не буду уверен, что она этого хочет.

Я едва не покрутила пальцем у виска. Это еще что за демонстрация «Смотрите, как она для меня ценна. Она настолько важна, что я не буду ее ни к чему принуждать»? Еще перед Охотниками. И что, черт возьми, было в той папке?

– Может, объясните уже, в чем дело? – попросила я, встречая в разговор.

– Как пожелаете, – согласился с требованием Диза начальник. – Наташа, продолжишь Игру?

То есть меня не увольняют? Вместо этого мне дают очередное задание – ощущение, что я их умудряюсь собирать походя, как собака блох? Обязательно сложные и малоприятные. Нет чтоб заметить, как кто-то с оплатой в магазине магичит, или еще какое-нибудь мелкое правонарушение. Мне обязательно подавай вампиров – путешественников во времени и анонимные бойцовские клубы, первые правила которых – никому не говорить о клубе. Не выдержав двух весьма тяжелых (и довольно похожих. Это жизнь рядом с божествами так влияет, что ли?) взглядов, я поспешила кивнуть.

– Кого я спрашиваю, – вздохнул руководитель. – Ты бы продолжила, даже если бы я тебе запретил.

– Но я все еще не понимаю, при чем тут Диз.

– В папке – договор на временную связь между вами. Для подстраховки на время Игры.

То есть в мою квалификацию никто не верит. Справедливо. Тут не то что знаний – я сомневалась, что мне хватит силы, чтобы выполнить задания на следующих уровнях.

– Ди придумала? – поинтересовался Диз.

– Нет. Это моя инициатива. Диана, несомненно, ценит своих слуг и пообещает что угодно, если случится беда. Но она не способна осознать угрозу до того, как все произойдет. Она знает, как легко ее слуги ломаются, но не понимает почему.

Предупреждение. За время в ГООУ я услышала их достаточно, чтобы научиться различать. И читать между строк. Не «Не доверяй ей», но «Знай, на что идешь». Впрочем, другого от богов я не ожидала.

– Лад...

– Почему я? – не дал мне договорить Диз.

– Я не могу привлечь Максена – его все знают. То же касается других моих сотрудников.

А о людях речь сейчас не идет. Только о гени.

– Маги работают не только в полевом отделе. Не думаю, что об их связях с «Хантерс» всем известно.

Кстати, да. Можно взять кого-то из медиков, раз мне не доверяют, – и проследят, и помогут, если что. Контракт с демоном ради какого-то дела – для «Хантерс» это было не просто радикально. Макс был прав, когда говорил, что план Диза не сработает: так не делали. И тем более они не выбрали бы в качестве носителя девчонку, которая с ними без году неделя, в чьей надежности они не уверены, которая влюблена в этого самого демона по уши и неизвестно что выкинет ради него... Это для меня заключить сделку с Дизом казалось чем-то обыденным. Я не учла, что мы говорили об Охотниках.

Тест на лояльность? Мою или Диза? Не сбежит ли он, почувствовав свободу? Не помогу ли ему в этом я?

– В городе уже известно, что в офисе появился новый сотрудник, – невозмутимо признал Мартин. – Ведьма, молодая, нетипичная для Охотника.

Вот оно что. Надо было признать, по части поиска подводных камней Диз обгонял меня очков на сто, а то и больше. Я бы не додумалась спросить. Удивилась еще такой заботе...

Вот где был подвох. Клеймо «Хантерс» – штука весьма неприятная, если не сможешь дать отпор. Даже если не учитывать всех гени, живших тут и приехавших сюда ради мечты, я сомневалась, что тем, кто устроил нелегальную, нарушающую Договор Игру, польстит внимание со стороны Охотников.

Другое дело – девчонка в компании фамилиара, отчаявшаяся настолько, что заключила сделку с демоном. Такая, чтобы исполнить свое самое сокровенное желание, пойдет на всё. И подозрений не вызовет. Демон как идеальное алиби, блин.

Вопрос, почему Мартина так заботила моя безопасность, оставался открытым.

– Ладно, – все равно согласилась я.

С «Хантерс» или нет, с Дизом или без, я уже начала Игру. И в любом случае продолжу.

Теперь решение было за Дизом. Отвернувшись, он смотрел в сторону детской площадки.

– Я подумаю.

Разговор так и был не окончен, поэтому дверь осталась открытой. Теплая вода плескалась у ключиц, пытаюсь лизнуть чернильный полумесец. В высоко поднятой руке – не хватало еще залить – я держала открытую книжку, но текст не шел. Слишком сильно отвлекали другие мысли.

– Почему ты не согласился сразу? Думаешь, Мартин что-то еще недоговаривает?

– Думаю, его заботит, чтобы его сотрудники оставались живы, – откликнулся из комнаты Диз. – Что для хорошего руководителя нормально. Нет. Он сказал всё.

«После того как ты его заставил. Не думай, что я не заметила эту маленькую манипуляцию. „Охотники тебе не доверяют, скрывают от тебя правду. Только я тебя не обману“. Так я должна была ее понять?»

Диз заглянул в ванную. Прислонился к дверному косяку, скрестил руки на груди. Нахмурился, посмотрев на серую обложку у меня в руках.

– Это не похоже на твои любимые романы.

– Мемуары одного из первых преподавателей ГООУ, – я качнула корешком. Вода в ванне плеснула о бортик. – Ты знал, что в первые годы на территории университета жили Охотники?

– Знал. Людям нельзя долго находиться на Границе. Полгода, девять месяцев максимум. Поэтому Охотники сняли наблюдателей, как только убедились, что система способна функционировать без контроля на месте. Тем более к тому времени у них было достаточно своих среди гени. Откуда внезапный интерес к истории? И книга?

Отвечая на первый вопрос: от оставивших кучу загадок предков. Раз меня не уволили, я прогнала имя Ильзебилль Швайг в базе данных «Хантерс». Ничего. Даже плашки «недостаточный уровень доступа», как в случае с бравым именем Валленштайнеров, не получила. Нашла только мастера-алхимика Швайга и два упоминания в фольклоре. Один – у братьев Гримм, где Ильзебилль была кем-то вроде старухи с золотой рыбкой. Второй – в легенде про короля в холме, где упоминалась Ильзебилль-Изгнанница. И никого, жившего в Мюнхене в конце позапрошлого века. Откуда она взялась? Как они познакомились с прапрадедушкой? Как вообще жили? Он – Охотник, она... скорее наоборот. Я не представляла. Наверное, потому и взяла книгу. В попытке хоть одним глазом взглянуть на их мир.

В ГООУ я старательно избегала всего, связанного с историей. Потому что, ладно, магия существует. Выяснили, убедились на собственном опыте. Но признать это в историческом контексте означало принять, что все известное о мире до тысяча восьмисот шестнадцатого года – сказки. Потому что были тринадцать родов, правившие миром. Люди, отвоевывавшие себе один километр Земли за другим. Колдовство, известное каждому, маги, жившие не на страницах книжек, а в соседнем квартале... И согласиться с этим для меня означало уподобиться посетителям тех

же «Настоящих секретных материалов». Слишком много в этой концепции было от теорий заговора, кругов на полях и инопланетян, занесших жизнь на Землю.

Со вторым вопросом было проще...

– В архиве я ее взяла. Должна же мне была достаться компенсация за всю ту пыль.

– И ты читаешь издание конца девятнадцатого века...

Я пролистнула к выходным данным.

– Тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, – подсказала Дизу.

– ...здесь?

Делая скидку на Дизову эмоциональность, мне удалось его шокировать. Я с трудом удержалась, чтобы не показать ему язык.

– В университетской библиотеке наверняка есть второй экземпляр. И потом, что с ней случится? Если я только ее не утоплю.

– И страницы от влажности не испортятся, – поддакнул Диз.

Свободной рукой я убрала с глаз слишком короткие для пучка пряди.

– Зануда, – беззлобно констатировала я.

– Определенно, – согласился Диз и окинул критическим взглядом ванную. – Раз ты заговорила об этом: ты не видела мою бритву?

Вопрос застал врасплох. Закинув ноги на бортик, я попыталась скрыть следы преступления и приняла максимально невинный вид, прежде чем встретиться с Дизом взглядом.

– Я взяла новое лезвие!

– И на том спасибо, – вздохнул он. – Неужели так сложно купить свою?

– Я забыла, – сообщила я чистую правду. – Моя затупилась, а у тебя всегда есть запасные лезвия. Тебе что, жалко?

По крайней мере, часть правды. Другая причина была той же, что заставляла брать его вещи. Было приятно пощекотать нервы, зная, как щепетильно демоны относятся к своей собственности, и в то же время понимая, что конкретно этот демон тебе никогда ничего не сделает. Любопытно, когда же наконец удастся вызвать эмоции – не всё же одной мне беситься? Увы, не в этот раз. Плюс кто-то еще в начале нашего знакомства нагло игнорировал личные границы и пил кофе из моей кружки. Это сейчас я достаточно привыкла к чужой ложке, залезающей в миску с мюсли, и научилась отвечать тем же. Тогда это дико раздражало – ради чего Диз, я подозревала, продолжал так делать. Пусть теперь за это расплачивается.

– И вообще, не уходи от темы!

– От какой? – Диз скопировал мое ни о чем не подозревающее выражение лица.

– Почему ты не согласился сразу на предложение Мартина? Это для тебя выгодно: пару недель ничего не делать, провести время со мной, – я едва удержалась, чтобы не спросить: «Или это так тяжело?» Не в том было дело, – зато получишь более удачные условия. Я не права? И потом, разве ты не этого с самого нашего знакомства хотел?

Диз снял очки и потер переносицу. Оправа исчезла в тонких пальцах, будто ее и не было.

– Давно догадалась?

– Ты никогда не скрывал.

Диз ведь еще с первого сентября два года назад, когда увидел меня, знал, что я попаду сюда. И воспользовался. Понял, что со мной будет проще, чем с Бенедиктом.

В мире, где Охотники относятся к демонам как минимум враждебно, что может быть удобнее, чем найти

потерявшуюся девчонку, которая сама еще не в курсе, что ее ждет, и приручить? Заставить ее чувствовать, что она тебе должна. За доброту, за участие, помощь. Не влюбить ее в себя – учитывая, как быстро в глазах его девушек Диз терял все свое очарование, это был нежелательный побочный эффект. Но сделать своим другом.

– Тогда знаешь, что я давно отказался от этого плана.

– Знаю, – легко согласилась я.

Зато я не отказалась. Стоило, наверное, рассказать... Мне не нравились секреты – особенно тянувшиеся месяцами. Диз был прав, я совершенно не умела хранить тайны: все было написано у меня на лице. А те, что удавалось не выдать, камнем висели на душе.

– Я сказала Соррелу, что предложу Охотникам себя в качестве твоего носителя и сделаю все, чтобы они согласились. Я... Хотела заключить с ним сделку весной. Он отказался.

Особой реакции признание у Диза не вызвало.

– Я говорил тебе, что он не дурак, – из того же ниоткуда, в котором затерялись очки, Диз достал сигарету и подпалил ее. – Что он в итоге от тебя потребовал?

– Услугу. В будущем. Сказал, сейчас с меня нечего взять.

И хотя мне это очень не нравилось (услуга в будущем? Звучит примерно как «Отдай своего первенца» или «Ты еще не знаешь, что ждет тебя дома. Отдашь мне» из сказок), пришлось согласиться.

– Дай мне тоже, – попросила я, вынимая руку из воды. Диз протянул мне сигарету.

– Зачем ты вообще к нему полезла?

– Мне нужно было имя библиотекаря.

– Могла спросить у меня.

– В то время ты не вызывал у меня большого желания с тобой общаться, – я вернула сигарету Дизу. Если мокрые отпечатки на ней, как влажные страницы книги, заставили его внутренне поморщиться, он это никак не показал. – И вел ты себя как полный... – я смягчила, что изначально хотела сказать, – придурок.

Диз не стал спорить. Молча затянулся и снова передал сигарету мне. Понял, что я все равно еще попрошу и бессмысленно каждый раз пересекать ванную – от двери ко мне и обратно. Вместо этого опустил на кафель и прислонился спиной к бортику, так, что темный затылок оказался рядом с моей рукой.

– Но я сказала ему правду. Я предложу...

– Не надо, – Диз хмыкнул. – Думаешь, у «Хантерс» недостаточно гени без тебя? Мне не нужны жертвы. Если захочешь остаться в «Хантерс», то не из-за меня.

– Но я хочу...

Не остаться. Но помочь...

– Не хочешь, – с твердой уверенностью сказал Диз. – Что ты загадала в Игре?

Я недоуменно моргнула. Это с какого бока?

– Ничего...

Нет смысла загадывать, если не веришь. А я была настроена не так оптимистично, как Тана. Благотворительность вместе с такой щедростью редко случаются в нашем мире. И, как правило, обставлены они совсем не анонимно. Скорее, здесь крылась какая-то выгода. Но вот какая? И для кого?

– В таком случае что бы ты загадала?

В плане моего самого сокровенного желания? Теперь я поняла, откуда взялся этот вопрос. Чего мне на самом деле хотелось – до дрожи, до такой степени, что я боялась бы об этом подумать? Я покосилась на Диза, но с этого ракурса даже профиль его не был виден. Ясно, что бы загадал для себя он, если бы Игра оказалась правдой. Стать

психопомпом. Жить в обоих мирах и менять их по своему желанию. А я...

– Не знаю, – честно призналась я, подумав.

– Снова стать человеком?

Я могла понять, как Диз пришел к этому выводу. Сколько жаловалась в свое время. Но... Я помотала головой.

– Нет.

Поздно. Сейчас я уже слишком далека от человека, а повернуть время вспять... Не хочу.

– Почему?

– Потому что, если бы не это все, – рука описала круг; сорвавшиеся с пальцев капли застыли на белой плитке, – я бы никогда не узнала, какая я на самом деле.

Диз не стал смеяться над высокопарно прозвучавшим откровением. Только мягко спросил:

– Какая же?

– Смелая.

– А ты смелая?

И снова никакого смеха, никакой издевки в голосе. И не удивление. Скорее... Удовольствие, будто ему нравилось то, что он слышал.

– Безумно, – заверила я его. – Думаешь, кто-то менее храбрый полез бы за тобой в чертов Ад?

Встрял бы между Мором и драконами, отправился бы выяснять, куда пропадают студенты, позвонил бы в «Хантерс» с просьбой «Ну возьмите меня к себе!»?

– Справедливо.

– Еще... Сильная.

Не говорите, что сила обязательно измеряется в физической мощи или способностях к магии. Не только. Жаль, что мне так долго пришлось осознать, сколько у нее лиц. Что иногда сила заключается в сострадании. Временами – в способности признавать свои ошибки. А бывает, она всего-навсего означает, что, обернувшись назад, на все то дерьмо, что осталось в прошлом, ты с удивлением понимаешь, что все еще жив и не сломан. В этом тоже сила. Диз был прав...

– И находчивая.

Диз фыркнул. С этим он, значит, готов поспорить?

– Что? Между прочим, это я придумала, как раскрыть библиотекаря!

– Если бы ты при этом не ставила постоянно свою жизнь под угрозу, – вздохнул он.

Как будто у меня специально получалось. Я плеснула в него водой.

– Зануда, – пришлось мне снова открыть Дizu глаза на правду.

Взъерошив волосы, он обернулся. Сменил позу; опираясь на бортик ванны, устроился на кафеле лицом ко мне.

– Ты это уже говорила.

Я села, чтобы не смотреть на него снизу вверх.

– И еще буду говорить! – заверила я Диза, закидывая руки ему на плечи.

Против стекавших за шиворот капель Диз не возражал. Как и против последовавшего за этим поцелуя...

– Зануда, – повторила я. – Сноб. Позер...

С гулким стуком упала книжка. Коротко зашипела сигарета, прежде чем погаснуть. Плеснула вода, проливаясь через край на пол...

Только человек, незнакомый с Дизом, мог предположить, будто он забудет о своем вопросе.

– Не знаю, – я потянулась в кровати. Длинные пальцы осторожно рисовали на моем бедре одному Дизу известные узоры. – Правда не знаю...

Взгляд скользнул по руке. Можно было попросить неведомых организаторов избавить меня от шрамов и драконьей крови, от сводящей с ума сверхчувствительности к магии. Но... Без них бы все тоже сложилось иначе. И я была бы другой. А плата за ошибки казалась уже не такой высокой. Та же сверхчувствительность не раз помогала мне выживать. А драконья кровь... Сейчас, с нормальным блокатором, единственным негативным эффектом оставались необходимость повторять укол каждые две недели и поводок «Хантерс», на который эти самые уколы меня сажали. Но с ними я тоже могла справиться. Для этого мне не требовалась помощь неизвестных благодетелей, слишком сильных и добрых, чтобы существовать в реальности. Мне ведь сказали, что будут бесплатно поставлять лекарство, если я стану сотрудником? А Диз был прав: мне не обязательно идти в полевой отдел, если тут тяжело. У «Хантерс» было множество департаментов, начиная с бухгалтерии и заканчивая теми же лабораториями. Сереш замолвил бы за меня словечко. А с моими далеко не самыми популярными специальностями, с отсутствием связей и даже примерного понимания, как строился социум у гени, «Хантерс» мог оказаться для меня далеко не худшим вариантом. Спокойная работа, офис в Европе, хорошая зарплата – все как я когда-то хотела...

Я прикрыла глаза и сосредоточилась на ощущениях, пытаюсь угадать рисунок. Сбилась, как всегда. Думать не хотелось. Не об Игре. Максимум удавалось вспомнить, что цепочка мокрых следов высохла на ковровине в комнате – но вряд ли в ванной, и рано или поздно кому-то придется встать и вытереть пол. Или что книжку мы все-таки залили...

– Тогда почему для тебя так важно участвовать в Игре?

Я не знала, как объяснить. Открыв глаза, в отместку провела ногтями по его ребрам, по чернильным созвездиям на них: Дракон и Малая Медведица, похожий на арбалет Лебедь и Лира. Россыпь капель, родинками выглядящих на бледной коже, – Лисичка; и Стрела ниже...

– Потому что я могу. Потому что, если я права, с этой игрой что-то не так. И потому что я подхожу для участия куда лучше Кая, Лукаса, даже Мартина...

– Больше подходишь для работы Охотников, чем сами Охотники?

Я слегка прикусила его плечо. Нечего надо мной смеяться!

– Они люди. Без понятия, как их всех не поубивали – божественная помощь это, удача или что-то еще, – но они слабее.

Что мог противопоставить Лукас тому же друде? Ничего. А вампиру? Мы видели, чем эта история кончилась. Охотники в большинстве своем были людьми. Более уязвимыми, чем гени. И потому погибали. Слишком часто, слишком рано...

– Ты знаешь, что Мартин по их меркам практически старик? Знаешь, конечно...

Это неправильно. Люди не должны умирать, защищаясь от тех, кому им нечего противопоставить. Люди не должны жить в мире, где любой может украсть их волю – просто потому что ему захотелось. Где чужую влюбленность можно заказать у улыбчивой баристы. Где никто не станет считаться с тем, кто слабее...

– Это неправильно, – повторила я вслух. – Не люди должны следить за гени. Гени сами должны останавливать гени, когда те переступают границы...

– В идеальном мире так бы все и было, – заметил Диз.

Но мы жили в реальном. Если бы я попробовала возразить, что это не так, каждый из нас выбирает, в каком мире ему жить, Диз пошутил бы, что моя мания все контролировать достигла гигантских масштабов. А может – что еще хуже, – понял бы все правильно и спросил, означает ли это то, что он думает.

Поэтому я промолчала.

Глава 7

Чужие зеркала

– Бред какой-то!

Я сидела на перилах моста и смотрела, как за моей спиной несет свои воды Изар.

– Никогда не думала, что в мои обязанности на рабочем месте будет входить самоубийство.

Диз посмотрел поверх солнечных очков на пустую в такой ранний час улицу.

– Не драматизируй. Зато не скучно. Мне на первой стажировке приходилось бегать за кофе и уворачиваться от пресс-папье. Поверь, это хуже.

– Я бы не отказалась от капельки скуки, – проворчала я. – Стоп, серьезно?

Он скривился, вспоминая:

– Отец решил, что пора научить меня смирению, и устроил на лето личным ассистентом к одному из директоров. Через другого директора. Взяв с того клятву крови, чтобы он не смог рассказать, кто я.

Я представила себе Диза, еще более худого и несклепистого, с блокнотом в руке и бейджем на шее, держащегося всегда на шаг позади начальника, предугадывающего каждое его требование и борющегося с острым желанием его прикончить. Трудно было не рассмеяться. Диз широко улыбнулся:

– Ты бы видела его лицо, когда он узнал, кем помыкал.

Еще бы. Думал, что терпел очередного бесполезного сынка-племянника, а на самом деле все это время отдавал приказы демону смерти и ходил по очень тонкой грани. Я все-таки расхохоталась.

– За что тебя так?

– Ни за что. На Земле методы управления весьма ограничены. Нельзя показать такому количеству людей Силу, децимация тоже не считается адекватным методом повышения мотивации персонала... Абигор придерживается точки зрения, что в условиях добровольного найма недостаточно быть чьим-то сыном. Чтобы эффективно править организацией, нужно заслужить их уважение. Начать с самого низа. Показать, чего стоишь.

Я покачала головой. Абигор-идеалист... Не поверю. Хотя, чтобы узнать людей не только с той стороны, которую они покажут начальству, чтобы лучше понять дело... Возможно, идея не была совершенно безумной.

– Сейчас ты скажешь, что на следующее лето он отправил тебя на производство? Как вообще получается, что для демона ты подозрительно часто зависаешь на Земле? В детстве, в каникулы...

– Умею выбирать родственников, – незло усмехнулся Диз. – Тогда Тривии показалось, что будет забавно смотреть, как я пытаюсь приспособиться среди людей.

– А теперь?

Ладно, Кимон или другие его кузены – не та сила, которой Охотники бы испугались. Но если бы Геката решила выпустить его на Землю насовсем, вряд ли кто-то стал бы спорить. Что такое «Хантерс» против древнего божества?

– Теперь она считает, что если я сам принимаю решения, как мне жить, то и в битвах своих должен бороться за себя сам. И ты не угадала. На следующее лето Абигор отправил меня в ассистенты отдела, – вспомнил Диз. – Там было проще: чтобы понравиться людям, было достаточно уметь писать макросы и чинить принтер.

Обаятельная улыбка наверняка тоже не мешала. Особенно в завоевании симпатий женской половины офиса.

– А потом? – полюбопытствовала я.

О семейном бизнесе Диз обычно не упоминал. То ли из-за моего отношения к отрасли, то ли имелось что скрывать. Впрочем, второе было не предположением, а фактом. Дизу было что скрывать. Очень и очень многое.

– Потом я поступил в ГООУ.

– Ага, и все кончилось. Не верю! Ты все время работаешь, и не говори, что только на ваш стартап. Чем ты занимаешься для Абигора?

– Это вопрос от сотрудника «Хантерс» или от моей девушки? – уточнил Диз.

Я задумалась.

– До конца августа – от обеих.

– А с осени?

Вот он, вопрос, которого я вчера благополучно избежала, промолчав. Рано или поздно Диз должен был его задать. Что я выберу, когда лето кончится?

– Не знаю, – призналась я. – Тебя это смущает?

Демон и Охотник. Непримиимые враги. Или по меньшей мере полные противоположности. Клише в книгах, особенно, как утверждал Диз, в моем любимом жанре. Но в жизни такие пары нечасто встречаются. Тому есть причина.

– Должно?

Определенно.

– По-моему, это называется конфликтом интересов.

– Неэтичным поведением – возможно, – возразил Диз. – Конфликта тут нет.

– Конечно. Для этого интересы должны быть относительно равноценными, а ты, выбирая между мной и своими целями, всегда выберешь работу, – пробурчала я.

– Ты преувеличиваешь, Нат.

– Если прямо сейчас к тебе придет Мартин и скажет: оставайся-ка с нами, но с Наташей придется порвать, что выберешь?

Диз закатил глаза, снимая очки и цепляя за ворот футболки:

– Это было бы крайне странное требование. Мартин не предложит подобного.

Я дернула его за рукав.

– Не уходи от ответа! Просто признайся: ты меня бросишь в ту же секунду.

– Не в ту же секунду, – не согласился он.

– Да, ты, как обычно, просчитаешь перед этим все остальные вероятности, но, когда придешь к выводу, что других вариантов нет, все равно бросишь.

Молчание было весьма красноречивым.

– Я же говорила!

– Тебя так радует перспектива или что ты выиграла спор?

Перспектива меня вообще не радовала. Я хорошо помнила зиму. Слишком много места стал занимать в моей жизни Диз. Лишиться его сейчас... Даже думать об этом не хотелось. С другой стороны, если бы мы расстались, я бы долго и горячо его ненавидела, но поняла бы. Целая вечность свободы или девушка, с которой неизвестно, сколько у вас все продлится. Это даже не выбор.

– Тебя это задевает? – невозмутимо спросил Диз.

Мог бы из вежливости сделать вид, что я не права, и он пожертвует всем ради меня. Но нет, я же просила быть со мной честным. Вопрос снова заставил взять паузу на размышления. Любой другой человек наверняка посчитал бы

это предательством, но...

– Нет, – решила я. – Наверное, я сама такая же.

Потому что, как бы невозможно сильно я ни любила Диза, у моего отношения к нему тоже имелись границы.

– Даже у меня есть моральные принципы. А ты ходишь слишком близко к черте, где они заканчиваются.

Работа над оружейными артефактами, непонятная двойная игра с Абигором и Южным королем, убийство, договоры на душу...

– Если однажды ты ее пересечешь, я тебя сдам Охотникам. Тебя это задевает? – осведомилась я.

Диз пожал плечами, повторяя вопрос:

– Должно?

Наверное. Хотя бы напрягать. Как он себе представлял такую жизнь? Я, не рассказывающая обо всем, что происходит на работе. Диз, умалчивающий, где и как он нарушает Договор. Бездна доверия. Как быть вместе, постоянно что-то утаивая и находя отговорки?

– Узнаем, – угадал мои мысли Диз.

Хотелось бы верить. Что не только узнаем, но и справимся... Я опять взглянула на воду. Интересно, какая здесь глубина? Наверное, достаточная, раз недалеко электростанцию построили.

– Не передумала?

– Прыгнуть с моста и разбиться? Как можно! Всю жизнь об этом и мечтала.

Забравшись на парапет, я выпрямилась в полный рост.

– Я тебя подстрахую. И мы связаны, – напомнил Диз, подавая руку. – Если разобьешься, я всегда могу призвать тебя обратно. Из тебя получится неплохой призрак.

Я мрачно посмотрела на него. Это не утешало. Совсем. Тем более что, когда ты стоял на перилах, мост уже не казался невысоким. И несмотря на наличие плана, было страшновато. Вдруг не получится? Несмотря на почти два года сосуществования, магии я не доверяла.

– Ты можешь выбрать другое задание, – предложил Диз.

– Игра идет не первый день, и никто не знает, как скоро закончится. Если я быстро не наберу баллы, никуда не пройду, и все это окажется бесполезно.

– Там были задания с тем же количеством баллов.

«Под невидимостью ударить по лицу прохожего» или «Пройтись голым по Мариенплац, чтобы никто не заметил», например. Хотела бы я посмотреть на того, чья больная фантазия родила эти требования.

– Я не быю людей, которые мне ничего не сделали, меня даже не видят и не могут дать сдачи, – отрезала я. К тому же с моими ростом и комплекцией ударить удалось бы разве что ребенка. А детей я тем более не била. – И ты прекрасно знаешь, как у меня с иллюзиями! Я не смогу отвести взгляд целой толпе! А Мартину придется выковыривать меня потом из полиции, которая загребет меня за нудизм.

– Тогда вперед, – посоветовал мне Диз. – побыстрее, пока никого нет.

Он был прав. Не хватало еще напугать проходящих мимо туристов. Решат, что суицид, поднимут переполох или, того хуже, полезут спасать. А течение тут не безобидное. Я отцепилась от Дизовой руки и достала телефон. Каменная Паллада на другой стороне моста наблюдала за происходящим с неодобрением. Включив камеру, я повернулась, чтобы заснять, где нахожусь...

Я не планировала падать так. С бухты-барахты, не подготовившись, спиной вперед. Парапет моста был достаточно широким, чтобы не оступиться. Но, заметив краем глаза фигуру у берега и сверкнувшую на солнце золотом копну волос, я вздрогнула. Замахала руками, потеряв равновесие. Завалилась назад. И уже в полете поняла, что надо было интересоваться не глубиной, а расстоянием до воды. Если не успеть...

Земля оказалась под моей спиной внезапно. Выбила воздух из легких, заставила закашляться и тут же скрывиться от боли. Сморгнув слезы, я повернула голову. В поле зрения попали ветки, травинки и разрисованная граффити скамейка. Далеко за ней блестели воды Изара. Все-таки удалось. Телепортироваться в последний момент, как требовало условие Игры. Не утонуть. Очутиться в нескольких метрах от моста, в кустах на Пратеринзеле, где никто не увидит моего появления и где мы договорились с Дизом встретиться. Через пару секунд я услышала шорох гравия, и он подошел.

– Встать можешь? – коротко поинтересовался Диз.

Могу. Но не хочу.

– Я отбила всю спину, – пожаловалась я, смотря вверх. И с обычного ракурса разница в росте чувствовалась, а сейчас я себе казалась муравьем, глядящим на великана. – И копчик. И, кажется, ребра, хотя не подозреваю как, – я попробовала перекатиться на бок и охнула. – Да я на спине неделю спать не смогу!

– Ты и так на спине никогда не спишь, – успокоил меня он.

– Твоя девушка сиганула с моста, чуть не убилась, превратила половину тела в один большой синяк, и это все, что ты можешь сказать в утешение?!

– Если моя девушка считает все перечисленное подходящим для себя времяпрепровождением, кто я такой, чтобы ей мешать? – парировала эта скотина. – Могла бы предположить, что существует корреляция между количеством баллов за задание и его сложностью.

И связанной с ней опасностью. Я это прекрасно осознавала. Хочешь пробиться вперед? Риски по-крупному. Сделай то, на что мало кто из гени способен. Диз в свое время объяснял мне, что в отличие от таких, как он, гени не предрасположены к телепортации и редко кому она дается. Разница в природе силы сказывалась. Потому браться именно за это задание мне не стоило бы, с моими-то весьма средненькими способностями и моей недоученностью... Что мне сегодня повезло, я тоже понимала. Что успела отреагировать, что магия послушалась как надо – не иначе как из опасений лишиться своей сумасбродной носительницы. Увы, понимание от боли не помогало.

– Не хочешь вставать – дай телефон. Загружу видео.

Со стоном я протянула ему уцелевший при падении сотовый.

– Скажи, что все нормально снялось, и мне не придется повторять этот трюк, – попросила я.

Судя по нахмуренным бровям, сбывались мои худшие предположения.

– Серьезно?!

– Приз за лучшую операторскую работу тебе не дадут, но в целом нормально, – признал Диз после заставившей меня понервничать паузы. Зараза. – Что у тебя за провайдер? Я быстрее дойду до офиса, чем оно загрузится.

Кое-как поднявшись на ноги и отряхнувшись, вопрос я проигнорировала. Вместо этого привстала на цыпочки и заглянула ему через плечо.

– Ну что там?

На экране как раз стало видно, что пользователь Nat97 с самого низа таблицы игроков переместилась в середину. Хоть какая-то компенсация за нервы. Заодно поменялся список заданий.

– Он адаптируется после анализа того, что ты выбираешь и что тебе удастся пройти.

Логично. Зачем предлагать мелочевку тому, кто доказал, что способен на большее. Прочитав обновленный список и все равно не найдя смысла, я задала мучивший меня вопрос:

– Интересно, к чему все это должно привести?

– Эти задания появились не просто так. Их не придумывают игроки друг другу. Их сформулировал тот, кто организовал Игру. Вопрос заключается в том, какую цель он преследовал.

В старинном кабинете на шестом этаже собралась обычная компания. Мартин. Я. Макс. Занявшая подоконник Диана, старательно делавшая вид, будто ее здесь нет.

– Большое количество заданий включает в себя практику иллюзий, – скрип маркера по вайтборду вывел меня из задумчивости. – Почему?

Чтобы исключить из Игры специально меня? Вряд ли.

Чтобы не привлечь к себе внимание общественности и властей – хоть полиции, хоть Охотников – раньше времени? Никто ведь не пожалуется на невидимку. Возможно.

Потому что навык иллюзий сразу отличит гени от обычного человека, случайно скачавшего приложение? Вероятно.

Но не только...

– Они хотят отсеять детей, – подала я голос.

Самые простые, наспех слепленные иллюзии должны были отвести глаза одному человеку или нескольким. Более мощные действовали и на цифровую аппаратуру вокруг: смысл скрывать свой настоящий облик, если первая же уличная камера зафиксирует рога и копыта? Такие иллюзии создавались чаще всего, но условие записывать задания на камеру не позволяло использовать их. Тут немного сложнее...

Первый уровень заклинаний – личное воздействие.

Второй уровень – заклинания массового ненаправленного действия. На ум пришла одна из курсовых Диза: «Разработка мобильных приложений для пассивных заклинаний второго уровня». Давняя, с моего первого, а его – третьего курса. Тогда ему пришлось объяснять мне, что к таким заклинаниям как раз относятся самые частые из использовавшихся иллюзий.

Третий уровень, самый сложный. Заклинания массового направленного воздействия. Адресные иллюзии. Заставить в толпе блондинов увидеть одно, темноволосых – другое? Свести с ума мужчин, но не женщин? Молодых, но не старых? Отвести глаза – но только живым, а техника пусть документирует, как было на самом деле? Или, еще лучше: пусть полицейские камеры тоже все пропустят, не хватало еще штрафа. Но вот камера на смартфоне...

Такой результат достигался другими заклинаниями. Требующими скрупулезности и контроля. Я никогда не росла среди гени и не могла обратиться к своему опыту, но была склонна верить чужому, записанному в книгах и рассказанному Максом. Магия у детей нестабильна, потому «Хантерс» забирал сирот и растил под неусыпным наблюдением, потому были нужны ГООУ и страшилка об Охотниках. Чтобы этому контролю научить.

Мартин кивнул, добавляя к тексту на доске еще строку. Происходящее напоминало менторскую сессию. Только у Мартина, пусть он по какой-то необъяснимой причине стал ко мне теплее относиться, не имелось резона заниматься моим развитием.

– Что еще?

Организаторы Игры могли отсеивать совсем детей, но понимали, что участниками станет молодежь, не лишившаяся еще детской веры в доброго волшебника. Только их можно взять на слабо, пообещав в конце пути конфетку. Только они не станут задаваться вопросами, кому и зачем это нужно.

Но все же кого-то среди них искали. Или я параноила? Однако с каждым уровнем задания требовали все больше магии.

– В победители может попасть только кто-то с очень хорошими способностями.

И только гени, вспомнила я рассказ Таны. Почему? Кроме них существовали демоны, которые были гораздо сильнее среднестатистического мага, психопомпы вроде мар и смертей, принадлежавшие обеим стихиям сразу. Почему именно Огонь? В голове мелькнула какая-то мысль, связанная с заданием на телепортацию, но поймать ее я не успела, переключившись на другое...

Нога соскользнула – и вместо холодного камня под ботинком оказалась пустота. Нелепо замахав руками, я повалилась назад. Так глупо. Беспомощно. Ладно еще сгруппироваться в прыжке, задержать дыхание. Но нет. Рот был распахнут в беззвучном крике, а за пару секунд полета я ничего не успела бы, даже если бы не испугалась.

Всплеск, и вода зеленым куполом сомкнулась над головой. Залилась в рот, в легкие, из которых удар о зеркальную гладь выбил остатки воздуха. Барахтаясь, я попыталась удержаться на плаву – но какой в этом смысл, когда не знаешь, где верх, а где низ? Где дно, где поверхность? Глаза нестерпимо жгло, но изумрудная муть – уже не Изара, а озера возле дяди-Сашиной дачи – не давала ни одного шанса разобраться. Выбрав наугад, я из последних сил попыталась дотянуться до проглядывавшего сквозь толщу воды солнца, но...

Почему все горит? Это же вода, не Огонь. Или это он? Пытается забрать контроль, когда тело перестает функционировать.

Вокруг потемнело – то ли воздух кончился, то ли солнце все-таки оказалось фальшивым.

Веки налились свинцовой тяжестью. Прежде чем закрыть глаза, я увидела, как опустила руку – кажущуюся в воде неестественно бледной, маленькой, почти детской...

И проснулась.

Не было никакой воды, только безликая комната, еле слышно работавший кондиционер и тихое дыхание рядом со мной. И кошмар, в котором старые воспоминания переплелись со вчерашними. Я вылезла из кровати и босиком прошла в ванную. Просто кошмар. Не напущенный марой – те давно закончились. Сотканный из моих страхов. Из понимания, что еще чуть-чуть – и я бы не справилась. Вчера мне безумно повезло. Я плеснула в лицо холодной водой, смывая остатки сна. Посмотрела в зеркало.

Диз спал на животе, вытянувшись во весь рост и спрятав голову под подушкой. Забравшись обратно в постель, я свернулась калачиком рядом с ним. Закинула руку на поясницу, поцеловала одно из чернильных созвездий, уткнулась носом в ребра. Холодные. Не от кондиционера – от магии, слишком чуждой и далекой Огню. Спать в одной постели с Дизом было все равно что ночевать рядом с ураганом, по ошибке принявшим человеческий облик. Опасно. Страшно для такой, как я. Но, когда привыкал к нему, рев бушующего под кожей ветра не пугал, а убаюкивал.

Тем более что я знала: если бы не эта разделенная в сделке сила, все бы случилось как в моем сне...

– Что еще? – требовательно повторил вопрос Мартин.

Я попыталась найти в на первый взгляд бессмысленной забаве закономерность. Систему.

– С каждым уровнем появляется все больше заданий с конкретным адресом. Возможно, создатели Игры хотят посмотреть на участников вживую? Проверить, что никто не нарушает правила.

«Что никто не привел за собой хвост», – мысленно добавила я.

– Возможно. На месте обратила на кого-нибудь внимание?

– Нет, – пришлось признать.

Не рассказывать же о...

– Теперь я понимаю, почему Харви двигался такими странными маршрутами, – пожаловалась я, разглядывая навигатор. – Нам направо.

За последние дни я узнала Мюнхен едва ли не лучше, чем в предыдущие месяцы. Где нам с Дизом только ни довелось побывать! В Нимфенбурге, на глазах у ничего не понимающих туристов. В спальном районе, состоявшем полностью из частных и малоквартирных двухэтажных домиков. В закутке между «Лидлом» и железнодорожными путями. Или вот сейчас, у совершенно непримечательного дома на совершенно непримечательной улице.

– Еще сорок метров прямо...

– Кажется, тебя опередили, – хмыкнул Диз.

Полненькая девушка, сухая, несмотря на дождь, подошла к раскрашенной граффити стене. Обернулась, напряженно озираясь по сторонам. Стиснула в руке телефон. И исчезла – был человек, и нет его. Только размытый силуэт

остался. И тот пропал, когда спустя пару секунд кирпичная кладка подернулась рябью.

Черт. Задание на этот раз гласило «Первым достань из стены записку и загрузи фотографию». Когда девушка вышла из стены, в ладони у нее плясал маленький огонек. Который она вместе с запиской растерла в руке. А задание, я проверила приложение, с карты исчезло. Ладно, не получилось подняться в турнирной таблице – хоть попробую таинственных организаторов найти.

– Ты заметил кого-нибудь подозрительного? – поинтересовалась я у Диза, провожая ее взглядом к метро.

Не верю, что организаторы Игры, так старательно выбиравшие адреса, ни разу не воспользовались этим, чтобы проследить за конкурсантами. Но, судя по всему, кроме меня за девушкой никто не наблюдал. Прохожих во внезапно испортившуюся погоду вообще не было видно, только владелец магазина с антиквариатом спешил затащить лотки со старыми книгами внутрь.

Тогда зачем назначать конкретное место? Чтобы вышло как сейчас, чтобы столкнуть игроков?

Диз ничего не ответил. Оглянувшись, я обнаружила, что стою посреди улицы одна. Твою мать. Только не говорите, что, несмотря на все его заявления и поступки, он все-таки решил сбежать! Лихорадочно набирая номер, я успела себе представить всё, что скажет Мартин, если я вернусь и сообщу, что потеряла демона. Мне юнец. Воображение нарисовало, как меня пытаются, надеясь через меня выйти на Диза, а затем сбрасывают труп в Изар.

– Ты где?!

– В кафе через дорогу, – сообщил спокойный голос. – Если бы была внимательнее, увидела бы.

Из-за расписанного аккуратным почерком окна Диз помахал мне. Ну, знаете! Так пугать нельзя! Колокольчик вполношенно звякнул, когда я вошла.

– Что, по-твоему, ты делаешь?!

Диз удивленно приподнял брови и указал взглядом на чашку с кофе. Мол, чем еще можно заниматься в кафе?

– Тебе взять?

Пока я пыталась сообразить, как выразить всё, что хотелось ему сказать, и никого не убить, он слез со стула и достал бумажник. Мне оставалось только занять освободившийся стул. Дожидаясь кофе, я пыталась успокоиться. В самом деле, ничего же не случилось. Он не бросил меня в момент, когда мне нужна была его помощь. И он не обязан ходить за мной на привязи.

– Флэт уйт, – поставил передо мной чашку Диз. – Попробуй, он тут вкуснее всего.

– Ты здесь уже бывал? – я обхватила кофе, грея о фарфор замерзшие руки.

– Нет. Отзывы на «ТрипЭдвайзере».

– И ты специально смотрел кафе здесь поблизости...

Диз равнодушно пожал плечами:

– Думал, ты будешь занята дольше, и я успею сделать пару дел.

Я сузила глаза. Угадать, ради каких дел Дизу могло понадобиться кафе вдали от «Хантерс»?

– Не знаю, что ты там себе запланировал, но если думаешь, что я стану тебя покрывать...

Колокольчик у двери снова зазвенел. Я умолкла, глядя на вошедшего. А вот и дело Диза. Мужчина выглядел в кафе совсем не на своем месте. Слишком дорогой костюм. Слишком дорогой портфель. Часы, стоившие всех денег, что я когда-либо смогу заработать. По виду, он даже чувствовал себя неловко. Замерев на секунду на входе, он двинулся к нам. Остановился ровно в метре от Диза и опустил голову. Интересно... Кто-то выдал ему «Краткий курс по общению с демонами»?

– Садитесь, – пригласил Диз.

С коротким кивком мужчина выполнил приказ. Быстро посмотрел на меня и снова устался в столешницу.

Человек. Я чувствовала его природу. И что-то горькое, противное... Страх.

– Она?..

– Говорите при ней спокойно. Наташа, это...

– Мистер Новак. Исполняющий директор «Криэйтив Аэродайнемикс». Я знаю.

Оставалось только надеяться, что «Я знаю» звучало внушительнее, чем «Видела фото, когда ради интереса загулила связанные с Абигором фирмы». Если оценивать по виду присоединившегося к нам мужчины, эффекта я достигла. Было видно, как ему некомфортно: от близости существа, которого не должно быть в реальности, от того, что вынужден признать мальчишку в растянутой футболке за вышестоящего, от того, что при их встрече присутствует непонятная пигалица...

– Она... одна из вас? – облек свой вопрос в наиболее обтекаемую формулировку мужчина, обращаясь к Дизу.

Я широко улыбнулась. Хуже.

– Я из тех, кто контролирует таких, как он.

Судя по тому, что бояться мужчина меньше не стал, это было действительно хуже. Просто ужасно. Вопрос, каким чудовищем нужно быть, чтобы держать под колпаком демона, явно читался в его выражении лица.

Диз тихо рассмеялся и покачал головой.

– Тебе это доставляет огромное удовольствие, верно? Доминировать.

– Обожаю, – шепотом призналась я.

Как и ставить кое-кого зарвавшегося на место. Но это будет потом. Не стану же я портить Дизу его игру? Поэтому я наблюдала. Мистер Новак достал из портфеля пухлую папку и протянул Дизу. Споро просматривая бумаги в ней, Диз ставил внизу каждой размашистый автограф, а я с трудом удерживала себя от вопроса, в качестве кого он их подписывает. И почему именно он – учитывая, сколько времени Диз проводил на Земле, в компании должна иметься процедура, как без него обойтись.

– Потому что иначе для скорости они подставят мою подпись в пейнте, – иногда его привычка комментировать то, что я не произносила вслух, раздражала. Особенно когда ответы я получала только на ту часть вопросов, что была удобна ему. – Я бы предпочел по возможности обходиться без этого.

– Я тоже, – пробормотал директор, всем своим видом выражая надежду, что его не услышат. Диз услышал. И ухмыльнулся:

– Опять так сделали и отправили в Сеть, прежде чем дали мне на согласование?

Расписавшись на последнем документе, Диз кинул папку подчиненному.

– Принесли?

Серебристая флешка легла на стойку между ними. И что я, интересно, должна в такой ситуации делать?! Боги знали, что на ней могло находиться. Кинуться им наперерез, отнять и потащить в «Хантерс»? Притвориться, что меня совершенно не волнует, какие данные Диз не хотел передавать через интернет? Не ради подписей же он здесь устроил свидание.

А ради чего?

– Ненавижу, когда меня используют вслепую, – позволила я себе комментарий, когда мистер Новак с явным облегчением покинул нас.

Диз и бровью не повел, в задумчивости катая флешку по гладкой поверхности.

– Полагаю, это никому не нравится. Так ты хочешь или не хочешь узнать, что на ней?

Последний кусочек пазла встал на место. Спрашивала, Наташа, как оно будет в будущем? Получи наглядную демонстрацию.

– Не хочу.

Диз довольно небрежно изобразил удивление.

– Так доверяешь мне?

Я осторожно поставила чашку на блюдце. За окном снова полил дождь, вспенивая глубокие лужи. Такси, дождавшееся мистера Новака, мигнуло огнями и скрылось в серой пелене.

– Дело не в доверии. Я тебя знаю. Ты понимал, что я буду присутствовать при вашей встрече. По времени, даже если бы мы приехали сюда первыми, я бы уже вернулась к тебе. И я слишком ценна для тебя, чтобы после того, как я предупредила, что не буду закрывать глаза на нарушения Договора, ты совершил при мне что-то противозаконное. Значит, о твоей деятельности в «Кризис-Аэродайнекс» Охотникам известно, и она санкционирована, а на флешке ничего запретного нет. Таким образом, ты ничем не рискуешь. Если я воспользуюсь твоим предложением, то ничего не найду, а ты зато получишь дополнительный рычаг, когда захочешь вызвать во мне чувство вины. Как же, совсем тебе не доверять!

Я загнулась, когда поняла, что делала. Я просчитывала. Те самые идиотские, далекие от математических расчеты, которыми всегда бесил Диз.

– Но что я хочу знать, – я скрестила руки на груди и мрачно уставилась на него, – так это какого черта?

Проверить, испугаюсь и отступлюсь ли? Насколько далеко простирается моя верность? Забуду о своих словах и побегу к Охотникам? Потрогать воду и наметить границы дозволенного? Продемонстрировать: «Вот так это будет, Наташа. Смирись или уходи»? Показать мне? Как сначала – лицо, потом – магию, теперь – дело?

Я больше в этом не нуждалась. Мне не нужно было открывать глаза на правду – я все видела сама.

– Ты не думала, что все гораздо проще?

– Что, даже расскажешь мне насколько?

В зеленых глазах блеснули смешинки. Перестав катать флешку по столу, Диз подвинул ее ко мне:

– Посмотри.

– Что еще?

Вопрос Мартина вырвал меня из задумчивости. Было еще что-то. Между тем, в каком состоянии нашли Харви, и заданиями... Впрочем, мне доступно объяснили, что причин связывать Харви и Игру не было. Он участвовал? Никто этого не знал. Было ли что-то, что позволяло предположить его участие? Кроме его пребывания в Мюнхене пять лет назад – ничего. Об Игре он ни при ком не упоминал, желаний, ради которых пошел бы на все, не высказывал... Так что не делай поспешных выводов, Наташа. И не думай, что по второму делу тебя не спросят.

– Насилие, – раздался из-за спины тихий голос.

Я вздрогнула, узнав его. Обернулась, хлестнув себя волосами по щеке. Лукас стоял возле окна. Гораздо бледнее, чем я его помнила. Серьезнее. Собранный. Горло пересекала уродливая борозда. Взгляд зацепился за парные браслеты, больше похожие на наручники: такие же мерил на меня Сереш полтора года назад. Вот почему я не заметила его появления. Лукас не ощущался... никак. Пустота. Не человек. Не маг. Стопроцентная блокировка.

– Чем дальше, тем более противозаконными становятся задания. И тем чаще они связаны с причинением ущерба другим людям.

Я все смотрела, пытаюсь найти в знакомом лице что-то, напоминавшее о беспечном раздолбае. От необходимости говорить меня спасло пришедшее на телефон уведомление. Адрес и пометка: «Задание будет озвучено в указанное время».

Я встретила взглядом с Мартином.

Это что-то новенькое.

Второй стакан оказался лишним. Точнее, лишним был первый, проглоченный чересчур быстро – лишь бы отвлечься и перестать думать. Не вспоминать Лукаса, ошибку, с которой ему – нам – предстоит жить. Последнее почти удалось.

– Все еще злюсь на тебя, – сообщила я Дизу.

Он ухмыльнулся:

– Это заметно.

Ну да, готова поспорить, обычно сердитые на него девушки вели себя иначе. Ударить, конечно, не посмели бы, но закатить скандал, хлопнуть громко дверью на прощание – самое то. И уж точно не целовали пьяно, устроившись у него на коленях.

– Если тебя что-то не устраивает, я могу...

Слезть и отсесть на другой конец дивана, например. Вольготно расположившаяся на моем бедре рука удержала меня от столь необдуманных поступков.

Так и думала.

Диз притянул меня ближе. Пальцы скользнули под рванный край юбки, сбивая дыхание. Я резко выдохнула и в отместку прикусила его шею.

– А как же «Прекрати, на нас смотрят»?

Позер. И пусть в клубе, среди зеркальных стен и под зеркальным потолком невозможно было не заметить, чем мы занимаемся...

– Пусть смотрят, – прошептала я. – Ты меня научил, что жить гораздо приятнее, не гадая, кто что о тебе подумал.

– Я создал чудовище, – фальшиво восхитился он.

Трижды позер.

– Не обольщайся, – я повторила отметину и поцеловала красные следы от зубов. – Я решаю, когда и как мне меняться. Лавры Пигмалиона тебе не достанутся. К тому же... Они смотрят на тебя.

Пару любопытных взглядов мы притянули. Но не наше поведение было тому виной.

– Здесь так много гени? – сразу посерьезнел Диз.

Больше, чем должно было быть. Меньше, чем я ожидала. Бар, обнаруженный по высланным приложением координатам, не числился в списке заведений, принадлежавших гени. Как место тусовок мюнхенской магической диаспоры его тоже никто вспомнить не мог. Почему его выбрали организаторы? Кто знает.

В то же время в турнирной таблице Игры стояло больше сотни имен. Даже если половина из них потеряли интерес после первых заданий – где они? Значит, существовала вероятность, что приглашение получили не все. А я все-таки вышла в финал.

Хорошо, с одной стороны. С другой, учитывая озвученные сегодня прогнозы... Не особо.

– Слева. Через два столика от нас. Видишь парня? Пристально на тебя смотрит. Спорим, он знает, что ты демон?

Диз хмыкнул:

– А я решил, что просто ему понравился.

– Брюнетка в синем, – продолжила я перечисление. Не настолько меня могли отвлечь Диз и спиртное, чтобы я не обратила на них внимания. – Которая вся в телефоне. Пара напротив нас. Еще кто-то в толпе внизу. Не знаю кто...

Их было достаточно: всполохов разной, чужой силы, смешивавшейся с дерганным ритмом и атмосферой плохо контролируемого хаоса. Может, если спуститься к ним, я бы поняла кто это, но, учитывая виски и манящую за собой музыку, слишком велик был риск раствориться в них и забыть, ради чего мы сюда пришли.

– Так что сидеть как можно дальше от тебя и дуться выглядело бы странно. Чтобы разгуливать с демоном по городу, под носом у Охотников, нужно либо быть полностью под его контролем, либо без ума в него влюбленной. Первое я изобразить не смогу при всем желании.

– А второе? – забавляясь, спросил Диз.

– До сих пор получалось.

– Именно изображать? Кажется, я должен оскорбиться.

Именно изображать. «Без ума» – это было прошлым летом, до его идиотской выходки и бесконечно долгой зимы. Теперь все стало иначе. Не так безудержно громко, до чертовой эйфории, но, может быть, лучше. С умом. И широко раскрытыми глазами. Теперь я понимала, на что иду. Я обхватила руками его шею и замерла, пытаюсь перевести дыхание. С нежностью повторила пальцами линию подбородка и поцеловала, уже никуда не спеша. Перекатилась вбок, поправляя юбку, и вздрогнула, мазнув взглядом по публике.

– Что случилось? – заметил перемену в моем настроении Диз.

Решение пришло само собой.

– Мне нужна твоя помощь.

– Тебе? – насмешливо протянул он. – Ты умеешь просить о помощи?

Гневный взгляд его не пронял. Ладно, признаю, в словах Диза имелся резон, но сейчас было неподходящее время для разбора всех моих ошибок и недочетов.

– Я учусь, – серьезно ответила я. – И прошу. Пожалуйста.

– Видимо, все совсем плохо.

Хуже. Я спрятала лицо у него на плече.

– Ты сможешь или нет?!

– Тебе действительно необходимо спрашивать? Что надо сделать?

– Девушка, только что зашла, стоит у стойки. Асимметричное каре, видишь? Отвлеки ее. Она знает, кто я.

Бариста из «*Happy Place*», принеся мне чашку, полную усыпляющего бдительность зелья. Сестра – сестра ли? – пытавшегося меня убить друды. Его взял «Хантерс», и с тех пор я ничего о нем не слышала – да и не хотела. Но не думала, что она каким-то образом ускользнула.

Вот кого я не ожидала здесь увидеть. Только бы она не оказалась участницей: это значило бы, что она останется здесь до объявления задания. Бариста обернулась, и я крепко сжала ладонь Диза. Только бы не посмотрела сюда, только бы не увидела... Диз аккуратно отцепил мои пальцы и кивнул. Поможет. Отлично. Осталось скрыться самой. К счастью, проход в туалет находился на противоположной от входа стороне.

Воспользовавшись кабинкой, я подошла к раковине. Включила ледяную воду, сполоснула руки, провела влажной ладонью по разгоряченной шее. Посмотрела в зеркало: лихорадочный румянец, завившиеся у подбородка волосы... И силуэт позади меня.

– Это женский туалет.

– Условности, – мужчина, стоявший у меня за спиной, равнодушно пожал плечами.

Не мужчина. Бог. В тусклом свете лампочки его волосы все равно сверкали золотой короной, а лицо дышало юностью и здоровьем – ничего общего с тем, что я увидела при первой встрече. Пусть нас разделяло зеркало, плыть на него было больно. Люди не созданы, чтобы смотреть на богов в их первозданном обличье. Но я ведь не человек? Я медленно повернулась и обхватила пальцами край раковины.

– Это все, что ты можешь сказать? – поинтересовался он, закуривая. – Хреновы миллениалы, никакого пиетета.

– Можно подумать, вы многое знаете о теории поколений.

– Познакомил Штрауса и Хоува, когда они были в Вашингтоне, – похвастался он.

Ну да, кому консультировать по такому вопросу, как не существу, наблюдавшему все поколения своими глазами. Начиная с первого в Америке – я бы не удивилась, если бы бог переселенцев одним из первых прибыл в колонии. Мой собеседник вытянул пустую ладонь, на которой появилась визитка. Проигнорировав имя – все равно фальшивое, – я задержалась на титуле. Доктор философии...

– А тогда в автобусе – это решили одно из своих имен вспомнить, Агийей?

На ученого он мало походил. Слишком молодой, в обтягивающих задницу как вторая кожа джинсах и растянутой алкоголичке. Принесший с танцпола музыку и пахнувший лавром и сексом. На первый, беглый взгляд, он не походил ни на профессора, ни на бога в традиционном представлении. Но был и тем, и другим.

– Почему нет? Если бы ты прожила, сколько я, поняла бы, – он выпустил кольцо дыма. Явно не табачного. – Все еще ничего? Я не требую жертвоприношений, но немного поклонения было бы неплохо.

– Я не верю в вас. А все боги, которых мне довелось встретить, хотели меня либо использовать, либо убить, – пришлось честно признать. – Так что извините. Можно я пройду?

Дойти до диспенсера с бумажными полотенцами мне не дали. В туалете стало темнее, и вместо лавра запахло гнилью и смертью.

– Мне подойдет и то, и другое, – лениво протянул он, прислоняясь к черной кафельной стенке.

Это что, карма? Я сделала шаг назад, упираясь спиной в холодный фаянс. Почему другим в сказках достаются крестные феи и добрые волшебники, а мне – сталкерствующие древние существа, которым отчего-то очень не нравится милая маленькая Наташа?

– Отпусти ее, – приказал он. – Освободи от слова.

Полагаю, он имел в виду Диану? О ком еще мог говорить Аполлон. А ведь по одним лишь мифам можно было догадаться, что между ними было что-то похуже братской любви. Телефон завибрировал в кармане, сигнализируя о новом сообщении. «Она ушла. Можешь прекратить прятаться».

– Пусть сначала она отпустит меня.

Единственный пункт, по которому могущественные враги лучше обычных: ты всегда знаешь, что, если бы они хотели тебя уничтожить, давно бы уже сделали это. А если не сделали, значит, пришли за другим. Только осознание этого позволило мне отлипнуть от раковины. Полумрак сгустился еще сильнее.

– Как я сказал, второй вариант мне тоже подойдет.

– Попробуйте, – устало предложила я, протискиваясь мимо него. – Насколько я понимаю, ваша сестра в восторге, когда вы убиваете ее спутников.

Могла бы догадаться по нашему разговору у реки. «Ошибка». Человек, которого она не хотела убивать. Особенный человек. Сколько уже она в обиде на своего брата за Ориона? Десяток тысяч лет? Больше? Судя по сцене, которую я наблюдала в холле, обида – это еще мягко сказано.

Должна была существовать причина, чтобы кто-то из богов решил не просто вмешаться в человеческие жизни – защитить их. Эта причина стояла у меня за спиной.

– Она никогда этого не сделает. Я могу.

Я на секунду остановилась у лестницы. Мужчина поднял руку и постучал себя по запястью, намекая на шрамы. Целитель...

Музыка ударила по ушам, оглушая и возвращая меня в реальный мир. Озираясь по сторонам, я пересекла верхний уровень, пока не нашла Диза за стойкой мирно трепавшимся с разукрашенной татушками барменшей.

– Всё в порядке? – поинтересовался он, когда я заняла табурет рядом с ним.

Недовольно надув губы, барменша двинулась дальше вдоль стойки, откликаясь на изрядно нетрезвую и очень веселую компанию с девичника. Я кивнула. Не рассказывать же, что встретила одного из его родственников. В голову пришла интересная мысль. Если я не ошиблась насчет семона, а Диз через Айсу состоял в родстве с Аполлоном и его сестрой, значило ли это, что мы тоже родственники? Представив, я поняла, что это не та тема, над которой хотела бы задумываться. А по возможности предпочла бы выбросить ее из головы как страшный сон.

– Почему она так быстро ушла? – переключилась я.

– Приходила что-то передать.

– Кому?

– Я не видел.

Это наводило на нехорошие и явно параноидальные размышления. «*Happy Place*» тоже числился чисто человеческим местом...

– Тебе нужен ее номер телефона?

Подумав, я кивнула. Лишним не будет, учитывая, что «Хантерс» ее так и не достали. Потарабанив пальцами по лежащим перед ним салфеткам, Диз выбрал левую и подвинул ко мне.

– А вторая от кого? – полюбопытствовала я.

Диз кивнул на барменшу, в этот момент поджигавшую чайное ситечко, вставленное вверх ногами в стакан с фиолетовым коктейлем. Человек. Не догадывавшаяся о том, кто скрывается под этой кожей, зато попавшая под присущее всем демонам обаяние. Я закатила глаза.

– Как получается, что стоит тебя оставить на десять минут, как ты обзаводишься не одним, а даже двумя телефонами? – с завистью спросила я.

– Научить?

– Снимать девушек? Боюсь, навык мне вряд ли пригодится, – парировала я. – Мне следует ревновать?

– Как хочешь.

– Тогда не буду, – решила я, кладя голову ему на плечо. Стоило оказаться рядом с Дизом, как страх, вытравивший опьянение, сменился откатом и дикой, нечеловеческой усталостью. – Мне лень. Ты все равно скажешь, что номер взял у нее вовсе не потому, а мало ли, может, она тебе что-то суперинтересное налила и пообещала дать тебе контакты поставщика.

Диз не такой дурак, чтобы после всего настолько глупо закончить нашу историю. Улыбнувшись, он поставил одну из своих стопок передо мной:

– Попробуй.

Я лениво принялась.

– Анис и?..

– Корица. Можно Нику с Линой подарить. Лина – любитель такого.

– Думаешь, принести в подарок на свадьбу ящик водки – хорошая идея?

– У тебя есть лучше?

По правде говоря, я с самого начала надеялась примазаться к его подарку. Всё что угодно, лишь бы мне не пришлось придумывать самой.

– Ты ведь идешь? Лина взяла с меня слово, что я буду спрашивать, пока ты не согласишься.

– Дай подумать, – я потерлась щекой о рукав его футболки. – Чуть ли не единственное мероприятие, на котором я могу появиться с тобой... Я согласна. Можешь считать, что выполнил обещание.

– Это было легко, – усмехнулся он мне в волосы. – Ты сейчас на все так просто согласна?

– А ты проверь.

Даже любопытно, что он мог придумать, от чего бы я в обычный день отказалась. Идиллию нарушил сигнал сотового. Только на этот раз это был не Диз. Новое задание в Игре оказалось короче предыдущих.

«Убей любого и скройся. Первый, кто выполнит задание, станет победителем».

Они ведь не серьезно? Расширившимися от страха глазами я посмотрела на Диза. Тот отреагировал быстрее. Перегнулся через стойку, достал с той стороны нож, еще блестящий от лимонного сока.

– Нет!

– Если ударишь меня, я выживу, – спокойно объяснил он. – Ты сможешь.

Вспомнился Ад: удивленный взгляд зеленых глаз и то, как легко кинжал вошел в живот. Торчащая из тела рукоятка. Руки в горячей алой крови.

– Нет!

Я не смогу. Не Диза. И никого другого. Не ради какой-то идиотской игры.

Даже если это сможет кого-то спасти... Пока я колебалась, из толпы раздался истошный крик.

Вот он, следующий уровень, которого ждал Лукас.

Быстро все завертелось.

Глава 8

Сердце

И опять чертова замедленная съемка. Как тогда с Лукасом, память сохранила отдельные кадры. Оглушительная тишина, когда все замерло и еще никто не понимает, что произошло. Расступающаяся толпа. Крики и мольбы вызвать скорую. Блестящая в полумраке кровь на полу и неловко вывернутая рука под пропитывающейся темным копной волос. Давка у выхода.

Самообладания хватило только на то, чтобы отправить Мартину эсэмэс: «Это не просто ЧП. Это Игра».

Первым порывом было последовать за остальными в надежде выбраться из бара, пока еще можно. Хорошо, что Диз удержал. Донесшийся даже сквозь стены визг сирен – или это в ушах звенело? Мужчина в синей форменной куртке. «Нет, к сожалению, мы ничего не видели». «Да, пожалуйста, вот наши документы» (я задержала дыхание, но Дизов паспорт не вызвал у полицейского никаких подозрений). «Нет, медицинская помощь ей не нужна». Опомнившись, что мне только врачебного внимания и наброшенного на плечи одеяла не хватало, я судорожно кивнула. Все в порядке. Со мной ничего не произошло. Просто... Я впервые видела смерть так близко. Прямо у меня на глазах.

На выходе я чуть не прошла мимо Мартина с блондинкой, работавшей в *GR*. Заметив нас, он что-то сказал ей и отошел к нам.

– Кто?

Я не знала.

– Мужчина, – ответил вместо меня Диз. – Молодой. Рост около метра восьмидесяти. Темные волосы.

– Ушел?

– Одним из первых, – не дожидаясь вопроса, Диз пожал плечами. – Место было неудачное. Ни одного шанса успеть к выходу раньше него.

Мартин кивнул.

– Уверены, что это часть Игры?

– Последнее задание, – с удивлением я обнаружила, что меня колотит. – Убей... и выиграешь. Вот...

Я попыталась открыть его, чтобы показать начальству, но не получилось. Раз за разом телефон вышвыривал меня обратно в меню.

«Ошибка приложения».

Уже подозревая, что увижу, я нашла присланную Таной ссылку.

«Нет результатов».

Игра закончилась.

Мартин достал из кармана сотовый и набрал номер. Выругался, когда никто не ответил.

– В пяти минутах отсюда – вокзал, – бросил он Дизу. – Купите ей кофе и возвращайтесь. Ночь будет долгой.

Запланированное убийство можно было сразу исключить. Если бы организаторы Игры хотели убить конкретного человека, так бы и написали – уверена, все равно нашлись бы желающие выиграть любой ценой. Версия, что кто-то привел с собой жертву, подозревая о следующем задании, тоже не выдержала критики.

Бедной Анне просто не повезло. С висящей на доске фотографии мне улыбалась жизнерадостная блондинка в найковском топе. Спортсменка. Практически комсомолка – член клуба студенческой взаимопомощи, волонтер. Красавица. Если бы не я, она бы осталась жива. Если бы я оказалась внимательнее. Если бы вовремя поняла. Если бы успела остановить...

– Это не твоя вина, – пытался убедить меня Макс на офисной кухне.

Моя.

– Ты не знаешь, – пробормотала я, прячась за чашкой.

Я могла все это прекратить. Диз подсказал выход. Если бы я согласилась...

Слишком много «если». Факт в том, что сослагательное наклонение было бессмысленно, а я не сделала ничего. Игра закончилась – резко, в одно мгновение. Так выныривают из кошмарного сна. Только в этом случае сон оказался реальностью.

Приложение больше не работало и было снято с «Андроид Маркета» и *AppStore*. Все указанные разработчиком данные были фальшивкой. Концы обрублены, никого не найти.

– Даже не думайте, – поморщился Диз, когда Мартин в очередной раз задержал задумчивый взгляд на нем. – Мои интересы относятся к другим сферам.

Безумие, конечно. Но даже я, не зная Диза, заподозрила бы, что прибытие в офис талантливого демона и жестокая компьютерная игра – не просто совпадение.

– Ты бы смог найти их? – спросила я Диза, под утро заползая под одеяло.

– Возможно. Скорее всего.

– Тогда почему Мартин тебя не попросит?

– Потому что ему придется дорого заплатить. – По мнению Диза, убийство не являлось поводом действовать. Но я его не винила. Трудно ожидать, что демон будет разделять идеи всеобщего блага и безвозмездной помощи. – Но в первую очередь потому, что, как бы мне ни льстила твоя вера в меня, я не гений. А у него есть более квалифицированные специалисты.

По сохраненным данным турнирной таблицы IT-отделу удалось смэтчить некоторые из ников с аккаунтами в соцсетях. Но что толку? Кто-то давно вышел из игры, кто-то, как я, испугался последнего задания, кто-то, помня о нарушениях Договора, затаился до поры до времени. Единственным плюсом можно было считать тот факт, что на какое-то время после визита сотрудника полевого отдела «Хантерс» местные гении притихнут. И, может быть, если устроители решат возобновить игру через пять лет, кто-то побоится повторить. Однако имя победителя мы так и не узнали.

– Это еще не конец, – заметил Диз за завтраком. – Когда они найдут тотализатор, думаю, сумеют выцепить больше.

– Какой тотализатор?

Оторвавшись от монитора, Диз посмотрел на меня поверх очков.

– Как ты полагаешь, зачем нужны были видео выполнения заданий?

– Чтобы доказать, что я их прошла.

– В таком случае зачем с каждым уровнем повышать опасность заданий? Жестокость?

Потому что иначе неинтересно? В голове забрезжила загадка. Неинтересно кому?

А ведь турнирная таблица могла служить не только для мотивации участников... Нет. Стоп. Подобные голодные игры – участь подростковой фантастики. В реальной жизни такого не случается.

Правда, игры, в которых тебе говорят убить кого-то, в реальной жизни тоже обычно не проходят.

– Думаешь, кто-то сливал присланные видео в Сеть? Чтобы заработать на ставках и просмотрах? Это вообще возможно?

Но тогда все ники, все лица могли попасть к кому угодно. Чертовски неприятная мысль.

– Не просто возможно. Я бы так и поступил, – пожал плечами, Диз вернулся к работе. – *Panem et circenses*.

Информация от полиции тоже немного дала. Погибшая Анна пришла в клуб с подругами из университета. Они выпили по паре коктейлей. Было весело. Пошли танцевать. Ничего не видели. Убийство для всех стало неожиданностью. Никто, даже из тех, кто находился рядом, не мог описать нападавшего. Мужчина, низкий, блондин. Пожилой уже, седой совсем. Разве мужчина? Женщина. Точно женщина. Рыжая.

Чуть больше пользы могли принести данные по сотовой активности. Но на момент финала поблизости находилось две тысячи двести сорок шесть человек. Или Мартин сказал «сорок четыре»? Какая разница, с таким количеством двумя людьми меньше, двумя людьми больше... Чтобы обработать такой массив, нужно время. И нам оставалось только ждать...

Не зная, что делать, я бездумно перекачивала по столу серебристую флешку. В очередной раз я демонстративно отдала ее Дизу, заявляя, что не буду поддаваться на его провокации. И в очередной раз утром нашла ее на своей тумбочке.

«Посмотри».

Ладно. Посмотрю.

Отключив зарядку, я вставила флешку в освободившийся *USB*-порт. Нерешительно кликнула на «Проводник». Что я там должна увидеть? Коды, в которых ничего не пойму? Расчеты, которые без *MBA* не расшифровать? На что Диз рассчитывал, отдавая мне ее? Что смирюсь, закрою и молча верну ему? Или отнесу Мартину?

Нет.

На флешке находилась всего одна папка. Два слова, заставивших меня закусить губу.

«Валленштайнер, Наташа».

Вот к чему все было. Вот почему он знал, что я не расскажу о той встрече в кафе Охотникам. Почему не скрывался, сам привел меня туда. Почему настаивал. Не оттого, что хотел использовать меня или проверить. Флешка предназначалась мне. Потому что Диз знал, как для меня это важно. Видел мои попытки разобраться самой. И устроил все это ради меня.

Я не представляла, как Диз – его люди – раздобыл мое дело.

Воровато оглянувшись по сторонам, я открыла папку.

«Основные сведения»...

Полное имя: Соколова Наталья Николаевна. Дата рождения: двадцать шестое августа тысяча девятьсот девяносто седьмого года. Место проживания. Зарегистрирована... Отец: Соколов Николай Николаевич, человек. Мать: Толмачева Марина Анатольевна, смотри родословную. Уровень опасности: С+. Родовые способности: отсутствуют. Прочие особенности: гиперсенситивность к магии (приобретенная), слабые нарушения восприятия ментальной магии вследствие длительного нахождения под блоком. Родовое проклятие в шестом поколении. Я подсчитала в уме. Значит, не Рудольф. Его родители. Или родители Ильзебиля... Эффект: не установлен. Ну да, я же сказала Серещу, что и так знаю, можно не разбираться...

Документы. Медицинские карты. Дата обнаружения: две тысячи четвертый год, незадолго до того, как мне исполнилось семь. День, когда я узнала, что прабабушка умерла. Если «Хантерс» не подозревали до того момента о моем существовании, это могло означать лишь одно. Я была под блоком практически с рождения. Прабабушка, в отличие от меня, знала, в чем дело, Рудольф не стал скрывать от дочери правду. Но велел прятаться и спрятать детей. И детей ее детей, и так до тех пор, пока...

Заклинания распадаются со смертью заклинателя. А сильные эмоции способны вызвать резкий всплеск силы, тем более у не умеющего контролировать ее ребенка. Так меня обнаружили. Что тогда случилось? Я не помнила ни минуты после того, как обнаружила прабабушку на полу, ни встречу с Охотниками. Я пролиставала дальше. Проверить семью. Восстановить блок. Оставить под наблюдением. Именно в такой последовательности. Почему? Мама – тут понятно. Открыть магию взрослому человеку – значит свести его с ума. Милосерднее будет оставить все как есть, пусть блок и сожрет ее за полвека с небольшим. Но зачем восстанавливать его мне? Макс говорил, в таких случаях Охотники забирали детей. Стирала у родственников воспоминания, чтобы никто не искал, и воспитывали у себя... Результаты я видела. «Хантерс» учили их управлять силой, не позволяли никому навредить

по незнанию... Лепили из них то, что было нужно. Но со мной так не поступили. Меня оставили дома. Для чего? Меня не планировали оставлять в покое. Чтобы вырастить гени, мыслящего как человек? Ничего не знающего, неспособного самостоятельно выжить, если с макушкой окунуть его в этот мир? Думающего иначе, воспитанного в нормальных человеческих ценностях, лишённого свойственного гени игнорирования чужих жизней и присущей Охотникам ненависти к нелюдям...

Я листала дальше. Школьные отметки. Отчеты о перемещениях. Здесь был практически дневник наблюдений. Теперь ясно, откуда взялась фотография из моего дела в ГООУ, сделанная исподтишка, когда я курила в сквере перед экзаменом по русскому.

Переписка ответственных за меня сотрудников. «Эй, Майкл-Миша, ты там заснул, что ли? У тебя подопечная в другой универ поступить успела, не хочешь вмешаться?»

У меня все-таки не было шанса на нормальную жизнь...

Родословная.

Я посмотрела на кривое древо. Сторона отца так и осталась пустой: обычные люди «Хантерс» мало интересовали. А другая... Я проследила взглядом вверх. Мама. Бабушка. Прабабушка, внезапно прожившая на полтора десятка лет дольше, чем я думала. Выше... Здравствуй, прапрадедушка Рудольф. Я угадала насчет семона: он был первым в своем роду. Но все остальное, что я о нем знала, оказалось неправдой. Взять хотя бы тот факт, что дорогой прапрадедушка родился шесть веков назад.

Прапрабабушка... Розововолосая женщина с портрета. Ильзебилль Швайг. Ильзебилль-Изгнанница, как она значилась в файле. Ее родители – вот от кого пошло проклятие. Чем они его заслужили?

Ее род оказался намного больше, длинный и разветвленный – но имена мне ни о чем не говорили, как и пометка под ее именем: нумина. Практически сверстница прапрадедушки – но прожила лишь до конца девятнадцатого века, когда прапрадедушка с дочерью бежал из Мюнхена.

Все это казалось нереальным. Срок жизни в несколько столетий, совершенно неизвестная мне родня... Закрыв схему, я посмотрела, что еще было в папке.

Имейлы. Сотни писем, скопившихся за годы моей жизни.

«Во вложении – мои наблюдения по длительному воздействию ихора на организм. Могут пригодиться для тестового объекта 365-4». В некоторых из писем Сереш был официален. В других писал, что думает на самом деле.

«Рано или поздно она либо поймет, что вы водите ее за нос вместо того, чтобы вылечить, либо сломается. Вы этого хотите?»

«Отправьте ее к психотерапевту. Она на пределе».

«Нет. Я хочу посмотреть, что она сделает».

Я взглянула на отправителя: *D@huntersinc.com*. Угадай с трех раз, Наташа, кто?

«Довольны?» Февраль прошлого года. Нетрудно догадаться, что Сереш имел в виду – мою, наверное, самую большую глупость в жизни, обернувшуюся четырьмя месяцами в Аду.

«Вполне».

До чего же противно осознавать, что все это время ты как марионетка дергался на веревочках. И каждое твое идиотское решение только приближало тебя к цели. Чужой цели.

«Определенные персоны крайне вами довольны», – сказал мне мессир Джонатан после того, как я чуть не умерла на Самайн. Теперь я точно знала эту персону.

«Кажется, я начинаю понимать, чем ты ее заинтересовала: она была такой же. Никогда не могла пройти мимо». Ты ошибался, Диз, не только этим. Родство с Рудольфом сыграло гораздо более важную роль. Но и этим тоже.

Радоваться, что хоть кто-то оценил мой поломанный инстинкт самосохранения, вечно выходивший мне боком, почему-то не удавалось. Каждое мое решение. Каждое движение. Каждый взгляд, каждая мысль. Каждая перемена настроения... Все это рассматривалось, и документировалось, и доносилось ей. Зачем? Чтобы она поняла,

подойду ли я ей? Чтобы придумать, что еще можно сделать с маленькой глупой Наташей? Какой еще эксперимент над ней поставить?

«Она влюблена в этого демона по уши. Вы планируете это использовать?» Я посмотрела на дату. Макс отправил это письмо в середине октября два года назад. Он понял все задолго до того, как я поняла сама и уж тем более была готова признать...

Кто-то окликнул меня. Судя по тону, не первый раз. Мартин.

– Не спи, – бросил начальник. – Нам надо идти.

Это был ресторан в Зендлинге. Тихо звякнул колокольчик, когда Мартин толкнул витражную дверь. За ней обнаружился пустой зал с накрытыми белоснежными скатертями столами. На стойке стояла одинокая пивная кружка, еще не тронутая измерявшими и записывавшими что-то экспертами. Частички пыли танцевали в залитом солнечным светом воздухе, отражаясь в развешенных по стенам зеркалах. Снова зеркала...

– Что мы тут делаем? – посмела я осведомиться у руководителя.

Мартин достал из кармана пачку и, внаглую нарушая закон, закурил.

– Из всех телефонов, что мы обрабатываем, один – аномалия. Никакой активности в последние двадцать четыре часа.

– След обрывается здесь? – начала я догадываться.

– Верно. – На этот раз начальник достал из кармана айфон. Открыл фотографию, дал мне взглянуть. – Тим Шнайдер. Под утро после убийства позвонил матери. Заливался слезами и просил прощения. За всё, как он выразился.

Да он же совсем мальчишка...

– Мы ищем одно из двух: либо обломки мобильного, от которого он избавился по пути, либо труп с разряженным телефоном.

– Почему труп?

– Потому что я настроен подозревать худшее. Ему здесь нечего делать. Последний звонок, который поступил на его мобильный, был совершен с номера, с которого ему никогда не звонили. После этого он сразу направился сюда. Даже если он все осознал и захотел выйти из Игры, с компроматом на себя, который он сам загрузил, у него не было вариантов, кроме как послушаться и приехать.

Может, он просто рассчитывал, что здесь исполнят его желание.

– А я тут вместо собаки?

– Да, – жестко ответил Мартин. – Погуляй, осмотришься. Почувствуешь магию – скажи мне.

«Вам зачем? Вы даже не маг», – крутилось на языке, но я проглотила комментарий. Как пожелает господин начальник.

На первый взгляд все было обычно. Странно, конечно, что никто не сложил скатерти и льняные салфетки и не убрал их в шкаф... Да и на мебель можно было надеть чехлы, а не бросать всё. Я провела рукой по дубовым панелям, которыми был обшит зал. По золоченой раме, зеркалу в темных пятнах. Но мало ли при каких обстоятельствах хозяевам пришлось оставить это место. В следующем зале все тоже выглядело, словно ресторан откроют через пару часов. Только слой пыли утверждал обратное.

Я была готова вернуться и сказать Мартину, что ничего не чувствую, когда услышала музыку. Станный рваный ритм, неуловимо похожий на тот, что играл в клубе. Но не мог же он играть в пустом ресторане?

– С улицы, – пожал плечами один из экспертов, увидев, как я озираюсь.

Значит, не только я слышу музыку, и ничего сверхъестественного в ней нет. Хорошо. Но... Какая-то мысль не отпускала. Что-то, связанное с клубом и танцполом. Что-то, что мне не удавалось вспомнить. Может, если

окажусь ближе к ее источнику, удастся? Обнаружив спрятанную за зеркалом дверь, ведущую в боковой переулок, я вышла на прохладный вечерний воздух. Здесь музыка не просто угадывалась. Играла пульсом в ушах, манила, как белый кролик Алису. Мелодия тянула за собой вперед, туда, где погаснут огни и ты останешься наедине с ней. От такого приглашения было невозможно отказаться. Посмотрев наверх и вяло удивившись, как быстро стемнело – только что ведь обед был? – я ступила на мощеную мостовую...

Нет ничего. Только звездное небо над головой и бесконечное серое поле. И музыка, сводящая с ума, забирающая всего тебя без остатка, кладущая мир к твоим ногам. Дарящая свободу. От тянущих на дно воспоминаний, от страхов, от раздирающих душу чувств. От всего.

«Я не танцую», – с удивлением слышу я в голове собственный голос.

Я танцую. Забыв обо всем, о важном и сиюминутном, о дорогом и отравляющем душу. Неужели хоть кто-то не танцует? Когда музыка – единственное, что дарит тебе жизнь, единственное, отчего тебе становится хорошо, как человеку, что всю жизнь задышался – и вдруг вдохнул полной грудью. Как приговоренному, который узнал, что смерти не существует.

Больше никаких бед. Никаких страданий. Нужно только раствориться в барабанном ритме. Я смеюсь и протягиваю руки к небу. Тонко звенят стеклянные колосья на ветру, и я глажу их, оставляя бордовые следы на пшенице. Вторит зеркальный колокольчик. Я нежно касаюсь его, но лепесток все равно остается у меня в руке впивающимся в ладонь осколком.

С удивлением глядя на красные капли, я подношу пальцы к лицу – и падаю...

Больно. Первая мысль, возникшая, когда туман в голове отступил.

А еще очень-очень стыдно. И за пляски под луной, и за глупость. Наверное, каждый хоть раз слышал о музыке фейри, увлекающей человеческих путников под холм. Но никто не ожидает, что она коснется своей магией лично его. Могла бы понять. С моими-то «слабыми нарушениями восприятия ментальной магии».

Рухнув посреди стеклянного поля, я боялась пошевелиться. Словно в ответ зеркальная ромашка насмешливо забренчала, сгибаясь под ветром. Ладони все были в крови; ноги иссечены местной травой – куда там осоке с асфodelевых лугов! На миг я пожалела, что не в Аду: там порезы можно было залечить. Здесь я страшилась посмотреть на свои ступни. Но храбро подняла превратившиеся в живописные лохмотья джинсы. Один из оставленных местной травой следов перечеркивал лавандовую веточку пополам, однако обезболивающее заклинание все равно подействовало. Спасибо тебе, Фабио. Избавившись от ноющей боли, мозг вернул себе способность мыслить. Следующий шаг – телефон. Который ни на что не отзывался. Разрядился и превратился в бесполезный кусок пластика. Что наводило на мысли, сколько я здесь пробыла... Ладно, это я еще успею обдумать. Оставалось заклинание переноса, зашитое в татуировку на спине. В кои-то веки я готова была согласиться, что в них есть смысл, и была благодарна Лукасу за то, что он вынудил меня ее сделать.

Нет. Я отдернула руку от шеи.

Я ее не использую.

Что нам дано? Проход в подпространство, открывшийся из ресторана, куда кто-то заставил приехать победителя игры.

«Либо мы ищем труп», – вспомнила я слова Мартина.

Музыка, бывшая бóльшим, чем набором нот. Вот что меня насторожило. Никогда не была фанатом танцев. Чтобы вытащить меня танцевать, потребовался бы как минимум Диз. Но если в клубе я хотела к ней присоединиться... Подавление воли – стопроцентно. Критического мышления – вполне вероятно, иначе я удивилась бы возникшей прямо под моей ладонью дверной ручке в ресторане. Музыка не заставила бы сделать то, на что ты никогда не решился бы, но могла избавить в нужный момент от сомнений.

«Даже если он все осознал и захотел выйти из игры, у него не было выбора».

Если я воспользуюсь телепортом, я смогу сюда вернуться? Вряд ли. Проход в ресторане не должен был быть постоянным – слишком велик риск, что кто-то заметит. Нам повезло, что меня зацепили его отголоски. А без него

не узнать, где на Границе находится этот холм. Что случилось с Тимом и другими победителями. Кто и зачем раз за разом повторяет Игру.

С трудом я поднялась на ноги. Попробовала переступить и охнула, чуть не повалившись обратно. А вот и пределы заклинания. «Ты будешь ступать как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить».

«Вытерпишь все это?» – спрашивала ведьма русалочку.

Придется. И куда только делись мои кроссовки?

Морщась, попадая на осколки трав, я медленно шла по полю. Я была не на Земле: за последний год я хорошо выучила карту неба, но эти звезды были мне незнакомы. И не в Аду: я не чувствовала того мертвого жара. Выходит, Граница. Карман между миров. И, как у каждого подпространства, у него должен существовать предел.

Спусти какое-то время поле закончилось и вывело меня к старой мощеной дороге, белой лентой тянувшейся между холмов. По такой сюда попала я, ступив на мостовую у ресторана. Могла бы вспомнить, что в реальности там лежит совсем иная плитка... Перестав себя корить, я столкнулась с более насущной проблемой. Вверх или вниз? Не угадать. Я решила довериться удаче. Что ж, Элли. Вперед по дороге из желтых кирпичей – пусть в твоём случае их и заменяют древние камни.

Я была готова сдаться и лечь прямо посреди пути, когда поняла, что дорогу резко сменил деревянный интерьер. Свернутое подпространство. Я встречала такое в башне Абигора и в библиотеке. Интересно: насколько по сравнению с ними этот холм был разумен? Оставляя красные разводы за собой, я из последних сил дотянула до кресла и позволила себе упасть в него. И только после этого осмотрелась. Дубовые панели и зеркала – совсем как в ресторане, только здесь они выглядели, будто сошли с картин Дали. Немыслимо искривленные, нарастающие друг на друга и переплетающиеся, отчего дом походил на внутренности огромного дерева. Из витражных окон на пол падали разноцветные блики – а ведь снаружи царила ночь. В камине мирно потрескивал огонь. А на шкуре неизвестного мне животного сидел ребенок, круглыми от страха глазами рассматривавший меня. Мы обе замерли. Девочка опомнилась раньше меня и спрятала за спину старенькую «Нинтендо».

– Мама не разрешает мне играть в человечьи игры, – сообщило дитя, пока я в ошеломлении разглядывала растущие у нее из макушки оленьи рожки.

– Я ей не скажу.

Оставалось только надеяться, что ее мать отошла. Вряд ли она обрадуется истекающей кровью чужачке у себя дома. Удовлетворившись обещанием, ребенок отложил в сторону консоль и поднялся на колени. Длинная бархатная юбка задралась, открывая украшенные копытами ступни.

– Ты работаешь на поверхности?

Видимо, если предположить, что внутренности холмов располагались под землей, «на поверхности» должно было означать мир людей.

– Типа того.

Положив голову набок, девочка внимательно посмотрела на меня.

– Нет, – вывел звонкий ангельский голосок. – Я тебя раньше не видела.

Только бы это никто не услышал.

– А я вижу всех, кто ходит на поверхность. Моя мама работает на вратах. Но ты отсюда... Зачем ты врешь? – обиженно надулось дитяtko.

– Ладно, – согласилась я, наклоняясь к ней. – Я не работаю на поверхности. Я здесь по очень важному делу. Но нельзя, чтобы кто-то об этом узнал. Это секрет, понимаешь?

Лицо ребенка осветилось восторгом.

– Ты – пропавшая принцесса, вернувшаяся, чтобы свергнуть тирана! Я знала, я знала, что ты придешь!

Угу, одну минуту, только Эскалибур из камня заберу и всех свергну. А к этому мы как пришли?! Насколько я помнила, у меня не было металлических конечностей, и ни на какую из умерших королев я тоже не походила.

Впрочем, я была готова согласиться на любые детские фантазии, лишь бы она не стала звать взрослых.

– Теперь ты понимаешь, почему никому нельзя говорить, что я здесь? – шепотом спросила я. – Даже маме.

Девочка с энтузиазмом закивала.

– Ой! – испуганно спохватилась она. – Мама запрещает называть его тираном! Если кто-то услышит, он нас всех убьет.

Я устало вздохнула. Святая простота...

– Я никому не скажу, – пришлось повторить.

Этого оказалось достаточно, чтобы девочка опять засияла от счастья.

– Я ведь тебе ничего не предложила!

Взметнувшись маленьким ураганчиком с ковра, она села в кресло напротив и позвонила в серебряный колокольчик. Степенно расправила несовременные юбки и выпрямила спину.

Ждать не пришлось. Не успела я собраться с силами и придумать, куда деться, как дверь за моей спиной распахнулась. Увидев фрак, я было подумала, что она позвала дворецкого, но ошиблась. Вошедший человек вряд ли был до попадания в холм кем-то большим, чем бездомным. Спутанная борода неопрятно свисала на накрахмаленную сорочку. Два пальца на руке, которой он держал поднос, были обрублены и гноились. Правая щека была в струпьях, нижнюю губу неизвестная болезнь заставила почернеть и набухнуть вдвое больше верхней. И вонь. Несмотря на чистую, хоть и странно залатанную одежду, находиться рядом с ним было тяжко.

– Предложите нашей гостье угощение, – манерно растягивая гласные, произнесла девочка. Явно повторяла за кем-то из взрослых.

Ничем не показывая, что понял, бездомный механически повернулся и поставил пустой поднос на стол. Положил на него свою руку. Достал нож. Взмах, и два пальца покатались по серебру.

– Мама говорит, что надо экономить, – со вздохом признала девочка, пропустив мимо ушей мой испуганный вскрик, – но гостеприимство – это святое.

Воспитания надолго не хватило: только мужчина отошел, все так же путающе безмолвно, как она подхватила юбки и поскакала к столу. Схватила указательный и сунула себе за щеку.

– А ты чего не берешь? – с неподдельным удивлением спросила она, похрустывая... я не желала знать чем.

Я должна была догадаться. Как только поняла, что вижу человека. Что мог обычный делать в холме?

– Не хочу.

– Не любишь мясо? – расстроилось дитя и тут же воодушевилось. – Я тоже! Самое вкусное – это глаза! Но мама не разрешает их брать, потому что тогда он станет бесполезен и придется заводить нового. Но ведь желание гостя – закон. А ты со мной поделишься, правда?

– Нет.

Вот чем объяснялись странные прорехи на фраке... Этот мужчина был у гостеприимных хозяев не первым. Я с удивлением поняла, что стою, сжимая пальцы вокруг обитой цветным ситцем спинки кресла.

– Не поделишься? – расстроилось это существо.

– Не хочу.

Шаг – и я окажусь у выхода. Трусливо, да. Его можно спасти. За исключением четырех пальцев он был цел – пока. Я могла придумать, как вытащить его. Сбросить с него ментал, вылечить... Но я этого не сделала. Разум затмил липкий страх. И отвращение, накатывавшее каждый раз, когда перед глазами снова вставали лежащие на подносе пальцы. Пожирающие людей фейри – это оказалось слишком для и без того насыщенных последних дней. Еще одна секунда в этом помещении – и я была уверена, что сойду с ума.

К счастью, холм понял мое желание.

За дверью оказался не такой же старомодный коридор, а пустой двор в самый разгар зимы. Белые хлопья падали, укрывая брусчатку пушистым ковром. Борясь с тошнотой, я зачерпнула пригоршню снега, но в последний момент отдернула руку ото рта. Нельзя ни есть, ни пить в холмах фейри, если хочешь вернуться. Суеверие или нет – я не планировала это проверять. Растерев снегом лицо, я воспользовалась передышкой и задумалась.

Куда я хотела попасть? Вернуться, пока мужчина еще жив? Или... Как ни противно осознавать, одна жизнь была сейчас ценнее другой. Мужчина не выведет на организаторов Игры. Мне надо было найти Тима. Только я сомневалась, что аборигены любезно укажут мне дорогу.

Но существовал иной путь. Музыка. Я все еще чувствовала ее зов – ласковым прикосновением ветра к щеке, эхом в каменном колодце. Мелодия сменилась. Теперь она стонала от одиночества, металась в ожидании, пока кто-то не придет... Куда?

Насколько мне удавалось судить по опыту, мои «малые нарушения восприятия» ментала имели две стороны. С одной, я слишком легко попадала под воздействие. Но в то же время начинала осознавать себя быстрее, чем воздействовавшие рассчитывали.

Что, если пойти за ней? Перестать сопротивляться, но постараться не раствориться? Главное – вовремя остановиться. Хотелось бы надеяться, что я смогу... И я позволила музыке себя вести.

Через сад зеркальных роз к морскому побережью и старому замку. Через заросший диким виноградом особняк и лес с вековыми дубами. Одни места тянулись на километры, другие мелькали утренним сном. И все они были пусты. Магия словно намеренно прокладывала путь так, чтобы меня никто не увидел.

С каждым шагом музыка звучала не только громче, но и требовательнее. Невзирая на усталость, я чуть не сорвалась на бег. Прийти к цели стало такой же необходимостью, как дышать – хотя последнее казалось уже блажью. Зачем тебе воздух? Ведь...

«В костях твоих заплетутся корни...»

Чем ближе я подходила, тем отчетливее слышала слова. Не песни – для нее здесь не было рифмы. И ритм. Рваный, дерганный, он не ложился на мелодию. Скорее, это походило на заклинание.

«Плоть твоя станет моей плотью...»

Я спускалась по узкой лесенке, проложенной по стенам колодца. Вниз, ниже и еще ниже, до самого дна, чернильно блестящего в глубине.

«Кровью твоей нальются плоды...»

Последняя ступенька – и вместо дна я оказалась на вершине башни. Чуть не споткнулась о странный паркет: не паркет – корни, отшлифованные временем. И пол, и стены в этой комнате были частью дерева, растущего в центре помещения. Огромного, исполинского, касающегося своей кроной витражного купола. А у его корней... Я вскрикнула и почувствовала, как отступает царившая в этом месте магия. Чем дольше я смотрела на изломанное тело, тем тише становилась музыка.

Он действительно был совсем мальчишкой. Глупым, поддавшимся искушению мальчишкой. О чем он мечтал так сильно, что пришел сюда?

Теперь это желание все равно не исполнится.

В таком же положении мы нашли тогда вампира. В груди – кол. Один из корней пробил легкое и теперь оплетал его ребра. Кончик другого высывался из глазницы.

Самое ужасное, что Тим все еще был жив.

Он дышал. Хрипло и рвано, но я видела, как поднимается и опускается грудная клетка. Рука его дернулась, когда еще один корень пробил ладонь насквозь.

Твою мать.

– Это какая-то извращенная карма, что ли? – спросила я у потолка.

Удивительно, но никто не ответил.

Теперь все становилось понятно. Зачем была нужна Игра. Куда девались победители.

Каждый холм, каждое подпространство строится вокруг сердца. Источника силы. Им были для ГООУ двадцать студентов, каждое столетие ложившиеся на алтарь. Его искали организаторы Игры. Потому столько заданий на иллюзии и телепортацию, умения детей Воздуха. Из гени им лучше всего владели те, кто были ближе к ним, ближе к природе Границы. Потому задания, требующие таких сил: магии жертвы должно хватить до следующей игры. Все как в ГООУ. Только там я никого не сумела спасти. Здесь у меня был шанс.

Ты на это намекаешь, мироздание?

Я упала на колени возле тела. Думай, Наташа, думай...

Первым делом я схватилась за телефон. Вряд ли получится, но... Зарядить магией электронику при необходимости умел почти каждый студент в ГООУ. Никогда ведь не знаешь, вдруг батарейка у ноутбука кончится раньше, чем лекция. Я от таких манипуляций старалась держаться подальше. Слишком тонко. Слишком сложно. После первой попытки ожидаемо запахло горелой пластмассой. Ничего. Лучше, чем сладкий запах крови и яблок, которым пропиталась комната. Для второй я преодолела брезгливость и запустила руку в карман Тима. Хвала всему, что существует в мирах: сотовый оказался на месте. Сосредоточься, Наташа... Сработало! Спустя пару минут упрямая батарейка показала десять процентов. Надеюсь, этого будет достаточно. На большее меня не хватило. Обезболивающее заклинание, питавшееся все равно мной, борьба за то, чтобы не потерять себя в этих напевах... Мои силы были на пределе.

– Да, – коротко ответил Диз на звонок.

– Это я.

Молчание было мне ответом. Никаких «Где ты была? Что с тобой?», никакого «Заткнись и слушай», которым пришлось бы его перебить. Еще одна причина, по которой я его так любила.

– Я где-то на Границе. Сможешь отследить звонок?

Маячок не работает на Границе – здесь нет понятия географических координат. А Диз, в конце концов, писал диплом по навигации в искаженных подпространствах. Снова никаких вопросов и возражений. На заднем плане Диз потребовал чей-то компьютер. Отлично.

– Надеюсь, заряда хватит. Сейчас у меня... – я на секунду отняла трубку от уха. – Восемь процентов.

– Призови меня.

– Нет. Ты нужен мне там.

В офисе «Хантерс», с ноутбуком и подключением к сети. Кто иначе найдет это место?

– Тогда выбирайся оттуда.

– Нет, – поспешила я отказаться.

Не предлагай, Диз. А то ведь соглашусь.

– Почему?

– Я не одна.

А нарисованного Фабио компаса не хватит на двоих. Но если у меня был хоть какой-то минимальный шанс выжить, пока Диз не сообщит координаты Мартину (кого ты пытаешься обмануть, Наташа?), то у Тима – ни одного.

По какому принципу Фабио создавал свои татуировки? Как и все артефакты. В основе любой ритуальной магии лежали сила и знак, связанные воедино. Осталось только придумать, как их перенести. Будь это кулон или кольцо, достаточно было бы надеть их на Тима. Но как передать татуировку?

С другой стороны, я сумела призвать в свое время демона, имея вместо точно вычерченной сигиллы проведенный подошвой на земле круг. Потому что ритуалы были вторичны. Они приходили на помощь, когда не

хватало собственной силы. В иных случаях магия пробивалась сквозь любые традиции и условности.

Я никогда не телепортировалась дальше, чем на пару сотен метров. Тем более через Границу. Тем более почти пустой. Мне не хватило бы Огня отправить Тима или вернуться самой. Но то, что я задумала, должно было получиться.

Здрав на Тиме футболку и обнаружив относительно свободное от корней место, я положила на него ладонь. Давай, Наташа, ты сможешь. Помнишь, что говорил мастер Йенсен на твоём первом в жизни занятии по магии? Все, что тебе нужно, – это образ у тебя в голове. Просто представь. Вообрази, что знак проявляется не на твоей коже, а на его. Одна линия за другой...

Татуировку приходилось вырывать с мясом. Запах паленой уже не пластмассы, а кожи заглушал все остальные. Я всхлипнула от пульсирующей боли в загривке: она пробивалась даже сквозь лавандовое онемение.

– Это какой-то холм, – поспешила я проговорить в трубку, чтобы отвлечься. – Они используют выигравших, чтобы питать его. Харви, теперь Тим...

С каждой секундой магический круг, который скрывал компас, становился все четче. Чужая, скованная знаком сила заструилась по венам, электричеством колола пальцы, лежавшие на его ребрах. Утекала в другое тело.

– Я не знаю, как сработает заклинание, – мне было известно, что оно должно перенести в офис «Хантерс», но куда и что именно перенесется, если тело удерживают корни дерева, я не представляла. – Но предупреди, чтобы кто-то из медиков был готов. Я постараюсь выбраться...

В телефоне раздался смешок. Да, я оценивала свои шансы так же высоко. Но он хотя бы не стал отговаривать...

– Диз? – окликнула я его. – Я так тебе и не ответила.

Тогда, в спальне. Когда никто не тянул его за язык и ему не было резона врать...

– Я люблю тебя.

– Если, чтобы ты это сказала, тебе надо оказаться в смертельной опасности, я предпочту остаться без признаний, – он вздохнул. – Постарайся продержаться хотя бы десять минут.

Несмотря на боль, я улыбнулась.

– Попробую.

Я не испытывала особых иллюзий. Десять минут? Шутите? И все же, когда в зале я осталась одна, а первые из раскрашенных стекол упали вниз, я подорвалась с места.

Конечно, холм не разрушится после исчезновения сердца моментально. Слишком долго он простоял, чтобы рассыпаться в одночасье. В этом был плюс: больше шансов найти выход. Но в этом заключалась и опасность: у кого-то будет больше времени, чтобы понять, что случилось и кто в этом повинен. Остаться здесь было опасно. И бессмысленно – выход из холма не в этой башне. Нужно его найти. И лучше поскорее, пока из умирающего подпространства возможно выйти и никто не подумал, что Наташа сгодится на роль следующей жертвы.

Не верьте советам постараться слиться с толпой, чтобы не привлечь внимание. Может, где-то на улице это сработает, но не в закрытом коллективе. Если жителей так мало, что даже девочка знала всех в лицо – как ни пытайся сойти за своего, сразу заметят. Значит, бежать.

По ступенькам вверх, пока в каменном колодце наконец не забрезжит свет. По узким дубовым коридорам, похожим на изрытые древоточцем ходы. По стеклянным галереям, держащимся только за счет оплетающих их лиан. По обжигающе холодному снегу.

Холм походил на лоскутное одеяло из никак не скрепленных ландшафтов. Каменная зала с рыцарскими доспехами и заброшенный подъезд, берег, в песчаных дюнах которого вязнут ноги, и кривые улочки средневекового города. Где-то жители от удивления расступались, увидев бегущую им навстречу меня, где-то окликали. Где-то никого не было.

Дыхания не хватало, в глазах давно темнело от боли и усталости. Остановившись на секунду, я ударила костяшками по растворяющейся в воздухе деревянной стене.

– Да где у тебя выход, чертово ты...

Давай. Покажи мне. Что это? Неприметная дверь, как возле кабинета ректора в ГООУ? Пещера в чаще? Арка из зеленого мрамора? Подскажи мне.

Но музыка затихла. Теперь я могла разве что положиться на удачу.

Жаль, она меня никогда не любила.

– Эй!

Услышав окрик, я взяла старт. Метнулась за поворот, сталкиваясь с кем-то, и этот кто-то кубарем полетел на пол. Мозг с удивлением опознал в опрокинутой девушке баристу из «*Happy Place*», а ноги уже бежали дальше.

Пока на пути у меня не встал мужчина. Спокойно вытянув вперед руку, он щелкнул пальцами, и я замерла, понимая, что не могу пошевелиться. Одна нога зависла в воздухе. Прекрати заклинание свое действие – и я рухну, не удержавшись.

– Похоже, у нас незваная гостья, – любясь творением рук своих, он обошел меня по кругу.

Странная сила. Я попыталась сбросить чужую магию, но не сумела. Что-то оплело мои руки и ноги, что-то чуждое и старое, как это королевство под землей. Я могла только смотреть в ответ. Невысокий. Очень тонкий. Красивый и уродливый одновременно: слишком прозрачная кожа, слишком большие глаза, слишком острые скулы. Как женщина с портрета на Бриеннерштрассе. Они были очень похожи этой незнакомой, нечеловеческой красотой. И не только ей. С ужасом я поняла, что, если бы не цвет волос, напоминавший потускневшее от старости золото, они казались бы близнецами.

Оставалось только надеяться, что прапрабабушка не глядела на людей с такой безразличностью.

– Одна из игроков. Зачем ты вмешалась? Мечтала выиграть вместо него?

В ноздри ударил запах крови и яблок.

– Нет. Потому что нельзя, – мне пришлось перевести дыхание. Сладкий аромат не помогал, вызывая тошноту. – Жить... На чужих костях.

Не только выигравших. Всех тех людей, что музыка заманила под холм. Внезапно лицо мужчины подернулось трещинами, к запаху яблок примешалась гниль. В одно мгновение он постарел лет на десять, и я вспомнила, кем были нумены. Живым сердцем. Яблоней посреди холма. Самым холмом. Не *genii loci* – места нуменов не существовали в человеческом мире. И еще не боги. Но всемогущие создатели внутри собственной реальности.

Если только не отобрать тело, питающее эту реальность.

Без корма холм умирал. Дерево засыхало, и мужчина погибнет вместе с ним. Если не найдет кого-то на роль Тима.

– Надеюсь, оно того стоило, – мужчина протянул руку кому-то, вставшему у меня за спиной. Чьи-то смуглые пальцы вложили в нее украшенный сгиллами кол.

Признайся, Наташа: ты понимала, что этим все и закончится.

Я все чувствовала. Дыру у себя в груди. Хруст, с которым ломается под очередным корнем кость. Боль, непрекращающаяся, заходящая за все возможные в этом мире пределы... Если бы могла, свернулась бы в комочек в попытках спрятаться от нее, но корни оплели крепко.

Иногда она отступала, и я чувствовала себя деревом. Ощущала гуляющий в моей кроне ветер. Распускающиеся по лепестку цветы, источающие медово-сладкий аромат. Бегущую по стволу и стекающую к корням кровь.

«Кровью твоей нальются плоды...»

Наверное, это было безумие. Никто не может испытывать такую боль и остаться в своем уме.

Шелест листвы нежно убаюкивал. Обманывал фальшивым обещанием спокойствия. Спи, Наташа. Сомкни глаза. И боль уйдет. А когда ты проснешься...

У деревьев не бывает имен.

Я все слышала. Они появились из ниоткуда и принесли с собой ветер и аромат других цветов.

– Интересная схема, – шаги чужака не были заметны, пока он не подошел вплотную. – С телом в таком состоянии она уже давно должна была стать вампиром. Но кол не дает ей умереть, – пальцы прошлись осторожно по рунам. – Медленно убивает, но поддерживает в ее теле подобие жизни, чтобы выкачивать магию по капле... Хотел бы я посмотреть, кто это придумал.

– Это твоя девушка, между прочим, – отозвался женский голос. – Как ты можешь быть таким хладнокровным?

– Если я не буду хладнокровен, это ей чем-то поможет?

Рука сомкнулась на осине, готовясь вытащить ее.

– Нет!

– Почему? – отпустив деревяшку, чужак поднялся на ноги. – Если вытащить кол, трансформация начнется в течение минуты. Если не трогать, будет длиться годами. Возможно, я не прав, но первое кажется мне более милосердным.

– Она станет вампиром.

– Я не страдаю предрассудками. Ей, конечно, не понравится, она привязана к своим родным. Но она смирится. Ее не спасти, – в голосе чужака прорезалось сожаление. Все-таки не настолько хладнокровный. – Ты видишь, что с ней стало. Если только у тебя не припрятано в кармане какое-нибудь божественное чудо, а, насколько я помню, целительство никогда не было твоей стезей. Ты предпочитала насыпать чуму, а не лечить... – он резко втянул воздух. – Все-таки припрятано. Что, ради всего святого, в ней такого, что ты готова просить о помощи его?

– Тебе какая разница? – огрызнулась женщина.

– Ты сама сказала: это моя девушка.

Дерево расправило корни, стремясь подобраться к его собеседнице. От нее пахло силой. Выпить бы ее...

– Я поклялась Рудольфу, что заберу его детей. Но он взял с меня слово, что я присмотрю за ними, пока они не научатся стоять за себя.

– Тебе не кажется, что ты как-то часто стала раздавать обещания?

Звук удара вознесся к потолку эхом. В воздухе снова разлился запах крови – и серебристой полыни.

– Знай свое место. И не говори о том, чего не понимаешь.

Кровь бодрой каплей закапала, брызгами разбиваясь о корни. Чужая. Полная магии. Не такая сильная, как у той, что ударила, но... Мужчина отряхнул пальцы, орошая ей землю вокруг дерева.

– В таком случае зачем я здесь?

– Тебе подвластна смерть. Ты можешь ее призвать, а можешь удержать достаточно долго.

– Ты с ума сошла, – выдохнул чужак. – Сколько времени тебе нужно?

Он снова опустился на колени. Пальцы нежно прошлись по волосам, прежде чем он схватился за кол, готовясь его вытащить.

– Это будет больно, – предупредил он.

– Я умерла?

Берег реки весь был усеян белыми окатышами – как в прошлую нашу встречу. Устроившись на поваленном дереве у воды, Диана смотрела на течение. Шорты на этот раз заменили джинсы, у ног ее лежал походный рюкзак.

– Почему?

– Потому что иначе мы бы разговаривали в реальном мире.

Богиня хрипло рассмеялась.

– Здесь ты споришь меньше.

– Неправ... – я поспешила умолкнуть. Меньше так меньше. Как скажете. – Если я не мертва...

Я вспомнила разговор. Чудо, значит. Интересно, что я за него буду Диане должна? Моя жизнь и так принадлежит ей. Моя магия – эхо ее силы. Диана скрывала ее, живя среди обычных. Иначе я сразу бы заметила сходство. Только в холме удалось почуять...

– Ничего, – получила я ответ. – Это мой долг.

Тому, другому. Прекрасному и пугающему, пропахшему южной ночью и лавровым листом. Похоже, иногда сталкинг приносит плоды. Или не только сталкинг... Аполлон не был замешан в Игре, но сейчас, оглядываясь назад, я не могла не удивиться: почему вход в холм из того ресторана в Зендлинге оказался открыт? Временный портал должен был схлопнуться после того, как через него прошел Тим. К тому моменту, как мы с Мартином приехали, от него не осталось бы и следа. Но он был. Ждал меня. И я отчетливо помнила запах лавра, на который под воздействием музыки не обратила внимания.

Называйте это паранойей, если хотите. Диана кивнула. Паранойя? Или это было молчаливое «Знаю»? Поднявшись с бревна, она закинула рюкзак на плечо, и отчего-то мне показалось, что это прощание.

– Кем все-таки был Рудольф?

Главный вопрос. Ради него я приехала в Мюнхен. Но он менял свое значение. Я хотела узнать про свою семью, однако взгляда на нумена хватило, чтобы понять: мне это не надо. У меня уже есть семья. Родители, кузины и кузены, даже не любившая меня тетя Валя... Диз. Никакие тайны прошлого не имеют к ней отношения.

Теперь мне было важно узнать про себя.

– Одним из первых. Кто позвал меня. Кто придумал все это, потому что осознал, что в одиночку ничего не изменит. Кто понял, что ненависть и принуждение никого не спасут.

Не из-за этого ли ему пришлось бежать? Кровавые буки шумели, несмотря на отсутствие ветра. Ди грустно улыбнулась – так вспоминают давно ушедшего друга, – и я впервые обратила внимание, насколько по сравнению с другими богами она была человечна.

– К сожалению, я это поняла позже.

Первое, что я увидела, очнувшись, – белый потолок. Слишком свежий, чтобы находиться в холме. Повернула голову: заваленная книжками, проводами и тубиками тумбочка, стул с одеждой... Моя комната в «Хантерс». Я рывком села на кровати. Давно я здесь?

Удивительно, но ничего не болело. Даже противоестественно, учитывая последнее, что я помнила. Я оттянула ворот пижамной футболки: там, где должна была зиять дыра от осинового кола, не было ничего, кроме не тронутой солнцем кожи. Как не было и сломанной руки, пробитой насквозь в локте.

Магия.

Нет, больше. Чудо. Так принято называть божественное вмешательство. Лавр и солнечный свет, которыми пропахла моя футболка, прозрачно намекали, кого благодарить.

От двери в ванную раздался смешок, намекавший, что я решила замереть в весьма неоднозначной позе.

– В последнее время я напоминаю себе Гарри Поттера, – пожаловалась я, выпутываясь из футболки. – Что бы я ни делала, к концу книги все равно оказываюсь в больничном крыле.

– Ты прикладываешь к этому все усилия.

Голос Диза звучал спокойно, но напряжение чувствовалось. В линии плеч, в том, как он замер на противоположном конце комнаты.

Он преуменьшал. Это было не просто больно. Это было адски больно, невозможно больно, вся агония до того не могла сравниться с мгновением, когда наконец умираешь. Волею одного-единственного демона растянутым на долгие минуты.

Теперь я понимала, почему смертей не любили. Ладно, кто-то может убить тебя в любой момент. Это... Это было хуже.

Но это спасло меня. Я была собой. Не каким-то чертовым деревом, не вампиром... Наташей. Верно?

Что-то было не так. Привычно потянувшись к Огню, я нашла его. Но пурпур и золото, влажный после дождя мох – они пропали. Я жадно втянула воздух. Я не чувствовала драконьего ихра, не видела притаившейся за левым плечом тени. Не ощущала действия блокатора. Магия осталась, даже чертова гиперсенситивность, однако впервые я не ощущала в ней странной неправильности. Только чистое, живое пламя. Я вытянула вперед запястья. Шрамы остались – пустыми отметинами, воспоминанием. Но отравлявшее кровь золото...

– Ты в порядке?

– Да. Наверное.

Я не знала. Как это воспринимать? Прощальный подарок? От нее или от ее брата? Я ведь сыграла ему на руку. Или... Не подарок. Следующий аргумент в нашем диалоге, начатом возле комнаты Лукаса. Я вспомнила пустой коридор и размазанные по щекам слезы.

«Это не добровольность!»

Теперь это она. Ты свободна, Наташа. Что ты сделаешь дальше?

Все еще не веря, что тело меня послушается, я слезла с кровати. Сделала несколько осторожных шагов. Вцепилась в его рубашку, вдыхая запах нарциссов и перца. Привычный. Успокаивающий.

– Я думала, больше тебя не увижу.

Диз усмехнулся мне в затылок.

– Это ты мне говоришь? Пожалуйста, в следующий раз, когда решишь пропасть без вести, постарайся вернуться без новых дырок в теле. Хотя бы без тех, которые несовместимы с жизнью.

С остальными, значит, можно? Я не стала спорить.

– Постараюсь. Сколько?..

Он понял без слов.

– Три дня с тех пор, как ты исчезла на глазах у Мартина. Шесть часов после того, как тебя нашли.

Я кивнула. Шесть часов... О черт!

Прервав объятия, я кубарем слетела с кровати. Джинсы, мне нужны джинсы! Схватив рубашку – как выяснилось, не мою, – натянула ее через голову. Влезла в кроссовки, не завязывая шнурки, бросилась к выходу. Шесть часов, пока я была без сознания. Слишком долго... Только бы не было поздно.

Кабинет Дианы пустовал. Ни боксов из китайского ресторана с соседней улицы, ни грязных бокалов. Ни Мартина с самой богиней. Потоптавшись на пороге и рассмотрев групповое фото на столе (здравствуй, прапрадедушка. Ну ты и наворотил дел), я поняла, что сегодня меня здесь никто не встретит. Предчувствие не обмануло.

Мартин был на месте, в стеклянном кубике посреди опустевшего полевого отдела. Закусив незажженную сигарету, печатал что-то со скоростью сто тысяч знаков в секунду.

– Что? – спросил он, не отрывая глаз от экрана. Не дождавшись ответа, все-таки поднял взгляд и нахмурился. – Я предупредил *HR*, что у тебя сегодня отгул. Хочешь продлить отдых – в *HR*, хочешь уволиться – в *HR*.

– Вы их убили?

Вынув изо рта сигарету, начальник сунул ее в одну из грязных кружек.

– Кого? По именам, пожалуйста.

– Жителей холма. Вы...

Охотник. Тот, кто борется с магами. С фейри. Со всеми, кто нарушит Договор. А нарушений, учитывая похищенных людей, там хватало.

– Жить в холмах не противозаконно, как бы мы ни мечтали от них избавиться. Что противозаконно, ты сама знаешь. По результатам расследования все, кто организовывал Игру, будут осуждены соответственно их преступлениям. Один из них – уже, если тебя настолько волнует их поголовье. Убивать моих сотрудников – тоже нарушение Договора, знаешь ли.

Выходит, того нумена больше не было. Умер вместе с холмом – или сотрудники «Хантерс» помогли, ускорив процесс. И поделом ему. В голову пришла нелепая мысль, намекая, что состояние мое все-таки недалеко ушло от истерики. А ведь я, похоже, кого-то все-таки свергла...

– Теперь, если у тебя больше нет вопросов, мне нужно где-то разместить пятьсот ваших, проследить, чтобы они не разбежались, и обеспечить всем необходимым. Даже если сотню из них я могу отдать в ГООУ, я занят.

Тон оставался ровным, но я достаточно выучила Мартина, чтобы понять: в таком раздражении я его еще не видела. Даже в первый день. Даже когда чуть не лишила его любимого племянника.

– Где Ди?

– Не знаю. В последний раз, когда она встречалась со своим братом, она пропала лет на двадцать, так что я бы на нее не рассчитывал. Всё? – поднял он на меня голос. – Хочешь помочь? Иди проспись и возвращайся утром. Решила наконец, что это слишком для твоей тонкой душевной организации? Подавай в *HR* заявление и проваливай. Сейчас я занят.

– Что ты ему ответила? – поинтересовался Диз, ожидавший меня в коридоре.

Ну да, куда еще я могла убежать? Только к Диане и, в ее отсутствие, к Мартину. Диз правильно все рассчитал и вместо того, чтобы бежать за мной, проделал тот же путь в удобном темпе. Ничего не потерял.

– По-моему, теперь Мартин ненавидит меня еще больше, – поделилась я наблюдением.

Я не могла его винить. Без понятия, какие отношения связывали его и Диану, но... Двадцать лет. В следующий раз он мог ее не увидеть.

– Ты уходишь от темы.

Я остановилась. Прислонилась к стене. Да, уйду. Потому что простого ответа не существовало.

– Знаешь, когда я посмотрела твои файлы... Я думала, я их уничтожу. Не файлы. «Хантерс». Так нельзя. Нельзя ломать чужие жизни, как им хочется. Нельзя использовать других, только потому что они не люди. Нельзя убивать за любое прегрешение. Нельзя...

Держать в постоянном страхе, относиться как к врагу только потому, что кто-то родился в иной семье... Я могла продолжать список очень долго.

– Но потом я попала в этот холм. И там была девочка... Ей, наверное, не больше пяти. Она ест человечину. Не потому что она – зло. Просто потому что ее растили так и она считает, будто это нормально.

Если Мартин узнает – сомневаюсь, что с ней все будет в порядке. Поэтому завтра я выйду на работу. И послезавтра. И потом. Этой девочке нужно не наказание. Не смерть, которой она не заслуживает. Ей нужна социализация. Интеграция в нормальный человеческий мир. Но я не была уверена, что кто-то в «Хантерс»

разделяет мою точку зрения и в случае чего защитит ее.

Но еще, глядя на нее, я поняла, что Охотники необходимы.

Потому что иначе она вырастет, не зная ничего о людях, не считая их за равных. И тогда я буду бояться уже за обычных людей. Нет, барьер между миром гени и миром людей нужен. Только...

– Только ты не знаешь, как он должен выглядеть, чтобы никто не ушел обиженным.

Я пожала плечами и попыталась улыбнуться.

– Ну, у меня впереди вечность, чтобы узнать.

И претворить это видение в жизнь.

Если я не убью себя раньше каким-нибудь особо оригинальным и болезненным способом. Вероятность чего я бы оценила в сто процентов.

– Ты понимаешь, что играешь в ее ворота?

Да. Я делала все, чего от меня хотела Диана. Добровольно шла в «Хантерс», сама вставала на линию огня. Вела себя как ее Рудольф? Не знаю, никогда не была с ним знакома.

– Я предпочитаю думать, что вопреки всему это мое собственное решение.

Долг тут ни при чем. Мне плевать, нужна ли Диане свежая кровь, своего рода мостик между гени и людьми, не вписывающийся ни в один из миров. Новое равновесие, потому что из угнетенных ее люди давно превратились в угнетателей. Плевать, какие у нее на меня планы. У меня имелись свои. Это был мой выбор. Я могла поступить иначе. А если не захотела – не приписывайте это в заслуги себе.

– Я тебя разочаровала?

Диз тяжело вздохнул.

– Нет. Этого следовало ожидать. Ты взвалила весь мир себе на плечи задолго до нашего знакомства, с чего тебе отступать теперь?

Удерживать он меня не станет.

– Но почему у тебя такое выражение лица, будто ты опять собираешься меня бросить?

Потому что, вероятно, я не вернусь в ГООУ. Как говорил Макс, зачем Охотникам мой диплом? О моих способностях они всё знали. Магию контролировать я научилась. Вряд ли ГООУ мог дать мне больше навыков, чем непосредственно сотрудники «Хантерс». Тот же Сереш мог при необходимости давать мне уроки один на один. Так зачем меня туда возвращать?

– Получается, это конец.

– Это не конец, – возразил Диз. Вытянул руку, заправил мне за ухо вылезшую прядь. – Два года.

– До чего?

– До тех пор, пока я не закончу магистратуру и «Хантерс» не придется решать, что со мной делать дальше.

Я поняла намек. Если повезет, два года, прежде чем ему предоставят контракт с постоянным носителем и он сможет жить в одном мире со мной. И он готов ждать? Опять эти чертовы отношения на расстоянии. День за днем вдалеке друг от друга, и кто знает, когда мы увидимся. Только теперь это не три месяца. В этот раз будет сложнее. Диз пожал плечами, увидев в моих глазах вопрос.

– Ты сама сказала. Что такое два года, если впереди целая вечность?

Эпилог

Что такое два года?

Это долгие беседы по «скайпу» и короткие, но оттого еще более яркие встречи, когда я появлялась в ГООУ, чтобы экстерном сдать экзамены. Это миллионы сообщений и тысячи писем. Разговоры обо всем и уютное молчание в трубку. Его лекции и вручение дипломов. Бессонные ночи и полные безделья выходные. Работа и воскресные походы в «Икею». Дом на итальянском побережье: черно-белый хай-тек и переливающееся ленивой лазурью Средиземное море. Холодная студия на мюнхенском чердаке, заваленная пледами и разноцветными подушками. «Его» и «мое», все чаще превращающееся в «наше»...

Это недели, когда Диз так занят в их с Линой стартапе, что ни на минуту не может вырваться из Сан-Франциско, и вечера, когда я прихожу из офиса опустошенная и не в состоянии никого видеть. Это миллиарды мелких различий между нами и компромиссов. Это радость и расставания, счастье и боль, ссоры и поцелуи, потери и теплая фланель под щекой.

Это черное кружево татуировки, частично прикрытое браслетом, – сигилла Абигора, навсегда связывающая нас красной нитью договора. Это запах нарциссов и свежесваренного кофе, холодный весенний ветер и нарисованное звездное небо под ладонью.

Это миллионы «Привет», которые со временем заменяют «Ты сейчас где?» и «Сколько у тебя?».

– Пять утра. Я закончил работать полчаса назад, у тебя что-то срочное?

– Гаити, кажется. Ты бы видел, какие здесь сейчас звезды!.. Ну да, ты видел. О, кажется, это Дракон!

– Шилла. Тетя передает тебе привет.

– Сейчас не могу, извини...

– ГООУ. Подожди секунду... До конца экзамена осталось пять минут, кто опоздает, сам виноват. Коул, минус десять баллов за намерение списать. Нечестно? Нечестно было об этом думать. И глупо.

Это «Я тебя люблю», постепенно входящее в обиход. Потому что Диз прав, когда цитирует Аристотеля: «Любить – значит желать кому-нибудь того, что считаешь благом, ради него, а не ради самого себя, и стараться по мере сил доставлять ему эти блага».

Я знаю, что он имеет в виду. Ночь, когда я впервые увидела его второе обличье. Когда он мог пожелать, чтобы я не обернулась. Но посчитал нужным показать мне. Понимая, что, узнав правду, я уйду и больше не вернусь. Потому что так было правильно. Ради меня.

И потому я позволяю себе открыться и сказать, что долго и бессмысленно скрывала: «Я тебя тоже».

Что такое два года?

Это семьсот тридцать дней, плавно переходящие в тысячу восемьсот двадцать шесть – а затем и в три с половиной тысячи...

Часто – в разных странах. Иногда – в разных мирах. Всегда – вместе.

Кто-то назвал бы нас безумцами. Более вежливо настроенные – смельчаками. Нет. Смелость – это Райли. Связать свою жизнь с обычным – вот что требовало храбрости. Выйти замуж за Тоби, осознавая, что он умрет через несколько десятилетий, понимая, что ее дети проживут меньше нее... А я выбрала самый безопасный вариант. Где здесь безумие? В том, что он демон? Так я тоже не человек. А Диз был человечнее многих. В работе по разные стороны баррикад? К этому привыкаешь. В проживании в разных реальностях? С нашими графиками не факт, что удавалось бы видеться хоть раз в сутки, если бы мы жили вместе. Главное, я знаю: Диз всегда рядом. Стоит только попросить.

И, взглянув на высвечивающийся на экране номер, я улыбаюсь, отвечая на звонок:

– Без пятнадцати полдень. Я в офисе; если сейчас придеешь, успеешь сводить меня на ланч. Или я тебя свожу, мне Макс показал новое место...

Примечания

1

Супермаркет (*исп.*).

Posh accent – произношение высших слоев общества в Великобритании, аристократов и выпускников частных школ.

В древнегреческой мифологии – богини судьбы.

«Чудесная возлюбленная». Вид фейри. Выглядит как прекрасная девушка, вдохновляет поэтов и музыкантов. Выпивает их кровь и жизненные силы.

Английская женщина-математик, жившая в XIX веке. Считается первым программистом в мире.

Мужской дорожный сюртук.

Во-первых (*нем.*).

Кампания по охоте на ведьм при дворе Людовика XIV, длившаяся с 1675 по 1682 год.

Четыре крупнейшие в мире компании, предоставляющие аудиторские и консалтинговые услуги.

Персонаж телесериала «Волчонок», девушка, узнавшая, что происходит из семьи охотников на оборотней.

Программа-шпион (*англ.*). Программа, которая скрытно устанавливается на компьютер для сбора информации.

На гэльском языке *fuath* означает «ненависть».

Мобильное приложение для знакомств.

Война между Англией и Францией, длившаяся с 1337 по 1453 г.

Древнеримский трактир.

Большой сосуд, в котором разогревались блюда.

Введение вещества через неповрежденную кожу. Примером такого воздействия являются тактильные яды, отравляющие при контакте с голой кожей.

В древнегреческой мифологии – кровь богов.

Жанна д'Альбре, она же Иоанна III, королева Наварры. Умерла в 1572 г., по слухам, была отравлена Катариной де Медичи, которая прислала ей накануне парфюмированные перчатки.

Яд, которым, по легендам, пользовалась семья Борджиа.

«Больше не одна под простынями». Песня из мюзикла *«Mozart l'Opera Rock»*.

«Счастливое место» (англ.).

Дань мафии за крышевание.

Златовласые фейри из валлийских мифов.

Японский дынный ликер.

В немецком фольклоре – ночной злой дух, насылающий кошмары.

Как правило, небольшой семейный отель с рестораном и несколькими комнатами наверху.

Еда на вынос.

Музыкальная группа.

Менеджер по региональным показателям.

Люди, родившиеся в 1990–2000-х гг.

Программа стажировки (*англ.*).

Undergraduate – студент бакалавриата либо бакалавр. *Graduate* – студент магистратуры либо магистр.

Снижение издержек (*англ.*).

Key Performance Indicators, показатели успеха (*англ.*).

Традиционные неапольские сладости.

Research and Development (англ.), департамент исследований и разработок.

International Student Identity Card, международное удостоверение студента.

Война (*лат.*)

Приставка перед фамилией, в немецком языке указывающая на принадлежность к аристократии.

«Помни о конце» (*лат.*).

С 1795 по 1799 год.

Ильзебилль – персонаж сказки братьев Гримм.

Летний театр на сцене под открытым небом в Мюнхене.

Ежегодный музыкальный фестиваль в Великобритании.

В древнегреческой мифологии – дух (даймон) насильственной смерти, забиравший павших воинов с поля брани и имевший вид крылатой девы с окровавленными губами.

По одной из версий фамилия «Дарте» происходит от слова «смерть» в английском языке.

Магазинные кражи (*англ.*).

Трюк на скейтборде.

Река в Мюнхене.

Высшая мера дисциплинарного наказания в римской армии, казнь каждого десятого по жребию.

Сеть продовольственных магазинов.

Авторы теории поколений.

«С улиц» (*древнегр.*). Одно из имен Аполлона, бога поэзии, музыки, прорицания, врачевания и переселенцев.

Возлюбленный Артемиды. Вревновав, Аполлон обманом заставил свою сестру убить его.

Government Relations – связи с органами государственной власти (*англ.*). В крупных корпорациях – отдел, занимающийся выстраиванием отношений с властями и законодателями.

«Хлеба и зрелищ» (лат.)

Степень магистра делового администрирования.

Наташа цитирует «Русалочку» Г.Х. Андерсена.

Наташа вспоминает «Киберзолушку» Мариссы Мейер.